

Annotation

НЕ ПРИНУЖДАЙ МЕНЯ ОСТАВИТЬ ТЕБЯ И ВОЗВРАТИТЬСЯ ОТ ТЕБЯ.

Лу, Рид, Коко и Ансель бегут из столицы, и их портреты висят на каждом столбе – теперь им уже нигде не спрятаться. Чтобы выжить, им нужны сильные союзники.

КУДА ТЫ ПОЙДЕШЬ, ТУДА И Я ПОЙДУ.

Лу хочет защитить себя и тех, кого любит, от коварных игр Морганы. В своём желании она становится всё более отчаянной – и обращается к тёмной магии. Этот шаг может стоить Риду той единственной потери, которой он не сможет вынести.

И ГДЕ ТЫ БУДЕШЬ ЖИТЬ, ТАМ И Я БУДУ ЖИТЬ.

Но, верный данной Луизе клятве, Рид изучает свою собственную силу и готовится во что бы то ни стало защищать свою любовь.

Они связаны до конца своих дней. Навеки вместе.

И в горе, и в радости.

Пока смерть не разлучит их.

* * *

Шелби Махёрин

Часть I Завтра

Похищенные мгновения

Тревожный знак

Прелестная куколка

Самый разумный план действий

Цвет волос

Клод Деверо

Марионетка

Белые тени

Крест

«Труппа Фортуны»

Пропавший принц

Шаг вперед

Белый узор

Дурак

Капли крови

Первое выступление

Часть 11Алая Смерть и невеста его – Вечный Сон

Любит – не любит

Нежданная встреча

Кровь и мед

Костяной кинжал

Пока один из нас не умрет

Кровавый долг

Волчья охота

Холодное сердце

Убежище

Обещание

Испытание огнем

Ко дну

Уголок диковин мадам Саваж

Планы меняются

Королевский прием

Гордыня – путь к падению

Настоящие рыцари

Змея сбрасывает кожу

Похороны

Нечто новое

Часть 111 Последняя записка

Видение Коко

Nous tombons tous

Потерянный рай

Необходимое зло

Зеркальная могила

La Mascarade des Cranes

Водвос

Конец света

Нечто темное и древнее

Вековое колдовство

Зло ищет опору

Благодарности

notes1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

* * *

Шелби Махёрин

Кровь и мёд

SHELBY MAHURIN

BLOOD & HONEY

Copyright © 2020 by Shelby Mahurin

Jacket art © 2019 by Katt Phatt

Jacket design by Sarah Nichole Kaufman

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Е. Боровлева, карта, 2021

© М. Шмидт, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Посвящается Бо, Джеймсу и Роуз, которых я беззаветно люблю

Часть I

Il n'y a pas plus sourd que celui qui ne veut pas entendre.

Превыше всех глух тот, кто не желает слышать.

- французская пословица

Завтра

Лу

В небе сгустились тучи.

И пусть я не видела их сквозь густые кроны Ля-Форе-де-Ю, не чувствовала пронизывающего ветра, который уже нарастал вокруг нашего лагеря, но все равно знала – близится буря. Деревья покачивались в пасмурных сумерках, звери попрятались в норы. Несколько дней назад мы и сами забились в нору – своего рода лесной овраг, изрытый древесными корнями, которые торчали из земли, будто пальцы. Я ласково прозвала это местечко Ямой. Снаружи все занесло сугробами, но снежинки мгновенно таяли, касаясь защитных чар мадам Лабелль.

Я приладила печной камень над огнем поровнее и с надеждой потыкала бесформенный комок, который лежал сверху. Хлебом это, конечно, назвать было сложно, потому что тесто для него я замесила на воде из одной только измельченной коры, но снова есть кедровые орехи и корни расторопши я не желала. Не желала, и все тут. Полезно порой бывает съесть хоть что-нибудь не настолько пресное – и речь не про дикий лук, который Коко нашла утром. После него у меня изо рта до сих пор несло как из драконьей пасти.

– Я это есть не буду, – сообщил Бо, глядя на сосновый хлеб так, будто тот мог в любой миг отрастить ноги и на него наброситься. Черные волосы принца, обычно уложенные безукоризненно, теперь торчали во все стороны, а смуглое лицо было перемазано в грязи. В Цезарине бархатный костюм Бо смотрелся бы роскошно, но сейчас и он, увы, весь покрылся пятнами.

Я усмехнулась.

– Как скажешь, голодай на здоровье.

– А это... – Ансель подошел поближе, украдкой морща нос.

Глаза у него блестели от голода, волосы растрепались на ветру – жизнь в лесной глуши обошлась с ним немногим ласковей, чем с Бо. И все же я знала, что Ансель со своей оливковой кожей, стройным телосложением, длинными ресницами и искренней улыбкой будет красив всегда. Иного просто не дано.

– Как думаешь, это...

– Съедобно? – встрял Бо, вскинув бровь. – Явно нет.

- Я не это хотел сказать! - Ансель вспыхнул и виновато посмотрел на меня.
- Я имел в виду... вкусно. Как думаешь, это вкусно?

- Тоже нет. - Бо отвернулся и стал копаться в своей сумке. Спустя пару секунд, торжествуя, он выудил горсть луковиц и сунул одну в рот. - Вот чем я сегодня буду ужинать, спасибо.

Я уже открыла рот, чтобы съязвить в ответ, как вдруг рядом, обняв меня за плечи, возник Рид. Его рука была тяжелой, теплой, утешительной. Он поцеловал меня в висок.

- Я уверен, хлеб очень вкусный.

- Вот именно. - Я прижалась к нему, довольная похвалой. - Получится очень вкусный. И к тому же от нас не будет всю ночь разить дерь... то есть луком.
- Я сладко улыбнулась Бо, который застыл, не донеся руку до рта, и хмуро поглядывал то на лук, то на меня. - А тебе еще завтра предстоит вот этим потеть весь день, если не дольше.

Хохотнув, Рид наклонился ниже, чтобы поцеловать меня в плечо, и его мерный, низкий голос коснулся моей кожи.

- Знаешь, здесь неподалеку есть ручей.

Поддавшись порыву, я изогнула шею, и Рид поцеловал меня выше, прямо у подбородка. От прикосновения его губ мое сердце забилось чаще. Бо с отвращением поморщился, увидев прилюдное проявление наших чувств, но я не обратила на него внимания. Рид был так близко, и я наслаждалась этим. С тех самых пор, как я очнулась после Модранита, возможности по-настоящему остаться наедине мы так и не нашли.

- Пожалуй, стоит туда сходить, - проговорила я, прерывисто дыша. Рид, как всегда, отстранился слишком скоро. - Можно взять хлеб с собой и устроить там... пикник.

Мадам Лабелль резко обернулась к нам. Они с Коко сидели в другом углу лагеря среди корней древней ели и хмуро рассматривали клочок пергамента. Пальцы Коко были в пятнах крови и чернил. Она уже успела отправить Ля-Буазен в лагерь крови два послания с просьбой предоставить нам убежище, но ответа так и не получила. Я сомневалась, что еще одно письмо изменит это.

- Ни в коем случае, - сказала мадам Лабелль. - Вам запрещено покидать лагерь. Кроме того, надвигается буря.

«Запрещено». Само звучание этого слова меня рассердило. Мне с трех лет никто ничего не запрещал.

- Позвольте вам напомнить, - продолжала она надменным тоном, вздернув нос, - что лес все еще кишит охотниками, и пусть мы не видели ведьм, они тоже определенно где-то неподалеку. И это не говоря уже о королевских гвардейцах. О смерти Флорина уже наверняка разошлась молва... - Мы с Ридом окаменели в объятиях друг друга, услышав это. - И награды за ваши головы возросли еще больше. Теперь даже простые крестьяне знают ваши лица. Вам

нельзя покидать лагерь, пока мы не составим хоть сколько-нибудь достойный план наступления.

Я подметила, как мадам Лабелль подчеркнула слово «вам» и как выразительно посмотрела на нас с Ридом. Это нам нельзя было уходить из лагеря. Это наши лица висели на каждой стене по всему Сен-Луару – а теперь, быть может, и во всех других деревнях королевства. Во время вылазки в Сен-Луар за припасами Коко с Анселем сорвали пару объявлений – на одном из них было изображено красивое лицо Рида с волосами, окрашенными мареной в рыжий цвет, а на другом – мое.

Художник нарисовал мне на подбородке бородавку.

Вспомнив об этом, я нахмурилась и перевернула буханку соснового хлеба. С другой ее стороны обнаружилась почерневшая обгорелая корка. Мы все уставились на нее.

– Верно говоришь, Рид, вкуснее некуда. – Бо широко ухмыльнулся. У него за спиной Коко брызнула на письмо кровью из пореза на ладони. Капли зашипели и задымились, касаясь пергамента и сжигая его дотла – перенося к Ля-Ваузен, где бы ни был сейчас ее лагерь Алых дам. Бо помахал у меня перед носом луковицами.

– Точно не хочешь?

Я выбила луковицы у него из руки.

– Отвяжись.

Крепче стиснув меня за плечи, Рид взял обгоревшую буханку с камня и с мастерской ловкостью отрезал от нее кусок.

– Ты не обязан это есть, – пробурчала я.

Он усмехнулся.

– Bon appétit.

Мы завороченно смотрели, как Рид кладет хлеб в рот... И тут же давится.

Бо оглушительно расхохотался.

Ансель похлопал Рида по спине, и тот проглотил кусок. Глаза у него слезились.

– Вкусно, – заверил он меня, кашляя и пытаясь жевать. – Правда. Напоминает...

– Уголь? – Бо согнулся пополам от смеха, увидев мое лицо.

Рид нахмурился. Все еще сотрясаясь от кашля, он тем не менее ухитрился пнуть Бо. Тот потерял равновесие и рухнул носом прямо в мох и лишайник, а на его бархатных штанах, прямо на пятой точке, остался отчетливый отпечаток сапога.

Бо выплюнул грязь, а Рид наконец проглотил хлеб.

- Ну и дурень же ты.

Взять еще кусок Рид не успел - я бросила буханку в огонь.

- Твое рыцарство принято к сведению, дражайший муж, и будет должным образом вознаграждено.

Рид притянул меня к себе, улыбаясь с теплотой и - как ему только не стыдно - с облегчением.

- Я бы все съел.

- Надо было тебе позволить.

- Ну и сидите теперь голодные, - заявил Бо.

Не обращая внимания на предательское урчание в животе, я выудила бутылку вина, которую припрятала в сумке Рида. Самой собраться в дорогу у меня возможности не было - Моргана ведь похитила меня прямо со ступеней собора Сан-Сесиль. К счастью, вчера я по чистой случайности забрела далеко от лагеря и позаимствовала на дороге у коробейницы парочку полезностей. Без вина, конечно же, никак. Равно как и без новой одежды. Коко и Рид поделились со мной своей, чтобы не пришлось и дальше носить окровавленное церемониальное платье, но на мне всё висело мешком - я и без того была худа, а после времени, проведенного в Шато, и вовсе стала походить на скелет. Пока что мне удавалось скрывать свои трофеи в сумке Рида и под плащом, одолженным у мадам Лабелль, но рано или поздно карты пришлось бы открыть.

Что ж, самое время.

Рид помрачнел, увидев вино. Его улыбка растаяла.

- Что это?

- Подарок, конечно. Ты разве не знаешь, какой сегодня день? - Твердо вознамерившись спасти этот вечер, я сунула бутылку в руки ничего не подозревавшему Анселю. Он стиснул горлышко, снова краснея. У меня потеплело на сердце. - *Bon anniversaire, mon petit chou!*[1]

- У меня только в следующем месяце день рождения, - смущенно пробормотал Ансель, но все равно прижал бутылку к груди. Блик от пламени костра блеснул на его лице, а с ним - и робкая радость. - Мне раньше никто никогда... - Он кашлянул и сглотнул. - Мне раньше никто никогда не дарил подарков.

Счастье у меня в груди слегка дрогнуло.

В детстве мои дни рождения отмечали как священные праздники. Ведьмы со всего королевства съезжались в Шато ле Блан восславить меня, и вместе мы до упаду танцевали под луной. Колдовство окутывало храм терпким ароматом,

а мать осыпала меня роскошными подарками: в один год то была тиара с бриллиантами и жемчугами, в другой – букет из неувядающих орхидей-призраков. Однажды она развела воды Лё-Меланколик, чтобы я могла пройтись по морскому дну, а русалки-мелузины, прикинув к стенам воды, наблюдали за нами. Они разведали блестящими волосами и сверкали серебристыми плавниками, а лица их были прекрасны и зловещи.

Уже тогда я знала, что сестры на самом деле праздновали скорее мою грядущую смерть, нежели жизнь, но позднее – в минуты слабости – я сомневалась, что и моя мать всегда видела все так же.

– Мы с тобой рождены под несчастливой звездой, – тихо сказала она в мой пятый день рождения, поцеловав меня в лоб.

Я очень смутно помнила то время – лишь тени в моей спальне, холодный ночной воздух на коже, эвкалиптовое масло в волосах, – но, кажется, по ее щеке скатилась слеза.

Вспоминая об этом, я понимала, что Моргана вовсе не праздновала мои дни рождения.

Она оплакивала их.

– Полагаю, в таких случаях полагается говорить спасибо. – Коко подошла к нам и оглядела бутылку, перебросив черные кудри через плечо.

Ансель покраснел еще гуще. Коко с усмешкой провела пальцем по изгибу стекла, а затем обняла Анселя, прижавшись к нему всеми собственными своими изгибами.

– Какого года сбор?

Бо закатил глаза при виде столь очевидно картинного жеста и наклонился собрать луковицы. Коко краем глаза наблюдала за ним. Эти двое за несколько дней ни разу не поговорили по-человечески. Поначалу было забавно наблюдать, как Коко снова и снова жалит принца своими колкостями, но с недавних пор она и Ансея втянула в эту войну.

Скоро мне придется поговорить с ней об этом. Я посмотрела на Анселя, который до сих пор улыбался до ушей, глядя на вино.

Завтра. Поговорю с ней завтра.

Накрыв ладонь Анселя своей, Коко подняла бутылку, чтобы осмотреть осыпавшуюся этикетку. Огонь костра освещал мириады шрамов на ее темной коже.

– Voisainé, – прочитала она медленно, с трудом разбирая буквы. Затем полой плаща стерла с этикетки пятно. – Это значит «бузина». – Коко посмотрела на меня. – Если так называется место, то я о нем не слышала. Но с виду вино очень старое, наверняка оно стоило целое состояние.

– На самом деле оно обошлось мне куда дешевле, чем ты думаешь.

Снова усмехаясь, прочитав подозрение на лице Рида, я подмигнула Коко и выхватила бутылку. Этикетку украшало изображение высокого летнего дуба и стоящего с ним огромного человека с рогами, копытами и в терновом венце. Глаза у него светились желтым, а зрачки походили на кошачьи.

– Страшный какой, – заметил Ансель, наклонившись над моим плечом и взглянув на этикетку повнимательней.

– Это Водвос. – Меня вдруг накрыло волной ностальгии. – Дикий Человек, обитатель леса, повелитель всех растений и зверей. В детстве Моргана рассказывала мне истории о нем.

От одного звучания имени моей матери все вмиг переменилось. Бо резко перестал хмуриться, Ансель – краснеть, Коко – усмеяться. Рид отгляделся вокруг, потянувшись за балисардой. Даже пламя костра задрожало, будто сама Моргана дохнула морозным ветром, желая его загасить.

Улыбка застыла на моем лице.

С самого Модранита от Морганы не было вестей. Дни шли, но мы так и не встретили ни единой ведьмы. Справедливости ради, мы вообще мало что видели за все это время, кроме клетки из корней, в которой нам приходилось скрываться. Впрочем, на самом деле против Ямы я особо ничего не имела. Более того, несмотря на недостаток личного пространства и самодержавное правление мадам Лабелль, я почти обрадовалась, когда Ля-Буазен не дала нам ответа. Мы получили отсрочку. Да и потом, здесь нам всего хватало. Колдовство мадам Лабелль грело нас и скрывало от чужих глаз, отводя беду, а Коко нашла неподалеку горный ручей. Течение не позволяло воде замерзнуть, и я верила, что в конце концов Анселю удастся поймать там рыбу.

Казалось, мы жили в своем собственном мирке вне времени и пространства. Моргана и ее Белые дамы, Жан-Люк и его шассеры, даже король Отюст – все они просто перестали существовать. Никто не мог тронуть нас здесь. Все было... на удивление мирно.

Совсем как в затишье перед бурей.

Мадам Лабелль высказала мой тайный страх.

– Вы же понимаете, что вечно скрываться мы не сможем, – проговорила она устало и уже далеко не в первый раз, а затем подошла к нам и забрала вино.

Мы с Коко хмуро переглянулись. Честное слово, если я услышу еще хоть одно зловещее предостережение, то самолично утоплю мадам Лабелль в этой бутылке.

– Мать все равно тебя найдет. Сами мы не сумеем утаить тебя от нее. Однако если получится найти союзников, привлечь еще кого-нибудь к нашей цели, возможно...

– Молчание кровавых ведьм – это уже ответ, и очень красноречивый. – Я выхватила бутылку обратно и попыталась выдернуть пробку. – Они не станут

помогать нам, рискуя вызвать гнев Морганы. И поди еще пойми, в чем вообще нам нужно помогать и что у нас за цель такая.

- Вздор. Даже если Жозефина не пожелает помочь, есть и другие могущественные игроки, которых мы могли бы..

- Мне нужно еще время, - громко перебила я, едва ее слушая, и указала на свое горло. Колдовство Рида залатало мою рану и спасло мне жизнь, но толстый рубец остался на месте и до сих пор чертовски болел. Но задержаться здесь мне хотелось не поэтому. - Вы и сами не до конца исцелились, Элен. Планы будем строить завтра.

- Завтра. - Она сощурилась, услышав мое пустое обещание. Я уже несколько дней это твердила. На сей раз, однако, мои слова прозвучали иначе. Правдивее. Даже я сама услышала это. Терпение мадам Лабелль было на исходе. Будто подтверждая мои слова, она сказала: - Завтра мы все обсудим, независимо от того, ответит Ля-Ваузен на наш зов или нет. Все согласны?

Я воткнула нож в бутылку и резко его провернула. Все поморщились. Снова улыбаясь, я едва заметно кивнула.

- Кто желает выпить? - я щелкнула Рида пробкой по носу, а он раздраженно отмахнулся. - Ансель?

Тот широко распахнул глаза.

- Я не..

- Помилуй, у него еще молоко на губах не обсохло, какое уж там вино. - Бо выхватил бутылку у Анселя из-под носа и хлебнул от души. - Чтобы Анселю было привычней, тут не обойтись без соски. Или без соска, раз уж мы нынче в такой близости с природой.

Я закашлялась от смеха.

- Перестань, Бо..

- Да, пожалуй, ты права, откуда ему знать, с какой стороны к женской груди подступиться.

- Ты когда-нибудь прежде выпивал, Ансель? - спросила Коко с любопытством.

Потемнев лицом, Ансель выхватил вино у Бо и впился в горлышко. Но фыркать и плевать не стал, а только разинул рот пошире и чуть ли не полбутылки выпил залпом. Наконец он утер губы тыльной стороной ладони и сунул бутылку Коко. Щеки у него все еще розовели.

- Хорошо пошло.

Я даже не знала, что смешнее - изумленные лица Коко и Бо или самодовольная физиономия Анселя. Я радостно хлопнула в ладоши.

- Умница, Ансель! Ты, конечно, говорил, что любишь вино, но я и не подозревала, что ты можешь хлестать его как воду.

Он пожал плечами и отвел взгляд.

- Я много лет прожил в Сан-Сесиле. Хочешь не хочешь, а полюбишь в конце концов. - Ансель снова посмотрел на бутылку в руках Коко. - Но это вино куда вкусней, чем то, что было у нас в храме. Где ты его достала?

- Да, - поддакнул Рид, которого все происходящее, похоже, не слишком забавляло. - Где ты его достала? Коко и Ансель его не покупали.

Обоим хватило совести принять покаянный вид.

- Ах. - Я захлопала ресницами, а Бо между тем предложил вино мадам Лабелль, которая резко качнула головой. Поджав губы, она ждала моего ответа. - Ни о чем меня не спрашивай, mon amour, и мне не придется тебе лгать.

На лице Рида заиграли желваки - он едва сдерживал гнев. Я сжалась, ожидая очередного вопроса. Синего мундира Рид больше не носил, но от старых привычек так просто не мог отказаться. Закон есть закон, и неважно, по какую сторону закона стоял он сам. Бедняжка.

- Прошу, скажи, что ты его не крала, - проговорил он. - Скажи, что просто нашла его в какой-нибудь яме.

- Ладно. Я его не крала. Я просто нашла его в какой-нибудь яме.

Рид скрестил руки на груди и смерил меня суровым взглядом.

- Лу.

- Что? - невинно спросила я.

Явно желая помочь, Коко предложила бутылку мне, и я медленно отхлебнула вина, с беззастенчивым восхищением любуясь мускулами Рида, его квадратным подбородком, пухлыми губами и медными волосами. Затем погладила его по щеке.

- Ты ведь не просил правды.

Он поймал мою руку и прижал к своему лицу, не отпуская.

- А теперь прошу.

Я посмотрела на него, чувствуя, как где-то у меня внутри зреет порыв солгать. Но нет. Нельзя. Я нахмурилась и помолчала немного, размышляя над тем, откуда во мне взялось это безотчетное желание. Рид принял мое молчание за отказ и придвинулся ближе, надеясь выманить ответ.

- Ты его украла, Лу? Правду, пожалуйста.

- Слишком уж снисходительный у тебя вышел тон. Еще разок попробуем?

Раздраженно вздохнув, Рид поцеловал мои пальцы.

- Ты совершенно невозможный человек.

- Отнюдь. Маловероятный - пожалуй, но уж точно не невозможный.

Я приподнялась на цыпочки и поцеловала Рида в губы. Покачивая головой и невольно фыркнув, он наклонился ниже, обнял меня и ответил на поцелуй. Меня захлестнуло восхитительной жаркой волной, и я с недюжинным трудом сдержалась, чтобы не повалить Рида на землю и не надругаться над ним сию же минуту.

- Господи, - с отвращением пробормотал Бо. - Он как будто лицо ее ест.

Но мадам Лабелль не слушала. В ее глазах, таких знакомо-синих, сверкнул гнев.

- Отвечай на вопрос, Луиза.

Я окаменела, услышав ее резкий тон. Рид, к моему удивлению, тоже. Он медленно обернулся и посмотрел на нее.

- Ты покидала лагерь?

Исключительно ради Рида ответила я вежливо.

- Я ничего не крада. По крайней мере... - Я пожала плечами, выдавливая беззаботную улыбку. - Я не крада вино. Я его купила у корабейницы на дороге за пару крон, которые взяла у Рида.

- Ты обокрала моего сына?

Рид успокаивающе вскинул руку.

- Спокойно. Она вовсе не крада у...

- Он мой муж. - У меня уже челюсть заболела от всех этих натужных улыбок, и я подняла левую руку, подчеркивая свои слова. Перламутровое кольцо, которое когда-то принадлежало мадам Лабелль, сверкнуло на моем безымянном пальце. - Все, что мое, - его, все, что его, - мое. Разве это не входило в наши клятвы?

- Входило. - Рид быстро кивнул и ободряюще посмотрел на меня, а затем сурово - на мадам Лабелль. - Луиза может брать все, что мне принадлежит.

- Разумеется, сынок. - Она поджала губы, тоже изобразив улыбку. - Однако не могу не подметить: по закону вы до сих пор не женаты. Луиза назвалась ложным именем, именно оно значит в свидетельстве о браке, следовательно, никакой силы свидетельство не имеет. Если ты тем не менее предпочитаешь всем делиться с Луизой, то, безусловно, имеешь на это полное право, но помни: делать это ты никоим образом не обязан. Особенно если она настойчиво продолжает подвергать тебя и всех нас опасности своим необдуманным, опрометчивым поведением.

Наконец моя улыбка увяла.

- Я скрыла лицо под капюшоном. Та женщина меня не узнала.

- А если все-таки узнала? А если шассеры или Белые дамы сегодня же ночью наведаются к нам? Что будет тогда?

Я не ответила, и мадам Лабелль вздохнула и тихо продолжила:

- Я понимаю твое нежелание признавать это, Луиза, но если закрыть глаза, от чудовищ ты скрыться не сможешь. Только ослепнешь сама. - И напоследок она сказала еще тише и мягче: - Ты скрывалась достаточно долго, чтобы понимать это.

Вдруг ощутив себя не в силах ни на кого смотреть, я отпустила Рида - и тут же почувствовала, как мне не хватает его тепла. Он шагнул ближе, словно желая снова меня обнять, но я только глотнула еще вина.

- Ладно, - сказала я наконец, заставив себя встретить твердый взгляд мадам Лабелль. - Из лагеря мне уходить не стоило, но я ведь не могла попросить Анселя купить себе подарок самому. Дни рождения - это святое. А все планы можно отложить на завтра.

- Я серьезно, - настойчиво повторил Ансель. - Мой день рождения только в следующем месяце. В этом вовсе не было нужды.

- Нет, была. Может, в следующем месяце нас...

Я осеклась, прикусив свой глупый язык, но было поздно. Я не произнесла слов вслух, но они все равно эхом прокатились по лагерю. «Может, в следующем месяце нас здесь уже не будет». Сунув бутылку обратно Анселю, я заговорила снова:

- Позволь нам отметить твой день рождения, Ансель. Не каждый день человеку исполняется семнадцать лет.

Ансель покосился на мадам Лабелль, будто прося разрешения. Она сухо кивнула.

- Завтра, Луиза.

- Конечно. - Я снова позволила Риду притянуть меня к себе и изобразила еще одну отвратительную улыбку. - Завтра.

Рид снова поцеловал меня - на этот раз яростней, настойчивей, словно ему было что доказывать. Или терять.

- А сегодня мы будем праздновать.

Солнце скрылось за деревьями. Ветер бушевал все пуще, а тучи все больше стучались.

Похищенные мгновения

Рид

Лу спала крепко-крепко. Прижавшись щекой к моей груди, с разметавшимися волосами у меня на плече, она глубоко дышала. Глубоко и мерно. В минуты бодрствования такой покой она знавала редко. Я погладил Лу по спине, наслаждаясь ее теплом. Силой воли заставил себя ни о чем не думать и не смыкать глаз. Даже не моргать. Просто смотреть вверх – на деревья, которые покачивались у меня над головой. Я ничего не видел. Ничего не чувствовал. Я словно онемел.

С самого Модранита сон редко посещал меня. А если такое и случалось, я сожалел об этом.

Мои сны преобразились в нечто темное и тревожное.

Маленькая тень показалась из-за сосен, подошла ко мне и села рядом, тряхнув хвостом. Абсалон – так его назвала Лу. Прежде я полагал, что это обычный черный кот, но она быстро указала мне на ошибку. Это был вовсе не кот, а матагот – мятущийся дух, не сумевший уйти в мир иной и принявший облик животного.

– Матаготов тянет к тем, кто им подобен, – сообщила мне Лу, хмурясь. – К беспокойным, измученным тревогами душам. Должно быть, кто-то из нас привлек его сюда.

Выразительный взгляд Лу ясно говорил о том, кто, по ее мнению, сделал это.

– Уйди. – Я оттолкнул противоестественное создание локтем. – Брысь.

Матагот моргнул, глядя на меня зловещими янтарными глазами. Когда я вздохнул, уступая, он свернулся клубком возле меня и заснул.

Абсалон. Я погладил его по спине пальцем и с досадой услышал, как тот заурчал. Измученная тревогами душа? Нет, это не обо мне.

Я снова уставился на деревья, зная, что никто не поверит в это.

Затерявшись в пучине мыслей, я не заметил, как несколько мгновений спустя зашевелилась Лу. Она приподнялась на локте, щекоча мне волосами лицо, и склонилась надо мной. Ее голос был тихим, мягким после сна, сладким от вина.

– Ты не спишь.

- Да.

Она взгляделась мне в глаза - с сомнением, с тревогой, - и почему-то к горлу у меня подкатил ком. Лу хотела что-то сказать, спросить, но я перебил ее. Произнес первое, что пришло на ум:

- Что стало с твоей матерью?

Лу моргнула.

- О чем ты?

- Она всегда была такой?..

Вздыхнув, Лу опустила подбородок мне на грудь. Покрутила перламутровое кольцо на пальце.

- Нет. Не знаю. Может ли человек родиться злым?

Я покачал головой.

- Вот и я так не думаю. Мне кажется, она заплутала где-то по пути. Это несложно, когда дело касается колдовства.

Я тут же напрягся, и Лу посмотрела на меня.

- На самом деле все не так, как тебе кажется. Магия не... В общем, с ней все равно так же, как и с чем угодно. Когда хорошего слишком много - это уже плохо. Это может вызвать зависимость. Моя мать... полагаю, она очень любила власть. - Лу хохотнула. Смешок вышел безрадостным, горьким. - А когда для человека абсолютно все - вопрос жизни и смерти, ставки куда выше. Чем больше мы приобретаем, тем больше и теряем.

«Чем больше мы приобретаем, тем больше и теряем».

- Понимаю, - сказал я, хоть и не понимал. Ничто в этом мировоззрении не было мне близко. Зачем вообще заниматься колдовством, рискуя утратить свою суть?

Словно ощутив мое отвращение, Лу снова приподнялась, чтобы лучше меня видеть.

- Это дар, Рид. Ты еще столько всего не видел. Магия - прекрасна, необузданна, свободна. Я понимаю твою неприязнь, но вечно скрываться от магии ты не сможешь. Это часть тебя.

Я не нашелся что ответить. Слова застряли в горле.

- Ты готов поговорить о том, что случилось? - спросила Лу тихо. Я провел пальцами меж ее волос и коснулся губами ее лба.

- Не сегодня.

- Рид...

- Завтра.

Лу тяжело вздохнула, но, к счастью, продолжать расспросы не стала. Она почесала Абсалона за ушами и снова легла. Вместе мы посмотрели наверх, на клочки неба, что виднелись сквозь кроны. Я вновь погрузился в осторожное, пустое безмолвие своих мыслей.

Часы или мгновения спустя Лу заговорила снова.

- Как думаешь... - Ее тихий голос резким рывком вернул меня в настоящее. - Похороны будут?

- Да.

Я не стал спрашивать, о чьих именно похоронах она говорит. И без того было ясно.

- Даже после всего, что случилось?

«Прекрасная ведьма под ложной личиной во грех вовлекла его, ныне мужчину». Сердце у меня болезненно кольнуло воспоминанием о спектакле Древних сестер. О светловолосой рассказчице, лет тринадцати-четырнадцати, не более, - самой дьяволице под личиной девы. Она казалась такой невинной, когда выносила нам приговор. Походила почти что на ангела.

«Ведьма весть принесла, вновь его посетя - от союза их вскоре... родилось дитя».

- Да.

- Но... он ведь был моим отцом.

Лу тяжело сглотнула, и я повернулся к ней и обнял за шею. Прижал ближе к себе, ощущая, что чувства вот-вот нахлынут и задушат меня. В отчаянии я попытался отступить в крепость, которую воздвиг в своей душе, попытался укрыться в ее благословенно пустых глубинах. - Он вступил в связь с ведьмой. С самой Госпожой Ведьм. Быть не может, что после такого король будет проводить торжественные обряды в его честь.

- Никто не сумеет ничего доказать. Король Отюст не станет осуждать мертвеца по слову ведьмы.

Слово вырвалось прежде, чем я успел сдержаться. «Мертвеца». Я стиснул Лу крепче, а она коснулась моей щеки - не пытаясь заставить меня посмотреть на нее, а просто чтобы ко мне притронуться. Чтобы связать нас воедино. Я прильнул щекой к ее ладони.

Долгое мгновение Лу смотрела на меня, касаясь бесконечно ласково, бесконечно терпеливо.

- Рид, - сказала она наконец. Серьезно и выжидательно.

Я не мог на нее смотреть. Не мог вынести любви в ее глазах, таких знакомых мне. В его глазах. Даже если Лу пока этого не понимала, даже если сейчас ее это не волновало, настанет день, когда она возненавидит меня за содеянное. Потому что Архиепископ был ее отцом.

И я убил его.

- Рид, посмотри на меня.

В мыслях вспыхнуло непрощенное воспоминание. О том, как мой нож вонзился ему меж ребер. Как его кровь заструилась по моему запястью. Теплая, густая, влажная. Я повернулся к Лу и увидел в ее сине-зеленых глазах твердость и решимость.

- Пожалуйста, - прошептал я. К моему стыду - и унижению, - на этом мой голос надорвался. Жар прилил к щекам. Даже я сам не знал, чего от нее хочу. Пожалуйста, не спрашивай меня об этом. Пожалуйста, не заставляй меня об этом говорить. И, наконец, сквозь боль прорезался пронзительный вой, заглушивший все остальное.

Пожалуйста, помоги мне об этом забыть.

На лице Лу промелькнула целая гамма чувств - так быстро, что я едва заметил. Затем она вздернула подбородок, и в глазах ее блеснул коварный огонек. В следующий миг Лу забралась на меня, прижав палец к моим губам. Затем облизнулась.

- Mon petit oiseau[2], в последние дни ты, похоже, несколько... подавлен. - Она наклонилась ближе, касаясь носом моего уха. Отвлекая меня. Отвечая на мою невысказанную мольбу. - Я могу тебе с этим помочь.

Абсалон возмущенно зашипел и исчез.

Когда Лу прикоснулась ко мне, задвигалась - едва ощутимо, сводя меня с ума, - кровь отхлынула от моего лица, устремившись вниз. Я закрыл глаза, стиснул зубы, чувствуя, как внутри разгорается жар, и впился пальцами в бедра Лу, прижимая ее к себе.

Позади нас кто-то тихо вздохнул во сне.

- Здесь нельзя. - Мой сдавленный шепот прозвучал в тишине слишком громко.

Лу только усмехнулась и прижалась ко мне еще крепче - всем телом, - пока мои бедра не устремились ей навстречу. Один раз. Еще. И еще. Сначала медленно, затем все быстрее. Я откинулся на холодную землю, отрывисто дыша и все так же не открывая глаз. Низкий стон подступил к горлу.

- Кто-то может увидеть.

В ответ Лу дернула меня за ремень. Я распахнул глаза и выгнулся навстречу ее прикосновению, наслаждаясь им. Наслаждаясь ею.

- Пусть, - сказала она, тоже дыша с трудом.

Кто-то кашлянул.

- Мне плевать.

- Лу...

- Ты хочешь, чтобы я остановилась?

- Нет. - Я сжал ее бедра еще крепче, быстро сел, и наши губы соприкоснулись.

Снова кашель, на этот раз уже громче. Я почти не обратил на него внимания. Чувствуя, как Лу касается моего языка своим, как ее рука скользит в мои расстегнутые штаны, я бы не смог остановиться, даже если бы попытался. Пока не...

- Хватит. - Слово сорвалось с моих уст, и я отпрянул, поднимая Лу за бедра, отстраняя ее от себя.

Я не хотел, чтобы все зашло так далеко и так быстро, когда вокруг столько людей. Я выругался, тихо и злобно, и Лу растерянно заморгала и схватилась за мои плечи, чтобы удержать равновесие. Губы ее распухли, щеки покраснелись. Я снова зажмурился - крепче, крепче, крепче, - думая о чем угодно, лишь бы не о Лу. Гнилое мясо. Плотоядная саранча. Морщинистая обвисшая кожа, что-нибудь сырое, свернувшееся, склизкое... Слизь. Капающая слизь или, или...

Моя мать.

Воспоминание о первой нашей ночи здесь вспыхнуло в памяти с кристальной ясностью.

- Я говорю совершенно серьезно, - предупреждает мадам Лабелль, отводя нас в сторону. - Никаких вылазок на тайные свидания. В лесу опасно. У деревьев есть глаза.

Лу звонко и заливисто смеется, а я захлебываюсь стыдом.

- Мне известно, что между вами есть плотская связь - не пытайтесь это отрицать, - добавляет мадам Лабелль, когда я заливаюсь краской. - Но как бы ни были сильны ваши низменные порывы, угроза за границей лагеря слишком велика. Вынуждена просить вас до поры до времени их сдерживать.

Я молча ухожу, но смех Лу все еще звенит в ушах. Мадам Лабелль неуклонно следует за мной.

- Подобные желания совершенно естественны.

Она огибает Бо, стараясь поспевать со мной. Он тоже трясется от смеха.

- Право, Рид, подобная незрелость просто обескураживает. Ты ведь соблюдаешь осторожность, верно? Возможно, нам следует начистоту поговорить о мерах предохранения...

Так. Получилось.

Нараставшее давление ослабло, и ему на смену пришла ноющая боль.

Тяжело выдохнув, я медленно опустил Лу обратно к себе на колени. Откуда-то со стороны Бо послышался очередной кашель. На этот раз громче. Выразительнее. Но Лу не сдавалась. Ее рука снова скользнула вниз.

- В чем дело, дорогой супруг?

Я поймал ее ладонь у себя на животе и смерил Лу сердитым взглядом. Нос к носу. Губы к губам.

- Распутница.

- Я тебе еще покажу распутницу...

Бо раздраженно вздохнул, сел и громко перебил нас:

- Ау! Да, извините, пожалуйста! От вас, возможно, ускользнуло, что здесь, помимо вас, еще другие люди есть! - И, уже тише, он проворчал: - Хотя эти люди явно скоро иссохнут и умрут от длительного воздержания.

Усмешка Лу превратилась в коварную ухмылку. Она посмотрела на небо - теперь зловеще предрасветно-серое, - а затем обвила меня руками.

- Солнце почти взошло, - шепнула она мне, и по моей шее побежали мурашки. - Может быть, найдем тот ручей и... искупаемся?

Я неохотно посмотрел на мадам Лабелль. Ее не смогли разбудить ни мы, ни Бо. Даже во сне она была воплощением королевской грации. Королева в обличье мадам, что правит не королевством, а лишь борделем. Сложилась бы жизнь мадам Лабелль иначе, если бы отец встретил ее прежде, чем женился? А моя? Я отвел взгляд, ощутив приступ отвращения к самому себе.

- Мадам Лабелль запретила нам покидать лагерь.

Лу мягко обхватила губами мочку моего уха, и я вздрогнул.

- Мадам Лабелль обо всем докладывает совершенно незачем. И потом... - Она коснулась пальцем высохшей крови у меня за ухом и на запястье. Такие же метки были у меня и на локтях, и на коленях, и на горле. С самого Модранита все мы носили подобные отметины. В качестве меры предосторожности. - Нас спрячет кровь Коко.

- Вода ее смоем.

- Я, между прочим, тоже владею колдовством. Как и ты. Если понадобится, мы сами сможем себя защитить.

«Как и ты».

Меня пробил озноб, и хоть я попытался не подать виду, Лу все равно это заметила. И закрыла глаза.

- Тебе придется однажды научиться им пользоваться. Обещай мне это.

Я выдавил улыбку и слегка стиснул Лу в объятиях.

- Я не против.

Явно не слишком мне поверив, Лу слезла с меня и распахнула свой спальный мешок.

- Вот и славно. Ты слышал, что сказала твоя мать. Завтра все это кончится.

Недоброе чувство охватило меня при этих ее словах, при виде ее лица. Я знал, что оставаться здесь бесконечно мы не сможем, знал, что нельзя просто ждать, пока Моргана или шассеры нас найдут, - но никакого плана у нас не было. И союзников тоже. И вопреки уверенности моей матери я не представлял, как мы сможем их найти. С чего бы хоть кому-то вступаться за нас против Морганы? Все, кто мог нам помочь, хотели того же, чего желала она - уничтожить своих угнетателей.

Тяжело вздохнув, Лу свернулась клубком спиной ко мне. Ее волосы разметались каштаново-золотистой волной. Я взлохматил их пальцами, надеясь успокоить Лу. Освободить от напряжения, которое вдруг сковало ее плечи, от безнадежности, которая слышалась в ее голосе. Лишенная надежды Лу казалась чем-то до крайности неправильным и попросту невозможным. Как умудренный жизнью Ансель или некрасивая Козетта.

- Вот бы... - прошептала она. - Вот бы можно было остаться здесь жить навсегда. Но чем дольше мы здесь остаемся, тем больше кажется, будто... будто мы просто крадем эти мгновения счастья. Что они совсем нам не принадлежат. - Лу сжала руки в кулаки. - И в конце концов она их заберет. Вырежет эти похищенные мгновения из наших сердец, если придется.

Мои пальцы застыли у нее в волосах. Медленно и размеренно дыша, сдерживая гнев, который поднимался внутри при каждой мысли о Моргане, я взял Лу за подбородок и заставил посмотреть на меня. Ощутить весомость моих слов. Искренность моего обещания.

- Тебе не нужно ее бояться. Мы не допустим, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она самоуничижительно фыркнула.

- Я ее не боюсь. Я... - Она вдруг резко вывернулась из моих рук. - Забудь. Даже говорить не хочу, это просто жалко.

- Лу. - Я помассировал ей шею, пытаюсь помочь расслабиться. - Ты можешь мне сказать.

- Рид, - ответила она так же тихо и мило улыбнулась мне, обернувшись. Затем, все еще улыбаясь, резко ткнула меня локтем в ребра. - Отвяжись.

- Лу... - повторил я, уже настойчивее.

- Просто забудь! - рявкнула она. - Я не хочу это обсуждать.

Долгую секунду мы сверлили друг друга взглядами - я между тем возмущенно потирал ушибленное ребро, - и наконец Лу ощутимо сникла.

- Слушай, я серьезно. Просто забудь, что я что-то говорила. Сейчас это неважно. Остальные скоро проснутся, и можно будет начать строить планы. Со мной все в порядке. Правда.

Но я понимал, что с ней далеко не все в порядке. И со мной тоже.

Господи. Как же мне хотелось просто обнять ее.

Я нервно провел рукой по лицу и бросил взгляд на мадам Лабелль. Она все еще спала. Даже Бо зарылся обратно в свой спальный мешок, снова не видя ничего вокруг. Что ж. Торопясь, чтобы не передумать, я подхватил Лу на руки. До ручья было идти недалеко. Я знал - мы успеем вернуться прежде, чем кто-то нас хватится.

- Завтра еще не настало.

Тревожный знак

Рид

Лу лениво и умиротворенно плавала на поверхности воды. Глаза ее были закрыты, руки - широко раскинуты, копна густых волос разметалась вокруг. С неба, усеивая ее ресницы и щеки, мягко падали снежинки. Хоть я никогда и не видел мелузин - лишь читал о них в древних гробницах Сан-Сесия, - мне казалось, что они выглядели именно как она в тот миг. Прекрасные. Невесомые.

Обнаженные.

Мы сбросили одежду на ледяном берегу заводи. Вскоре Абсалон возник неподалеку и зарылся в нее. Мы не знали, куда он исчезает, когда теряет телесный облик. Лу это заботило больше, чем меня.

– У колдовства есть свои преимущества, правда? – пробормотала она, проводя по воде пальцем. От касания Лу с поверхности поднимался пар. – Без него мы бы сейчас уже отморозили себе все самое интересное. – Она усмехнулась и приоткрыла один глаз. – Хочешь, покажу?

Я вскинул бровь.

– Спасибо, мне и отсюда все неплохо видно.

Лу хмыкнула.

– Ну и свинья же ты. Я про колдовство.

Когда я не ответил, она погрузилась глубже, оставаясь на плаву. До дна заводи Лу не доставала, в отличие от меня. Мне вода была по шею.

– Хочешь, я научу тебя греть воду? – спросила она.

На этот раз я был готов. Не вздрогнул. Не поколебался. Но все же сглотнул.

– Конечно, давай.

Лу сощурилась и посмотрела на меня.

– Что-то я не вижу особого рвения, шасс.

– Мои извинения. – Я занырнул чуть глубже и поплыл к ней. Медленно. Хищно. – О Светозарная госпожа, молю тебя поделиться со мною своим несравненным колдовским мастерством. Сию же минуту я должен узреть его, а иначе я непременно умру. Так лучше?

– Другое дело. – Она фыркнула, вздернув нос. – Итак. Что тебе известно о магии?

– Ровно то же, что и месяц назад. – Неужели с тех пор, как Лу спрашивала об этом в прошлый раз, миновал всего месяц? Казалось, что целая жизнь. Теперь все изменилось. И отчасти в глубине души я сожалел об этом. – Ничего.

– Ерунда.

Лу раскинула руки, когда я подплыл к ней, обняла меня за шею и обхватила ногами за пояс. Подобная поза могла бы показаться развратной, но нет. Она была просто... интимной. Настолько близко я мог пересчитать у Лу на носу все веснушки, увидеть капли воды на ее ресницах. Приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не поцеловать ее снова.

– Ты знаешь больше, чем тебе кажется. Ты уже почти две недели провел рядом со своей матерью, мной и Коко, а на Модранит...

Она резко замолкла, а потом притворно закашлялась. У меня сжалось сердце. «А на Модранит ты с помощью колдовства убил Архиепископа».

Кашлянув еще раз, Лу заговорила снова:

- Я... просто знаю, что ты внимательно следил за нами. Твой разум - все равно что капкан.

- Капкан, - эхом отозвался я, снова отступая в свою крепость.

Она и не подозревала, насколько была права.

Я не сразу понял, что Лу ждет моего ответа. И отвернулся, не в силах смотреть ей в глаза. Теперь они были голубыми. Почти что серыми. Такими знакомыми. Я видел в них свое предательство.

Будто прочтя мои мысли, деревья зашумели вокруг, и клянусь, я услышал среди ветра его шепот...

«Ты был мне как сын, Рид».

Меня прошиб озноб.

- Ты слышала? - Я завертел головой, крепче прижимая к себе Лу. Она не дрожала. - Ты его слышала?

Лу осеклась на полуслове. Напряглась всем телом и тревожно огляделась.

- Кого?

- Я... как будто бы слышал...

Я покачал головой. Нет, быть того не может. Архиепископ мертв. И теперь меня преследуют плоды моего собственного воображения. В мгновение ока деревья вдруг стихли, и ветер - если он вообще был - тоже замолк.

- Показалось. - Я потряс головой яростней, мысленно повторяя это снова и снова, будто от беспрестанного повторения слова могли стать правдой. - Мне просто показалось.

И все же... В воздухе ощущался не только острый запах сосен, но и чье-то присутствие. Нечто живое, нечто разумное наблюдало за нами.

«Прекрати, что за вздор», - упрекнул я себя.

Но Лу из объятий не выпустил.

- У деревьев в этом лесу есть глаза, - прошептала она, повторяя недавние слова мадам Лабелль, и снова с опаской оглянулась. - Они могут... заглядывать в разум человека и искажать его мысли. Воплощать страхи в жизнь, превращать их в чудовищ. - Лу вздрогнула. - Когда я сбежала в первый раз, в ночь после шестнадцатилетия... Я думала, что сойду с ума. Я видела такое...

Она замолкла, глядя в одну точку.

Я не смел даже вздохнуть. Прежде Лу не рассказывала мне подобного. Не говорила вообще ничего о своем прошлом до Цезарина. Пусть и обнаженная в этот миг, Лу носила свои тайны как броню и ни для кого не желала ее снимать. Даже для меня. Особенно для меня. Все вокруг померкло – водоем, деревья, ветер, – и остались лишь голос и лицо Лу, блуждавшей в глубинах памяти.

– Что ты видела? – спросил я мягко.

Она поколебалась, прежде чем ответить.

– Твоих сестер и братьев.

Я резко втянул воздух.

– Это было ужасно, – продолжила Лу. – Я от страха ничего не видела вокруг, только кровь повсюду. Мать преследовала меня. Я слышала среди деревьев ее голос. Она когда-то шутила, что деревья – ее шпионы. Но я не знала, что происходит взаправду, а что нет. Лишь знала, что должна спастись. И тогда послышались крики. Душераздирающие крики. Рука вырвалась из земли и схватила меня за лодыжку. Я упала, и на меня... И на меня заполз труп.

При мысли об этом к моему горлу подступила тошнота, но перебивать я не смел.

– У него были золотистые волосы, а горло... выглядело совсем как мое. Он вцепился в меня, умолял помочь – только говорил невнятно из-за... – Она коснулась своего шрама. – Из-за крови. Я смогла от него убежать, но там были и другие. Так много. – Лу безвольно уронила руки в воду. – Избавлю тебя от неприятных подробностей. Так или иначе, все это был лишь морок.

Я посмотрел на ее ладони.

– Ты сказала, что деревья – шпионы Морганы.

– Она так говорила. – Лу рассеянно подняла руку. – Но ты не волнуйся. В лагере нас прячет мадам Лабелль, а Коко...

– Но они все равно заметили нас сейчас. Деревья. – Я схватил ее за запястье и оглядел кровавую метку. Вода уже успела отчасти ее размыть. Я посмотрел на собственные руки. – Нужно уходить. Сейчас же.

Лу в ужасе уставилась на мою чистую кожу.

– Черт. Я же тебя просила следить за...

– Верить или нет, у меня другое было на уме! – рявкнул я и потащил ее к берегу.

Дураки. Какие же мы дураки. Слишком сильно увлеклись, поглощенные друг другом – и сегодняшним днем, – чтобы осознать опасность. Лу извивалась, будто стараясь освободиться.

- Перестань! - я попытался удержать ее за руки и ноги. - Держи запястья и горло над водой, а не то нам обоим..

Она застыла в моих руках.

- Наконец-то, спасибо..

- Замолкни, - прошипела она, напряженно глядя мне за спину. Я едва успел обернуться и заметить за деревьями серые мундиры, как Лу затянула меня под воду с головой.

На дне заводи было темно. Слишком темно - я не видел ничего, кроме лица Лу, размытого и бледного за пеленой воды. Она до боли крепко сжимала мои плечи, отчего они уже стали неметь. Я пошевелился, попытавшись ослабить ее хватку, но Лу сжала меня еще сильнее, качая головой. Она все еще смотрела мне за спину, и глаза ее были широко распахнуты - и пусты. Вместе с бледной кожей и развевающимися в воде волосами это выглядело.. зловеще.

Я слегка потряс Лу, но глаза ее так и не обрели осмысленного выражения.

Я потряс ее снова. Лу нахмурилась, еще крепче вцепившись в меня.

Если бы я мог, выдохнул бы с облегчением. Но я не мог.

Мои легкие разрывались на части.

Когда Лу затолкнула меня под воду, я не успел сделать вдох, не успел подготовиться к внезапному пронизывающему холоду, который меня окутал. Ледяные пальцы вцепились мне в кожу, оглушая меня, лишая чувств. Колдовство, которым Лу согревала воду, испарилось. Я ощутил, как онемение расползается по моему телу от пальцев ног и рук. За ним последовала и паника.

А потом - точно так же внезапно - я ослеп.

Все вокруг почернело.

Я забился в руках Лу, выдыхая последнее, что еще оставалось, но она держала меня, обхватив руками и ногами за туловище, и сжимала, тянула меня ко дну водоема. Я сопротивлялся, чувствуя, как вокруг пляшут пузырьки. Держа меня совершенно нечеловеческой хваткой, Лу вдруг потерялась своей щекой о мою. Будто хотела.. успокоить меня. Утешить.

Вот только она топила нас обоих, и в груди у меня стало слишком тесно, слишком крепко сжалось мое горло. Ни спокойствия, ни утешения я не чувствовал. С каждой секундой мои руки и ноги тяжелели все больше. В последней отчаянной попытке я со всей силы рванул к поверхности. Лу дернулась, и ил у меня в ногах вдруг затвердел. Последняя надежда на спасение угасла.

И в этот миг Лу ударила меня по губам.

Я отпрянул, изумленный, едва сохраняя остатки сознания, и приготовился ощутить, как вода наполнит мой рот, а затем легкие, и положит конец моей агонии. Быть может, смерть от утопления даже окажется мирной. Я никогда не задумывался об этом. Когда я представлял свою смерть, то полагал, что меня убьет лезвие клинка. Или же ведьма искалечит мое тело. Все эти кончины жестокие и болезненные. Утонуть лучше. Проще.

Оказавшись на пределе, я сделал вдох – против собственной воли, это вышло само собой. Закрывл ослепшие глаза. Обнял Лу, зарылся носом ей в шею. Что ж, по крайней мере, Моргана до нас не доберется. По крайней мере, я не познаю, каково это – жить без Лу. Пусть малая, но уже победа. Важная победа.

Но воды все не было. Вместо нее невероятно свежий воздух хлынул мне в рот, а вместе с ним – сладчайшее облегчение. Хотя я и не видел ничего вокруг, хоть холод и оставался пронизывающим до костей – я мог дышать. Мог думать. Осознанность захлестнула меня волной, сбивая с толку. Я снова глубоко вдохнул. И снова, и снова. Это... было невысказано. Я дышал под водой. Как Ионин кит. Как мелузины. Как...

Как по волшебству.

Мое сердце пронзил осколок разочарования – необъяснимо и быстро. Вокруг была вода, но все равно я ощутил себя... грязным. Оскверненным. Всю свою жизнь я ненавидел магию, а теперь... Теперь она одна защищала меня от тех, кого прежде я звал братьями. Как так вышло?

Из мыслей меня вырвали голоса. Они были слышны ясно и четко, как будто мы стояли на берегу рядом с говорящими, а не скрывались под водой. Снова колдовство.

– Боже, как же мне нужно отлить.

– Не в заводь же, дурень! Ступай ниже по течению!

– Да поспеши. – Послышался третий, нетерпеливый голос. – Капитан Туссен ждет нас в деревне. Последняя вылазка – и на рассвете уходим.

– Слава богу, что он так рвется назад к своей девице.

Один из них потер ладони, чтобы согреть. Я нахмурился. Что за девица?

– Честно скажу, я только рад поскорее убраться отсюда. Столько дней поисков, и что мы получили в итоге? Обморожение да...

Четвертый голос.

– Это что... одежда?

Лу уже впиалась в меня ногтями до крови. Я едва чувствовал это. Сердце колотилось в ушах. Если они осмотрят одежду, если возьмут мое пальто и рубашку, то найдут мой плечевой ремень.

И мою балисарду.

Голоса стали громче – мужчины подошли ближе.

– Похоже, тут две кучи.

Молчание.

– Ну, они явно не здесь. Вода слишком холодная.

– Они бы насмерть замерзли.

Я представил, как шассеры подходят к воде, высматривая кого-нибудь в глубинах заводи. Но деревья скрывали ручей в тени даже от рассветного солнца, а из-за ила вода была мутна. Снег уже наверняка замел наши следы.

Наконец первый пробормотал:

– Никто не смог бы задержать дыхание так надолго.

– Ведьма смогла бы.

Снова молчание, на этот раз долгое. И недоброе. Я затаил дыхание, считая каждое биение сердца.

Тук-тук.

Тук-тук.

Тук-тук.

– Но... это же мужская одежда. Смотри. Штаны.

Черноту у меня перед глазами заволок красный туман. Если они найдут мою балисарду, я силой вырвусь из окаменевшего ила, даже если останусь без ног.

Тук-тук.

Тук-тук.

Я никому не отдам свой клинок.

Тук-тук.

Я их всех уложу на лопатки.

Тук-тук.

Я ее не потеряю.

– Думаешь, утонули?

– Без одежды?

- И впрямь, куда разумней предположить, что они где-то поблизости гуляют по снегу нагишом.

Тук-тук.

- Может, их ведьма под воду утянула.

- Милости прошу, полезай проверь.

Возмущенное фырканье.

- Вода ледяная. И кто его знает, что там прячется? Да и потом, если их и правда ведьма туда затащила, они уж точно утонули. Что толку и мне пропадать?

- Эх ты, тоже мне, шассер называется.

- Что-то я не вижу, чтобы ты сам рвался туда нырять.

Тук-тук.

Где-то на задворках моего разума мелькнуло осознание, будто мое сердце бьется все медленней. Я ощутил, как знакомый холод расплзается по рукам и ногам. Это был тревожный знак. Хватка Лу постепенно ослабла. В ответ я сам стиснул ее крепче. Не знаю, как именно она помогала нам дышать и лучше слышать, но это колдовство вытягивало из нее все силы. А может, не колдовство, а холод. Так или иначе, я чувствовал, как Лу угасает. Я должен был хоть что-то предпринять.

Инстинктивно я стал искать внутри тьму, которую прежде ощущал лишь однажды. Пропасть. Пустоту. То самое место, куда я падал, пока Лу умирала; место, которое я оставил под замком и с тех пор стремился забыть. Теперь же я изо всех сил пытался высвободить его, вслепую тянулся к нему сквозь подсознание. Но тщетно. Я не мог его найти. Чувствуя, как внутри у меня зреет тревога, я запрокинул голову Лу и коснулся ее губ своими. Силой вдохнул воздух ей в рот. И продолжал искать, но золотых нитей не было. Никаких узоров. Только ледяная вода, слепые глаза и Лу - ее голова безвольно повисла, руки соскользнули с моих плеч, грудь бездыханно застыла. Я затряс ее, ощущая, как тревога перерастает в отчаянный гнетущий страх, и лихорадочно пытаюсь придумать хоть что-нибудь, что угодно, лишь бы помочь Лу. Мадам Лабелль говорила о равновесии. Может быть, получится...

Я не успел додумать мысль до конца - мои легкие прошило болью. Вода хлынула в рот. Зрение резко возвратилось, ил в ногах обмяк, а значит...

Лу потеряла сознание.

Я не стал размышлять ни секунды, не стал рассматривать золотое свечение, вспыхнувшее на краю зрения. Схватив Лу, я ринулся вверх.

Прелестная куколка

Лу

Мое тело охватил жар. Поначалу медленно, постепенно, а затем – всюду сразу.

Ноги и руки закололо почти до боли, и я ощутила, что прихожу в себя. Кляня уколы множества незримых булавок, снег, ветер и смрад с привкусом меди в воздухе, я застонала и открыла глаза. Горло болело так, будто кто-то сунул мне в глотку раскаленную кочергу.

– Рид? – прохрипела я. Потом закашлялась, и мою грудь сотрясло отвратительное хлюпанье. Затем я попыталась снова: – Рид?

Чертыхнувшись, когда он не ответил, я перекатилась набок.

И тут же придушенно вскрикнула и отпрянула.

На меня смотрел мертвый шассер. Его бледная кожа почти сливалась цветом с заледеневшим берегом заводи – шассер почти истек кровью, и та уже успела растопить снег вокруг, впитываясь в землю и стекая ручейками в воду.

Троим товарищам шассера повезло немногим больше. Их трупы валялись на берегу, а вокруг были разбросаны ножи Рида.

Рид.

– Твою мать!

Я бросилась к нему. Рид лежал рядом со мной с другой стороны – лицом в снегу, в наспех зашнурованных штанах, а рука и голова его застряли в рубашке, будто он потерял сознание, не успев одеться до конца.

Снова выругавшись, я перевернула Рида на спину. Его волосы примерзли к окровавленному лицу, кожа посерела, почти что посинела. Господи.

Господи, господи, господи.

Лихорадочно прижавшись к его груди, я чуть не разрыдалась от облегчения, услышав биение сердца. Едва слышное, но оно было. Мое собственное сердце предательски бодро колотилось в груди, а волосы и кожа у меня оказались невозможно теплыми и сухими. Волной тошноты на меня снизошло осознание – этот болван чуть сам себя не прикончил, пытаюсь спасти меня.

Я прижала ладони к груди Рида, и золото вспыхнуло у меня перед глазами паутиной бесчисленных возможностей. Я быстро пролистала их, слишком

волнуясь, чтобы медлить и думать о последствиях, – и застыла, когда на ум пришло воспоминание: моя мать гладит меня по волосам в ночь на шестнадцатый день рождения. В ее взгляде нежность, в улыбке – тепло.

Тепло.

«Береги себя, милая, когда мы разлучимся. Береги, пока мы не встретимся вновь».

«Ты будешь помнить меня, Маман?»

«Я никогда не смогла бы забыть тебя, Луиза. Я люблю тебя».

Вздвигнув от ее слов, я дернула золотую нить, и та изогнулась в моих руках. Воспоминание переменялось. Глаза матери превратились в изумрудные льдинки, и она усмехнулась, увидев надежду в моих глазах и услышав отчаяние в моем голосе. Шестнадцатилетняя я поникла. На глаза навернулись слезы.

«Разумеется, я не люблю тебя, Луиза. Ты – дочь моего врага. Ты была зачата во имя высшей цели, и отравлять эту цель любовью я не стану».

Конечно. Конечно, она не любила меня – даже тогда. Я трянула головой, пытаюсь прийти в себя, и сжала руку в кулак. Воспоминание рассыпалось золотой пылью, и его тепло хлынуло в Рида. На его волосы и одежду дохнуло жаром, и они высохли в один миг. Кожа его снова обрела краски, дыхание стало глубже. Когда я попыталась просунуть руку Рида в рукав рубашки, он приоткрыл глаза.

– Перестань отдавать мне тепло своего тела! – рявкнула я, яростно натягивая рубашку ему на живот. – Ты сам себя убиваешь.

– Я... – Он оторопело поморгал, оглядывая кровавый пейзаж вокруг. И снова побледнел при виде мертвых братьев.

Я взяла его за щеки и повернула к себе.

– Смотри на меня, Рид. Не на них. Ты должен разорвать узор.

Рид уставился на меня широко распахнутыми глазами.

– Я... Я не знаю как.

– Просто расслабься, – мягко проговорила я, убирая волосы с его лба. – Представь себе нить, которая связывает нас, и просто... отпусти ее.

– Отпустить. – Рид хрипло хохотнул, вот только ему было совсем не смешно. – Ладно.

Качая головой, он закрыл глаза и сосредоточился. Спустя долгое мгновение тепло, что пульсировало между нами, сошло на нет и сменилось жгучим холодом, который окутывал нас.

- Хорошо, - сказала я, чувствуя, как этот холод пробирает меня до костей.
- А теперь расскажи, что случилось.

Рид резко распахнул глаза, и в этот короткий миг я успела увидеть в них вспышку искренней, неподдельной боли. У меня перехватило дыхание.

- Они не хотели отступить. - Рид тяжело сглотнул и отвел взгляд. - Ты умирала, я должен был вытащить тебя на берег. Но они нас узнали и ничего не хотели слушать...

Так же быстро, как и появилась, боль в его глазах исчезла. Погасла, как пламя свечи. Ей на смену пришла тревожная пустота.

- Кто-то должен был погибнуть... или они, или ты.

Воцарилось молчание. Безрадостная истина обрушилась на меня, словно обухом ударив по голове.

Риду уже не впервые приходилось выбирать между мной и другим человеком. Уже не впервые он замарал руки кровью своей семьи, чтобы спасти меня. Боже мой.

- Конечно, - затараторила я до омерзения беззаботно, улыбаясь до омерзения широко и слишком быстро кивая. - Все в порядке. Все хорошо.

Я вскочила и протянула Риду руку. Рид помедлил секунду, глядя на нее, и у меня упало сердце. Но я только улыбнулась еще шире. Конечно, он не решится так легко меня коснуться. И не только меня - кого угодно. Он только что пережил нечто страшное, впервые с Модранита использовал колдовство и с его помощью навредил своим братьям. Разумеется, ему тяжело. Разумеется, он не хочет, чтобы я...

Я отбросила непрошеную мысль прочь, съезжившись так, будто она меня укусила. Но было поздно. Яд сомнений уже проник мне под кожу и стал растекаться по телу. Чувствуя это, я отрешенно смотрела, как безвольно опадает моя рука. В последний миг Рид успел поймать ее и крепко сжать.

- Не надо, - сказал он.

- Что не надо?

- Думать о том, о чем ты думаешь сейчас.

Я хохотнула, подыскивая остроумный ответ, но не нашла его. И просто помогла Риду встать.

- Пойдем обратно в лагерь. Не хотелось бы разочаровать твою матушку. Она уже наверняка слюнями истекает, мечтая поскорее поджарить нас с тобой на вертеле. И знаешь, я, может быть, даже буду не против. Хоть погреемся наконец.

Он кивнул, все еще пугающе бесстрастно, и молча натянул сапоги. Мы уже пошли назад к Яме, когда я застыла, краем глаза заметив какое-то движение.

Рид огляделся.

– В чем дело?

– Ни в чем. Давай ты пойдешь, а я догоню?

– Ты шутишь?

Снова движение, на этот раз уже заметнее. Моя улыбка, все еще слишком широкая и веселая, исчезла.

– Мне нужно в туалет, – заявила я хладнокровно. – Посмотреть желаешь?

Рид вспыхнул, закашлялся и втянул голову в плечи.

– Э... нет. Я подожду... вон там.

Он убежал за большую ель, даже не оглянувшись. Я посмотрела, как Рид уходит, удостоверилась, что он скрылся из виду, а затем направилась к источнику шума.

У самого края заводи лежал, с мольбой глядя на меня, последний, еще живой шассер. Он до сих пор сжимал в руках балисарду. Я опустилась на колени рядом с ним и, чувствуя тошноту, вырвала клинок из его замерзших пальцев. Разумеется, Рид не забрал балисарду у него или у остальных. Он бы не перешел эту черту. И неважно, что позднее ведьмы могли найти здесь их тела и забрать зачарованные клинки себе. Для Рида лишиться своих братьев самой их сущности перед смертью было невыносимо, даже хуже, чем просто убить их.

Бледные губы шассера шевелились, но он не издавал ни звука. Я мягко перевернула его на живот. Моргана однажды научила меня, как мгновенно убить человека.

– У основания головы, – говорила она, касаясь лезвием ножа моей собственной шеи. – Там, где череп переходит в позвоночник. Один удар ножом – и человеку уже не выжить.

Я провела ножом по шее шассера. Его пальцы задрожали от волнения. От страха. Но он и так уже стоял одной ногой в могиле, а даже будь у него шанс уцелеть – он видел наши лица. Возможно, даже видел, как Рид использовал колдовство. Я могла принести им обоим лишь один дар.

Глубоко вздохнув и сосредоточившись, я вонзила балисарду в основание черепа шассера. Его пальцы резко обмякли. Помедлив еще секунду, я перевернула шассера обратно на спину, сложила его руки на груди и поместила балисарду между ними.

Как я и предполагала, мадам Лабелль поджидала нас на краю Ямы, раскрасневшись и сверкая глазами. Казалось, она вот-вот начнет выдыхать огонь.

- Где вас... - Она осеклась, увидев, что мы растрепаны и полуодеты. Рид до сих пор не зашнуровал штаны и поспешил сделать это только теперь. - Остолопы! - взвыла мадам Лабелль так громко, пронзительно и визгливо, что парочка горлиц неподалеку взмыли в небо. - Бестолочи! Безмозглые упрямые дети! Вы способны думать хоть чем-нибудь, что находится выше пояса?

- Когда как.

Я направилась к своему спальному мешку, таща за собой Рида, и набросила ему на плечи свое одеяло. Он был все еще слишком бледен, едва дышал. Затянул под одеяло и меня, в благодарность слегка коснувшись губами моего уха.

- Хотя слышать, как хозяйка борделя взывает к людской целомудренности, по меньшей мере странно.

- Ну не знаю. - Бо взлохматил пятерней и без того взъерошенные волосы. Он все еще был сонным. - В кои-то веки такое целомудрие я счел бы весьма... мудрым. А из моих уст эти слова что-то да значат. - Он изогнул бровь, посмотрев на меня. - Поразвлеклись-то вы хоть неплохо? Хотя нет, лучше не рассказывай. Будь это с кем угодно, кроме моего брата, может, я бы и послушал...

- Затихни, Бо, и разожги лучше огонь! - рявкнула Коко, оглядывая меня с ног до головы и хмурясь. - Это что, кровь? Ты ранена?

Бо всмотрелся в меня повнимательней и кивнул. Костер разжигать, однако, он не спешил.

- Выглядишь не лучшим образом, сестрица.

- Она тебе не сестрица, - прорычал Рид.

- И хуже тебя она выглядеть уж точно не способна, - добавила Коко.

Бо хмыкнул и покачал головой.

- Что ж, полагаю, каждый имеет право на мнение, пусть даже ошибочное...

- Хватит! - Мадам Лабелль, которая своими недовольствами уже изрядно меня утомила, всплеснула руками и смерила нас обоих суровым взором. - Что произошло?

Бросив взгляд на Рида - который напрягся, будто мадам Лабелль ткнула его кочергой, - я быстро пересказала события у ручья. Обо всем интимном я умолчала, но Бо все равно застонал и откинулся на спину, натянув одеяло на лицо. С каждым моим словом лицо мадам Лабелль каменело все больше.

- Я пыталась поддерживать четыре узора сразу, - сказала я резко, глядя, как она негодуяше щурится и багровеет. - Два для дыхания и два для слуха. Этого оказалось слишком много, и на подогрев воды меня просто не хватило. Я надеялась, что продержусь, пока шассеры не уйдут. - Я неохотно бросила взгляд на Рида, который упорно смотрел себе под ноги. Он уже вернул

балисарду в ножны, но продолжал сжимать ее, так крепко, что побелели костяшки. – Прости, что не сумела.

– Ты не виновата, – пробормотал он.

Мадам Лабелль продолжала напирать безо всяких церемоний:

– Что стало с шассерами?

Я снова посмотрела на Рида, готовясь солгать, если будет нужно.

Он ответил за меня глухим голосом:

– Я их убил. Они мертвы.

Наконец – наконец-то – лицо мадам Лабелль смягчилось.

– А потом на берегу он отдал мне тепло своего тела, – продолжила я рассказ, вдруг возмечтав поскорее закончить эту беседу, отвести Рида в сторону и как-нибудь его утешить. Он казался таким.. одеревеневшим, чужим, холодным, будто сам стал елью, одной из тех, что росли вокруг. Я просто не могла на это смотреть. – Использовать колдовство таким образом было умно, но он сам чуть не умер от холода. Мне пришлось извлечь тепло из своего воспоминания, чтобы его спасти..

– Что?! – Мадам Лабелль вскочила в полный рост и уставилась на меня сверху вниз, стиснув кулаки в таком знакомом жесте, что я застыла, глядя на это. – Глупая девчонка..

Я с вызовом вздернула нос.

– А вы бы предпочли, чтобы я позволила ему умереть?

– Нет, конечно! Но подобное безрассудство просто недопустимо, Луиза! Ты не хуже меня знаешь, как опасны игры с памятью..

– Знаю, – процедила я.

– А почему они опасны? – тихо спросил Рид.

Я обернулась к нему и так же тихо ответила:

– Память – это.. нечто священное. Все пережитое нами формирует нашу личность – поскольку приобретенные черты важнее врожденных, – и если изменить нашу память о пережитом.. нашу личность это тоже может изменить.

– Невозможно узнать наверняка, как измененное Лу воспоминание повлияло на ее ценности, взгляды и убеждения. – Мадам Лабелль раздраженно уселась на свой любимый пень. Тяжело вздохнув, она выпрямилась и сцепила руки, будто пытаясь сосредоточиться на чем-нибудь – чем угодно – кроме своего гнева.

– Личность человека – очень сложная вещь. Некоторые верят, что наша природа – происхождение и наследуемые черты – влияют на нашу сущность независимо от того, каково нам приходится в жизни. Согласно этой философии, мы становимся теми, кем нам суждено стать от рождения. Многие

ведьмы, в том числе Моргана, используют ее, чтобы оправдать свои отвратительные деяния. Это, конечно же, вздор.

Все глаза и уши в Яме обратились к мадам Лабелль. Даже Бо с любопытством вскинул голову.

Рид нахмурился.

- То есть... ты веришь, что воспитание важнее природы?

- Разумеется. Малейшие изменения памяти могут иметь последствия глубокие и при этом незримые. - Мадам Лабелль перевела взгляд на меня и едва заметно сощурилась. - Мне уже доводилось видеть, как происходило подобное.

Воцарилось неловкое молчание, и Ансель, будто по наитию, робко улыбнулся всем.

- Я и не знал, что колдовство - такая сложная наука.

- Твои знания о колдовстве вообще гроша ломаного не стоят, - отрезнула мадам Лабелль.

Коко что-то рявкнула в ответ, в спор вступил и Бо. Я их не слушала. Рид коснулся ладонью моей поясницы, наклонился ко мне и шепнул:

- Не стоило тебе делать такое ради меня.

- Я ради тебя и не на такое способна.

Он отпрянул, услышав мой тон, и всмотрелся мне в глаза.

- О чем ты?

- Ни о чем. Не волнуйся. - Я погладила Рида по щеке и испытала необычайное облегчение, когда он не отстранился. - Что сделано, то сделано.

- Лу. - Он схватил меня за руку и мягко сжал ее, а затем отстранил от своего лица. Пусть вежливо, но Рид отверг мой жест, и у меня внутри все болезненно дрогнуло. - Скажи мне.

- Нет.

- Скажи.

- Нет.

Рид выдохнул через нос, и на лице его заиграли желваки.

- Прошу тебя.

Я посмотрела на него, размышляя. Коко и Бо все больше входили в раж. Зря я это, ох как зря.

– Отчасти ты и сам знаешь, – сказала я наконец. – Чтобы что-то получить, сначала нужно что-нибудь отдать. Поэтому, чтобы спасти тебя на берегу, я отдала тепло своего воспоминания. Отдала наше зрение за улучшенный слух и...

Честно говоря, мне хотелось солгать. Опять. Хотелось усмехнуться и сказать, что все будет хорошо, но скрывать мой поступок было довольно бессмысленно. Правила есть правила. Магия требует жертв. Природа – равновесия. Рид должен это усвоить, причем чем раньше, тем лучше, если мы в самом деле намерены выжить.

– И?.. – поторопил меня Рид.

Я смело встретила его твердый взгляд.

– Я отдала несколько мгновений своей жизни за те мгновения, что мы находились в воде. Не смогла придумать, как иначе помочь нам дышать.

Услышав это, Рид отпрянул от меня, но тут мадам Лабелль вскочила на ноги, перекивая Коко и Бо. Ансель с ощутимой тревогой наблюдал, как вокруг воцаряется хаос.

– Я сказала, довольно! – Мадам Лабелль покраснела еще больше и прямо-таки тряслась от гнева. Крутой нрав Рид явно унаследовал от нее. – Старухин клык вас побери, немедленно... прекратите вести себя как дети, иначе Белые дамы еще станцуют на ваших костях! – Она резко обернулась к нам с Ридом. – Вы уверены, что шассеры мертвы? Все?

Молчание Рида и без того служило ясным ответом, но мадам Лабелль сверлила нас взглядом, ожидая подтверждения. Я нахмурилась и сказала:

– Да. Их больше нет.

– Вот и отлично, – выплюнула она.

Рид все так же молчал. Он и виду не подал, что слышал ее жестокие слова. Я поняла: он прячется. Прячется от них, прячется от себя самого... И от меня тоже. Мадам Лабелль вытащила из-под корсажа три смятых листка пергамента и бросила нам. Я узнала почерк Коко – то были ее письма тетке с просьбами о помощи. А под последней незнакомая мне рука вывела резкий и немногословный отказ:

«Вашему охотнику здесь не рады».

Вот и все. Никаких других объяснений и любезностей, никаких условий и оговорок.

Похоже, Ля-Вуазен наконец дала нам ответ.

Я смяла последнее письмо в кулаке прежде, чем Рид успел его прочесть. В ушах у меня шумела кровь.

- Что ж, теперь все согласны, что пришла пора взглянуть в глаза чудовищам? - спросила мадам Лабелль. - Или мы будем и дальше жмуриться и надеяться на лучшее?

Мое раздражение из-за мадам Лабелль уже грозило перерасти в отвращение. И мне было совершенно неважно, что она - мать Рида. Я, конечно, не желала ей смерти как таковой, скорее... зуда. Да, точно. Вечного зуда где-нибудь пониже пояса, да такого, что никак не почесать. Достойное наказание для человека, который постоянно всем портит жизнь.

И тем не менее, несмотря на всю ее жестокость и бесчувственность, в глубине души я понимала: она права. Похищенные мгновения миновали.

Настало время двигаться дальше.

- Вчера вы говорили, нам нужны союзники.

Я крепко сжала пальцы Рида. Только так я могла утешить его сейчас. Когда Рид не стиснул мою руку в ответ, старая рана на сердце вскрылась снова. Горькие слова вырвались прежде, чем я смогла сдержать их:

- Кого мы вообще можем просить о помощи? Кровавые ведьмы определено не за нас. Народ Бельтерры - тоже. Мы - ведьмы. Мы зло. Мы вешали их сестер, братьев и матерей на улице средь бела дня.

- Так поступала Моргана, - возразила Коко. - Мы ничего не делали.

- Но в том-то и суть, разве нет? Мы это допустили. - Я примолкла и тяжело вздохнула. - Я это допустила.

- Прекрати, - резко сказала Коко, качая головой. - Единственное твоё преступление - всего лишь желание жить.

- Это неважно. - Мадам Лабелль снова задумчиво уселась на свой пень. Щеки ее до сих пор розовели, но тон она милосердно понизила. Мои уши возрадовались этому. - Народ последует за своим королем.

- Вы совсем обезумели, если решили, что мой отец согласится вам помочь, - заявил Бо. - Он уже назначил награду за голову Лу.

Мадам Лабелль фыркнула.

- У нас с ним есть общий враг в лице Морганы. Возможно, он проявит стоворчивость большую, чем ты полагаешь.

Бо закатил глаза.

- Слушайте, я, конечно, понимаю, вы думаете, он до сих пор вас любит, но он...

- Не единственный наш потенциальный союзник, - перебила его мадам Лабелль. - Разумеется, наши шансы на успех будут заметно выше, если мы убедим короля Огюста примкнуть к нам - ведь командование над шассерами до назначения нового главы Церкви несомненно взял на себя именно он. Однако

в мире есть и другие не менее могущественные фигуры. Лу-гару, к примеру, а также мелузины. Возможно, при благоприятных обстоятельствах даже Жозефина согласится нам помочь.

Коко расхохоталась.

– Если моя тетка отказалась даже просто приютить нас, поскольку с нами бывший шассер, с чего ты взяла, что она пожелает заключить союз с шассерами более чем настоящими? Обратней и русалок, кстати, она тоже не слишком жалуется.

Рид моргнул – и только этим дал понять, что догадался о содержании письма Ля-Вуазен.

– Ерунда. – Мадам Лабелль покачала головой. – Нужно всего лишь доказать Жозефине, что союз с нами для нее будет выгоднее мелочной политики.

– «Мелочной политики»? – скривилась Коко. – От политики моей тетки зависит жизнь моего народа. Когда Белые дамы изгнали моих предков из Шато, и лу-гару, и мелузины не захотели им помочь. Но вы ведь и сами это знаете, правда? Белые дамы только о себе и думают. Кроме тебя, Лу, – добавила она.

– Я не обижаюсь.

Я подошла к ближайшему корню, взобралась на него, уселась и посмотрела на мадам Лабелль сверху вниз. Ноги у меня, правда, не доставали до земли, поэтому вид получился чуть менее грозный, чем хотелось бы.

– Раз уж мы решили помечтать, может, и Водваса с Тараском в список союзников запишем? Уверена, мифический человек-козел и дракон смогут разбавить живописным разнообразием грядущую великую битву, которую вы тут уже сочинили.

– Я ничего не сочиняю, Луиза. Ты не хуже меня знаешь, что твоя мать, пусть и не дает о себе знать, определенно не теряет времени даром. Она замышляет недоброе, и мы должны быть к этому готовы.

– Никакой битвы не будет. – Я делано беззаботно поболтала ногами, хотя по коже у меня бежали мурашки. – Уж точно не в привычном нам смысле этого слова. Это просто не в духе моей матери. Она анархистка, а не солдат. Она нападает из тени, прячется в толпе. Так она и рождает страх – в хаосе. Она не станет атаковать в открытую, тем самым давая своим врагам повод объединиться.

– И тем не менее, – холодно сказала мадам Лабелль. – Нас лишь шестеро, а Белых дам – множество. Без союзников нам никак не обойтись.

– Хорошо, давайте допустим, что все причастные волшебным образом сомкнут ряды. – Я болтала ногами все быстрее. – Король, шассеры, Алые дамы, лу-гару и мелузины – все действуют заодно как большая дружная семья. Что будет потом, когда мы победим Моргану? Прямо над ее трупом продолжим убивать друг друга? Мы ведь враги, Элен. Обратни с русалками не станут закадычными приятелями на поле боя. Охотники не забудут все, чему их

учили веками, и не подружатся с ведьмами. Обида слишком стара и слишком велика для каждого. Пластырем не исцелить ни одну болезнь.

- Так дайте им лекарство, - сказал Ансель тихо и посмотрел мне в глаза. Его взгляд был не по годам тверд. - Ты же ведьма. А Рид - охотник.

- Больше нет, - ответил Рид. Тихо и ровно.

- Но раньше был, - настаивал Ансель. - Когда ты полюбил Лу, вы еще были врагами.

- Он ведь не знал, что я его враг.. - начала я.

- Но ты знала, что он - твой. - Карие, как виски, глаза Анселя смотрели то на Рида, то на меня. - Что бы это изменило?

«Неважно, что ты ведьма», - сказал мне Рид после Модранита. Он взял меня за руки, а в глазах его блеснули слезы. Сколько же чувств тогда было в них. Сколько любви. «Ты так по-особенному видишь мир.. Я тоже хочу так его видеть».

Затаив дыхание, я ждала, что Рид согласится с Анселем, но он молчал. Вместо него заговорила мадам Лабелль:

- Полагаю, тот же подход поможет и с остальными. Если объединить их против общего врага, заставить действовать сообща, возможно, удастся помочь им иначе взглянуть друг на друга. Быть может, именно этот шаг нам и нужен.

- Ну вот, а вы еще меня бестолочью называли.

Я насмешливо махнула ногой, и с нее слетел сапог, так и не зашнурованный после ручья. Из него выпал клочок бумаги. Нахмурившись, я соскочила на землю и подняла его. В отличие от дешевого перепачканного кровью пергамента, который Коко стащила в деревне, это письмо было написано на чистой свежей бумаге, и пахло оно.. эвкалиптом. Кровь застыла у меня в жилах.

Прелестная куколка, хрупкий фарфор

И локоны ночи черней,

Слезами зелеными плачет одна

В гробу взаперти много дней

Коко подошла ко мне и наклонилась ближе, чтобы прочесть послание.

- Это не от моей тетки.

Листок выскользнул из моих онемевших пальцев.

Ансель поднял его и тоже прочитал содержимое.

– Не знал, что ты любишь поэзию. – Когда он увидел мой взгляд, его улыбка померкла. – Красиво. Хоть и печально.

Ансель хотел отдать записку мне, но пальцы мне все еще не повиновались. Рид взял ее сам.

– Ты ведь этого не писала, да? – спросил он, но это был не вопрос.

Я все равно молча покачала головой.

Секунду Рид смотрел на меня, а затем снова перевел взгляд на записку.

– Она была в твоем сапоге. Кто бы ни написал это, подложил он ее явно там, у ручья. – Он нахмурился еще больше и отдал записку мадам Лабелль, которая уже нетерпеливо потянулась взять ее. – Думаешь, шассер мог...

– Нет. – Неверие, парализовавшее меня, наконец вырвалось на волю жаркой волной страха. Не слушая возражений мадам Лабелль, я выхватила у нее листок и сунула обратно в сапог. – Это была Моргана.

Самый разумный план действий

Рид

В лагере воцарилось зловещее молчание. Все смотрели на Лу. Она сделала глубокий вдох, чтобы собраться с духом, и наконец заговорила, озвучив наши мысли:

– Как она нас нашла?

Вопрос был хороший. Но неверный.

Я смотрел на костер и представлял, как бледная рука Морганы витиеватым элегантным почерком пишет эту записку, а вместе с ней – и наш смертный приговор.

Я должен был принять решение.

– Вы же сами ушли из лагеря! – рявкнула мадам Лабелль. – Чтобы искупаться, подумать только.

- Отсюда много миль до Шато ле Блан, - возразила Лу, и я почувствовал, что ей с трудом удастся говорить ровно и спокойно. - Даже если вода смыла защиту Коко, даже если деревья нашептали Моргане, где мы, так быстро сюда добраться она бы не успела. Она ведь не может летать.

- Разумеется, успела бы. И ты бы успела, будь на то веская причина. Вопрос лишь в нужном узоре, который следует найти.

- А может быть, она уже была здесь и наблюдала за нами. Может, она все это время за нами следила.

- Это невозможно.

Я поднял взгляд и увидел, как потемнели глаза мадам Лабелль.

- Я сама заколдовала эту яму.

- Так или иначе, - сказала Коко, подбоченившись, - почему она просто не похитила Лу из ручья?

Я снова обратил взгляд к огню. Тоже хороший вопрос, даже лучше. Но все еще неверный.

Мне снова вспомнились слова Морганы. «Слезам зелеными плачет одна в гробу взаперти много дней». Ответ был прямо у нас под носом. Я тяжело сглотнул, размышляя о главном слове. «Гроб». Конечно же, в этом и был замысел Морганы. Скорбь обрушилась на ворота моей крепости, но я сдержал ее натиск, отмахнулся от осколка тоски, который грозил вот-вот пронзить мне сердце.

Медленно, размеренно я разложил все свои мысли и чувства по местам.

- Не знаю, - ответила Лу с досадой и стала расхаживать туда-сюда. - Это так... так на нее похоже. И пока мы не узнаем, как Моргана меня нашла - и чего она хочет, - здесь оставаться опасно. - Она резко обернулась к мадам Лабелль. - Вы правы. Нам нужно немедленно уходить. Сегодня же.

Она не ошибалась.

- Но Моргана уже знает, что мы здесь, - сказала Коко. - Что помешает ей просто последовать за нами?

Лу двинулась дальше, не сводя взгляд с тропы, которую протоптала в земле.

- Она попытается. Конечно же, попытается. Но к игре, которую она затеяла, еще не все готово - иначе она бы уже меня забрала. И до тех пор у нас есть время, чтобы сбить ее со следа.

- Восхитительно. - Бо закатил глаза и плюхнулся на свой спальник. - Над нашими головами висит невидимый топор.

Я глубоко вздохнул.

- Не такой уж невидимый.

Все глаза на поляне обратились ко мне. Я заколебался. Я еще не решил, что делать. Если я прав – а я был в этом уверен, – многие погибнут, если мы останемся в стороне. А если не останемся... то направимся напрямиком в ловушку. И тогда Лу...

Я посмотрел на нее, и сердце у меня сжалось.

Лу окажется под угрозой.

– Господи боже, – воскликнул Бо. – Сейчас не время играть в мрачного героя. Выкладывай живей!

– В записке все сказано. – Указав на угли костра, я пожал плечами. Получилось скорее нервно, чем хладнокровно. – Плач, слезы, гроб. Речь о похоронах. – Я многозначительно посмотрел на Лу, и она ахнула.

– Похороны Архиепископа!

Я кивнул.

– Она заманивает нас туда.

Лу нахмурилась и качнула головой.

– Но...

– Это лишь часть послания, – договорил за нее Ансель. – Что значит остальное?

Я усилием воли заставил себя сохранять спокойствие. Собранность. Пустоту, защищенную стенами моей крепости от бури чувств, бушующей снаружи.

– Не знаю. Но что бы она ни задумала, это связано с его погребением, я в этом уверен.

Если все верно, готов ли я рискнуть жизнью Лу ради спасения сотен, быть может, тысяч невинных людей? И если я поступлю так, то буду ли хоть чем-нибудь лучше Моргану? Пожертвовать одним человеком, чтобы спасти многих, – это звучало разумно, но все равно по некой причине неправильно. Даже если бы речь шла не о Лу. Цель не оправдывала средств.

И все же... из присутствующих именно я знал Моргану лучше всех. Лучше, чем знала ее мадам Лабелль и даже Лу. Они знали Госпожу Ведьм женщиной. Матерью. Подругой. Я же знал ее как врага. Я изучал ее действия и планы, предугадывал ее атаки – таков был долг моей службы. Последние несколько лет своей жизни я все лучше и лучше узнавал ее повадки. И что бы она ни задумала на похороны Архиепископа, от этого замысла разило смертью.

Но я не мог подвергать угрозе жизнь Лу. Просто не мог. Если меня чему и научили те немногие страшные мгновения в Модранит – когда в ее горле зияла открытая рана, когда ее кровь лилась в жертвенную чашу, – так это что жизнь без Лу мне не нужна. Да и не то чтобы это вообще было важно.

Если умрет Лу, умру и я. В буквальном смысле, равно как и десятки других людей, в том числе Бо и... остальные.

Моя семья.

Я содрогнулся от мысли об этом.

Все те люди, которых Моргана надеялась погубить, уже не были для меня безликими чужаками. Они стали братьями и сестрами, которых я пока что не знал. Братьями и сестрами, о которых я пока что не смел и мечтать, не смел даже думать. Они были где-то там, в этом мире. И им грозила опасность. Я не мог просто бросить их. Моргана, по сути, сообщила нам, где скоро окажется. Если там смогу оказаться и я, если сумею как-нибудь ее остановить, отрезать гадюке голову и спасти свою семью и Лу, если не позволю ей осквернить погребение моего патриарха...

Я слишком углубился в мысль и не заметил, как тихо стало вокруг.

- Ты притягиваешь ответ за уши, - сказал наконец Бо, качая головой. - Строишь выводы на пустом месте. Ты хочешь пойти на похороны, я понимаю, но это не значит, что и Моргана там будет.

- Я хочу не пойти на похороны, а помешать ее планам.

- Мы знать не знаем, что она планирует.

Я потряс головой.

- Знаем. Она не станет докладывать нам все до мелочей, но угроза ясна...

- Рид, дорогой, - мягко перебила меня мадам Лабелль. - Я знаю, ты очень любил Архиепископа, и возможно, тебе нужно туда пойти, примириться с потерей, но сейчас не время бездумно бросаться...

- Вовсе не бездумно.

Мои руки сами собой сжались в кулаки, ровно дышать удавалось с трудом. В груди стало тесно. Слишком тесно. Разумеется, им не понять. Дело было вовсе не во мне. И не в... примирении с потерей. Все дело было в правосудии. И если... если с этого начнется мое искупление, если я смогу проститься...

Осколок тоски проник глубже. Стало больно.

Я все еще смогу защитить Лу. Смогу уберечь ее.

- Ты ведь сама хотела найти союзников, - продолжал я, уже решительнее. - Так скажи, как нам это сделать. Объясни, как убедить оборотней и русалок сражаться плечом к плечу друг с другом и с шассерами. Все может получиться. И тогда у нас хватит сил дать Моргане отпор, когда она нанесет удар.

Все переглянулись. Многозначительно и с сомнением. Все, кроме Лу. Она смотрела на меня очень странным взглядом, и мне это не понравилось. Я не

мог прочесть выражение ее лица, а прочесть Лу мне удавалось всегда. Этот взгляд.. напомнил мне о временах, когда Лу скрывала от меня свои секреты. Но между нами больше не было тайн. Она ведь мне это обещала.

- А мы.. - Ансель потер затылок, глядя себе под ноги. - Мы вообще знаем точно, что похороны состоятся?

- И где они состоятся? - добавил Бо.

- И когда? - вставила Коко.

- Выясним, - настаивал я. - И будем готовы.

Бо вздохнул.

- Рид, не глупи. Если ты прав насчет записки - а я в этом сомневаюсь, кстати, - мы угодим прямо Моргане в лапы. Именно этого она и хочет..

Абсалон возник у меня в ногах в тот самый миг, когда я открыл рот, чтобы возразить - и наконец вспылить, - но меня перебила Лу.

- Верно. Именно этого она и хочет, - тихо и задумчиво проговорила она, указав на нас. - Именно в такие игры она и любит играть. Жестоко обходиться с людьми, управлять ими, сеять рознь. Она ждет ответа. Она его жаждет. И самый разумный план действий сейчас - держаться от нее подальше.

Последнее она сказала мне.

- Слава Девичьему цветку. - Мадам Лабелль с облегчением выдохнула, утерла лоб и улыбнулась Лу, что случалось нечасто. - Я знала, что ты не прожила бы так долго, не имея хоть капли здравомыслия. Если похороны в самом деле состоятся и Моргане в самом деле планирует их расстроить, времени на подготовку у нас не будет. Ехать по дороге долго и опасно - нас ведь ищет все королевство. До владений стаи Жеводанского зверя почти две недели пути, а до обители русалок в Лё-Меланколик - по меньшей мере неделя в противоположную сторону. - Она снова встревоженно утерла лоб. - Кроме того, и там, и там нам потребуется провести несколько недель, чтобы укрепить со всеми необходимые отношения. Мне жаль, Рид, но мы просто не успеем всюду.

Лу смотрела на меня и ждала.

Я ее не подвел.

- Прошу тебя, Лу, - шепнул я, подступая ближе. - Самый разумный план действий не всегда самый верный. Это ведь еще недавно была моя работа - я всю жизнь боролся с Морганой и Белыми дамами. Я знаю, как они действуют. Ты верно сказала - Моргане сеет хаос. Подумай сама. В день, когда мы встретились, она совершила покушение на короля на параде в честь его сына. - Вспомнив об этом, я обернулся к Бо. - Она напала на собор во время празднования дня Святого Николая. Как и всегда - прямо посреди толпы. Так она защищается. Так она ускользает. - Я взял Лу за руку и с удивлением ощутил, как дрожат ее пальцы. - На похороны Архиепископа

соберется толпа, которой во всем королевстве прежде не бывало. Люди со всего мира съедутся в Цезарин, чтобы почтить его память. Хаос, который устроит Моргана, будет разрушителен. А у нас есть возможность ее остановить.

- А если никто не захочет помочь нам бороться с ней?

- Захочет. - Я ощутил укол вины, но отмахнулся от него. Пока что мне нужно было лишь согласие Лу. О последнем я расскажу, когда на кону не будет людских жизней. - Кровавые ведьмы и русалки нам не нужны. Земли оборотней не так далеко от Цезарина - день-два езды, не больше. Мы обратимся к королю Огюсту и Жево... К Блезу. Сделаем все необходимое, чтобы их убедить. Ты сама сказала - Моргана не солдат. И не станет сражаться, если силы будут равны. - Мои мысли уже неслись полным ходом, ища разные пути к цели. - Она не будет ожидать, что шассеры вступят в альянс с оборотнями. Мы подстережем ее в засаде... Нет. Отвлечем внимание с помощью шассеров и выманит ее из города, где будут поджидать оборотни. Все может получиться, - повторил я, теперь уже громче.

- Рид. Ты ведь знаешь: это ловушка.

- Я не допущу, чтобы с тобой что-то случилось.

- Я не за себя волнуюсь. - Лу коснулась ладонью моей щеки. - Моя мать грозила скормить мне твое сердце, если я снова сбегу.

- Этого не будет.

- Да. Не будет.

Она опустила руку, и все выжидательно застыли. Никто не смел даже дышать. В это мгновение в лагере что-то неуловимо переменялось. Не стовариваясь, мы все посмотрели на Лу, ожидая ее решения. Не на мадам Лабелль. На Лу. Я уставился на нее, чувствуя, как на меня снисходит озарение. Она - дочь Госпожи Ведьм. Я и прежде знал это. Разумеется, знал. Но до нынешних пор не понимал, что это значит. Если все пойдет по плану... Лу унаследует корону матери. И титул. И власть.

Лу станет королевой.

Лу станет Девой, Матерью и Старухой.

Она вздрогнула, будто и сама в тот же миг это поняла. Широко распахнула глаза и скривила губы. Выходит, это открытие ее не порадовало. Явно чувствуя себя не в своей тарелке, Лу посмотрела на Коко, а та в ответ коротко кивнула.

- Ладно. - Лу присела и поманила пальцем кота, который вился у нас в ногах. - Абсалон, можешь доставить послание Жозефине Монвуазен? - Она виновато посмотрела на Коко. - Это письмо должно быть от меня.

- Что ты делаешь? - растерянно спросил я, хватая ее за руку и поднимая в полный рост. - Нам ведь нужно обратиться к Огюсту и Блезу...

- Слушай, шасс. - Лу похлопала меня по груди, а потом отстранилась и снова присела рядом с Абсалоном. - Если уж мы решились на эту затею, нам потребуется вся возможная помощь. Русалки и впрямь слишком далеко, но вот кровавые ведьмы.. Может, твоя мать и права. Может, при благоприятных обстоятельствах Жозефина действительно проявит стоворчивость. - Она добавила, обращаясь к Коко: - Говоришь, лагерь крови близко?

Коко кивнула.

- Обычно в это время года они обитают здесь.

Лу кивнула и что-то шепнула Абсалону. Я ощутил, как внутри зреет подозрение.

- Ты же говорила, что бывшего шассера они принимать не станут, - сказал я.

Коко выразительно вскинула бровь и усмехнулась.

- Не станут.

- Тогда как?..

Кот исчез в облаке черного дыма. Лу медленно поднялась и отряхнула с колен грязь.

- Рид, нам придется разделиться.

Цвет волос

Лу

- Белое вино и мед, затем смесь корней чистотела с оливковой мареной, маслом семян тмина, опилками и шепоткой шафрана. - Мадам Лабелль бережно разложила пузырьки на камне, из которого мы сделали своего рода стол. - Если оставить все это настаиваться в течение целого солнечного цикла, смесь окрасит твои локоны в золотистый цвет.

Я ошалело уставилась на множество склянок.

- У нас нет столько времени.

Мадам Лабелль посмотрела мне в глаза.

– Разумеется, но, возможно, получится... ускорить процесс с помощью определенных ингредиентов.

Мы разом оглянулись на Рида, который в одиночестве сидел в противоположном углу лагеря, точил балисарду и не желал ни с кем разговаривать.

– Нет.

Я потрясла головой, отодвигая пузырьки подальше. Вся суть этой безнадежной затеи заключалась именно в том, чтобы замаскировать меня без помощи колдовства. После всего, что произошло с Ридом у ручья... не стоило понапрасну дразнить гусей.

– Неужели не нашлось париков?

Мадам Лабелль фыркнула и снова потянулась к сумке.

– Представь себе, Луиза, как это ни удивительно, в крохотной крестьянской деревушке Сен-Луар одежных лавок нет. – Она шлепнула на камень еще одну склянку. Внутри нее что-то шевелилось. – Быть может, ты предпочтешь баночку маринованных пиявок? Я слышала, если оставить их в волосах подольше в солнечный денек, насыщенный черный цвет обеспечен.

Пиявки? Мы с Коко в ужасе переглянулись.

– Мерзость, – заявила она.

– Вот уж точно.

– Тогда, вероятно, подойдет вот это? – Мадам Лабелль выудила из сумки еще два пузырька и бросила по одному Коко и мне – или скорее в Коко и в меня. Я успела поймать свой прежде, чем он сломал бы мне нос. – Паста из оксида свинца и гашеной извести сделает твои волосы черными как ночь. Только будь осторожна, продавец сообщил мне, что побочные эффекты бывают довольно неприятными.

Неприятней ее ухмылочки они определенно быть не могли.

Бо, который копался в сумке Коко, застыл.

– Что за побочные эффекты?

– В основном смерть. Совершенно ничего страшного. – Мадам Лабелль пожала плечами, так и источая сарказм. Я его не оценила. – Это, безусловно, гораздо безопаснее, нежели колдовство.

Сощурившись, я присела, чтобы самой обыскать ее сумку.

– Это просто мера предосторожности, ясно вам? Я пытаюсь проявить участие к Риду. Он с колдовством сейчас не слишком в ладах.

– А когда-то разве был в ладах? – пробурчал Ансель.

Тоже верно.

– Можно ли винить его за это?

Я наугад стала доставать пузырьки, изучать этикетки и отбрасывать их в сторону. Мадам Лабелль, видимо, всю аптеку в деревне скупала.

– Он всего дважды использовал колдовство, и в обоих случаях погибли люди. Ему просто нужно... время, чтобы примириться с этим. И с самим собой. В конце концов у него получится.

– Точно ли получится? – Коко с сомнением изогнула бровь и снова смерила Рида долгим взглядом. – Ведь... матагот неспроста к нам явился.

Упомянутый матагот в этот самый миг лежал на нижних ветвях ели и смотрел на нас желтыми глазами.

Мадам Лабелль вырвала у меня свою сумку и одним движением сердито сгребла все пузырьки обратно.

– Мы не знаем наверняка, что матагот здесь именно из-за Рида. Мой сын явно не единственная беспокойная душа в этом лагере.

Она посмотрела на меня и сунула мне ленту. Та была толще прежней, которую я когда-то носила, но все же... черный атлас вряд ли скроет мой новый шрам.

– Уже дважды твоя мать пыталась тебя убить. Откуда нам знать, быть может, Абсалон здесь как раз из-за тебя.

– Из-за меня? – фыркнула я, приподнимая волосы и позволяя Коко завязать ленту у меня на горле. – Чуть. Со мной все хорошо.

– Ты с ума сошла, если вздумала, что лента и краска для волос спрячут тебя от Морганы.

– Не от Морганы. Она ведь и так уже может быть здесь и наблюдать за нами. – Я на всякий случай подняла над головой средний палец. – Но вот от всех, кто увидит эти чертовы объявления о розыске, краска и лента могут меня укрыть. А может, и от шассеров тоже.

Завязав бант, Коко коснулась моего локтя, и я отпустила волосы. Тяжелой густой волной они упали мне на плечи.

– Да уж, на этих объявлениях прямо вылитая ты, – сказала Коко насмешливо. – А уж с какой точностью художник изобразил твой шрам...

Я невольно фыркнула и обернулась к ней.

– На отросток какой-то получилось похоже.

– Весьма большой.

– И весьма фаллический.

Мы расхихикались, а мадам Лабелль рассердилась еще больше. Бормоча что-то про детей, она направилась к Риду. Ну и до свидания. Мы с Коко только пуще захохотали. Ансель пытался посмеяться с нами, но улыбка у него вышла довольно натянутая. Мои подозрения подтвердились, когда он спросил:

– Как думаете, в лагере Ля-Вуазен нас никто не тронет?

Коко ответила мгновенно:

– Никто.

– А остальным разве ничего не будет угрожать?

Посерьезнев, Коко посмотрела на Бо, который украдкой снова стал копаться в ее сумке. Она шлепнула его по руке, но промолчала.

– Не нравится мне это, – продолжал Ансель, переминаясь с ноги на ногу и заметно волнуясь все больше. – Если магия мадам Лабелль не смогла спрятать нас здесь, их на дороге она тоже не спрячет. – Он с мольбой в глазах повернулся ко мне. – Ты сказала, что Моргана грозилась вырезать Риду сердце. Когда мы разделимся, она может его похитить и заманить тебя обратно в Шато.

Рид час назад сказал ровно то же самое – точнее, даже рявкнул.

Оказалось, идея заполучить союзников для битвы с Морганой на похоронах Архиепископа пришлась ему по вкусу гораздо меньше, когда выяснилось, что нам придется делиться. Но чтобы эта безумная затея сработала, ведьмы крови были нам нужны, а Ля-Вуазен четко дала понять, что в ее лагере Риду не место. Ведьмы крови не могли похвалиться большим числом, но репутация их была весьма устрашающей. Настолько, что Моргана каждый год отказывала им в прощении вернуться в Шато.

Я надеялась, что это заставит их хотя бы задуматься над тем, чтобы восстать против нее.

По крайней мере, Ля-Вуазен готова была нас выслушать. Абсалон почти мгновенно вернулся с ее согласием. Если мы придем без Рида, в лагерь она нас пустит. Что ж, и на том спасибо. В полночь мы с Коко и Анселем должны были встретиться с ней у Сен-Луара и отправиться в лагерь крови. Я знала, что рядом с Ля-Вуазен мы более-менее будем в безопасности, но вот остальные...

– Я не знаю. – Я беспомощно пожала плечами, и Коко поджала губы. – Остается только надеяться, что колдовства Элен окажется достаточно. Кровь Коко тоже будет у них при себе. А если станет совсем худо... У Рида есть балисарда. Он сможет себя защитить.

– Этого мало, – пробормотала Коко.

– Я знаю.

Но больше сказать было нечего. Если Рид, мадам Лабелль и Бо сумеют пережить встречу с шассерами, Белыми дамами, головорезами и бандитами с

Ля-Ривьер-де-Дан – единственной дороги через лес, названной так в честь зубов мертвецов, которых на ней скопилось немало, – на земле оборотней опасность возрастет десятикратно.

Сложно было сказать, кого лу-гару ненавидели больше – охотников, ведьм или принцев.

И все же Рид знал эти земли лучше любого из нас. И также лучше всех нас он знал Блеза. Я могла лишь надеяться, что дипломатические навыки Бо и мадам Лабелль помогут в деле. Судя по тому, что я слышала о Блезе – а слышала я о нем не так уж много, – правил он справедливо. Может быть, он всех нас еще удивит.

Так или иначе, у нас не хватало времени, чтобы посетить оба лагеря вместе.

Вечером мы собрались отправиться на разведку в местную пивнушку, чтобы выяснить точную дату похорон Архиепископа. Если повезет, мы успеем встретиться в Цезарине раньше и вместе обратиться к королю Огюсту. Мадам Лабелль настаивала, что его можно убедить сотрудничать с нами. Что ж, доберемся до его замка – узнаем.

Как и Анселю, эта затея мне не нравилась. Вся, от начала до конца. Слишком мало времени, слишком много дел и недостающих кусочков мозаики. Остальное мы сложим вместе вечером, а пока...

– Ага! – торжествуя, Бо вытащил из сумки Коко два пузырька.

У нее с собой было много разномастных ингредиентов для кровной магии – некоторые узнаваемые, вроде пряностей и трав, а некоторые нет – например, серый порошок и прозрачная жидкость, которые держал в руках Бо.

– Древесная зола и уксус, – объяснил он.

Когда мы непонимающе уставились на Бо, он нетерпеливо вздохнул.

– Для твоих волос. Ты ведь все еще хочешь покрасить их по старинке, да?

– А. – Мои руки сами по себе взметнулись вверх, прикрывая волосы, будто пытаюсь защитить их от Бо. – Да... да, конечно.

Коко ободряюще стиснула мое плечо, сверля Бо яростным взглядом.

– А ты точно знаешь, что делаешь?

– Я многим своим пассиям помогал красить волосы, Козетта. Собственно говоря, как раз до тебя была у меня пышная блондинка по имени Эвонна... – Он наклонился ближе и подмигнул нам. – Не от природы блондинка, конечно, но другие ее природные дарования с лихвой восполняли этот изъян.

Когда Коко сощурилась и до боли крепко впила пальцами мне в плечо, Бо ухмыльнулся.

– В чем дело, ma chatte[3]? Неужто ты... ревнуешь?

- Ах ты..

Морщась, я похлопала ее по руке.

- Не волнуйся, когда мы закончим, я его для тебя расчленю.

- Медленно?

- Кусочек за кусочком.

Коко удовлетворенно кивнула и направилась к мадам Лабелль, оставив меня с Анселем и Бо. Между нами повисло неловкое молчание, и я нарушила его, нервно махнув рукой:

- Ты и правда знаешь, что делаешь, да?

Бо прошелся пальцами по моим волосам. Без Коко он как будто бы сник и теперь смотрел на золу и уксус с опаской.

- Ни разу в жизни я не утверждал ни о чем подобного.

У меня внутри все сжалось.

- Но ты сказал...

- Я сказал, что помогал своей пассии красить волосы, и то лишь чтобы позлить Козетту. На самом деле я наблюдал, как пассия красит себе волосы, а сам в это время, обнаженный, кормил ее клубникой.

- Если испортишь мне волосы, я с тебя кожу сниму и вместо плаща ее буду носить.

Он вскинул бровь и оглядел этикетки пузырьков.

- Принято.

Честное слово, если в самое ближайшее время обнаженная пассия не начнет кормить клубникой меня, я весь мир сожгу к чертям.

Налив и насыпав в ступку Коко поровну золы и уксуса, Бо стал с надеждой толочь эту смесь, пока в итоге через несколько секунд не получилась зловещая серая каша. Ансель с тревогой смотрел на нее.

- А как бы ты это сделала? Если бы наколдовала себе другой цвет волос?

Бо разделил мои волосы на пряди, и у меня вспотели ладони.

- Это много от чего зависит. - Я поискала узор, и несколько золотых завитков потянулись мне навстречу. Коснувшись одного, я наблюдала, как он змеей обвивается вокруг моей руки. - Мне нужно было бы изменить что-то в себе снаружи. Я могла бы для этого изменить что-нибудь внутри. Или - в зависимости от цвета - могла бы извлечь оттенок, тон или насыщенность из

нынешнего цвета моих волос и что-нибудь с ним сделать. Например, затемнить с его помощью глаза.

Ансель покосился на Рида.

- Не надо. Мне кажется, Риду нравятся твои глаза. - Будто испугавшись, что обидел меня, он быстро добавил: - И мне тоже. Они красивые.

Я усмехнулась, и тугой узел волнения у меня внутри немного ослаб.

- Спасибо, Ансель.

Бо посмотрел на меня, наклонившись через плечо.

- Ты готова?

Кивнув, я закрыла глаза, и Бо взялся красить первую прядь.

- А почему тебе так интересно? - спросила я Анселя.

- Просто так, - быстро ответил он.

- Ансель. - Я приоткрыла один глаз и смерила его суровым взглядом. - Говори давай.

Не глядя на меня, Ансель толкнул носком сосновую шишку. Прошло несколько секунд. Потом еще несколько. Я уже открыла рот, собираясь его поторопить, но тут он наконец сказал:

- Я почти не помню свою мать.

Мой рот со щелчком захлопнулся.

Рука Бо застыла у меня в волосах.

- Они с отцом погибли в пожаре, когда мне было три года. Порой мне кажется... - Ансель быстро посмотрел на Бо, и тот поспешно продолжил намазывать серую пасту мне на волосы. Ансель с облегчением снова завозился с сосновой шишкой. - Порой мне кажется, что я помню ее смех... или его улыбку. Знаю, это глупо. - Он так самоуничижительно хохотнул, что мне стало тошно. - Я даже не знаю их имен. Слишком уж боялся спросить об этом отца Фому. Он однажды сказал, что мама была благонравной богобоязненной женщиной, но как знать, вдруг она была ведьмой. - Ансель замялся, тяжело сглотнул и наконец посмотрел мне в глаза. - Совсем как... как мать Рида. И как ты.

При виде надежды в его глазах у меня сжалось сердце. Откуда-то я знала, на что он намекает. Знала, куда ведет наш разговор, и знала, что он хочет - что ему нужно - от меня услышать.

Как же жаль было разочаровывать его.

Когда я промолчала, Ансель сник, но все равно упорно продолжал:

- И если так, может быть, может... мне тоже подвластно колдовство. Это ведь возможно.

- Ансель...

Я взяла его за руку, размышляя над этим. Если он прожил с родителями - причем и с отцом тоже - до трех лет, очень маловероятно, что его мать была Белой дамой. Да, она могла жить не в Шато, как и многие ведьмы, но даже они очень редко оставляли сыновей у себя. Их считали бременем, неспособным унаследовать колдовство матерей и внести вклад в родовое наследие.

Я невольно посмотрела на Рида. Короткими злыми ударами он точил балисарду камнем.

Как же сильно мы ошибались.

- Это возможно, - повторил Ансель, вздернув нос в несвойственном ему упрямстве. - Ты говорила, ведьмы крови не бросают своих сыновей.

- Ведьмы крови не живут в Цезарине. Они обитают в своих ковенах.

- Коко - нет.

- Коко - исключение.

- Может, и я тоже.

- С чего вдруг все это, Ансель?

- Я хочу научиться сражаться, Лу. Хочу изучать колдовство. Ты могла бы научить меня и тому, и другому.

- Вряд ли я тот человек, который...

- Нас впереди ждет опасность, верно? - Он не стал ждать от меня подтверждения очевидного и продолжил: - Вы с Коко жили на улице. Вы умеете выживать, вы обе сильны. Рид учился сражаться, у него есть навыки борьбы и балисарда. У мадам Лабелль есть колдовство, и даже Бо додумался, как отвлечь ведьм на Модранит.

Бо фыркнул.

- Вот спасибо.

Ансель не обратил на него внимания. Плечи его поникли.

- А от меня в той схватке не было никакого толку. И в лагере крови тоже не будет. Я просто никчемный.

Я нахмурилась.

- Не говори о себе так.

- Почему? Это правда.

- Вовсе нет. - Я сжала его ладонь и подалась ближе. - Я понимаю, тебе кажется, что ты должен заслужить место среди нас, но ты не должен. Это место уже у тебя есть. Если твоя мать была ведьмой - пусть, но даже если нет... - Он вырвал руку, и я вздохнула, мечтая отрезать себе язык. Может, хоть тогда не придется так часто жалеть о сказанном. - Ты вовсе не никчемный, Ансель. Никогда не думай о себе так.

- Мне уже до смерти надоело, что всем приходится меня защищать. Я хочу для разнообразия сам себя защитить или даже...

Я нахмурилась сильнее, и Ансель вздохнул, спрятал лицо в ладонях и потер глаза.

- Я просто хочу приносить пользу. Не хочу больше быть неуклюжим дурачком. Неужели я прошу о многом? Я просто... не хочу быть обузой.

- Никто не говорил, что ты неуклюжий дурачок...

- Лу. - Он посмотрел на меня покрасневшими глазами. Посмотрел с мольбой.
- Помоги мне. Пожалуйста.

Я уставилась на него.

Мужчинам в моей жизни пора бы уже перестать говорить мне это. За этим словом всегда следовала катастрофа. От самой мысли о том, чтобы изменить в Анселе хоть что-нибудь, сделать его жестче, научить сражаться и убивать, мне становилось тошно. Но если ему было неуютно в собственной шкуре, если я могла хоть как-то ему помочь...

Я могла бы научить его драться, защищать себя клинком. Никакого вреда - и горького разочарования - от этого не будет. Что до уроков колдовства, можно просто... откладывать их. До бесконечности. И тогда он никогда не почувствует себя неполноценным в этом отношении.

- Конечно, я тебе помогу, - сказала я наконец. - Если ты правда этого хочешь.

На его лице расцвела такая светлая улыбка, что даже солнце меркло рядом с ней.

- Правда хочу. Спасибо, Лу.

- Будет весело, - проворчал Бо.

Я ткнула его локтем, мечтая поскорее сменить тему.

- Ну как там получается?

Он поднял липкую прядь и сморщил нос.

- Сложно сказать. Как я понимаю, чем дольше держать, тем насыщенней будет цвет.

- А как долго держала Эвонна?

- Еще бы я знал.

Полчаса спустя, после того как Бо закончил покрывать пастой каждую прядь, Ансель покинул нас и направился к Коко. Картинно вздохнув, Бо рухнул наземь напротив меня, совершенно не боясь перепачкать бархатные штаны, и посмотрел Анселю вслед.

- А я ведь был совершенно не прочь презирать этого болвана...

- Он не...

- Но, конечно же, он сиротка, который совсем себя не ценит, - продолжал Бо. - Кто-то должен сжечь дотла эту чертову Башню. Желательно вместе с шассерами.

Я ощутила где-то в области шеи странное тепло.

- Ну не знаю. По крайней мере, шассеры стали для него хоть какой-то семьей. Подарили ему дом. Я жила без того и другого и могу с уверенностью сказать, что такой парнишка, как Ансель, без всего этого не протянул бы долго.

- Меня обманывает слух, или ты в самом деле говоришь о шассерах что-то хорошее?

- Разумеется, нет... - Я осеклась, изумившись тому, что он прав, и неверяще замотала головой. - Старухин зуб меня побери, пора прекращать водиться с Анселем. Он кошмарно на меня влияет.

Бо фыркнул.

- «Старухин зуб»?

- Ну знаешь... - Я пожала плечами, чувствуя, как неприятное тепло расползается по коже головы. И становится с каждой секундой все жарче. - Это про выпавшие клыки Старухи. - Бо недоуменно посмотрел на меня, и я объяснила: - Женщина обретает мудрость, когда теряет зубы.

Бо расхохотался, но вот мне уже было совсем не смешно - мой череп пылал огнем. Я дернула себя за прядь волос и сморщилась от острой боли. Так ведь не должно быть, да? Что-то явно неладно.

- Бо, принеси воды... - Мой голос перерос в сдавленный крик, когда прядь просто оторвалась и осталась в моих пальцах. - Нет. - Я в ужасе уставилась на нее. - Нет, нет, НЕТ!

Рид мгновенно возник рядом со мной.

- Что такое? Что?..

Я с визгом швырнула липкую прядь в лицо Бо.

- Кретин! Ты посмотри... ТЫ ПОСМОТРИ, ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ!

Испуганно вытаращив глаза, Бо стер склизкую кашицу с лица и попятился, когда я стала на него надвигаться.

- Я же предупреждал, что не знаю, как это делается!

Коко возникла между нами с фляжкой воды. Не говоря ни слова, она вылила воду мне на голову, смывая серую жижу. Я стала плевать, яростно матерясь, и чуть не захлебнулась, когда Ансель шагнул вперед и тоже меня облил.

- Не смей, - прорычала я, когда мадам Лабелль подступила к нам, тоже с фляжкой наготове. - Не то сожгу на месте.

Она закатила глаза и щелкнула пальцами. На меня дохнуло жаром, и вся вода на моем теле разом испарилась. Рид вздрогнул.

- К чему эти сцены? - спросила она. - Все с легкостью можно исправить...

И тут мадам Лабелль осеклась, когда я подняла прядь волос, которые теперь стали очень ломкими. Все мы молча уставились на них, осознавая худшее.

Мои волосы были не светлыми. Не рыжими, не черными, не медными.

Они стали... белыми.

Прядь рассыпалась у меня в пальцах.

- Все можно исправить, - повторила мадам Лабелль, поднимая руку. - Сделаем как было.

- Не надо. - Слезы жгли мне глаза даже больше, чем краска кожу. - Никто больше даже гребаным пальцем моих волос не коснется.

Если покрасить их еще какими-нибудь веществами, оставшиеся пряди, вероятно, просто вспыхнут огнем, а если использовать колдовство, все может кончиться еще хуже. Узор, который понадобится, чтобы избавить мои волосы от... этого, будет не слишком приятным. И не из-за цвета, а из-за того, что этот цвет собой воплощал. Кого он собой воплощал. Любому другому человеку такие лунно-белые волосы могли бы пойти, но мне...

Чувствуя, как дрожат губы, я обернулась к Риду и взяла с его плечевого ремня нож. Я хотела на него сорваться, хотела швырнуть поврежденные волосы ему в лицо. Но он был не виноват. На самом деле нет. Я сама доверила свои волосы не магии, а Бо, черт бы побрал эту сволочь, я сама решила защитить Рида от колдовства. Как же глупо. Рид был ведьмаком, и от колдовства защитить его было невозможно - ни теперь, ни определенно когда-либо в будущем.

Рид смотрел на меня с опаской, но не пошел следом, когда я направилась в другой угол Ямы. Горячие, бессмысленные слезы стыда навернулись мне на

глаза. Я гневно их утерла. Голосок в глубине души твердил мне, что я реагирую слишком бурно, что это всего лишь волосы.

Пошел он к черту, этот голосок.

Взмах.

Другой.

Третий.

Мои волосы сыпались на землю, как нити паучьего шелка – бледные и чужие. Тонкие, как паутинка. Одна прядь упала мне на сапог, будто дразнясь, и клянусь, в этот миг я услышала хохот матери.

Пока мы дожидались заката, я все никак не могла успокоиться.

Идти в Сен-Луар, пока не сядет солнце, мы не могли. Если в пивной не будет местных, тайком пробираться туда смысла нет. Не будет людей – не будет и сплетен. Не будет сплетен – не будет и сведений.

А без сведений ничего о мире за пределами Ямы мы не выясним.

Я резко вскочила и направилась к Анселю. Он говорил, что хочет научиться драться, а у меня до сих пор оставался нож Рида. Я перебросила его из руки в руку. Нужно было хоть как-то отвлечься и забыть наконец о волосах. Остриженные концы теперь едва доставали мне до плеч.

Остальное я бросила в огонь.

Ансель сидел с остальными у тлеющих углей. Когда я подошла, все разом замолчали, и нетрудно было догадаться, что они обсуждали. И кого. Ну прекрасно. Рид, стоявший у ближайшего дерева, осторожно подошел ко мне. Выходит, он ждал меня. Не решался сделать первый шаг. Я выдавила улыбку.

– Как ты себя чувствуешь? – Рид поцеловал меня в макушку, помедлив при виде белых прядей. Похоже, после моей истерики он до поры до времени сменил гнев на милость. – Тебе уже лучше?

– Чувство такое, будто затылок до сих пор истекает кровью, но в остальном да.

– Ты красавица.

– Врешь.

– Я серьезно.

– Чтобы ты знал, я всех вас сегодня ночью планирую побрить.

Губы Рида дрогнули, и он вдруг как будто смутился.

- А я в четырнадцать лет волосы отрастил. Как у Александра, ну помнишь, из...

- La Vie Éphémère[4], - договорила я, представив, как роскошные длинные локоны Рида развеваются на ветру. И невольно фыркнула. - Ты что же, хочешь мне сказать, что когда-то был сердцеедом?

Он улыбнулся краем губ.

- А если был?

- Тогда очень жаль, что мы с тобой не встретились в отрочестве.

- Ты и так до сих пор отрок.

Я помахала у него перед носом ножиком.

- А еще я до сих пор зла.

Рид рассмеялся, и я спросила:

- А почему ты в итоге постригся?

- На площадке для тренировок длинным волосам не место. - Он печально потер макушку. - Жан-Люк однажды во время боя схватил меня за волосы и дернул почти до крови.

- Он дернул тебя за волосы? - Я ахнула, а когда Рид мрачно кивнул, нахмурилась. - Вот ведь мелкий сучонок.

- После этого я их отрезал. И с тех пор не отращивал. Ты мне вот что скажи... - Он подбоченился, сверкая глазами. - Мне следует отобрать у тебя нож?

Я подбросила нож в воздух, поймала за лезвие и снова подкинула вверх.

- Попробуй.

Быстрее молнии, даже не отводя взгляда от меня, Рид поймал нож у меня над головой и поднял его повыше - так, что мне было уже не дотянуться. Затем с высокомерной ухмылочкой впился в меня взглядом.

- Что-что ты там говорила?

Я сдержала порыв приятной дрожи, - судя по смеху Рида, от него это не ускользнуло, - а затем резко развернулась и ударила его локтем в живот. Охнув, Рид согнулся пополам, ткнувшись грудью мне в спину, и я вырвала нож из его пальцев. А потом, вытянув шею, поцеловала его в подбородок.

- Мило получилось.

Рид обхватил меня руками, накрепко поймав в объятия.

- Мило, значит, - повторил он зловеще. Мы все еще стояли вплотную, полусогнувшись, и наши тела идеально подходили друг другу. - Мило.

Без предупреждения Рид поднял меня в воздух, а я взвизгнула, размахивая ногами и задыхаясь от смеха. Рид выпустил меня, только когда Бо громко вздохнул и поинтересовался у мадам Лабелль, нельзя ли выйти пораньше, чтобы пощадить его барабанные перепонки.

- Как думаете, на Ле-Дан они мне пригодятся? Или обойдусь?

Снова оказавшись на земле, я попыталась забыть о Бо, продолжить игру, потыкать Рида в ребра - но его улыбка уже померкла. Мгновение миновало.

Настанет день, когда мне больше не придется выманывать у Рида улыбки, а ему - делиться ими по крупницам.

Но не сегодня.

Оправив рубашку, я протянула нож Анселю.

- Ну что, начнем?

Он вытаращил глаза.

- Что? Сейчас?

- А почему нет? - Я пожала плечами, доставая из ножен ремня Рида еще один нож. Сам Рид будто окаменел. - У нас есть пара часов до заката. Ты ведь все еще хочешь научиться драться, да?

Ансель так поспешно вскочил, что чуть не споткнулся.

- Хочу, но...

Его карие глаза метнулись к Коко и Бо, затем к Риду. Мадам Лабелль помедлила, раздавая им карты. Вместо крон они играли на камни и палки. Щеки Анселя порозовели.

- Давай... лучше не здесь?

Бо не поднял взгляда от карт, более того, он так напряженно в них уставился, что это выглядело уже странно.

- Не льсти себе, нам дела нет до твоих занятий.

Последовав примеру Бо, Коко ободряюще улыбнулась Анселю и вернулась к игре. Даже Рид понял намек, слегка сжал мою ладонь и присоединился к ним, не говоря ни слова. Никто больше не смотрел на нас.

Час спустя, однако, все уже наблюдали за нами тайком, не в силах удержаться.

- Стой, стой! Ты слишком много вертишься и слишком полагаешься на туловище. Ты ведь не Рид. - Я поднырнула под вытянутую руку Анселя и

разоружила его прежде, чем он успел бы себе что-нибудь отрезать. – Твои ноги годятся не только для уворотов. Используй их. Вкладывайся всем телом в каждый удар.

Плечи Анселя печально поникли.

Я подняла ему подбородок острием его же клинка.

– Давай-ка без этого, mon petit chou[5]. Еще раз!

Мы занимались до самого вечера, сражались снова и снова. Особых успехов Ансель не достиг, но духу прекратить урок у меня не хватало. Когда солнце зашло за вершины сосен, Анселю наконец удалось решительным рывком выбить у меня клинок, но в результате он и сам ухитрился порезаться. Кровь Анселя брызнула на снег.

– Это было... ты справился...

– Кошмарно, – горько договорил Ансель, бросив нож на землю, чтобы осмотреть рану.

Все еще краснея – и лишь отчасти от натуги, – он быстро оглянулся на остальных. Они поспешили сделать вид, что очень заняты, и стали собирать самодельные тарелки после ужина. По просьбе Анселя мы с ним ужин пропустили, так что в животе у меня раздраженно урчало.

– Я справился просто кошмарно.

Вздохнув, я сунула нож в сапог.

– Дай мне осмотреть рану.

Он хмуро одернул рукав.

– Все в порядке.

– Ансель...

– Сказал же, в порядке.

Услышав такой непривычно резкий для него тон, я замерла.

– Ты больше не хочешь упражняться?

Лицо Анселя смягчилось, и он понурил голову.

– Прости. Зря я тебе нагрубил. Просто... мне хотелось, чтобы вышло иначе, – тихо признался он и посмотрел на свои ладони.

Я быстро схватила его за руку.

– Это была только первая твоя попытка. Ты еще научишься...

- Не первая. - Ансель неохотно посмотрел мне в глаза. Как же меня сердила эта его неохота, этот стыд, который я видела в его лице. - Я уже упражнялся с шассерами. И они совсем не стеснялись мне говорить, насколько плохо у меня получается.

Мной овладел гнев - жаркий и всепоглощающий. Пусть даже шассеры многое дали Анселю, забрали они больше.

- Да нахер они пошли, эти шассеры..

- Ничего страшного, Лу.

Ансель вырвал руку, чтобы взять упавший нож, но, почти наклонившись, поднял взгляд и улыбнулся мне. Его улыбка, хоть и усталая, была полна надежды - беззастенчивой и несомненной. Я уставилась на Ансея, на миг лишившись дара речи. Частенько он бывал наивен, временами - капризен как ребенок, но все равно оставался таким.. чистым и искренним. Порой мне даже сложно было поверить, что он в самом деле есть на этом свете.

- Ничто стоящее легко не дается, верно ведь?

Ничто стоящее легко не дается.

Верно.

Чувствуя ком в горле, я посмотрела на Рида, который стоял в другом углу лагеря спиной ко мне. Будто ощутив мой взгляд, он застыл и оглянулся через плечо. Я быстро отвела глаза, взяла Ансея под руку и крепко стиснула его локоть, не обращая внимания на холодный страх, который кулаком сжался в груди.

- Пойдем, Ансель. День выдался прескверный, давай хоть выпьем напоследок.

Клод Деверо

Рид

- Я не стану это пить.

Я оглядел стакан с жидкостью, который предложила мне Лу. Стакан был грязным, жидкость - бурой. Мутной. Под стать ей оказались и вкрадчивый трактирщик, и растрепанные посетители, которые смеялись, танцевали и проливали пиво себе на рубашки. Вечером в Сен-Луаре проездом выступала актерская труппа, и после актеры собрались в местной таверне, а следом за ними подтянулись и зрители.

- Ой, брось. - Лу сунула виски мне под нос. Пахло оно отвратительно. - Тебе нужно расслабиться. Как и всем нам.

Я оттолкнул стакан, все еще злясь на себя. Я так стремился убедить остальных собрать союзников и сразиться с Морганой, что позволил своим жалким чувствам взять верх и даже не подумал о том, как именно все будет.

- Мы сюда не пить пришли, Люсида.

Мысль о том, чтобы покинуть Лу, рождала во мне безотчетный панический страх.

- Уж простите, господин Рауль, но вы сами предложили нам отправиться на разведку именно в таверну. Я, впрочем, совсем не жалеюсь.

Этот страх был безграничным, всеобъемным, и мне приходилось сдерживать его изо всех сил. Хотелось кричать. Хотелось вспылить. Но я даже дышать не мог.

Казалось, я иду ко дну. Ощущение точно такое же.

- Чтобы добыть нужные сведения, лучше места нет.

Стиснув зубы, я покосился на мадам Лабелль, Коко и Бо, которые сидели в другом конце комнаты в шумном кругу бродячих актеров. Как и мы с Лу, Бо скрывал лицо под капюшоном плаща. Никто не обращал на нас внимания. Наши наряды блекли рядом с цветастыми костюмами актеров.

- Нельзя...

Я потряс головой, не в силах собраться с мыслями. Чем ближе подступала полночь, тем беспокойней эти мысли становились. Тем мятежней. Я очень старался не смотреть на Лу. Когда я видел ее, страх обострялся, ножом вонзался мне в грудь, грозя рассечь меня надвое. Понизив голос, я пробормотал:

- Нельзя следовать плану мадам Лабелль, пока мы не оценим все обстоятельства. А алкоголь отлично развязывает язык.

- Неужели?

Лу наклонилась ближе, будто хотела поцеловать меня, и я отпрянул, чувствуя, как паника подступает к горлу комом тошноты. Слава богу, что я почти не видел лица Лу, а не то мог бы совершить какую-нибудь глупость - например, унести ее куда-нибудь в подсобку, подпереть дверь и целовать до тех пор, пока она не забудет о своем нелепом намерении меня оставить. Мне и без того приходилось изо всех сил держаться, лишь бы не сделать этого. Лу разочарованно отстранилась.

- Ах да. Я и забыла, что ты все еще ведешь себя как осел.

Теперь мне захотелось поцеловать ее по иной причине.

Ночь наконец наступила. Комнату освещал лишь огонь в камине. Мы сели как можно дальше от него, укрывшись в самой тени, но в тусклом свете пламени все равно виднелись объявления на двери. Их было два. На одном – набросок моего лица, на другом – лица Лу. Точно такие же висели и на деревенских улицах.

«Луиза ле Блан, подозреваемая в колдовстве, разыскивается живой или мертвой. Нашедшему полагается награда», – было написано на объявлении про Лу. Она посмеялась над ним, но смех прозвучал натянуто, и это слышали все.

А под моим лицом говорилось:

«Рид Диггори, подозреваемый в убийстве и преступном сговоре, разыскивается живым. Нашедшему полагается награда».

«Разыскивается живым». В свете моих преступлений это было по меньшей мере странно.

– Видишь? Надежда еще есть, – сказала тогда Лу, увидев объявление обо мне, и вполсилы ткнула меня локтем в бок. В минуту слабости я предложил ей все бросить и сбежать в ближайший порт. Над этим Лу смеяться не стала:

– Нет. На этой земле обитает мое колдовство.

– Ты ведь годы без него прожила.

– То была не жизнь, а выживание. И потом, кто я... – она махнула рукой, – без всего этого?

Как же безумно мне захотелось обнять ее. Но я лишь наклонился ближе – глаза в глаза, нос к носу – и яростно выпалил:

– Ты – всё.

– Даже если за портами ведьмы не следят, даже если каким-то чудом нам удастся сбежать, кто знает, как Моргана поступит с теми, кто останется. Да, мы выживем, но бросить на произвол судьбы остальных мы не можем. Разве не так?

Ответ тяжким грузом лег мне на сердце. Разумеется, не можем. Но Лу все равно с надеждой смотрела мне в глаза, будто ждала возражений. Заметив это, я ощутил, как внутри все сжалось. Если бы я настаивал дальше, согласилась бы Лу уйти? Отдала бы целое королевство на волю гнева Морганы, лишь чтобы мы смогли выжить?

Тихий, неприятный голосок в моих мыслях ответил на этот вопрос.

Однажды она уже сделала это.

Я со злостью отмахнулся от него.

Теперь же, когда Лу подалась ко мне, а ее капюшон грозил вот-вот соскользнуть, мои руки дрожали, и я едва сдерживался, чтобы не продолжить

спор о побеге. Слишком скоро Лу предстояло уйти в лагерь крови. Я знал, что одна там она не останется, но меня рядом с ней не будет. Я не мог допустить подобного. Никак не мог. Уж точно не сейчас, когда и Моргана, и Огюст охотились на нее.

«Она сама может о себе позаботиться», – шепнул голосок.

Да, может. Но и я тоже могу позаботиться о ней.

А когда Лу со вздохом отстранилась, страх в моей душе разбавило сожаление. Она решила, что я отверг ее. Я видел, как она помрачнела у ручья, а затем снова – в лагере. Но я не отвергал ее. Я ее защищал.

Я всегда совершал глупости, когда меня касалась Лу.

– А что же ты, Антуан? – Лу сунула стакан Анселю. – Ты ведь не позволишь даме пить одной, правда?

– Конечно, не позволю. – Ансель со всей серьезностью огляделся по сторонам. – Но дамы я здесь что-то не наблюдаю. А ты?

Лу натужно хохотнула и вылила янтарную жидкость ему на голову.

– Перестань, – буркнул я, снова натянув на нее капюшон.

На короткий миг из-под него показались ее волосы. Лу их обстригла, но они все еще оставались поразительно белыми. И очень бросались в глаза. Цвет был необычным и весьма известным. Печально известным. Лу с ним стала неузнаваема, но ее могли принять за человека куда похуже. Даже она сама уже должна была заметить, как теперь похожа на мать.

Едва не погладив Лу по щеке, я отдернул руку и вытер виски плащом.

– Вот потому-то мадам Лабелль и не хотела выпускать тебя на люди. Ты привлекаешь слишком много внимания.

– Ты со своей матерью знаком примерно три с половиной секунды, но вот, пожалуйста, она для тебя уже авторитет. Ты даже не представляешь, как меня это радует.

Я закатил глаза, но возразить ей не успел – за столик рядом с нашим уселась компания мужчин. Грязных. Растрепанных. Явно желающих выпить.

– Фифи, дорогуша, – позвал самый чумазый и говорливый из них. – Будь умницей, принеси-ка нам по пинте, да обновлять не забывай.

подавальщица, такая же грязная и без двух передних зубов, поспешила исполнить заказ.

Бо, сидевший в другом углу, одними губами что-то сказал Лу, постучав себя по зубам, и она хихикнула. Меня захлестнул прилив ревности. Повинуясь порыву, я придвинулся ближе к Лу, замер и отодвинулся обратно. Заставил себя сосредоточенно оглядеть комнату.

- Ты сегодня сильно-то не налегай, Рой, - сказал другой. - Завтра подыматься рано.

Позади растрепанной компании трое мужчин в темных одеждах играли в карты. На поясах у них были мечи, в кубках - медовуха. Еще дальше парочка молодых людей оживленно беседовали с мадам Лабелль, Коко и Бо. Фифи и крепко сложенный трактирщик стояли за прилавком. Актеры и актрисы танцевали у дверей. Местные селяне, веселые и раскрасневшиеся от холода, продолжали прибывать.

Люди были повсюду и даже не подозревали, кто скрывается среди них.

- Какое там.

Рой сплкнул на пол. На подбородке у него осталась слюна, и Лу, которая сидела к нему ближе всех, отодвинула свой стул подальше и поморщилась.

- Завчерась кобыла ногу сломала. Не ехать, стало быть, нам в Цезарин.

Услышав это, мы втроем разом замерли - слишком резко и неестественно. Я толкнул Лу локтем, и она, кивнув, сделала глоток. Ансель последовал ее примеру и сморщился. Затем предложил напиток мне. Я отказался, быстро оценивая расстояние от Сен-Луара до Цезарина. Если они собирались выехать утром, значит, похороны Архиепископа через две недели.

- Везет же, - вздохнул другой, когда Фифи вернулась с медовухой. Все стали жадно пить. - Мне придется, а то моя все пилит и пилит. Должное воздать, говорит, надо. Вот ведь дуреха. Старик Флорин мне за жизнь никакого добра не сделал, только мелких чертят в молотью бесил.

Звучание этого имени обухом ударило меня по голове. Выходит, они земледельцы. Несколько недель назад нас отправляли разбираться с очередным нашествием лютенгов. Но мы ведь помогали крестьянам, а не мешали им.

Будто прочтя мои мысли, один из них сказал:

- Ладно тебе, Жиль. Его синие свиньи их перебили, и то хлеб.

«Синие свиньи». От злости у меня сжалось горло. Эти люди даже не осознавали, как много делали шассеры, чтобы уберечь их от бед. Чем они жертвовали ради этого. Как праведно жили. Я с неприязнью оглядел помятую одежду мужчин. Возможно, они жили слишком далеко на севере, чтобы это понимать, или же слишком далеко от приличного общества. Только глупцы и преступники отзывались о моем братстве... то есть о братстве шассеров как-либо иначе, кроме как о людях добродетельных, благородных и верных правому делу.

- Ага, если б всех, - буркнул Жиль. - Как свиньи ушли, эти твари прямо бунт устроили. Откопали трупы своих приятелей и за ночь всю мою пшеницу покромсали. Теперь каждую неделю за порогом для них подношения оставляем. Свиньи нас бы сожгли, если б прознали, но что тут поделаешь? Так дешевле, чем еще одного поля лишиться. Между молотом и наковальней сидим. И есть, считай, почти нечего.

Он обернулся, чтобы заказать у Фифи еще выпивки.

- Ага, - поддакнул его друг, качая головой. - Что ни делай, все одно получишь. - Он снова обернулся к Рою. - Но так, может, даже и лучше. У меня сестра со спиногрызами в Цезарине живет. Говорит, Огюст комендантский час поставил, вона как. Людям по улицам после заката ходить нельзя, а женщинам - вообще нельзя без, как оно там сказано, «сопроводителей мужского пола». После того, что случилось с Архиепископом, его вояки день и ночь по городу караулят всяких подозрительных девиц.

Сопроводители? Караулы?

Мы с Лу переглянулись, и она тихо выругалась. Перемещаться по городу будет сложнее, чем мы ожидали.

Жиль содрогнулся.

- Не скажу, что я сильно против. Мелкие твари - дело одно, а ведьмы - совсем другое. Злые они, так-то. Неприродные.

Остальные что-то согласно забормотали, а Рой заказал еще пинту. Когда один из них завел разговор про свою грыжу, Лу быстро покосилась на меня. Мне не понравилось ее решительное лицо и блеск в глазах.

- Не надо, - предостерег ее я, но Лу только от души хлебнула и подала голос:

- Эй, а слышали, чего этот олух Туссен говорил?

Все глаза за соседним столиком обратились к Лу. Я неверяще уставился на нее вместе с остальными и прирос к стулу. Ансель нервно хохотнул. Скорее даже пискнул. Лу пнула его под столом.

Еще одну напряженную секунду спустя Рой рыгнул и похлопал себя по животу.

- А ты еще кто? Чего лицо прячешь?

- Денек выдался скверный. Я как осердилась, да как срезала все, что на голове было, а теперь самой на себя смотреть тошно.

Ансель подавился виски, и я безотчетно похлопал его по спине. Мы не сводили взгляда с Лу. Я не видел, но ясно чувствовал, как она усмехается. Все происходящее ей было в забаву.

Как же мне хотелось ее придушить.

- Да еще бородавка у меня на подбородке, - заговорщически добавила Лу и коснулась лица, скрытого под капюшоном. - Вымахала с целую Бельтерру, ничем теперь ее не запудришь.

- Ай, да что там. - Один из мужчин со знанием дела кивнул и мутными глазами посмотрел на нее. - У моей сестры такая на носу. Твоя небось еще ничего.

Лу не сдержалась и фыркнула.

- Это братья мои. - Она указала на нас с Анселем. - Рауль и Антуан.

- Здорово, ребята. - Улыбаясь, Ансель вскинул руку и по-дурацки им помахал. - Как ваше ничего, помаленьку?

Я уставился на него. Робкая улыбка Анселя не дрогнула.

- Ну так вот, - продолжила Лу, залпом прикончив виски. - Антуан с Раулем знают, каково вам с лютенами. Мы и сами земледелы, а синие свиньи нам жизнь портят только так, и Туссен - хуже всех.

Рыкнув, Рой мотнул головой.

- Он со свиньями своими только утром тут был. Они говорят, старина Туссен в Сочельник Моргану выпотрошил.

- Враки! - Лу хлопнула по столу.

Я предостерегающе наступил ей на ногу, а она в ответ пнула меня в голень. Плечи Лу тряслись от беззвучного смеха.

- А еще... - Рой снова рыгнул и наклонился поближе, жестом велел нам сделать то же. - Они сказали, что им скорым делом надо ехать в Цезарин на турнир.

У меня внутри все сжалось.

- Турнир?

- Ага, - подтвердил Рой. С каждой секундой он все больше багровел и говорил все громче. - Новичков в ряды понабрать надо. Видно, ведьмы некоторых ихних вояк угробили. В народе это прозвали Алым Ноэлем. - Он хмыльнулся и утер рот рукавом. - Крови потому что много было.

Ансель снова передал мне выпивку, и на этот раз я не отказался. Виски обожгло мне нутро.

Тот, у которого была сестра с бородавкой, кивнул.

- Удумали провести турнир перед похоронами Архиепископа. Видать, праздник из этого решили устроить. Так себе затея.

Жиль допил третью пинту.

- Может, и мне поучаствовать? Я бы их там всех завалил.

Его собеседник расхохотался.

- А я бы женушку твою завалил, пока тебя нету.

- А мне тогда сестру свою давай!

На этом разговор пошел ко дну. Я тщетно пытался отвлечь Лу от спора о том, кто страшнее – сестра одного из собеседников или ведьма с объявлений о розыске, как вдруг их перебил незнакомый голос:

– Все это нонсенс, любезные господа. Нет на свете ничего более достойного, чем бородавка на лице.

Мы разом обернулись и увидели мужчину, который уселся на пустое место за нашим столиком. Непослушные усы и борода, блестящие карие глаза. Это был скрипач актерской труппы. Он протянул мне обветренную ладонь и помахал остальным.

– Мое почтение. Клод Деверо к вашим услугам.

Рой с товарищами брезгливо отвернулись, бормоча что-то про шарлатанов.

Я уставился на руку Клода, а Лу быстро поправила капюшон. Ансель покосился на мадам Лабелль, Коко и Бо. Они украдкой наблюдали за нами, но от беседы не отвлекались. Мадам Лабелль едва заметно кивнула.

– Что ж. – Клод опустил руку, но улыбаться не перестал. – Полагаю, вы не будете возражать, если я составлю вам компанию? Признаюсь, мне необходимо передохнуть от всеобщего кутежа. Ах, у вас есть спиртное, как славно. – Он махнул актерам, а затем угостился остатками напитка Анселя. – Премного обязан, сударь. Право, моя благодарность не знает границ. – Подмигнув мне, Клод промокнул губы клетчатый карманным платком. – О чем я говорил? Ах да. Клод Деверо. Это я. Музыкант-исполнитель и руководитель «Труппы Фортуны». Довелось ли вам побывать на нашем выступлении сегодня вечером?

Я все так же давил Лу на ногу, умоляя ее молчать. Этот человек, в отличие от Роя, сам проявил к нам интерес. Мне это не понравилось. Обиженно вздохнув, Лу отстранилась и скрестила руки на груди.

– Нет, – отрезал я. – Не довелось.

– Празднество выдалось поистине восхитительным.

Клод с удовольствием продолжил свой монолог, улыбаясь каждому из нас по очереди. Я повнимательней его оглядел. Брюки в тонкую полоску. Пальто с огуречным узором. Галстук-бабочка в клетку. Цилиндр – темно-бордовый и потрепанный – Клод положил на стол. Даже мне его наряд показался... странным.

– Я очень люблю приятные в своей старомодности придорожные деревушки. Здесь можно встретить интереснейших людей.

Это уж точно.

– Крайне досадно, что мы вынуждены сей же ночью отбыть на юг – толпа и звон монет зовут нас на погребение нашего Святого Отца. – Клод рассеянно махнул рукой. На его ногтях блеснул черный лак. – Повод, безусловно, трагичнейший, но и плата весьма внушительная.

Я скривился. Клод Деверо нравился мне все меньше и меньше.

- А что же вы? Могу ли я узнать ваши имена? - Будто не чувствуя никакого напряжения и неловкости нашего молчания, он весело побарабанил по столу.
- Впрочем, интриги - моя слабость. Быть может, мне попытаться угадать самому?

- В этом нет нужды, - холодно ответил я.

Рой уже сказал нам все, что было нужно. Настала пора уходить. Встав, я поймал взгляд Бо и кивнул на выход. Он толкнул локтем мою мать и Коко.

- Меня зовут Рауль, а это мои друзья, Люсида и Антуан. Мы уже уходим.

- Друзья! Как чудесно! - Он побарабанил пальцами еще громче и бодрей, совершенно не обращая внимания на мою грубость. - И до чего же замечательные у вас имена! Однако, увы, имя Рауль мне не слишком по вкусу, но позвольте объяснить почему. Некогда знавал я человека - он был дюж и крепок как медведь, или же, вероятно, то был скорее медведь, который оказался мал и угрюм как человек. Так вот однажды бедняга засадил себе в ногу занозу...

- Мсье Деверо, - сказала Лу, и в голосе ее послышались и раздражение, и любопытство. Возможно, именно собственное любопытство ее и раздражило.

Когда Лу заговорила, улыбка Деверо дрогнула, и он медленно моргнул. Лишь раз. А затем улыбнулся снова - шире, искренней, - наклонился к ней и взял за руку.

- Прошу, Люсида, зовите меня Клод.

Услышав, как голос Деверо вдруг преисполнился тепла, и увидев, как его глаза заблестели ярче прежнего, я снова ощутил, как страх поднимается у меня внутри и перерастает в подозрение. Но узнать Лу Клод никак не мог. Ее лицо было все так же скрыто под капюшоном. Возможно, подобная фамильярность - лишь еще одна черта его странной личности. Совершенно неуместная черта.

Лу напряглась от его прикосновения.

- Мсье Деверо, пусть даже обычно я ничего не имею против незнакомцев, которые распивают мое виски и гладят мне руки, последние несколько дней выдались крайне непростыми. Вы меня бесконечно обяжете, если сию же минуту отвяжетесь и стинете ко всем чертям.

Рой, который все это время подслушивал нас, вскинул голову и нахмурился. Я вздрогнул.

Лу перестала изображать из себя деревенщину.

Выпустив ее руку, Деверо запрокинул голову и рассмеялся в голос.

- Ах, Люсида, вы очаровательны. Не могу описать словами, как мне не хватало столь черного юмора - такого, что может и укусить, если подойти

слишком близко. Позвольте принести вам мои искренние извинения за эту вольность...

- Хватит придуриваться. - Лу вскочила на ноги, почему-то взволновавшись. Ее голос остро зазвенел. Остро и слишком громко. - Чего вам надо?

Вот только ее капюшон от резкого движения упал на плечи, и что бы ни собирался ответить на это Клод Деверо, он явно передумал. И с восторгом посмотрел на нее, забыв обо всяком притворстве.

- Я лишь хотел познакомиться с вами, милая девушка, и предложить помощь, если она когда-либо вам потребуется. - Он посмотрел на горло Лу. Узел на новой ленте ослаб - она была слишком гладкой и большой, и завязать ее бантом оказалось сложнее обычного. Лента соскользнула, обнажив ужасный шрам.

Твою мать.

- Что это с тобой случилось, а? - громко спросил Рой. Жиль рядом с ним сощурился и оглянулся на объявления на двери. - Ничего себе у тебя шрам.

Деверо быстро надел на Лу капюшон, но было поздно.

Слишком поздно.

Рой не без труда поднялся на ноги. Он махнул кружкой на Лу, качаясь и едва стоя на ногах. Медовуха пролилась ему на штаны.

- Нету у тебя никакой бородавки, Люсида. Зато больно уж ты похожа на ту девку, что все ищут. На ведьму.

В таверне все стихло.

- Я не... - прозаикалась Лу, лихорадочно оглядываясь. - Что за чушь...

Я вынул балисарду из ножен и решительно встал у Лу за спиной. Ансель со своим ножом последовал моему примеру. Остальные спутники Роя вскочили на ноги.

- Это она, точно вам говорю. - Ненароком врезавшись в стол, Жиль указал на объявление и торжествующе ухмыльнулся. - Она себе волосы отрезала и покрасила, но такой шрам не спрячешь. Как день все ясно. Эта девчонка - Луиза ле Блан.

Неуклюжим, но устрашающим движением Рой поднял свою стеклянную кружку и разбил ее о стол, превратив в острое зазубренное оружие.

Марионетка

Рид

Наша жизнь давно уже превратилась в сущий кошмар, но тем не менее мне еще не доводилось драться плечом к плечу с Лу. В Модранит она была без сознания, на спектакле Древних сестер скрывала свое колдовство, а в кузнице убила преступников прежде, чем я успел вмешаться. До нынешних пор я просто не понимал, как человек такого хрупкого сложения мог убить двоих рослых мужчин так легко. И так жестоко.

Теперь я понял.

С этой женщиной шутки были плохи.

Она двигалась на удивление быстро, ловко маневрируя и нанося удары обеими руками. А когда промахивалась – выгибала пальцы, и ее противник спотыкался на ровном месте. Или застывал, будто каменный. Или врезался в прилавок, круша стаканы и заливая комнату виски. Стекло дождем сыпалось нам на головы, но Лу не останавливалась. Она била снова и снова.

И все же Рой с приятелями быстро протрезвели и заметно превосходили ее числом – против одной Лу их было четверо. Стало пятеро, когда к драке присоединился трактирщик.

Коко кинулась к нему, но я поймал ее и подтолкнул к двери.

– Забирай остальных и уходи. Они пока не знают ваших лиц, но узнают, если вы останетесь и будете драться.

– Я не оставлю Л...

– Нет. – Я схватил ее за платье и решительно выставил за дверь. – Оставишь.

Бо, тараща глаза, выскочил следом за ней. Ансель и мадам Лабелль явно хотели возразить, но я не позволил. Броском ножа я за рукав пригвоздил к стене Роя, который успел замахнуться на Лу кружкой.

– Встретимся в лагере. Идите.

Они поспешили за Коко и Бо.

Лу, которая в этот самый миг боролась сразу с тремя противниками, что-то мне крикнула, но я ничего не расслышал из-за гомона местных. Они вповалку кинулись прочь, стремясь скорее убежать от страшной ведьмы, но, как оказалось, бояться стоило еще и тех троих мужчин с самодельными мечами, которых я заметил ранее. Со смехом и криками они пробились через толпу к выходу. Один сорвал объявление о Лу и прикарманил его. Затем – мое. Оглянувшись на меня и усмехнувшись, он похлопал себя по голове. Я схватился за упавший капюшон.

- Можете не спешить.

Мужчина схватил с ближайшего стола кружку и щедро отхлебнул. Его спутники между тем уже загородили дверь, и оставшиеся селяне оказались взаперти. Как и мы.

- Мы подождем.

Охотники за головами.

- Эй, муж! - Лу вскинула руку, и Жиль с приятелями столкнулись лбами и со стонами рухнули на пол. - Я очень, очень стараюсь не строить из себя беспомощную барышню, но помощь правда пришлось бы кстати...

Рой вскочил и схватил ее. Я резанул трактирщику ногу, перемахнул через него и кинулся к ним.

- Фи, Рой, mon ami, - Лу сморщилась у него под мышкой. - Уж прости за бестактность, но когда ты в последний раз мылся? Пахнешь совсем не розами.

Сделав вид, что ее тошнит, она укусила его в подплечье. Рой отпрянул, а я ударил его по голове, схватил Лу за локоть и оттащил в сторону прежде, чем Рой рухнул бы на нее. Лу между тем успела ловко пнуть Жилья, который как раз пытался встать.

- Рид, ты даже не представляешь, как лакомо сейчас выглядишь.

Коварно улыбаясь и все еще держа меня за локоть, Лу нырнула в мои объятия и поцеловала в губы. Я, видимо, совсем с ума сошел, потому что ответил на поцелуй и не отстранился, пока...

- Лакомо? - Я нахмурился. В груди колотилось возбуждение. - Не уверен, что мне нравится это слово...

- Почему? Это всего лишь значит, что я хочу съесть тебя живьем.

Она ударила последнего из приятелей Роя, и мы бросились к двери.

- Ты уже пробовал какие-нибудь узоры?

Высоченный трактирщик преградил нам путь и оглушительно взревел. Его нога была вся в крови.

- Ведьма, - прорычал он, замахнувшись на нас дубиной размером с Лу.

Стиснув зубы от натуги, я отразил удар балисардой.

- Сейчас явно не время...

- Но ты пробовал?

- Нет.

Досадливо вздохнув, Лу быстро присела, чтобы ударить Роя, который все никак не желал лежать спокойно.

- Я так и думала.

На этот раз, когда Рой ринулся на нее, Лу заскочила ему за спину и пнула сзади. Он рухнул на тела своих друзей, и Лу выбила у него оружие.

- В бою с магией бывает непросто, но необязательно так, как вышло сегодня утром. Главное - творческий подход..

Лу резко замолкла, когда Жиль схватил ее за лодыжку. Подмигнув мне, она топнула по его лицу. Жиль обмяк и больше не шевелился. Ударив трактирщика лбом в нос, я поймал его дубину, когда он рухнул на пол. От удара сотрясся весь дом.

Тяжело дыша, я оглянулся. Пятеро готовы, осталось трое.

- Постарайся заглянуть за пределы этой отвратительной комнатки, увидеть то, что скрыто глубже.

Лу взмахнула ножом, указывая вокруг. Снова раскричавшись, селяне попрятались за перевернутыми столами и стульями.

- Давай. Посмотри. И скажи мне, что ты видишь.

Вместо этого я взглянул на мужчин у дверей. Верные своему слову, они ждали. Когда мы подошли, они вальяжно оттолкнулись от стены и обнажили мечи.

- Полагаю, это значит, что по-хорошему в сторону вы не отойдете, - вздохнула Лу. - Думаете, это мудро? Я ведь и правда ведьма.

Тот, что взял кружку, наконец допил свое пиво.

- А ты знала, что за твою голову дают сто тысяч крон?

Лу фыркнула и остановилась.

- Признаться, я оскорблена до глубины души. Моя голова стоит по меньшей мере вдвое больше. А с Госпожой Ведьм вы беседовали? Уверена, она и втрое больше бы заплатила. Но именно за меня, а не за мою голову. Я, конечно же, должна остаться жива, и вот тут-то вся и загвоздка..

- Заткнись. - Мужчина бросил кружку на пол, и она разбилась у его ног. - А не то я тебе ее заживо отрежу.

- О, так король в буквальном смысле хочет заполучить мою голову? Как же это... по-варварски. Вы точно не хотите отвести меня к Госпоже Ведьм? Ее подход мне вдруг как-то резко приглянулся больше.

- Если сдашься, мы убьем тебя быстро, - пообещал его спутник. - Неприглядную возню оставим на потом.

Лу скорчила гримаску.

– Как великодушно с вашей стороны. – Мне она шепнула: – У них нет балисард. Сосредоточься на том, чего хочешь достичь, и узоры появятся. Выбери тот, что нанесет меньше всего побочного вреда. Но обязательно выбери, иначе природа решит за тебя сама. Сегодня утром так и случилось, верно ведь?

Я крепче схватился за балисарду.

– В этом не будет нужды.

– Шасс, я стараюсь тебя не торопить, но времени у нас не в избытке...

Первый из охотников перестал улыбаться и поднял меч.

– Я велел тебе заткнуться. Нас больше, чем вас. Вы будете сдаваться или нет?

– Нет.

Лу вскинула нож. На фоне меча он выглядел таким крохотным. Как и она сама рядом с этими охотниками. Я дышал глубоко и уже почти ровно, но напряжение в моем теле росло – и росло, и росло, пока не поглотило меня полностью.

– Хотя нет, погодите-ка, дайте подумать... – Она постучала себя пальцем по подбородку, будто и впрямь размышляя. – Определенно нет.

Мужчина ринулся на нее. Я мгновенно вонзил балисарду ему в живот и развернулся к другому охотнику, который попытался проскочить мимо. Я ударил его в коленную чашечку, и он согнулся, вонзив клинок мне в ступню. Я вырвал лезвие, чувствуя, как темнеет в глазах.

С диким криком Лу кинулась к третьему из них, но он поймал ее за запястье и вывернул его. Нож Лу упал на пол. В ответ она щелкнула пальцами, и охотник отлетел в сторону, врезавшись в прилавок с такой силой, что тот треснул. Кашляя, Лу согнулась пополам.

– Образовательная минутка, – выдохнула она хрипло. – Стоило просто убить этого ублюдка, но я... – она закашлялась, – ...использовала воздух вокруг нас, чтобы оттолкнуть его назад... К прилавку. Меня, как видишь, в ответ тоже приложило неплохо. Понимаешь? Я могла взять воздух прямо из своих легких, но этот амбал... слишком велик. Слишком много воздуха нужно, чтобы сдвинуть его с места. Я из-за этого даже могла бы умереть. – Лу усмехнулась, а потом расхохоталась. Из ее рта потекла кровь. – И как бы я тогда получила от твоего отца сто тысяч крон?..

Из обломков прилавка в Лу полетел нож.

Она не успела бы увернуться.

Время словно замедлилось. Зажатый с двух сторон, я смотрел, как Лу вздрагивает и вскидывает руку, пытаюсь не позволить лезвию пронзить ей

сердце. Но бросок был силен, противник – очень близок, его рука – пугающе метка. Спасения не было. Я знал, что лезвие найдет цель. Лу никак не смогла бы остановить его. И я тоже.

Ее пальцы дрогнули.

И в этот миг взгляд Лу стал менее осмысленным, менее... человеческим. В мгновение ока кинжал изменил направление и вонзился в плотку своего же владельца.

Лу смотрела на него сверху вниз, все еще улыбаясь. В ее глазах блестела незнакомая мне злоба.

Вот только на самом деле эта злоба была мне очень даже знакома. Я видел ее не раз.

Но только не в глазах Лу.

– Лу?

Я коснулся ее, и эта страшная улыбка наконец исчезла. Лу охнула, схватившись за грудь. Остальные двое кинулись на нас, и я загородил ее своим телом. И с тревогой осознал, что Лу не может дышать. Вопреки собственному предостережению она отдала воздух из своих легких, чтобы метнуть этот нож. Воздуха потребовалось не так много, как для того, чтобы подбросить человека. Но и этого хватило, чтобы у нее в глазах полопались сосуды, а грудь стала яростно вздыматься, восполняя утраченное.

– Все хорошо, – проговорила Лу, пытаюсь снова встать рядом со мной.

Голос ее был хриплым. Слабым. Я снова загородил ее собой.

– Я же сказала, все в порядке!

Не обращая внимания на ее слова, я широко замахнулся балисардой – не думая о том, как прерывисто дышит Лу, как пахнет колдовством вокруг, как ревет кровь в моих ушах. Я пытался защитить Лу и отогнать от нее двух охотников, но боль в ноге напомнила о себе, и я споткнулся.

– Дайте нам уйти, – сказал я тихо, отчаянно, боясь за их судьбу. Нет. За судьбу Лу. – Дайте нам уйти, и мы позволим вам жить.

Первый из охотников поднялся на ноги, уже не улыбаясь. Труп его спутника лежал рядом. Бросив взгляд на мою раненую ногу, охотник шагнул ближе.

– Знаешь, по городу ходят слухи... говорят, ты бастард короля.

Это открытие сбило меня с толку. Откуда люди могли узнать правду? Ведь об этом знали лишь те, кто оставался с нами – Лу, Ансель, Коко, Бо и...

И тут мне все стало ясно.

Мадам Лабелль.

- Мы можем тебе помочь, - уговаривал второй, по пятам ступая за первым. - Можем освободить от чар этой ведьмы.

Все инстинкты приказывали мне сражаться. Бороться и защищать. Вот только теперь это было уже не одно и то же. Еще быстрее я отступил назад, но снова споткнулся. Лу помогла мне устоять на ногах.

- Я вас умоляю, - фыркнула она. - Да он спит со своей балисардой. Я бы даже при желании не смогла его заколдовать.

- Замолкни, ведьма.

- Может, тогда ваш покойный приятель за меня вам все скажет? - елеиным голосом поинтересовалась она.

Я снова затолкнул Лу себе за спину.

Затем лихорадочно осмотрел дверь, окна. Слишком далеко, не достать. Отчасти я понимал, что у меня есть преимущество - согласно объявлению, я нужен живым, а потому охотники не станут рисковать, чтобы случайно меня не прикончить. Но сказать того же о Лу было нельзя. В этой битве она могла лишиться жизни - а значит, и они тоже. Мне придется убить их прежде, чем они успеют ее коснуться. Я мог победить их даже в меньшинстве, даже раненый. Но если я начну драться, Лу поступит так же. Она не даст мне биться одному.

Лу снова попыталась встать рядом, и снова я отодвинул ее назад.

Я не мог позволить ей сражаться. Только не колдовством. Не после того, что только что видел. Она могла безвозвратно себе навредить. И все же оставить ее беззащитной я тоже не мог. Схватив Лу за руку, я спиной прижал ее к стене, не давая вырваться.

- Возьми у меня нож, - шепнул я, глядя, как охотники подступают ближе.

Вместо этого Лу выбила у меня из руки балисарду.

- Что ты?.. - Я прыгнул за клинком, не веря своим глазам, но Лу меня опередила и наступила на балисарду ногой, когда охотники бросились на нас.

- Верь мне! - крикнула она.

Спорить времени не было. Я выхватил из ремня два ножа и стал отражать удары противников один за другим, предугадывая каждое их движение. Ножи будто стали продолжением моих рук. Даже острая боль в ноге ослабла. С необъяснимым волнением я смотрел, словно со стороны, как мое тело делает ложные выпады, уклоняется, изгибается. Толчок здесь. Пинок там.

Вскоре, окровавленные и измотанные сражением, охотники стали двигаться медленней. Они с ненавистью смотрели на Лу. Но она ведь все это время стояла позади меня и не участвовала в драке...

Я оглянулся. При виде того, как выгибались ее пальцы, у меня перехватило дыхание от изумления. Нет. Не от изумления. От гнева. Да, я видел подобное прежде. Много, много раз.

Она использовала меня как гребаную марионетку.

Лу увидела мое лицо, и ее пальцы замерли, а мои руки безвольно обмякли, будто кто-то обрезал нити.

- Рид... - шепнула она. - Не надо...

Охотники возможности не упустили.

Тот, что был быстрее всех, подскочил ко мне, полоснул по ладоням и выбил ножи. Остановить его я не смог - второй охотник прижал клинок мне к подбородку. Первый тут же подоспел и ткнул меня мечом в ребра.

- Не стоит усугублять, Дигтори, - выдохнул один из них и с силой ударил меня под дых, когда я попытался вырваться. - Королю ты нужен живым, и разочаровать его нам очень не хотелось бы.

Охотники рывком повернули меня к Лу, которая наклонилась за моей балисардой.

- Тихо, тихо, дорогая.

Они вдавили клинки глубже. Предупреждая ее. И меня тоже. Я ощутил, как по моему горлу потекла струйка крови. Лу медленно поднялась. На лице ее читалось желание убивать.

- Вот так. Никаких резких движений. А теперь подтолкни-ка этот ножик сюда.

Вместо этого Лу пнула нож к двери - я заметил, как она оживилась, что-то увидев там. Я не смел смотреть в ту сторону, боясь привлечь внимание охотников.

Лу глубоко вздохнула. Прямо у нас на глазах выражение ее лица переменилось. Порхая ресницами, Лу улыбнулась охотникам сладкой улыбкой. У меня внутри все сжалось. Сегодня, когда волосы Лу стали белыми, а глаза казались скорее зелеными, чем синими, она походила на совершенно другого человека.

- А вы знали... - проговорила она, неподвижно держа руки прямо перед собой, - ...что жестикуляция необходима для колдовства? Нам нужно обозначать свои намерения жестами, а иначе можно случайно сбить узор посторонней мыслью. Движение - суть воплощение.

Последнее она произнесла как цитату из учебника. Снова улыбка. Еще шире прежней. Еще слаще. Охотники смотрели на нее с недоумением. Я - с ужасом.

- Сойдет даже едва заметный жест. Вы сами только что видели, как я одним движением пальцев убила вашего друга. Это заняло меньше секунды.

Охотники вцепились в меня крепче.

- Лу... - тихо и напряженно проговорил я. - Не надо. Если опасно влиять колдовством на память людей, влияние на их жизнь может закончиться еще хуже. Поверь мне.

Она снова бросила взгляд на дверь. Я тяжело сглотнул и поморщился, чувствуя кожей холод клинка. Лу просто тянула время. Только и всего. Но эта улыбка... тревожила меня. Я попытался снова:

- Их ведь двое. Даже если ты убьешь одного, другой..

- Перережет ему глотку, - договорил тот охотник, что стоял слева от меня, и вдавил лезвие еще глубже, подчеркивая свои слова. Но рука его была липкой. Холодной. Он вспотел - я чувствовал это даже через одежду. Эти двое боялись Лу.

Притворившись, что пытаюсь сопротивляться, я отглянулся. И чуть не ахнул. Ансель, Коко, мадам Лабелль и Бо волокли Роя и его приятелей за двери, на улицу. Ну почему они меня не послушали? Почему не ушли? Вместо этого они помогли сбежать оставшимся селянам. Клод Деверо копался в обломках прилавка и что-то искал.

- Полагаю, ты прав.

Лу подмигнула мне, и наконец я увидел ее настоящую за маской притворства. Меня захлестнуло волной облегчения.

- Но наблюдать, как ты извиваешься, мне определенно нравится.

Потеряв остатки терпения, один из охотников кинулся на нее.

- А уж мне-то как понравится отрубить тебе...

Сзади послышался торжествующий клич, и охотники наконец обернулись.

За прилавком стоял, держа в руках зажженную спичку, Клод Деверо. Он усмехнулся.

- Добрый вечер, господа. Уж простите великодушно, что перебиваю, но по моему мнению, крайне невежливо обсуждать в присутствии дамы свои намерения ее обезглавить.

Он бросил спичку в нашу сторону, и грянул взрыв.

Белые тени

Лу

Какая же все-таки дрянь этот огонь.

Мне уже доводилось гореть – бесконечно гореть на сверхъестественном костре, принимая чужую судьбу, пока от меня не осталась одна шелуха. Но огонь, похоже, мною так и не насытился. Хотел заполучить еще кусочек.

Обойдется.

Когда все вокруг вспыхнуло, я бросилась к Риду и потянулась к узору, который замерцал между нами и пламенем. Золотая нить извлекла из моей груди ледяной страх, окутала нас защитной преградой из холодных сверкающих кристаллов и рассыпалась в пыль. Мы с Ридом вцепились друг в друга и смотрели, как огонь бушует вокруг, не причиняя нам вреда.

Охотникам за головами повезло меньше.

Я пыталась не злорадствовать, глядя, как они сторают дотла. Правда, пыталась. Но страхом своим я только что пожертвовала, и без него остался только гнев – гнев, который пылал жарче и ярче пламени вокруг. Кровь до сих пор сочилась из пореза на горле Рида и стекала вниз, пачкая ему воротник. Мы столько блуждали по лесным дебрям, целую неделю просидели в Яме, а ему все равно удалось сохранить одежду в безупречном виде. До нынешних пор. Парочка чертовых охотников одолели бы нас, если бы не Клод Деверо.

Кстати, где он?

Все еще кипя от гнева, я оглядела таверну, но Клод бесследно исчез.

Рид вцепился в меня еще крепче, когда за прилавком полопались бутылки с виски. Стекло брызнуло дождем на наш уже подтаивающий щит, и черный удушливый дым стал проникать внутрь. Я закашлялась, притянула Рида ближе и крикнула ему на ухо:

– Нужно уходить! Щит долго не продержится!

Быстро кивнув, он посмотрел на выход.

– А он будет перемещаться вместе с нами?

– Не знаю!

Рид схватил меня за руку и помчался сквозь огонь к дверям. Я подхватила с пола его балисарду и кинулась следом, заставляя себя дышать. Один хриплый вдох за другим. Грудь все еще болела, голова тоже. В глазах почти сразу помутнело. Дым обжигал нос и горло, и я закашлялась. Первый язык пламени лизнул мне спину – я кожей ощутила это. Он задел мои плечи и шею – выходит, остатки щита растаяли. Тогда-то страх наконец ко мне вернулся.

Мне вспомнился другой огонь.

- Рид!

Я со всей силы толкнула его, и Рид вывалился за дверь и рухнул на землю. Я упала рядом с ним, зарылась в ледяную грязь и стала кататься в ней, как свинья в хлеву, совершенно позабыв о приличиях. К горлу подступили рыдания, и я всхлипнула.

- Нужно бежать! - Рид схватил меня за руки и рывком поднял.

Нас уже окружили люди с самодельным оружием. Вилы. Молотки. В полных ненависти глазах селян сверкал огонь. Они собрались вокруг, возвышаясь надо мной, и их крики эхом разносились сквозь туман, который постепенно окутывал мой разум.

Ведьма!

Держи ее!

Шассеров сюда!

Мои руки и ноги отяжелели. Я со стоном оперлась на Рида, шатаюсь и очень надеюсь, что он не позволит мне упасть. Рид не подвел. Я приглушенно выдавила:

- У меня болит спина.

Он ничего не ответил, а вместо этого вырвал у меня балисарду и замахнулся ею на противников, расчищая нам путь. Мир поплыл у меня перед глазами - приятно, успокаивающе, как бывает перед сном, когда ускользают мысли.

Мне почудилось, или в толпе показался Клод? На задворках разума промелькнула смутная мысль о том, что я, возможно, горю. Но это осознание было тихим, далеким, а поистине был важен лишь Рид, который стоял совсем рядом и обнимал меня...

- Лу.

Его глаза возникли прямо передо мной - широко распахнутые, встревоженные, бесконечно синие. Вот только... их вроде должно было быть не четыре? Я хохотнула, хотя смех вышел хриплым, и потянулась разгладить морщинку у него на переносице. Рид поймал меня за руки. Его голос звучал то четко, то неразборчиво.

- Не теряй сознание... назад в лагерь... шассеры... уже идут.

Идут.

Я иду за тобой, дорогая.

Страх ударил меня под дых, и мой смех резко стих. Дрожа, я попыталась обхватить Рида за пояс, но руки не слушались. Они безвольно повисли, тяжелые и бесполезные, и я просто рухнула на него.

- Она идет за мной, Рид.

Смутно чувствуя, как он поднимает меня на ноги и что-то ободрительно шепчет мне на ухо, я попыталась собраться с суматошными мыслями и прогнать прочь тени, которые плясали перед глазами.

Вот только тени обычно не белые, а эта тень была ослепляющей, точно раскаленной добела. Она вспорола мне горло и стала жадно пить мою кровь...

- Я больше не позволю ей тебе навредить.

- Мне очень хотелось бы быть твоей женой.

Он застыл, услышав мое неожиданное признание, но я уже забыла, что сказала. В последний раз сонно вдохнув аромат сосен, дыма и Рида, я скользнула во тьму.

Крест

Лу

Я очнулась и тут же услышала чей-то спор. Спина уже прошла, будто по волшебству, но в груди все равно было тяжело, тесно. Ощувив на языке мед, я едва заметила другой привкус, острый и медный, скрытый за приторной сладостью. Мне стоило бы устыдиться, но от усталости ни на что, кроме безразличия, я оказалась неспособна. Поэтому глаза сразу же открывать не стала, а вместо этого предпочла притвориться спящей и полежать так еще немного, наслаждаясь свежестью воздуха.

Меня положили на живот, и ночной воздух ласкал мне спину. Обнаженную спину. Я едва не рассмеялась и этим чуть не выдала себя с головой.

Эти сумасшедшие распороли мне рубашку.

- Почему не выходит? - рявкнул Рид. Горячей ладонью он стиснул мне пальцы. - Разве ей не пора уже очнуться?

- Разуй глаза, Диггори, - огрызнулась Коко. - Ее ожоги исцелились, это очевидно. Нужно время, чтобы зажили и внутренние повреждения.

- Что за внутренние повреждения?

Я представила, как краснеет его лицо.

Коко раздраженно вздохнула.

- Физически невозможно сдвинуть нож, не говоря уже о том, чтобы его бросить, с помощью воздуха из одних только легких. Лу также извлекла воздух из своей крови, из тканей..

- Что? - переспросил Рид тихо. Опасно, обманчиво тихо. Но этим свой гнев скрыть не смог - он так вцепился мне в пальцы, что едва их не сломал. - Она ведь могла от этого умереть.

- Всему своя цена.

Рид насмешливо фыркнул. Так незнакомо и неприятно.

- Видимо, не для тебя.

- Прошу прощения?

Я подавила тяжкий стон, еле сдерживаясь, чтобы не вклиниться в их перепалку. Рид, конечно, тот еще болван, но сегодня урок он усвоит.

- Ты меня прекрасно слышала, - сказал он, явно даже не задумываясь о том, как близко к нему находится Коко и как легко она может вспороть ему артерии. - Лу меняется, когда использует колдовство. Поддается чувствам, забывает о здравом смысле... Она еще со вчерашнего дня, после событий у ручья, ведет себя как шальная. Сегодня все стало еще хуже. Но вот ты почему-то колдуешь безо всяких последствий.

Все желание защитить его от Коко вмиг испарилось. «Шальная»? Мне пришлось приложить немало сил, чтобы продолжать дышать медленно и мерно. Последние остатки усталости стинули в пучине негодования, и сердце бешено заколотилось от такого предательства, пусть даже малого. Я лежу перед ним раненая, а ему хватает наглости меня оскорблять? И у ручья, и в таверне я только и делала, что его спасала. Свинья неблагодарная, вот он кто.

Давай, Коко, выпотроши его.

- Поподробнее, пожалуйста.

Я нахмурилась, поскольку ожидала совсем иного ответа. И неужели в голосе Коко я услышала беспокойство? Быть не может, что она согласна с этим бредом.

- Она согласилась покрасить волосы, почти не задумываясь. А когда все пошло наперекосяк, чуть не придушила Бо. - Рид как будто вычеркивал пункты из заранее составленного списка. - А потом плакала, плакала в голос...

- Волосы она покрасила ради тебя.

Голос Коко так и сочился презрением и неприязнью, и я незаметно приоткрыла один глаз, слегка смилостивившись. Коко сверлила Рида сердитым взглядом.

- И плакать она имеет полное право. Мы все, в отличие от тебя, эмоциональным запором не страдаем.

Рид только отмахнулся.

- Это еще не все. В таверне она нагрубилась Клоду Деверо. Смеялась, когда ранила охотника за головами, хотя тем самым навредила и себе. Ты видела, какие у нее на ребрах синяки. Она кашляла кровью. - Он озабоченно взлохматил себе волосы, качая головой. - А после этого еще убила его приятеля и чуть не прикончила заодно себя саму. Я за нее волнуюсь. Когда Лу его убила, в какой-то миг она выглядела... почти в точности как...

- Только попробуй договорить до конца.

- Я не хотел...

- Хватит. - Коко все еще сжимала пустой пузырек из-под меда, и рука ее все еще была в крови, а пальцы дрожали. - Слов утешения у меня для тебя не найдется. Во всем, что сейчас происходит, ничего хорошего нет. Подобное колдовство - при котором жизнь и смерть балансируют на острие ножа - требует жертв. Природа во всем ищет равновесия.

- Природа здесь ни при чем, - ответил Рид, багровея. С каждым словом его голос становился все жестче. - Магия противоестественна. Как... как болезнь. Как яд.

- Таков наш крест, и нам его нести. Я могла бы тебе рассказать, что колдовство влечет за собой не только смерть, но ты ведь все равно не станешь слушать. Яд иного рода бежит в твоей крови - которую, кстати, я обещаю тебе вскипятить, если ты хоть когда-нибудь скажешь подобное при Лу. Ей и без того немало дерьма разгребать приходится, еще твоего в этой куче не хватало. - Глубоко выдохнув, Коко сникла. - Но ты прав. Нет ничего природного и естественного в желании матери убить свое дитя. Лу станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже.

Рид стиснул мои пальцы крепче, и они с Коко посмотрели на меня. Я быстро закрыла глаз.

- Я знаю, - ответил он.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь взять себя в руки. Потом вздохнула еще раз. Но не могла забыть ни о гневе, который испытала, услышав их слова, ни о боли, что скрывалась под ним. Да, беседа вышла не из приятных. Не такие слова человек надеется подслушать от любимых людей.

«Лу станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже».

В мыслях всплыло лицо матери. Когда мне было четырнадцать, она нашла для меня ухажера, настаивая на том, чтобы оставшиеся годы я прожила полной жизнью. Его звали Алек, и лицо его было таким красивым, что мне хотелось плакать. Заподозрив, что Алеку приглянулась другая ведьма, я однажды ночью проследила за ним до берега Лё-Меланколик... И увидела, как он возлег со своей избранницей. После этого мать убаюкивала меня и шептала: «Кто не боится искать, не боится найти».

Возможно, я боялась больше, чем мне казалось.

Но они ошибались. Со мной все в полнейшем порядке, и я вовсе не веду себя как «шальная». Желая это доказать, я кашлянула, открыла глаза – и увидела прямо перед собой кошачью морду.

– Тьфу, Абсалон! – Я в испуге отпрянула и снова закашлялась. Рубашка, разрезанная сзади, обвисла у меня на плечах.

– Ты очнулась. – Рид с облегчением подался вперед, осторожно коснулся моего лица и погладил меня пальцем по щеке. – Как себя чувствуешь?

– Дерьмово.

Коко тоже присела на колени рядом со мной.

– Надеюсь, у той торговки ты стащила еще какую-нибудь одежду. Вчерашняя в буквальном смысле вплавилась тебе в спину. Снимать ее было довольно увлекательно.

– Если под «увлекательно» ты имеешь в виду «отвратительно», то да, – сказал Бо, подходя к нам. – Туда лучше не смотри, – он махнул себе за спину, – если не хочешь узреть плод любви ткани и человеческой плоти. Ужин Ансея, кстати, тоже там. Он с ним расстался вскоре после того, как увидел твои раны.

Я посмотрела в другой угол Ямы, где с несчастным видом сидел Ансель. Мадам Лабелль суежилась над ним.

– Тебе стоит переодеться, – сказала Коко. – Уже почти полночь. Скоро моя тетка будет здесь.

Рид свирепо посмотрел на нее и загородил меня своим телом.

– Я же сказал, Лу пойдет со мной.

– А я тебе сказала...

– Замолкните оба! – рявкнула я прежде, чем успела сдержаться, и тут же съежилась, увидев, как они изумились.

Коко и Рид быстро переглянулись – молча, но я все равно услышала то самое злосчастное слово. «Шальная». Выдавив улыбку, я обошла Рида.

– Простите. Зря я так.

– Вотсе не зря. – Бо изогнул бровь, с неподдельным интересом оглядывая нас, будто чувствуя напряжение в воздухе.

Я нахмурилась. Может, Рид и прав. Может, я и впрямь не в себе. Никогда прежде я не видела смысла в том, чтобы извиняться за подобное.

– Они меня уже достали.

- Сам хорош, - гаркнула Коко.

- В последний раз вам говорю - я пойду туда, куда сама захочу, - заявила я. - Сегодня все пошло крахом, но, по крайней мере, теперь мы знаем, что до похорон Архиепископа две недели. До Цезарина добираться самое меньшее десять дней. А значит, на оборотней и кровавых ведьм у нас есть всего день-другой. - Я смерила Рида суровым взглядом, когда он попытался возразить. - Все делаем как задумывали. Мы идем в лагерь крови, вы - в Ле-Вантр. Встретимся в канун похорон в Цезарине. О времени и месте известите нас письмом через Абсалона..

- Я не доверяю матаготу, - мрачно сказал Рид.

Абсалон в ответ завил хвостом.

- А вот ты ему определенно нравишься. - Я наклонилась почесать кота за ухом. - И именно он, между прочим, нас спас в Модранит, когда передал послание мадам Лабелль шассерам. Если я правильно помню, от того плана ты тоже был не в восторге.

Рид промолчал, играя желваками.

- Ле-Вантр? - озадаченно переспросил Бо.

- Владения стаи, - коротко ответила я.

Разумеется, в этом мрачном уголке королевства он никогда не бывал. Большинство людей старались туда не соваться, и я в том числе.

- Ля-Ривьер-де-Дан ведет к холодному болоту на самом юге Бельтерры. Лу-гару объявили эту территорию своей.

- А почему название означает «брюхо»?

- Путь через зубы обычно как раз в брюхо и ведет. Ну и к тому же лу-гару пожирают всех, кто пересечет границу их земель.

- Не всех, - пробормотал Рид.

- План просто кошмарный, - заявил Бо. - Мы и в Цезарин-то к похоронам еле-еле успеваем, а теперь еще нужно побывать и в Ле-Вантре? И это не говоря уже о том, что идти к моему отцу с предложением союза - сущее безумие. Вы же были в таверне, да? Видели объявления? Эти ребята тебе голову отрезать хотели..

- Мне. Но не Риду. По некой причине твой отец не желает ему смерти. Возможно, потому что знает об их родственной связи, а даже если нет, то скоро выяснит. И познакомишь их именно ты.

Я скользнула за спину Рида, чтобы переодеться в новую одежду. Он был втрое меня шире, так что для роли ширмы отлично годился.

- Чтобы ты знал, - сообщила я Риду, - это грубое проявление собственности я тебе позволяю исключительно потому, что твой брат до сих пор не видел мою грудь, и такое положение дел меня вполне устраивает.

- Ах, сестрица, ты разбиваешь мне сердце, - сказал Бо.

- Замолкни. - Шея Рида залилась краской. - Ни слова больше.

Любопытно. Он за такие слова извиняться не стал. Я вдруг ощутила на языке неприятный и странный горький привкус. Привкус сожалений, сомнений и... чего-то еще. Я не смогла подобрать этому чувству названия.

- Вам стоит выдвигаться поскорее, - сказала я. - После нашего зрелищного представления в Сен-Луаре дорога будет кишмя кишеть охотниками за головами. Может, и шассеры уже назад повернули. Рид, я знаю, что колдовство тебе до сих пор не по вкусу, но мадам Лабелль придется снова тебя замаскировать. Можно еще попросить...

Я осеклась, услышав смех Коко. Она выжидательно посмотрела на Рида.

- Жду не дождусь, когда это услышу.

Выглянув из-за локтя Рида, я спросила:

- Что услышишь?

Она кивнула ему.

- Ну, давай, скажи ей.

Рид оглянулся на меня. Я натянула через голову алую рубашку и нацепила кожаные штаны, затем присела зашнуровать сапоги. После долгого молчания Рид наконец пробормотал:

- Лу, я не могу.

Нахмурившись, я встала.

- Что не можешь?

Он медленно покачал головой, краснея от шеи к щекам. Затем стиснул зубы и вздернул подбородок.

- Я не могу даже близко к ней подходить. К магии. И не стану.

Я уставилась на него, и в один миг все встало на свои места. Его отстраненность, вероломство, беспокойство - все стало ясно.

«Лу меняется, когда использует колдовство. Поддается чувствам, забывает о здравом смысле... Она ведет себя как шальная».

«В какой-то миг она выглядела... почти в точности как...»

Как ее мать. Договаривать было и незачем.

«Магия противоестественна», – так он сказал.

Противоестественна.

Горький привкус усилился, мне стало трудно дышать, и я наконец поняла, что это было за чувство. Стыд.

– Надо же, как удобно.

Краем глаза я увидела, как Коко утягивает Бо за локоть прочь. Он не возражал. Когда они исчезли из виду, Рид обернулся ко мне и наклонился, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Я знаю, о чем ты думаешь. Это не так.

– Выходит, люди все-таки не меняются, правда?

– Лу...

– Что, скоро опять станешь называть меня «оно»? Я тебя винить не стану.

Я оскалилась и подалась вперед, так близко, что могла бы его укусить. Никогда за все восемнадцать лет своей жизни я никому не позволяла породить во мне чувств, которые испытывала сейчас. К глазам подступили слезы, к горлу – тошнота, и я ненавидела себя за то, что это допустила.

– Я ведь противоестественная, в конце концов. Шальная.

Рид тихо чертыхнулся и закрыл глаза.

– Ты подслушивала.

– Ясное дело, подслушивала. Как ты вообще смеешь меня оскорблять, пытаешься оправдать свои собственные извращенные взгляды..

– Стой. Остановись. – Он распахнул глаза, потянулся ко мне и схватил за локти – но схватил мягко, бережно. – Я тебе говорил – мне неважно, что ты ведьма. И говорил всерьез.

– Чушь собачья.

Я отскочила назад, увидела, как безвольно опали руки Рида, и тут же ощутила укол горького сожаления. В следующий миг я обхватила его за пояс и зарылась лицом ему в грудь. Сжав Рида крепко-крепко, я приглушенным, надорванным голосом проговорила:

– Ты ведь не дал мне ни единого шанса.

Он обнял меня еще крепче и укрыл своим телом, будто хотел защитить от всего мира.

– Дело в магии, а не в тебе.

- Магия - это и есть я. И ты тоже.

- Неправда. Все те частицы души, которые ты отдаешь, - они мне нужны. Мне нужна ты. Целая и невредимая. - Рид отстранился и посмотрел на меня. В глазах его сверкала решимость. - Я знаю, что не могу просить тебя отказаться от магии, поэтому не буду. Но я могу просить об этом свою мать. Могу просить себя самого. И я могу... - Он отвел прядь волос с моей щеки. - Могу попросить тебя себя побережь.

- Да ты шутишь. - Наконец, наконец-то я отшатнулась от него, когда сердце поспело за разумом. - Ты вдруг стал вести себя так, будто я - какой-то порченный товар или... стекло, которое может в любую секунду разбиться. Вот тебе новость - я всю свою жизнь занимаюсь колдовством. И знаю, что делаю.

- Лу. - Рид снова потянулся ко мне, но я отмахнулась. Его глаза вспыхнули еще ярче, еще жарче. - Ты сама не своя.

- Ты просто видишь то, что хочешь видеть.

- Неужели ты думаешь, что я хочу видеть в тебе...

- Что? Зло?

Он схватил меня за плечи.

- Ты вовсе не зло.

- Разумеется, нет. - Я утерла слезу прежде, чем он успел бы ее заметить. Никогда прежде я не позволяла себе испытать такое унижение, такой стыд, и сейчас начинать не собиралась. - Ты готов добровольно рискнуть собой, своей матерью и братом, отказавшись использовать колдовство в пути?

- Приходится выбирать из двух зол. Других путей нет.

Долгое мгновение я смотрела на Рида. Убеденность в его глазах сверкала остро и ранила меня глубже, сильнее, чем я ожидала. Крупица моей души, та самая, которую ранил Рид, хотела, чтобы он пожалел о своей глупости, чтобы он страдал. Без колдовства все они погибнут в дороге, а если даже нет, то в Ле-Вантре - уж точно. Своими предрассудками Рид обрекал себя и остальных на смерть, своим страхом лишал их силы. Война всегда губит слабых.

А Рид должен был выжить.

- Есть.

Я устало отступила назад и расправила плечи. Жизнь Рида стоила больше, чем моя ущемленная гордость. Позднее, когда все это закончится, я ему докажу, как сильно он ошибается в своем мнении о колдовстве. И обо мне.

- До взрыва в таверне Клод Деверо предложил мне помощь. Его бродячая труппа сегодня уезжает в Цезарин. И вы поедете с ними.

«Труппа Фортуны»

Рид

Остальные не стали особо возражать против «решения», которое предложила Лу.

И очень жаль. Может быть, хоть к ним она бы прислушалась, раз уж меня слушать не желала. Когда мы собрали свои пожитки, лежавшие грудой в грязи, в снегу и в крови, я попытался урезонить Лу, но тщетно.

Весь ее замысел, пусть и хитрый, зависел от одного: от Клода Деверо.

Мы его не знали. И, что более важно, он знал нас – во всяком случае, Лу. В таверне он пришел в восторг от встречи с ней. К тому же он видел, как Лу использовала колдовство, понял, что она ведьма. Да, ведьмы не злы по своей природе, я уже успел это усвоить, но ведь остальное королевство понятия об этом не имело. Что же за человек этот Клод Деверо, если согласится помочь ведьме?

– Твой спаситель, вот что он за человек, – сказала тогда Лу, запихивая мой спальный пакет в сумку. – Между прочим, он сегодня нас очень выручил. Мог бросить умирать, но не стал. Вреда он нам явно не желает, в отличие от всех остальных. И искать тебя в бродячей труппе никто не додумается. Вот так и спрячешься без колдовства.

Теперь же Лу быстрым шагом шла вниз по холму к Сен-Луару. Остальные следовали за ней. Я задержался в хвосте и оглянулся на опушку леса. Одна-единственная снежинка опустилась мне на щеку с неба, все еще хмурого и облачного. В лесу воцарилась зловещая тишина. Как в затишье перед бурей. Уже почти отвернувшись, краем взгляда я заметил два светящихся глаза. Больших. Серебристых. Я резко оглянулся, вздрогнув, но не увидел ничего, кроме теней и деревьев.

И зашагал за остальными.

Актеры суетились на деревенской площади: таскали чемоданы, инструменты и реквизит, готовясь к отъезду. Руководил ими Клод Деверо. Он бегал туда-сюда, радостно хлопая в ладоши. Будто собираться в путь посреди ночи и отправляться в дорогу перед бурей для него было делом вполне обычным.

Лу помедлила в переулке, глядя на них. Мы все остановились рядом с ней.

– В чем дело? – спросил я тихо, но Лу шикнула на меня – Клод Деверо подал голос.

– Скорей же, Зенна! – Он поспешил к полной даме с волосами лавандового цвета. – Нужно всенепременно выехать до рассвета! Госпожа Фортуна благоволит лишь тем, кто отправляется в путь при свете молодой луны!

Я сморгнул еще пару снежинок.

– Да уж, – проворчала Зенна, забрасывая в повозку поменьше какой-то музыкальный инструмент. На ней был странный плащ – темно-фиолетовый, может, даже синий. Он сверкал звездами. Целыми созвездиями. – Вот только Госпожа Фортуна уже много лет как оставила Цезарин.

– Ах, полно. – Мсье Деверо укоризненно погрозил ей пальцем. – Не следует отчаиваться. Быть может, она отправится туда с нами.

– А может, нас там на костре сожгут.

– Absurdité[6]. Горожанам Цезарина необходимы житейские радости. И кто, как не мы, лучше всего сможет поднять их дух? Уже совсем скоро мы увлечем посетителей La Mascarade des Crânes в мир фривольных фантазий.

– Потрясающе.

Зенна ущипнула себя за переносицу. Цветом кожи она походила на Коко, только шрамов совсем не имела. Возможно, Зенна была красива, но густой грим – сурьма на глазах, помада на губах – скрывал ее истинные черты.

– Нам с Серафиной полагается три процента с выручки, Клод, – продолжила она. – Мы все-таки в самое пекло едем на эти похороны.

– Конечно, конечно, – отмахнулся он, уже отвернувшись к другому актеру. – Пусть будет даже четыре.

Коко толкнула Лу локтем в бок. На этот раз та не стала медлить.

– Bonjour, мсье Деверо. Мы с вами уже знакомились сегодня вечером, но меня зовут не Люсида. Я Луиза ле Блан, а это мои друзья: Рид и Ансель Диггори, Козетта Монвуазен, Борегар Лион и Элен Лабелль.

Луиза ле Блан. Не Луиза Диггори. Я бесстрастным взглядом смотрел только вперед.

Деверо вскинул брови. По глазам его стало ясно, что Лу он узнал. И изрядно удивился. Он оглядел каждого из нас, а затем снова посмотрел на нее.

– Дитя мое, мы встретились снова! Как это неожиданно и чудесно!

Остальные актеры отвлеклись от сборов и тоже уставились на нас. На земле оставалось только два чемодана – один был слишком туго набит и не закрывался. Из него торчала блестящая ткань, и перья цвета фуксии сыпались на снег.

Лу обаятельно улыбнулась Деверо.

- Я готова принять ваше предложение помощи, если оно все еще в силе.

- Правда?

- Правда. - Она кивнула и указала на объявления о розыске, которые висели вокруг. И на дымящиеся останки таверны. - Вероятно, вы не заметили, но мы с друзьями произвели на Его Величество неизгладимое впечатление.

- Да, так бывает, если убить Святого Отца, - тихо сказала девушка за спиной Деверо. В ее кудрявые волосы были вплетены цветы, а на шее висел крестик, который она сжимала в руке.

Я отвел глаза, сдерживая нахлынувшие чувства. Они царапались у меня в груди, пытаясь вырваться на свободу.

Лу, все так же улыбаясь, смерила девушку острым взглядом.

- А вы знаете, сколько моих сестер убил ваш Святой Отец?

Девушка съежилась, встретив такой отпор.

- Я... я...

Ансель дотронулся до локтя Лу, качая головой. Я уставился на перья, наблюдая, как тонкое розовое волокно мокнет в снегу. Еще одно мгновение. Мне нужно лишь еще мгновение, чтобы взять себя в руки и успокоиться. И тогда я смогу сменить Ансея, коснуться Лу, помочь ей вспомнить. А сам забуду о твари, которая бьется у меня в груди...

Кудрявая девушка выпрямилась. Она оказалась выше Лу, ростом почти с мадам Лабелль.

- Он все равно не заслужил такой участи.

«Ты был мне как сын, Рид».

У меня перехватило дыхание, и зверь внутри взревел еще яростней. Я отступил назад. Будто ощутив это, Лу шагнула вперед.

- Неужели? А что же он тогда заслужил?

- Лу, - пробормотал Ансель. Краем глаза я заметил, как он покосился на меня. - Не надо.

- Да. Конечно, ты прав. - Качая головой, Лу похлопала его по ладони и снова посмотрела на Деверо.

Кудрявая девушка наблюдала за нами, широко раскрыв глаза.

- Нам нужно добраться до Цезарина, мсье. Возникли определенные сложности, а путешествовать по дороге в одиночку теперь небезопасно. Найдется ли у вас в повозках место для еще нескольких человек?

- Ну конечно же...

- В повозках дозволено ездить только актерам. - Зенна скрестила руки на груди и смерила Клода суровым взглядом. - Таково правило, разве нет? Ты не можешь себе позволить кормить нас и давать нам приют, если мы не будем выступать. - Она добавила, обращаясь к Лу: - Клод - своего рода коллекционер. Он позволяет лишь самым лучшим и одаренным артистам вступить в свою труппу. Самым редким и необычным. Выдающимся и исключительным.

Деверо с улыбкой хлопнул в ладоши. Руки его были облачены в клетчатые перчатки без пальцев.

- Моя милая Зенна, исключительность встречается во множестве обликов. Давай не будем никого сбрасывать со счетов. - Он виновато повернулся к Лу. - Увы, закон есть закон и правило есть правило, как бы сие ни было досадно. Зенна права. Путешествовать с нашей труппой я позволяю лишь актерам. - Он слегка качнул головой и задумчиво поджал губы. - Однако если вы с вашими очаровательными спутниками выйдете на сцену... В костюмах, разумеется, - то, собственно, и станете актерами...

- Клод, - прошипела Зенна. - Они же беглецы от закона. Охотники нас вздернут, если мы их укроем.

Клод беззаботно погладил ее по лавандовым волосам.

- Ах, душенька, разве не все мы беглецы? Мошенники, поэты и лжецы, мечтатели и мастера интриг. Все мы такие, все до одного.

- Но не убийцы.

Вперед, с любопытством глядя на меня, вышел юноша. Высокий. Длинноволосый. С красновато-коричневой кожей. Рядом с ним стоял другой, на удивление похожий лицом на первого. Похожий в точности. Да, они определенно были близнецами.

- Вы правда это сделали? Убили Архиепископа?

Я сцепил зубы, не в силах ответить. За меня, вскинув бровь, высказалась Лу:

- Какая разница? Так или иначе его больше нет.

Несколько секунд он смотрел на нее, а потом бормотнул:

- Туда ему и дорога.

Они его ненавидели. Чувства снова забились в груди, требуя свободы, но я не ощутил ничего. Совершенно ничего.

Деверо, наблюдавший за этой беседой - и за мной - с непроницаемым выражением лица, снова широко улыбнулся.

- Так каков будет ваш ответ? Можете ли вы в самом деле назваться актерами?

Лу посмотрела на меня. Я кивнул. Непроизвольно, безотчетно.

- Чудно! - Клод радостно вскинул руки к небесам. Снег шел все гуще, все тяжелей. - И каков же ваш коронный номер, мсье Диггори? Такой привлекательный и рослый юноша, как вы, наверняка найдет чем порадовать толпу, особенно... - он подскочил к меньшей повозке и достал пару кожаных штанов, - в подобном наряде. Наденем на вас красивый парик и цилиндр, возможно, насурьмим глаза, и будет уже неважно, хорошо ли вы сыграете свою роль, - толпа все равно будет вам рукоплескать.

Я уставился на него.

- Э...

- Он сказитель, - быстро и громко ответила Лу, отступив назад и взяв меня за руку.

Я заметил, как изменилась ее осанка, как мелодичен стал ее голос. Выступление Лу уже началось. Она уже играла свою роль, отвлекая их от... от меня.

- Очень любит истории. И вы правы. В этих штанах он будет выглядеть шикарно. Разумеется, без рубашки.

Она ухмыльнулась и сжала мои пальцы.

- Потрясающе! - Деверо задумчиво постучал себя по подбородку. - Увы, боюсь, сказитель у нас уже есть - любезнейшая Зенна.

Он кивнул на лавандоволосую женщину, которая тут же ухватилась за новую возможность возразить. Любезнейшим образом.

- Видишь? Нет от него никакого толку. Будь на то воля судьбы, госпожа Фортуна привела бы к нам кого-нибудь, кто...

- А умеете ли вы управляться с этими ножами? - Насурьмленные глаза Деверо заметили мой ремень под распахнутым пальто. - Мы недавно лишились нашей метательницы кинжалов, ушедшей в амандинскую труппу, и... - он наклонился ближе и подмигнул, - хоть я сам и не склонен выбирать себе любимцев, публике нередко это свойственно.

- Да ты шутишь, Клод. - Сверкая глазами, Зенна подбоченилась. - Номер Надин был в лучшем случае посредственным, уж точно не лучше моего, да и в любом случае, с этими чаевые я делить не желаю. Мы их даже не знаем. Они могут нас во сне прикончить. Или в жаб превратить. Или...

- Сказать тебе, что у тебя помада на зубах, - договорила Лу.

Зенна свирепо уставилась на нее.

- Это правда, - любезно добавил Бо. - Вот прямо сбоку.

Хмурясь, Зенна стала тереть резцы.

Лу ухмыльнулась и повернулась обратно к Деверо.

– Рид со своими ножами, можно сказать, уже давно в одно целое сплелся. Он легко попадет в любую мишень.

– Чудесно! – Бросив последний долгий взгляд на мои ножи, Деверо обернулся к мадам Лабелль. – А вы, chérie[7]?..

– Я..

– Его помощница. – Лу уже ухмылялась вовсю. – Давайте прямо сейчас ее к мишени привяжем и покажем вам, какой Рид меткий?

Деверо вскинул брови.

– Уверен, в этом нет нужды, но ваше рвение я исключительно одобряю. Должен сказать, оно весьма заразительно. – Он обернулся к Бо и нелепейшим образом поклонился, да так, что носом достал до самого ботинка. – Если позволите, ваше высочество, я бесконечно рад с вами познакомиться. И жажду поскорее узнать о ваших бесчисленных талантах. Скажите же, чем вы поразите нас на сцене?

Бо улыбкой ему не ответил, а только скривился.

– Я на сцену не выйду и совершенно точно никаких розовых перьев носить не стану. – Заметив выжидательный взгляд Деверо, он вздохнул. – Буду ваши деньги считать.

Деверо хлопнул в ладоши.

– Так тому и быть! Сделаем для королевской особы исключение!

– Ну а ты? – насмешливо спросила Зенна у Лу. – Особые сценические таланты имеются?

– Если хочешь знать, я играю на мандолине. Даже довольно неплохо, потому что... – Лу помедлила и опустила голову, как будто бы смутившись. Смущение ей было несвойственно, и этот жест, пусть даже едва заметный, меня встревожил. – Хотя неважно.

– Скажи, – попросил я тихо.

– Ну... моя мать настояла на том, чтобы я научилась играть. На арфе, на клавикорде, на ребеке, но больше всего она любила мандолину.

Я нахмурился. Я понятия не имел, что Лу умеет играть хоть на одном инструменте, не говоря уже о многих. Она однажды сказала, что не умеет петь, и я предположил... но нет. Мозоли у нее на пальцах были не от фехтования. От мандолины. Я изо всех сил попытался представить себе этот инструмент, вспомнить его звучание, но не смог. В детстве мне доводилось слышать только орган, а на все остальное не хватало ни времени, ни интереса.

- Ха! - Зенна торжествующе расхохоталась. - У нас музыкант уже есть. Клод - настоящий виртуоз, лучший в королевстве.

- Рада за него, - пробурчала Лу, поднимая с земли заснеженные перья и ни на кого не глядя. - Я же сказала, это все равно неважно. Я с вами не поеду.

- Прошу прощения? - Клод с самым возмущенным видом взял у нее перья. Ветер поднялся вокруг и чуть не унес шляпу Клода на крышу. - Полагаю, я не расслышал вас из-за ветра.

- Отнюдь. - Лу указала на Ансея и Коко и повысила голос, закутавшись в намокший от снега плащ: - Мы втроем отправимся в другую сторону.

Деверо всплеснул руками, и перья снова разлетелись.

- Вздор! Нелепица! Как вы очень верно подметили, на дороге для вас опасно. Вы непременно должны поехать с нами! - Он так яростно затряс головой, что ветер все-таки сорвал с него шляпу. Она взмыла вверх и исчезла в снегу. - Нет, нет, боюсь, совершенно несомненно, что наша встреча в таверне произошла по воле не кого иного, как самой Госпожи Фортуны. Более того, я не могу вынести и мысли о том, что вы отправитесь в странствие одни. Нет, я не желаю брать на совесть столь тяжкий груз.

- Они будут не одни.

Незнакомый голос. Необъяснимая дрожь.

Мы с Лу шагнули друг к другу, разом обернулись и увидели, что рядом стоит темная фигура.

Девушка.

Я не слышал и не видел, как она подходит к нам. И все же она стояла так близко, рукой подать, и смотрела на меня зловещими бесцветными глазами. Необычайно худая, почти как скелет, с алебастровой кожей и темными волосами, она походила скорее на духа, нежели на человека. Моя рука метнулась к балисарде. Незнакомка наклонила голову в ответ - слишком резко, слишком по-звериному и оттого - неестественно.

Меж ее истощенных лодыжек вился Абсалон.

- Николина. - Коко оскалилась. - Где моя тетя?

На лице девушки, обнажая окровавленные зубы, медленно расплылась жестокая усмешка. Я оттащил Лу от нее подальше.

- Не здесь, - пропела она странным, высоким голосом. Девчоночьим. - Она не здесь, но всегда где-то есть. Всегда близко. Мы пришли на ваш зов.

Забрасывая последний чемодан в повозку, я чувствовал на себе ее странный взгляд.

Остальные поспешно собирали вещи, успокаивали лошадей, проверяли узлы. Деверо отвел Лу в сторону, и теперь они, похоже, спорили об этой странной девушке. Я не знал наверняка. Снег уже бушевал бураном, заметая все вокруг, и улицу освещали лишь два фонаря. Остальные погасли.

Хмурясь, я наконец обернулся к ней – к Николине, – но она уже куда-то исчезла.

– Здравствуй, охотник.

Я подскочил, услышав ее голос прямо у себя за спиной и испугавшись тому, как близко она оказалась. К моей шее и лицу прилила кровь.

– Кто ты? – спросил я. – Как тебе это удается?

Она поднесла костлявый палец к моей щеке и склонила голову, будто в восхищении. Свет фонаря осветил шрамы Николины. Они уродовали ее кожу, превращая в жуткую паутину крови и серебра. Я едва не отшатнулся, но сдержался.

– Я – Николина ле Клер, личная помощница Ля-Буазен. – Проведя острым ногтем по моему подбородку, она скривилась. Детскость вдруг исчезла из ее голоса, и он огрубел до гортанного рычания. – И я не стану раскрывать таинства искусства крови охотнику. – Она посмотрела мимо меня на Лу, и в ее бесцветных глазах шевельнулась тьма. Николина впилась мне в кожу глубже, почти до крови. – Или его маленькой мышке.

Коко встала между нами.

– Поосторожней, Николина. Лу – под защитой моей тетки. Рид – под моей собственной.

– М-м-м... Рид. – Николина сладострастно облизнула губы. – Твое имя на моем языке на вкус как соль, как медь, как нечто теплое и влажное...

– Перестань.

Я с отвращением и тревогой отступил назад и оглянулся на Лу. Она стояла за повозками и, сощурившись, смотрела на нас. Деверо настойчиво размахивал руками у нее перед носом. Я двинулся к ним, мечтая поскорее уйти, но Николина по пятам следовала за мной. И все еще была слишком близко. Слишком, слишком близко. Ее голос снова стал детским.

– Мои мышки шепчут про тебя такие непристойности, Рид. Такие нехорошие пакости. Козетта, сожаление, забвение. Козетта, сожаление, забвение. Вот что они говорят. Уж не знаю, подтвердить не могу, я никогда охотника не пробовала...

– И этого не попробуешь.

Коко поспешила за нами, а Лу между тем наконец отбилась от Деверо.

– Он женат.

- Неужели?

- Да. - Я резко остановился, развернулся и смерил ее суровым взглядом. - Так что будьте добры держаться от меня на подобающем расстоянии, мадемуазель.

Она лукаво усмехнулась, вскинув тонкую бровь.

- Быть может, мои мышки ошиблись. Они очень любят шептать. Шепчут, шепчут, шепчут. Всегда шепчут.

Она наклонилась ближе, щекоча мне губами ухо. И снова я предпочел бездействие, не желая приносить ни капли удовольствия этой сумасшедшей.

- Они говорят, ты ненавидишь свою жену. Говорят, ты ненавидишь себя. Говорят, что ты восхитителен на вкус.

Я даже не успел понять, что Николина намерена делать, когда она вдруг провела языком по моей щеке - медленно и влажно.

В этот самый миг к нам подошла Лу. В ее глазах вспыхнул бирюзовый огонь.

- Какого черта ты творишь?

Лу обеими руками попыталась оттолкнуть от меня Николину, но та уже сама отплыла в сторону. Она так странно двигалась... будто была не вполне материальна. Однако ее ногти на моем подбородке были более чем реальны, как и ее слюна на моей щеке. Я дернул себя за воротник, вытирая эту слюну и чувствуя, как у меня краснеют уши. Лу, вне себя от гнева, стиснула кулаки и как будто даже стала выше ростом.

- Держи руки при себе, Николина.

- Держи, держи.

Голодные глаза Николины блуждали по моему обнаженному горлу, затем опустились ниже, к груди. Я безотчетно напрягся, подавив порыв запахнуть пальто.

- Он может и сам их держать. Держать... прижать... ублажать...

Лу издала тихий грозный рык и шагнула ближе. Почти вплотную.

- Еще хоть раз его тронешь, я твои руки сама придержу. Каждый... - она сделала еще шаг, - окровавленный... - и с предвкушением приникла еще ближе, - обрубок.

Николина равнодушно усмехнулась ей, не обращая внимания ни на ветер, который поднялся на улице, ни на холод, которым повеяло вдруг. Коко встревоженно огляделась.

- Глупая мышка, - промурлыкала Николина. - Он охотится даже сейчас. Даже сейчас охотится он. Он верен себе и мне прекратить не велел.

- Ложь.

Даже я сам услышал, как нервно это прозвучало. Лу будто приросла к месту. Она не обернулась, когда я коснулся ее плеча.

- Лу, она...

- Но может ли он прекратить? - Николина уже ходила вокруг нас кругами, как хищник, почуявший кровь. - Охотиться и прекратить? Или прекратить и охотиться? Вкусим мы вскоре звуки, что таит его язык, - попробуем и стон, и вздох, и рык...

- Николина, - резко сказала Коко, схватив Лу, когда та ринулась вперед. - Хватит.

- Птица и змея, змея и птица, им лишь бы брать, ломать и в муках биться...

- Я сказала, хватит.

Что-то переменилось в голосе Коко, и улыбка Николины растаяла. Она остановилась. Несколько секунд эти двое смотрели друг на друга, и нечто невысказанное и темное происходило между ними, пока наконец Николина не обнажила горло. Еще секунду Коко наблюдала эту странную демонстрацию покорности. Бесстрастно. Холодно. Наконец она удовлетворенно кивнула.

- Жди нас на опушке леса. А теперь уходи.

- Как пожелаете, *princesse*. - Николина подняла голову. Помедлила немного. Посмотрела на меня - не на Лу. И снова усмехнулась. На этот раз - с невысказанным обещанием.

- Маленькая мышка не всегда будет тебя защищать, охотник. Берегись.

Ветер подхватил ее слова и рассеял среди метели. Они ужалили мне щеки, вцепились в плащ Лу, в волосы Коко. Я взял Лу за руку, надеясь ободрить ее - и вздрогнул. Ее пальцы оказались холоднее, чем я ожидал. Они были неестественно холодны. Холоднее ветра и снега. Холоднее улыбки Николины.

Берегись, берегись, берегись.

- Не дай ей себя разозлить, - пробормотала Коко, обращаясь к Лу, когда Николина исчезла. - Она только этого и хочет.

Кивнув, Лу закрыла глаза и глубоко вздохнула. С выдохом плечи ее расслабились, и она посмотрела на меня. И улыбнулась. Я с облегчением прижал Лу к себе.

- Да уж, она просто прелесть. Прямо конфетка, - пробормотала она мне в пальто.

- Так и есть. - Коко смотрела в переулок Николине вслед. - Только гниют от этой конфетки не зубы, а душа.

Деверо подошел к нам. Устало вздохнув, он коснулся моего плеча.

– Все вещи собраны, mon ami. Мы должны выезжать немедленно, дабы не упустить возможность. Госпожа Фортуна воистину ветрена.

Он ждал, но руки не желали мне повиноваться. Они крепко обнимали Лу, и я просто не мог ее выпустить. Вместо этого я зарылся носом ей в плечо и стиснул еще крепче. Ее плащ пах незнакомо, по-новому. мехом, сырой землей, а еще чем-то горько-сладким... но не колдовством. Возможно, вином. Я нахмурился и сбросил с Лу капюшон, мечтая ощутить тепло ее кожи. Но холод растекся от ее пальцев по всему телу. Он обжег мне губы, когда я коснулся ими шеи Лу. Я с тревогой посмотрел ей в глаза. Теперь они были зелеными. Такими зелеными.

– Будь осторожна, Лу. – Я держал ее в объятиях, заслоня собой от остальных и тщетно пытаюсь согреть. – Прошу. Обещай мне это.

Вместо ответа она просто меня поцеловала. Затем осторожно высвободилась.

– Я люблю тебя, Рид.

– Все должно быть иначе, – беспомощно проговорил я, все еще протягивая к ней руки. – Я должен пойти с тобой..

Но Лу уже отступила назад и отвернулась от меня. Взяла за руку Коко – так, как должна была взять меня. Другую руку она протянула Анселю.

– Мы скоро увидимся, – пообещала она, но мне хотелось услышать другое обещание. Мне нужно было его услышать.

Не сказав больше ни слова, Лу развернулась и исчезла в метели. Я смотрел ей вслеп, чувствуя, как внутри нарастает страх.

Абсалон исчез следом за ней.

Пропавший принц

Лу

Деревья выжидательно наблюдали за нами и слушали наши шаги. Казалось, они даже дышали – вдыхая и выдыхая каждый раз, когда ветер едва ощутимо касался наших волос. Они словно были так же разумны и любопытны, как и тени, что подползали все ближе.

– Вы их чувствуете? – шепнула я и содрогнулась от того, как громко мой голос прорезал зловещую тишь.

Сосны в этой части леса росли гуще и были куда древнее. Мы с трудом продирались сквозь их ветви, и с каждым шагом они осыпали нам волосы и одежду сверкающими кристаллами снега.

– Да. – Коко подула на ладони и потерла их, чтобы согреть. – Не волнуйся. Местные деревья верны моей тетке.

В ответ я вздрогнула, но совсем не от мороза.

– Почему?

– Предпочтешь красивую ложь или безобразную правду?

– Чем безобразней, тем лучше.

Коко не улыбнулась.

– Жозефина поит их своей кровью.

Мы учуяли лагерь прежде, чем его увидели, – запахи дыма и шалфея на ветру скрывали другой аромат, более едкий и резкий. Вблизи, однако, запах кровного колдовства было ни с чем не спутать. Он захлестнул меня волной, обжег нос, горло и глаза. Слезы застыли льдинками у меня на ресницах. Стиснув зубы, я двинулась дальше следом за Николиной, против ветра, прямо по сугробам, которые доходили до колен.

– Сколько еще идти? – крикнула я Николине, но та не ответила. И жаль, и к лучшему, пожалуй. Она и слова не промолвила с тех пор, как мы покинули «Труппу Фортуны» в Сен-Луаре. Как будто бы даже она боялась ночного леса.

Коко глубоко вдохнула аромат крови и закрыла глаза. Она тоже стала молчаливей за последние пару часов – и скованней, и мрачней, – а когда я спрашивала ее об этом, Коко упорно отвечала, что с ней все хорошо.

Да уж.

Все с ней хорошо.

И со мной.

И с Ридом.

У всех у нас все просто прекрасно.

Минуту спустя Николина остановилась у густой сосновой рощи и оглянулась на нас. Взгляд ее глаз – таких бледно-голубых, почти что серебряных – задержался на моем лице, а затем метнулся к Коко.

– С возвращением.

Коко закатила глаза и хотела протолкнуться мимо нее, но Николина уже исчезла. В буквальном смысле этого слова.

- Просто конфетка, - повторила я, невольно усмехаясь при виде раздражения Коко. - Все твои сестры такие очаровашки?

- Она мне не сестра.

Не оглядываясь, Коко отвела ветвь и нырнула в рощу, этим красноречивым жестом завершив беседу. Моя улыбка растаяла.

Ансель хлопнул меня по руке, проходя мимо, и робко улыбнулся.

- Не переживай. Она просто волнуется.

Я изо всех сил сдержалась, чтобы на него не рявкнуть. С каких это пор Ансель о чувствах Коко знает больше меня? Будто ощутив мою злость, он вздохнул, взял меня под локоть и потащил за ней следом.

- Пойдем. Как поешь, станет повеселей.

В ответ у меня в желудке заурчало.

Деревья резко поредели, и мы оказались на краю каменистой поляны. Огонь костров освещал потрепанные палатки, сшитые из обрезков шкур животных. Несмотря на ранний час, мороз и темноту, несколько ведьм собрались у огня, закутавшись в меха. Услышав шаги, они с подозрением оглянулись на нас. Все эти люди были разных рас и возрастов, но с одним и тем же затравленным выражением лица. Впалые щеки. Голодные глаза. Одна женщина даже тихо плакала, вцепившись себе в золотисто-каштановые волосы.

Ансель застыл.

- Я не ожидал, что здесь будет столько мужчин. - Он с нескрываемой тоской уставился на юношу с виду примерно тех же лет. - Они... как Рид?

Имя Рида пронзило меня как кинжал - остро и болезненно. Мне его не хватало. Без него я как будто... утратила опору. Будто от души оторвали кусочек. В каком-то смысле, вероятно, так и было.

- Возможно. Но если так, вряд ли они подозревают об этом. Мы все росли с убеждением, что колдовство подвластно только женщинам. Наш дорогой шассер... меняет дело.

Кивнув и порозовев, Ансель отвел взгляд. Когда мы подошли ближе, Коко пробормотала, не глядя на нас:

- Мне, наверное, лучше поговорить с теткой наедине.

Мне очень хотелось ткнуть ее в щеку и заставить на меня посмотреть, но я сдержалась. Когда Коко говорила о защите, которую нам обеспечит ее тетка, и об альянсе с ее могущественным родом, я представляла все несколько иначе. Судя по виду этих ведьм, их даже ветром могло снести с ног. Да каким там ветром, одного чиха бы хватило.

- Конечно, - сказала я. - Мы подождем здесь.

- В этом не будет необходимости.

Мы подскочили, когда Николина вновь возникла рядом. Ее голос снова утратил детскость, а серебристые глаза были пусты и ничего не выражали. Не знаю, что за представление она устроила для Рида, но для нас продолжать его она не собиралась.

- Жозефина ждет вас троих у себя в палатке.

- Может, прекратишь уже так делать? - буркнула я.

Лицо Николины исказила судорога, будто мой вопрос причинил ей телесную боль. А может быть, даже сам мой голос.

- Никогда не говори с нами, маленькая мышка. Никогда, никогда, никогда.

Глаза ее вдруг вспыхнули, и она прыгнула вперед, злобно щелкнув зубами. Ансель отпрянул, дернув за собой меня, и чуть нас обоих не опрокинул. Коко остановила Николину быстрым и волевым мановением руки, но та все равно успела подобраться близко, и я ощутила призрачное прикосновение ее зубов, увидела ее заостренные резцы. Махнув на меня костлявыми пальцами, она ласково мурлыкнула, будто обращаясь к младенцу:

- А не то мы проглотим тебя целиком. О да, о да, проглотим..

- Хватит, - раздраженно бросила Коко, отталкивая ее прочь. - Покажи нам наши палатки. С моей теткой мы поговорим, когда выспимся. Это приказ, Николина.

- Палатку.

- Что?

- Палатку, - повторила Николина и наклонила голову, вновь продолжая свой безумный спектакль. - Одну палатку вам дадут, придется в ней делить приют..

- Делить? - Ансель встревоженно вытаращил глаза, посмотрев на Коко. Он отпустил меня, нервно взлохматил себе волосы и одернул пальто. - У нас будет общая палатка? И мы там будем спать?

- Нет, траха... - весело начала я, но Коко перебила:

- Почему только одна?

Пожав плечами, Николина спиной вперед двинулась прочь. Нам оставалось только последовать за ней. Кровавые ведьмы смотрели на меня сурово, но при виде Коко каждая обнажала горло, так же, как Николина недавно. Прежде я видела такую покорность лишь раз - однажды, когда Ля-Вуазен застала нас с Коко за игрой на берегу Лё-Меланколик. Она пришла в ярость и чуть не

вывихнула Коко плечо, торопясь увести ее от меня подальше. Коко тогда обнажила перед ней горло быстрее, чем омега – брюхо.

Как тогда, так и сейчас при виде этого мне стало не по себе.

Будто в ответ на мои мысли Ансель прошептал:

– Зачем они так делают?

– В знак уважения и подчинения. – Мы шли в нескольких шагах позади Коко и Николины. – Это нечто вроде поклона королевским особам. Обнажая горло, они предлагают Коко свою кровь.

– Но... почему это означает подчинение?

Когда Коко проходила мимо, ведьмы продолжали сверлить нам спины неприятливыми взглядами. Сложно было винить их за это. Я была Белой дамой, а Ансель учился на шассера. Пусть Ля-Буазен и пустила нас в лагерь, радовались нам здесь не больше, чем Риду.

– Если Коко выпьет твою кровь, – объяснила я, – то сможет тобой управлять. Временно, конечно. Но Алые дамы по доброй воле предлагают свою кровь Коко и Ля-Буазен. Здесь королевские особы – именно они.

– Ясно. – Ансель тяжело сглотнул. – Королевские особы.

– La princesse. – Подмигнув, я ущипнула его за локоть. – Но все та же Коко.

Вряд ли это его убедило.

– Почему палатка только одна, Николина?

Коко стиснула кулаки, когда Николина продолжила что-то напевать себе под нос. Судя по всему, должность личной помощницы Ля-Буазен позволяла Николине вести себя более дерзко.

– Отвечай.

– Ты бросила нас, гнить оставила здесь, нам негде укрыться и нечего есть, бесчисленно число каждодневных потерь, и зря ты вернуться решила теперь.

При виде ледяной улыбки Николины Коко споткнулась, но я коснулась ее спины и помогла устоять на ногах. Когда Коко притянула меня к себе и переплела наши пальцы, меня захлестнуло волной облегчения.

– Почему моя тетя желает видеть нас сейчас же? – спросила она, хмурясь все больше. – Почему нельзя подождать?

Николина хихикнула.

– Сынок на рассвете отправился в путь, затем под утесом решил отдохнуть, домой не пришел, испарился он вдруг, и стая стервятников вьется вокруг.

- Мы на языке духов не говорим, - отрезала я.

В отличие от меня Коко терпения было не занимать, и объяснения просить она не стала. Ее лицо исказила гримаса.

- Кто исчез?

- Умер, - поправила ее Николина, все еще перекошенно усмехаясь. Слишком уж широкой была эта усмешка, слишком неподвижной, слишком.. кровавой. - Он умер, стинул, мертв - так мне сказали мыши. Преставился, почил, и больше он не дышит..

Что ж. Теперь понятно, почему одна из женщин плачет.

Николина остановилась у маленькой потертой палатки на краю лагеря. Та стояла в отдалении от прочих, у края обрыва. Днем лучи солнца наверняка согревали это место, сверкая золотом на снегу. Дальше расстилался бескрайний горный простор, и даже в темноте это могло бы быть красиво.

Вот только стервятники, что кружили в небе, портили картину.

В зловещей тишине мы смотрели, как они опускаются все ниже. Коко вырвала руку из моей ладони и подбоченилась.

- Ты сама сказала, что он исчез, - яростно возразила она. - Исчез, а не погиб. Мы поговорим с моей теткой сейчас. Если она собирает поисковые отряды, мы тоже пойдём. Может быть, он прямо сейчас где-то неподалеку.

Николина радостно покивала.

- Медленно замерзает. О-о-о-очень ме-е-е-едленно.

- Ясно. - Коко бросила сумку в нашу палатку, даже не заглядывая внутрь. - Кто пропал, Николина? И как давно?

Без предупреждения сумка Коко полетела обратно в нее - и угодила прямо в голову. Коко резко развернулась и выругалась.

- Какого?..

Из нашей палатки вышла Бабетта Дюбиссон.

Почти неузнаваемая без слоя густого грима и с зачесанными наверх золотистыми волосами, она успела похудеть с тех пор, как мы в последний раз виделись в Цезарине. Шрамы блестели серебром на ее кремовой коже. При виде Коко взгляд Бабетты потеплел, но она не улыбнулась.

- Мы знали его как Этьена Жилли, сына Исме Жилли.

Коко шагнула к ней и с осязаемым облегчением обняла.

- Бабетта. Ты здесь.

Я нахмурилась, чувствуя себя так, будто оступилась на лестнице. Рой с приятелями подтвердили наши подозрения, когда рассказали о комендантском часе и «подозрительных девицах» в Цезарине, но мне и в голову не пришло озаботиться тем, цела ли Бабетта. Но вот Коко явно побеспокоилась о ней. Я нахмурилась еще больше. Я все-таки считала Бабетту подругой, пусть даже в очень грубом смысле это слова, и ее судьба была мне не безразлична.

Правда ведь?

– Bonjour, mon amour. – Бабетта поцеловала Коко в щеку, а затем коснулась ее лба своим. – Я по тебе скучала.

Когда они отстранились друг от друга, Бабетта посмотрела на мой свежий шрам. Ленту вернуть я так и не смогла.

– Здравствуй и ты, Луиза. Прическа у тебя совершеннейше *répugnant*[8], но я рада видеть, что ты жива и у тебя все хорошо.

Я настороженно улыбнулась ей. Мне пугающе явственно вспомнились слова Рида. «Ты сама не своя».

– Жива, это верно, – пробормотала я, мрачняя. – Но вот все ли хорошо... не знаю.

– Ерунда. В нынешние времена, если мы живы – все уже в достаточной мере неплохо.

Снова обратив взгляд к Коко, Бабетта тяжело вздохнула. Искренне, а не картинно, как обычно. Нет, эта женщина, совершенно трезвая, ненакрашенная и со спутанными волосами, не была той Бабеттой, которую я знала прежде.

– Увы, о бедном Этьене, быть может, такого сказать уже нельзя. Ты веришь, что он еще жив, mon amour, но я опасюсь за его жизнь – и также боюсь, что погубил его не холод. Пусть мы и знали его по матери, для всего королевства Этьен Жилли мог бы стать Этьеном Лионом. Он бастард короля и не вернулся с утренней охоты.

Палатка Ля-Буазен оказалась больше остальных и располагалась в самой середине поляны. Вокруг нее были расставлены несколько деревянных клеток, откуда на нас смотрели, сверкая глазами, разнообразные звери. Когда мы проходили мимо, на решетку с рыком бросилась лиса, и Ансель с писком отпрянул и врезался в меня. Бабетта хихикнула, а Ансель покраснел до корней волос.

– Это ваши... питомцы? – спросил он слабо.

– Они нужны для крови, – коротко ответила Коко. – И для гаданий.

Николина нахмурилась, услышав это объяснение, – вероятно, она считала подобные откровения предательством, – а затем отогнула занавес из сушеного шалфея, который висел на входе в палатку. Бабетта клюнула Коко в обе щеки.

- Я найду тебя после, mon amour. Нам многое нужно обсудить.

Прежде чем они разошлись, Коко задержала ее в объятиях на секунду дольше положенного.

Внутри за самодельным столом стояла Ля-Вуазен, и перед ней дымились благовония. Николина подплыла к ней и взяла кроличью шкуру и окровавленный нож. Внутренности бедного животного уже лежали на столе. Я постаралась не смотреть, как она слизывает кровь с пальцев.

Ля-Вуазен отвлеклась от книги, которую читала, и холодно посмотрела на меня. Я моргнула, подивившись тому, каким гладким оказалось ее лицо. Ля-Вуазен не постарела ни на день с прошлой нашей встречи. Она должна была быть втрое старше нас, но на лбу и губах ее не нашлось ни морщинки, а волосы, зачесанные в строгий пучок, оказались черны, как безлунное ночное небо.

Я содрогнулась, вспомнив недобрые слухи, которые ходили о Ля-Вуазен в Шато, - о том, что она ест сердца младенцев, чтобы сохранить молодость, и каждый год посещает Лё-Меланхолик, чтобы испить крови мелузины.. нет, чтобы искупаться в ней.

Долгое мгновение Ля-Вуазен молча смотрела на нас с Коко. В свете свечей глаза ее поблескивали. Совсем как Николина недавно, она внимательно оглядела меня, изучая черты моего лица и шрам на горле. Я с вызовом уставилась на нее в ответ.

На Ансея она не обратила ни малейшего внимания.

Наконец Коко кашлянула.

- Bonjour, tante[9].

- Козетта. - Ля-Вуазен захлопнула книгу. - Ты все же соизволила нас посетить. Полагаю, ты наконец сочла обстоятельства благоприятными для визита.

Я неверяще смотрела, как Коко покаянно опускает взгляд.

- Je suis désolée[10]. Я бы пришла раньше, но.. не могла оставить друзей.

Ля-Вуазен обошла стол, волнами рассеивая дым от благовоний. Она остановилась перед Коко, схватила ту за подбородок и рассмотрела ее лицо в свете свечи. Коко неохотно взглянула ей в глаза, и Ля-Вуазен нахмурилась - увиденное пришлось ей не по нраву.

- Пока ты праздно проводила время с друзьями, твои соплеменники умирали один за другим.

- Бабетта рассказала мне об Этьене. Мы могли бы..

- Я говорю не об Этьене.

- Тогда о ком?..

- Болезнь погубила Дельфину и Мари. Только на прошлой неделе от холода умер Дени. Мать оставила его и ушла добывать еду, но он попытался пойти следом. - Глаза Ля-Вуазен потемнели и стали похожи на сверкающие осколки обсидиана. Она отпустила подбородок Коко. - Ты помнишь его? Ему не исполнилось и двух лет.

У Коко перехватило дыхание, да и я сама ощутила приступ тошноты.

- Мне...

Коко осеклась, явно передумав. Мудрое решение. Ля-Вуазен не нужны были ее извинения. Она хотела, чтобы Коко страдала. Изнемогала от вины. Коко резко обернулась ко мне.

- Лу, ты... помнишь мою тетю, Жозефину Монвуазен.

Она беспомощно махнула рукой. Сжалившись над ней, я кивнула и выдавила улыбку. После подобного рассказа, впрочем, улыбаться с моей стороны было довольно бестактно.

- Bonjour, мадам Монвуазен. - Обнажать перед ней горло я не стала. В детстве Коко первым делом научила меня одному простому правилу: никогда не предлагать свою кровь Алой даме. Особенно ее тетке, которая ненавидела Моргану и Белых дам, вероятно, даже больше, чем я. - Спасибо, что согласились принять нас.

Еще одно долгое мгновение она смотрела на меня.

- Ты похожа на свою мать.

Коко быстро продолжила:

- А это... это Ансель Диггори. Он...

И вновь Ля-Вуазен даже не взглянула на него. Она смотрела только мне в глаза.

- Я знаю, кто он.

- Малыш-охотник. - Облизнув нижнюю губу, Николина подступила ближе. Глаза ее сверкали голодным блеском. - Он мил собой, о да.

- Он не охотник, - отрезала Коко так остро, что ее ответ мог бы ранить до крови. - И никогда им не был.

- И лишь поэтому, - Ля-Вуазен с нескрываемым презрением скривилась, - он все еще жив.

При виде мрачного взгляда тетки Коко быстро кашлянула.

- Ты... сказала, что Этьен не мертв. Выходит, вы его нашли?

- Нет.

Если такое вообще было возможно, Ля-Вуазен помрачнела еще больше. Тени в палатке как будто бы ступились. Свечи замерцали. А ее книга... пошевелилась. Вытаращив глаза, я уставилась на нее. Едва заметно, но черная обложка определенно дрогнула. Ля-Вуазен погладила книгу по корешку, а затем извлекла из нее клочок пергамента. На нем кто-то нарисовал примерную карту Ля-Форе-де-Ю. Я постаралась взять себя в руки и наклонилась поближе, чтобы ее изучить. Тут и там чернильные деревья были усеяны каплями крови.

- Наши чары поиска выявили, что Этьен жив, но что-то... или кто-то... скрывает его точное местоположение. - Ля-Вуазен снова впилась взглядом в меня, и по некой причине у меня сжалось сердце. - Вчера мы посменно обыскали округу, но Этьена нигде не оказалось. Сегодня мы расширили область поиска.

Я скрестила руки на груди, чтобы перестать беспокойно ими вертеть.

- А он не мог уйти сам?

- Здесь живут его мать и сестра. Этьен бы не ушел, не простившись с ними.

- Нам ли не знать, что у детей с родителями могут быть очень непростые отношения...

- Он исчез ровно после того, как я согласилась встретиться с вами.

- Странное совпадение...

- В совпадения я не верю.

Ля-Вуазен бесстрастно смотрела на нас. Мы переминались с ноги на ногу, как напроказившие школьники. Я наверняка выглядела еще младше, потому что по обе стороны от меня высились Коко и Ансель. Я попыталась выпрямиться, чтобы стать хоть немного повыше, но тщетно.

- В вашем послании сказано, что вы ищете альянса с нашим ковенном, - продолжила она.

Я кивнула.

- И что Рид Лабелль прямо сейчас направляется в Ле-Вантр в надежде на подобный союз с лу-гару. А затем вы намерены отправиться в Цезарин и обратиться за помощью к королю.

Я вдруг испытала прилив неожиданного удовлетворения. Рид Лабелль. Не Рид Диггори, не Рид Лион. Это имя казалось... правильным. Конечно, если мы решим придерживаться обычаев нашего рода, у него еще будет возможность вместо этого стать Ридом ле Бланом. Если... если на этот раз мы обрuchимся как полагается.

- Верно.

- Мой ответ - нет.

Я озадаченно моргнула, изумленная этим резким отказом, но Жозефина уже вновь обратила взгляд к карте и сунула ее обратно в свою жуткую книжонку. Николина захихикала. Краем глаза я заметила, что она трясет мертвого кролика за передние лапы, заставляя его танцевать. Меня захлестнуло жаром, руки сами собой сжались в кулаки.

- Я не понимаю.

- Все очень просто. - Ля-Буазен посмотрела мне в глаза с таким каменным спокойствием, что мне захотелось вспылить и закричать в голос. - У вас ничего не выйдет. Я не стану подвергать угрозе свой род ради вашей бездумной затеи.

- Тетя Жозефина... - С мольбой начала Коко, но та только отмахнулась.

- Я уже прочла знамения, и мое решение окончательно.

Уже едва держа себя в руках, я спросила:

- И что же, вас мочевой пузырь кролика убедил нам отказать?

- Я не жду, что ты поймешь, насколько тяжело бремя правления. И ты тоже.

Она посмотрела на Коко, вскинув бровь, и та понурила голову. Мне хотелось выцарапать Ля-Буазен глаза.

- Каждая смерть в этом лагере - на моих руках, и рисковать вызвать гнев Морганы я не могу. Ради тебя уж точно. И даже ради своей племянницы.

Жар у меня внутри нарастал, разгораясь все сильнее. Голос мой, однако, оставался холоден.

- Зачем вы тогда привели нас сюда, если даже выслушать не хотите?

- Не стоит тешить себя заблуждениями, Луиза ле Блан. Я тебе совершенно ничего не должна. Ты стоишь здесь, целая и невредимая, лишь благодаря моему великодушию. Это великодушие уже на исходе. Я и мой народ не станем воевать вместе с тобой. Теперь ты знаешь это и можешь уйти. Козетта, однако, останется здесь.

Ах, так вот оно что. Вот зачем она на самом деле нас сюда притащила - чтобы удержать здесь Коко.

Коко застыла, будто взгляд черных глаз тетки в буквальном смысле пригвоздил ее к месту.

- Слишком долго ты отказывалась исполнять свой долг, Козетта, - проговорила Ля-Буазен. - Слишком долго ты защищала врагов, предпочитая их своему народу. - Последние слова она выплюнула, опершись на стол и впившись ногтями в дерево. Черная книга рядом с ней как будто бы трепетала в предвкушении. - Пора положить этому конец. Ты - Алая

принцесса, и с этой минуты будешь вести себя соответственно. И для начала выпроводишь Луизу и ее спутника из нашего лагеря.

Я наконец смогла выдать в ответ:

- Мы никуда не уйдем...

- ...пока они не найдут Этьена, - договорила вдруг Коко, расправив плечи.

Она едва заметно коснулась моей руки. Будто бы просила довериться ей. Я снова замолчала.

- Они ведь хотят нам помочь, tante. И уйдут лишь после того, как найдут его - и если найдут, ты согласишься заключить с ними союз.

- И Коко отправится с нами, - не удержалась я. - Если сама того пожелает.

Ля-Буазен сощурилась.

- Я сказала свое последнее слово.

Коко, однако, принимать отказ не собиралась. Ее пальцы слегка подрагивали, но она все равно подошла к столу и понизила голос - хотя мы все равно все слышали.

- Наше колдовство не способно его найти. Может, ее колдовство поможет. - Голос Коко стал еще тише, но вместе с тем обрел силу. - Вместе мы сумеем одолеть Моргану, tante. Сможем вернуться в Шато. И все это - холод, болезнь, смерть - наконец закончится.

- Я не пойду на союз с врагами, - настаивала Ля-Буазен, но украдкой посмотрела на меня и нахмурилась. - Не стану действовать заодно с оборотнями и русалками.

- У нас есть общий враг. Именно это и делает нас друзьями. - К моему удивлению, Коко взяла Ля-Буазен за руку, и настал черед той застыть без движения. - Прими нашу помощь. Позволь нам найти Этьена. Прошу тебя.

Долгое как вечность мгновение Ля-Буазен смотрела на нас. Наконец она вырвала руку.

- Если вы найдете Этьена, - проговорила она, поджав губы, - я рассмотрю ваше предложение. - Увидев, как мы с Анселем облегченно переводим дух, она резко добавила: - Времени у вас до рассвета. Если вы не найдете его в срок, то покинете наш лагерь без дальнейших возражений. Согласны?

Я возмущенно открыла рот, желая поспорить, - срок был просто смехотворным, меньше нескольких часов, - как вдруг что-то коснулось моей ноги. Я удивленно посмотрела вниз.

- Абсалон? Что ты?.. - Не смея даже всерьез надеяться, я обернулась ко входу, но высокого рыжеволосого мужчины там не оказалось. Никаких полуулыбок, никаких вечно стиснутых зубов, никакого румянца на щеках. Я нахмурилась.

Рида не было рядом.

Разочарование болезненно ужалило меня. А затем сменилось растерянностью. Матаготы, как правило, оставались с теми, кто их привлек. Разве что...

– У тебя есть для меня послание? – спросила я, хмурясь все больше и чувствуя, как внутри зреет страх. Неужели в дороге уже что-то случилось? Рида узнали, поймали, обнаружили, что он ведьмак? Миллион возможных исходов промелькнул у меня в мыслях, разгораясь как лесной пожар. – Что случилось, Абсалон? Говори скорей!

Он только мяукнул и стал тереться о мои ноги. В кошачьих глазах Абсалона сверкал человеческий разум. Я потрясенно смотрела на него, чувствуя, как мой гнев угасает. Абсалон не остался с Ридом. И не пришел ко мне с посланием. Он просто... пришел. Сюда. Он пришел сюда. А значит...

– Ты дала матаготу имя? – Ля-Вуазен моргнула, лишь этим выказав удивление.

– Имени заслуживает каждый, – едва слышно проговорила я.

«Их тянет к тем, кто им подобен. К беспокойным, измученным тревогами душам. Должно быть, кто-то из нас привлек его сюда». Абсалон встал на задние лапы, передними вцепившись мне в штаны. Я безотчетно наклонилась почесать его за ухом. Он тихо заурчал.

– Он мне свое не сказал, пришлось придумать новое.

Коко нахмурилась, глядя на нас с Анселем и явно пытаюсь понять, за кем сюда последовал матагот. Но Ля-Вуазен лишь улыбнулась, едва заметно и многозначительно.

– Ты оказалась не такой, как я ожидала, Луиза ле Блан.

Ее улыбка мне не понравилась. Быстро выпрямившись, я толкнула Абсалона ногой, но он не сдвинулся с места.

– Брысь, – прошипела я, но кот только сердито посмотрел на меня. Вот черт.

Женщина с золотисто-каштановыми волосами, которую мы недавно видели плачущей, заглянула в палатку. За руку она держала девочку, очень на нее похожую.

– Полуночный поисковый отряд вернулся, госпожа. – Всклипнув, она утерла слезу. – Нигде нет ни следа. Следующий отряд уже в сборе.

– Не бойся, Исме. Мы его найдем. – Ля-Вуазен сцепила руки, и голос ее смягчился. – Тебе следует отдохнуть. Отведи Габриэль назад к вам в палатку. Мы разбудим вас, если что-нибудь выясним.

– Нет, мне... мне лучше присоединиться к отряду. Прошу, не велите мне сидеть сложа руки, когда мой сын... – Исме замолкла, обуреваемая чувствами,

а затем решительно процедила: – Пока его не найдут, покоя и отдыха мне не будет.

Ля-Буазен вздохнула.

– Что ж, хорошо.

Когда Исме благодарно кивнула и увела дочь из палатки, тетка Коко посмотрела на меня.

– Если ты согласна на мои условия, то пойдешь со следующим отрядом на поиски Этьена. Они выступают немедленно. Николина сопровождает тебя, равно как и Исме с Габриэль. Своих спутника и фамильяра тоже можешь взять с собой. – Она помолчала секунду. – Козетта, ты останешься здесь.

– Tante... – начала Коко.

– Он мне не фамильяр!.. – рявкнула я.

Но Ля-Буазен перебила нас обеих, сверкнув глазами.

– Ты испытываешь мое терпение, дитя. Если желаешь, чтобы я поразмыслила над вашим предложением о союзе, найти Этьена ты должна до рассвета. Мы договорились?

Шаг вперед

Рид

Нож в моей ладони был тяжел. Тверд. Лезвие – равномерно, остро. Я купил этот нож у одного из лучших кузнецов Цезарина – того самого, который позднее стоворился с парочкой преступников убить мою жену. Когда я сдал кузнеца властям, он с презрением назвал меня «синей свиньей». Столько лет мы вели с ним дела, а я и не подозревал, что он меня ненавидит. Как и сен-луарские земледельцы. И все дело было в моем мундире.

Нет.

Во мне самом. И в моих убеждениях.

Мишень была украшена золотыми звездами. В нужных местах деревянного круга крепились кожаные манжеты – две для рук помощницы и две для ног. Сверху мишень покрывало нечто, подозрительно похожее на кровь.

Легким движением запястья я метнул нож. Тот вонзился в самый центр мишени.

Деверо рассыпался в аплодисментах.

– Это было просто... просто шедеврально, мсье Диггори! Воистину, Луиза не лгала о вашем мастерстве! – Он обмахнулся веером. – Ах, публика будет в восхищении. Мы назовем вас Свирепый Кинжал. Или нет, лучше Гроза Клинков.

Я с тревогой уставился на него.

– Вряд ли стоит...

– Ох, да, вы правы, безусловно правы. Нужно подобрать идеально подходящее имя. Не волнуйтесь! Вместе мы сумеем его найти... – Он резко вскинул руки, будто держал перед собой портрет. – Трехпалый метатель? Для броска ведь нужны три пальца, верно?

– Еще чуть-чуть, и станет уже неприлично. – Разлегшийся на сверкающем покрывале Бо расхохотался. Рядом с ним на земле лежали остатки его обеда. – Позвольте ли предложить в качестве варианта Le Petit Jésus[11]?

– Хватит. – Я глубоко вдохнул через нос, чувствуя, как внутри уже нарастает жар. Даже я сам услышал, как устало звучит мой голос. А ведь я просто хотел потренироваться немного во время привала. Это была роковая ошибка. – Сценическое имя мне не нужно.

– Мой милый, милый мальчик! – Деверо схватился за сердце так, будто я по меньшей мере оскорбил его мать. – Как же тогда нам вас называть? Просто Ридом Диггори вас представить мы никак не можем. – Он отмахнулся от моих возражений. – Подумайте, сколько крон мы выучим на этом, мой славный юноша, только подумайте! Вам нужно имя, неповторимый образ, чтобы увлечь зрителей в мир фанта... – Его рука застыла, а в глазах вспыхнул восторг. – Алая Смерть, – произнес он со вкусом.

У меня дрогнуло сердце.

– Да, определенно. Лучше и быть не может. Рыжие волосы, алая кровь... Выбор очевиден. Приходите, все приходите посмотреть на великого, ужасного, рокового красавца, именуемого Алой Смертью!

Бо согнулся пополам от смеха. Я чуть не швырнул другой кинжал в него.

– Мне больше по вкусу Рауль.

– Вздор. Я более чем откровенно выказал свое отношение к этому имени. – Деверо опустил руки, взволнованно качая пером на шляпе. – Не бойтесь, я совершенно уверен, что со временем новое прозвание придется вам по вкусу. А пока что, быть может, передохнете немного? Мы могли бы нарядить вас обоих для грядущего дебюта!

Бо тут же вскинулся, приподнявшись на локтях.

– Я вам уже сказал, что на сцену не выйду.

– Всем в нашей труппе полагается носить подходящие костюмы, ваше высочество. Даже сборщикам билетов и чаевых у зрителей. Уверен, вы это понимаете.

Бо со стоном откинулся на спину.

– Так держать! – Деверо выудил из рукава мерную ленту. – Теперь же мне необходимо снять пару мерок – самую малость, клянусь вам, – и все будет готово. Вы позволите? – Он указал на мое плечо.

Я кивнул, и Деверо подступил ближе, дохнув на меня вином.

Что ж, это объясняло многое.

– Если не возражаете, – пробормотал он, разматывая ленту, – я предложил бы вам провести остаток путешествия в янтарной повозке с близнецами. Ваша матушка тоже может перебраться туда. Вашему брату, однако, наверняка будет лучше в алой повозке с Зенной и Серафиной. Я очень мало сплю, но тем не менее составлю ему компанию. – Он усмехнулся некой невысказанной шутке. – Я слышал, что Зенна и Серафина чрезвычайно громко храпят.

– Да, мне определенно будет лучше в повозке Зенны и Серафины. – Я явственно услышал, как усмехнулся Бо. – Вы крайне проницательны, Клод.

Тот рассмеялся.

– О нет, мой милый мальчик, боюсь, если вы ищете романтических утех, вас ждет горькое разочарование. Души Зенны и Серафины связаны навек. Можно сказать, само небо переплело их судьбы.

Бо заметно помрачнел и отвернулся, бормоча что-то про невезение.

– Зачем нам договариваться, кто где спит? – с подозрением спросил я. После прощания с Лу почти всю ночь я ехал на козлах вместе с Клодом. Он пытался скоротать время беседой, но я этой затее не поддержал. Тогда Клод начал петь, и о своей ошибке я жалел очень горько и очень долго.

– А вы любите поспорить, да, мсье Диггори? У вас ершистый нрав. – Клод с любопытством посмотрел на меня, а потом наклонился измерить мой шаговый шов. – Уверяю вас, никакого злого умысла здесь нет. Просто мне видится, что для вас разумно искать дружбы с дражайшими Тулузом и Тьерри.

– И снова – почему?

– У вас с ними может быть больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Я оглянулся на Бо. Тот нахмурился.

– Да уж, теперь все стало ясно как день.

Деверо вздохнул и встал, отряхнув грязь с вельветовых брюк. Фиолетовых вельветовых брюк.

- Если позволите мне высказаться прямо, господа... - Он повернулся ко мне.
- Не так давно вам довелось испытать большое потрясение, а потому сейчас вы отчаянно нуждаетесь в близком общении платонического толка. Вашего наставника более нет на этом свете, братство отринуло вас. Ваше отвращение к самому себе посеяло раздор между вами и вашей женой. И, что даже важнее, оно посеяло раздор в вашей собственной душе.

Услышав эту неожиданную отповедь, я мгновенно вспыхнул:

- Вы меня даже не знаете, чтобы об этом судить.

- Быть может, вы правы. Но зато мне известно, что вы и сами себя не знаете. И пока не постигнете свою собственную суть, познать других людей не сумеете. - Клод щелкнул пальцами у меня перед носом. - Вам нужно прийти в чувство, юноша, дабы не покинуть этот мир, так и не найдя того, что вы ищете на самом деле.

Я сверлил его злобным взглядом, чувствуя, как от стыда у меня уже краснеет шея. И уши.

- И что же я ищу?

- Духовную связь, - ответил Клод просто, снова туго смотав мерную ленту.
- Все мы ищем именно ее. Примите самого себя, примите других людей и тогда, возможно, вы наконец ее найдете. А теперь... - он развернулся на каблуках, весело улыбнувшись нам, - предлагаю вам отобедать. Вскоре мы продолжим путь в Домен-ле-Роз, где вы сразите публику своим мастерством владения клинками. Будьте здоровы!

И он ушел, напевая бодрую мелодию. Наступила тишина. Бо фыркнул.

- А он мне нравится.

- Да он же сумасшедший.

- Всем лучшим людям это свойственно.

Услышав это, я вспомнил о том, что еще мне говорили недавно. Резкие слова бесновались у меня в мыслях, жажда крови. «Клод - своего рода коллекционер», - сказала Зенна. - «Он позволяет лишь самым лучшим и одаренным артистам вступить в свою труппу. Самым редким и необычным. Выдающимся и исключительным».

Мои подозрения все росли. Этот любопытный взгляд, многозначительная улыбка... возможно ли, что Клод знал мою тайну? Знал, что я совершил в Модранит? Вряд ли. Но все же... Моргана знала. И мне хватало ума понимать, что она не станет хранить это в тайне. Она разоблачит меня, когда это будет для нее выгоднее всего, и тогда меня ждет костер. Возможно, именно эту участь я и заслужил. Я ведь лишил человека жизни. Возомнил себя самим Господом...

Нет. Глубоко дыша, я отступил прочь от безумных мыслей. Усилием воли привел свой разум в порядок. В тишину. Но продлилась она лишь несколько секунд - очередной непрошенный вопрос пришел на ум.

Если Деверо и впрямь знал правду, могло ли это означать, что близнецы.. тоже ведьмаки?

«У вас с ними может быть больше общего, чем кажется на первый взгляд».

Хмыкнув, я достал из ножен очередной клинок. За все годы, что я изучал колдовство, за все годы, что его изучала Лу, мы ни разу не слышали о ведьмах мужского пола. И вот теперь встретили еще двух, так скоро после Модранита? Вероятность подобного была очень мала. Нет. Не просто мала. Смехотворна.

«Клод – своего рода коллекционер».

Я закрыл глаза, сосредоточился и попытался очистить свой разум. От подобных догадок толку ждать не стоило. Сейчас у меня была одна цель – защитить Лу и пока что еще не знакомых мне братьев и сестер. Если они погибнут, узнать их мне уже никогда не доведется. Я вдохнул через нос. Выдохнул через рот. Отступил в свою крепость, наслаждаясь тьмой перед глазами.

Неважно, ведьмаки ли близнецы.

Неважно, знает ли Деверо обо мне.

Потому что если я не использую колдовство, я – не ведьмак.

Я не ведьмак.

Несмотря на эти мысли, во тьме замигало золото, а затем – сначала тихо, едва слышно – запели голоса.

Ищи нас, ищи нас, ищи нас.

Я распахнул глаза.

Когда Бо кашлянул у меня за спиной, я подскочил и чуть не выронил нож.

– Ты ведь не собираешься в самом деле привязывать свою мать к этой доске, правда? – спросил он. – Ты ведь ее и обезглавить можешь ненароком.

В ответ я швырнул нож в центр мишени. Он вонзился глубоко рядом с первым.

– Ой, хватит уже рисоваться.

Бо встал и подошел ко мне, чтобы рассмотреть мишень получше. А потом, к моему удивлению, взял с моего ремня еще нож, оглядел его и метнул в цель.

Нож ударился о доску, как дохлая рыбина, и рухнул на землю.

Воцарилось молчание.

– Судя по всему... – Бо поправил пальто с тем достоинством, на которое еще был способен, – ни черта я в этом не умею.

Я невольно фыркнул. На сердце стало чуть легче.

- А разве кто-то сомневался?

Он самокритично усмехнулся и беззлобно пихнул меня в плечо. Бо был высок, но все равно на пару дюймов меня ниже.

- Когда у тебя день рождения? - выпалил я вдруг.

Бо изогнул бровь - такую темную, совсем не как у меня.

- Девятого августа. Мне двадцать один год. А что?

- Ничего.

- Я старше тебя, если ты это хотел узнать.

- Нет, не это, и нет, не старше.

- Брось, братец, я ведь сказал тебе, когда родился. Теперь и ты мне скажи. - Я промолчал, и он усмехнулся шире. - Молчание - лучший ответ. Ты и впрямь меня младше, верно?

Оттолкнув его руку, я направился к янтарной повозке, чувствуя, как у меня горит шея.

Внутри вдоль стен тянулись койки, пристроенные над и под полками, как кусочки мозаики. Вокруг лежали подушки. Они были шелковые, бархатные и атласные, пусть и потертые. По углам лежали сундуки, и еще там стояла выдавшая виды стойка с костюмами и полуодетый манекен. Сердце сжалось у меня в груди.

Все это напомнило мне чердак Солей-и-Лун.

Не считая благовоний. В маленьком фарфоровом горшочке тлели ладан и мирра. Дым выходил через отверстие в крыше.

Я вышвырнул горшок в снег.

- Эй, полегче. - Бо увернулся от горшка и зашел следом за мной. - Тебя эти благовония чем-то лично обидели?

И снова я не ответил. Бо незачем было знать, что они напомнили мне о соборе. И... о нем.

Я рухнул на ближайшую койку, бросил сумку к ногам и стал искать в ней сухую рубашку. Нащупав вместо рубашки свой дневник, я достал его. Провел пальцами по потрепанной обложке. Пролистал смятые страницы. Возможно, было глупо и излишне сентиментально брать с собой нечто подобное, но я просто не мог его оставить. Едва осознавая, что делаю, я остановился на последней записи - о вечере, когда после сожжения Эстель я ходил на прием к королю.

К своему отцу.

Я читал слова, но даже не видел их. Все это время я очень старался не думать об отце, но теперь его лицо вновь всплыло у меня в мыслях. Золотистые волосы. Волевой подбородок. Пронзительный взгляд. И улыбка – та, что обезоруживала всякого, кто ее увидит. Он владел ею, как клинком. Впрочем, это было оружие даже более смертоносное. Клинок не мог обезоружить врагов короля, но улыбка – могла.

На должности шассера издали я наблюдал это всю жизнь. И лишь раз сумел увидеть лично, когда король пригласил меня отужинать с ним. Всю ночь он улыбался мне, и пусть даже в этот самый миг Лу корчилась в моей постели, стораая заживо за грехи своей сестры, я ощущал, что меня наконец... видят. Ценят. Я чувствовал себя особенным.

Бо унаследовал эту улыбку. Я – нет.

С трудом сдерживая чувства, я спросил:

– Как выглядят наши сестры? Виолетта и Виктория?

Бо, изучавший содержимое ближайшего сундука, застыл. Его лица я не видел. Если принца и удивил мой внезапный вопрос, он ничем этого не показал.

– Они похожи на меня, наверное. И на нашу мать. Она родом с заморского острова. Это прекрасное королевство. Тропическое. Там куда теплее, чем в этой дыре. – Он махнул на снег вокруг и взял из сундука хрустальный шар. – Они близнецы, кстати говоря. И куда красивее нас с мамой. У них длинные черные волосы, а глаза – еще черней, и ни единого изъяна на лицах. Они будто сошли с картин – и именно как с картинами мой отец с ними и обращается. Поэтому ты их никогда не видел. Моих сестер редко выпускают из замка.

– А сколько им лет?

– Тринадцать.

– А что они... – Я подался вперед, желая знать больше, как можно больше. – Что они любят делать? Читать? Ездить верхом? Играть с оружием?

Бо обернулся и улыбнулся мне. Той самой улыбкой. Но на его лице она была другой – искренней.

– Если под «игрой» ты имеешь в виду жестокое избиение старшего брата, то... да. Они любят играть с оружием. – Он посмотрел на мой дневник. – Виолетта любит писать и читать. Виктория – не очень. Она предпочитает гоняться за кошками и докучать слугам.

Неведомое прежде тепло окутало меня при мысли об этом. Тепло, которое мне едва удалось распознать. То был не гнев, не унижение, не... стыд. Это было нечто иное. Это было... счастье.

И оно причинило мне боль.

- А что наш отец? - тихо спросил я. - Каков он?

Улыбка Бо померкла, и он бросил лютню, с которой только что возился, обратно в сундук. Затем снова посмотрел на меня и сощурился.

- Ты и сам знаешь, каков он. Не стоит видеть в нас сказку, Рид. Мы совсем не такие.

Слишком резко захлопнув дневник, я встал.

- Я знаю. Просто... У меня... - Я тяжело выдохнул и отбросил страх. - У меня никогда раньше не было семьи.

- У тебя и сейчас ее нет. - Бо раздраженно покачал головой, глядя на меня как на глупого ребенка, которого следовало отчитать. - Стоило догадаться, что ты сделаешь это. Попытаешься сблизиться со мной. - Шагнув ближе, он ткнул меня пальцем в грудь. - Слушай внимательно, братец. Это - не семья. Это петля. И если твой гениальный план пойдет прахом, все мы будем в ней болтаться - и ты, и я, и Виолетта, и Виктория, и все несчастные бастарды, которых наш отец успел натрахать в этой жизни. - Бо примолк, и его лицо едва заметно смягчилось, но лишь на миг. Он пинком открыл дверь повозки. - Лучше смирись с этим сейчас, иначе мы еще разобьем тебе сердце.

И он ушел, не сказав больше ни слова.

Меня разбудило мерное покачивание колес. Еще не проснувшись как следует, я вскочил с койки. Голова болела - и разболелась еще больше, когда я ударился макушкой о полку. Шея тоже ныла. Я потерял ее, тихо чертыхнувшись.

- Хорошо спалось? - Мадам Лабелль взглянула на меня поверх кружки. Нефритовой, с золотой филигранью. В повозке пахло пряными грушами. Значит, это грушевый сидр - перри. Не чай. От качки жидкость шла рябью. Снаружи в окно сочился свет вечернего солнца и доносился веселый присвист Деверо.

- Который час? - спросил я.

- Около четырех. Ты проспал несколько часов. Я не хотела тебя будить. - Мадам Лабелль предложила мне вторую кружку и едва заметно улыбнулась. - Хочешь? Я люблю после долгого сна выпить перри. Может быть, и ты тоже?

В этом вопросе слышалась надежда и очевидный намек.

Когда я не ответил, она продолжила свою речь, беспокойно вертя кружку в руках. Снова и снова.

- Моя мать варила для меня перри в детстве. В долине недалеко от Шато находилась грушевая роща, и это было наше тайное местечко. Мы собирали плоды в конце лета и прятали по всему Шато - ждали, пока доспеют. - Мадам Лабелль улыбнулась шире, посмотрев на меня. - А из цветов мы плели венки, ожерелья, кольца. Я как-то даже смастерила из них накидку для Морганы.

Получилось очень красиво. Ее мать – бабушка Луизы – устроила на майский праздник танцы, лишь чтобы Моргана смогла ее надеть.

– У меня аллергия на груши.

Аллергии у меня не было, но я решил, что довольно с меня этих рассказов. Улыбка мадам Лабелль померкла.

– Конечно. Прости. Может быть, тогда хочешь чаю?

– Чай я не люблю.

Она сощурилась.

– Кофе?

– Нет.

– Вина? Меда? Пива?

– Я не пью спиртное.

Мадам Лабелль сердито поставила свою кружку.

– Поскольку ты сидишь передо мной живой и здоровый, полагаю, хоть что-то ты все-таки пьешь. Так скажи, пожалуйста, что именно, чтобы я могла тебя побаловать.

– Воду.

Наконец она нахмурилась открыто, отбросив приторные любезности. Стоило мадам Лабелль взмахнуть рукой над кувшином с перри, как пряный аромат в воздухе исчез. Его сменил резкий запах колдовства. Поджав губы, мадам Лабелль налила мне в кружку кристально чистой воды и хмуро подтолкнула ее ко мне.

У меня скрутило нутро, и я закрыл глаза руками.

– Я же говорил, я даже близко не хочу подходить к...

– Да, да! – рявкнула она. – В тебе вновь пробудилось отвращение к колдовству. Я это понимаю. Шаг вперед, два назад и так далее. Я здесь, чтобы мягко подтолкнуть тебя в верном направлении. Или не очень мягко, если в том будет необходимость.

Я откинулся на подушку и отвернулся.

– Нет, спасибо. Не желаю это обсуждать.

В следующий миг мадам Лабелль вылила воду на меня. На лицо, на волосы, на плечо.

– А я – желаю, – проговорила она спокойно.

Отплевываясь и смахивая с лица промокшие волосы, я снова резко сел, пытаюсь взять разговор в свои руки.

- Те люди в таверне знали, что я бастард короля. Откуда?

Мадам Лабелль изящно пожала плечами.

- У меня в городе есть полезные знакомые. Я попросила их оповестить об этом всех, кого придется.

- Зачем?

- Чтобы спасти тебе жизнь. - Она вскинула бровь. - Я знала, что если о тебе узнают многие, весть может дойти и до Огюста. Так и произошло. Тебя разыскивают живым, а не мертвым. Я была уверена - как только он узнает о вашей связи, то пожелает увидеть тебя вновь, чтобы... изучить. Твой отец весьма тщеславен, а дети служат родителям отменными зеркалами.

- Ты сумасшедшая.

- Говорить подобное не слишком-то вежливо. - Она фыркнула, пригладила юбки и сложила руки на коленях. - Особенно в свете всего, что происходит с Луизой. Ее ты тоже готов назвать сумасшедшей?

- Нет, - не без труда процедил я. - И ты не смей.

Она отмахнулась.

- Довольно. Ты более чем красноречиво дал понять, что дружбы со мной не желаешь - и это очень кстати, поскольку сейчас тебе требуется скорее родитель, нежели друг. Именно как родитель я тебе и скажу: без колдовства Моргану нам не одолеть. Я понимаю, что в твоей жизни произошло уже два пренеприятных события, связанных с его использованием, но целое все же больше, чем сумма его частей. Ты должен отбросить свой страх, а иначе всех нас погубишь. Тебе ясно?

Услышав ее тон - властный и лицемерный, - я ощутил, как меня разрывает на части гнев, острый и зазубренный, как битое стекло. Как она смеет говорить со мной, будто с капризным ребенком? Как смеет мнить себя моим родителем?

- Магия сеет лишь безумие и хаос. - Я отжал рубашку, подошел к столу, споткнулся о свою сумку и чертыхнулся, кляня тесноту. - Я не хочу иметь с ней дела.

- В аду и на небесах не сыщется всего, что есть на этом свете, но ты все так же слеп. Я говорила это прежде и скажу снова. Открой глаза, Рид. Магия тебе не враг. Более того, если мы в самом деле намерены убедить Тулуза и Тьерри пойти на союз с нами, тебе придется смягчить резкость своих убеждений.

Я застыл, не донеся кружку до рта.

- Что?

Мадам Лабелль пронизательно оглядела меня поверх своей собственной кружки.

– Вся суть нашей затеи кроется в том, чтобы найти соратников, и двое очень могущественных возможных союзников только что встретились нам на пути. Моргана не будет ожидать подобного. А на то, чего Моргана не ждет, она не может и повлиять.

– Мы даже не знаем, ведьмаки ли они, – пробормотал я.

– Подумай-ка получше своей дурной головой, сынок, пока ее не лишился.

– Не смей звать меня так..

– В своих странствиях я слышала о Клоде Деверо. Милейшая Зенна не солгала – он окружает себя лишь самыми исключительными, одаренными и могущественными людьми. Годы назад я встретила в Амандине женщину, которая прежде выступала с «Трупной Фортуны». Ходили слухи, что она может..

– К чему ты ведешь?

– К тому, что Тулуз и Тьерри Сен-Мартен – а может быть, и Зенна с Серафиной – не те, кем желают предстать. Никто из них и глазом не моргнул, когда Лу рассказала, что она ведьма. Они куда больше волновались о твоём шассерском чине, а значит, кто-то из трупы практикует колдовство. Клод хотел, чтобы ты подружился с Тулузом и Тьерри, верно?

«У вас может быть больше общего, чем кажется на первый взгляд».

Я с трудом кивнул.

– Вот и прекрасно. Так и поступи.

Качая головой, я допил воду. Будто все было так легко. Будто я мог просто скрыть свое презрение к колдовству и.. обаять их, убедить подружиться со мной. Лу бы сумела. Мысль о ней не давала мне покоя. Но я не мог забыть тот ее взгляд в таверне, не мог забыть, как она выбила у меня балисарду, чтобы мною управлять. Не мог забыть кровь Архиепископа на своих руках. Кровь тех, кого прежде я звал братьями. У меня сжалось сердце.

Колдовство.

– Мне неважно, ведьмаки Сен-Мартены или нет. – Я скривился и отступил от стола. Близилась очередная остановка на ужин. Я готов был даже слушать пение Деверо, лишь бы прекратить этот разговор. – Я ни с кем из вас сблизиться не намерен.

– Неужели? – Мадам Лабелль сверкнула глазами и тоже вскочила на ноги. – Однако с Борегаром сблизиться тебе, похоже, очень хотелось. И Виолетта с Викторией тебе явно совсем не безразличны. Как же мне заслужить подобное отношение?

Я мысленно выругался, кляня себя за беспечность. Она подслушивала. Разумеется, подслушивала – чего еще от нее ждать, – и я ненароком выдал ей свою слабость.

– Никак. Ты меня бросила.

В глазах мадам Лабелль промелькнуло то последнее мгновение, что мы пережили в Модранит. Тысячи мгновений. Я отмахнулся от них.

– Мне казалось, мы уже оставили это в прошлом, – тихо сказала она.

Я с отвращением посмотрел на мадам Лабелль. Да, когда она умирала, я простил ее, но этот дар я преподнес не только ей, но и самому себе. Она была на грани смерти, а я не мог до конца своих дней терзаться мыслями о призраке и потому отпустил ее. Отпустил все. Боль. Горечь. Сожаления. Вот только она выжила, осталась рядом и теперь терзала меня сама.

И есть на свете боль, которую так просто не забыть.

– Меня бросили умирать в мусорном баке. Как можно оставить такое в прошлом?

– Сколько раз можно повторять? Я не...

Мадам Лабелль покачала головой, покрасневшись. Глаза ее блестели от слез. Я не знал, были ли то слезы гнева или печали. Но голос ее был тих, когда она продолжила:

– Мне очень жаль, Рид. Тебе пришлось тяжело в жизни, и отчасти виновна в этом я. Мне это известно. Я осознаю, какова моя роль в тех страданиях, что тебе довелось вынести.

Она поймала мою ладонь. Я велел себе отстраниться. Но не смог.

– А ты должен осознать, что будь у меня выбор, я бы никогда не бросила тебя. Я бы оставила все – дом, сестер, всю свою жизнь, – чтобы тебя не отдавать. Но прошлое изменить я не в силах. Не в силах защитить тебя от боли, которую оно принесло. Но я могу защитить тебя здесь и сейчас, если ты мне позволишь.

Если ты мне позволишь.

Ее слова ожили в моих мыслях. Я пытался отбросить их прочь, но они пустили корни, удушая мой гнев. Скрывая печаль завесой. Окутывая ее. И меня самого. Я ощутил, как мой разум заволок теплый туман. Мне хотелось вспылить, сорваться на нее. Хотелось упасть на колени и ухватиться за ее юбку. Сколько раз я мечтал о родителе, который будет меня защищать? Любить меня? Я никогда этого не признавал – и никогда не признал бы, – но Архиепископ не был...

Нет. Хватит.

Я отстранился от мадам Лабелль и сел на свою кровать, глядя в пустоту. Воцарилось молчание. Возможно, неловкое, возможно, напряженное. Я не заметил.

– Я люблю груши, – наконец пробормотал я, почти что бессвязно. Но она все равно услышала. И в следующий же миг протянула мне кружку горячего перри.

А затем решила меня добить.

– Если ты хочешь победить Моргану, Рид... если хочешь защитить Луизу – ты должен сделать все, что будет необходимо. Я не прошу тебя использовать колдовство. Я прошу тебя всего лишь его терпеть. Тулуз и Тьерри ни за что не станут помогать нам, если ты будешь презирать саму их сущность. Просто... постарайся узнать их получше. – После секунды колебаний мадам Лабелль добавила: – Ради Луизы.

«Ради себя», – хотела сказать она.

Чувствуя тошноту, я уставился в кружку и поднес ее к губам.

Дымящаяся жидкость обожгла мне нутро.

Белый узор

Лу

Два часа я бродила по Ля-Форе-де-Ю, делая вид, что не подпрыгиваю от каждого шороха. И вдруг, будто снег на голову, на меня снизошло озарение.

Габриэль Жилли приходилась Риду сестрой по отцу.

Я посмотрела на малышку, которая стояла среди сосен спиной ко мне. Золотисто-каштановыми волосами и карими глазами Габриэль явно пошла в мать, но когда она оглянулась на меня через плечо – в сотый раз, не меньше, – что-то в ее улыбке, в маленькой ямочке на щеке напомнило мне о Риде.

– Она все время на тебя поглядывает. – Ансель споткнулся о ветку, чуть не рухнув носом в сугроб. Абсалон грациозно отпрыгнул в сторону.

– Еще бы. Я ведь такая красавица, что глаз не оторвать. Произведение искусства во плоти.

Ансель фыркнул.

– Прощу прощения? – Я возмущенно пнула в Анселя снег, и он снова чуть не упал. – Кажется, я ослышалась. Ты должен был ответить: «О Великая богиня, воистину, красота твоя – священный дар Небес, и счастливы те смертные, кто может созерцать твой лик».

– «Великая богиня». – Он рассмеялся еще больше, отряхивая снег с пальто.
– Да уж.

Хмыкнув, я отпихнула Анселя и запрыгнула на бревно, чтобы идти с ним вровень.

– Смейся сколько хочешь, но если наш план все-таки не пойдет по звезде, когда-нибудь это и впрямь будет мой титул.

Ансель порозовел, быстро догадавшись, что под «звездой» я имела в виду нечто менее поэтичное.

– О чем ты?

– Ну... – Бревно кончилось, и я спрыгнула на землю, шикнув на Абсалона. – Если мы убьем Моргану, я унаследую ее силы Триединой богини.

Ансель остановился так резко, будто я треснула его по затылку.

– Ты станешь Девой, Матерью и Старухой.

– Великой богиней.

Я ухмыльнулась и наклонилась взять горсть снега, но Анселю, похоже, было уже не смешно. Он нахмурился.

– Что с лицом? – спросила я, сминая снежок в ладонях. – Все именно так и устроено. Госпожа Ведьм обладает высшей силой – таков дар Триединой богини.

– А ты хочешь стать Госпожой Ведьм?

Я швырнула снежок в дерево, и он рассыпался на ветвях. Вопрос был довольно неожиданным. Прежде мне его не задавали.

– Я... Я не знаю. Я вообще не ожидала, что доживу до семнадцати, не говоря уже о том, чтобы пойти против матери. Даже в детстве мне не верилось, что я могу унаследовать ее силу.

Ансель двинулся дальше, сбавив шаг. Я последовала за ним. Но когда он несколько раз подряд покосился на меня, затем отвернулся, открыл рот и тут же закрыл, я решила, что с меня хватит. Я слепила еще снежок и кинула ему в голову.

– Говори давай.

Ансель с недовольным видом стряхнул снег с кудрей.

– Думаешь, ты сможешь убить собственную мать?

У меня внутри все скрутило. Будто ответив на невысказанный зов, Абсалон спрыгнул с сосны и пошел за мной. Я на него не смотрела – вообще ни на кого и ни на что не смотрела, только на свои сапоги в снегу. Пальцы ног у меня уже онемели.

– Она не оставила мне выбора.

Но на вопрос я не ответила, и Ансель это понял. Мы замолчали.

Поиски продолжались. Луна выглянула из-за облаков, ветер понемногу стих. В ночной тиши в лесу даже могло бы быть мирно и уютно, если бы только не Николина, которая плыла рядом с Исме и Габриэль, будто призрак. От нее у меня мороз бежал по коже.

Этьена нигде не оказалось.

«Если желаешь, чтобы я поразмыслила над вашим предложением о союзе, найти Этьена ты должна до рассвета. Мы договорились?»

Будто у меня был выбор.

Когда я призвала узор для поисков Этьена – стоя на краю лагеря у всех на виду, – золотые нити перепутались между собой, извиваясь, будто змеи в гнезде. Я не смогла последовать ни за одной из них. Но заметив выжидательный взгляд Ля-Вауазен, наврала с три короба – и вот теперь бестолково блуждала по еловой роще, изо всех сил стараясь не смотреть на небо. До восхода наверняка оставалось недолго.

Я тяжело вздохнула и снова изучила узоры. Они были все так же безнадежно связаны в узел и тянулись во все стороны безо всякого смысла. Отдавать было нечего, получать – тоже. Никаких обменов, только.. путаница. Будто мой третий глаз – то самое шестое чувство, которое позволяло мне видеть нити Вселенной и управлять ими, – неким образом затуманился. Я даже не знала, что такое возможно.

Ля-Вауазен сказала, что кто-то скрывает от нас местонахождение Этьена. Кто-то могущественный. У меня было очень неприятное подозрение о том, кто это может быть.

Спустя еще четверть часа Ансель вздохнул.

– Может быть, стоит... его позвать?

– Стоит-стоит, – захихикала Николина. – Позвать, позвать, его надо позвать, позволить деревьям его растерзать, сварить и с маслом его сожрать, на части порезать и пожраться...

– Николина, – резко сказала я, все еще следя за узорами. – Думаю, все присутствующие меня поддержат, если я действительно попрошу тебя заткнуться.

Но она только отплыла назад, вцепившись в пряди своих черных волос.

– Нет, нет, нет. Мы с вами втроем будем лучшими друзьями. Самыми-самыми лучшими. – Когда я удивленно посмотрела на Ансея, Николина захихикала еще громче. – Не с ним, глупая мышка. Не с ним.

Впереди хрустнула ветка, и ведьма расхохоталась еще громче, если подобное было вообще возможно.

– У деревьев много глаз, маленькая мышка. Она видит, видит нас, маленькая мышка.

– Или же это раненый Этьен. – Невольно поддавшись испугу, я быстрым движением выхватила нож и обернулась на звук. – Иди проверь, что там.

Все еще ухмыляясь, Николина в мгновение ока исчезла. Исме смотрела на деревья, явно разрываясь между желанием узнать, откуда донесся шум, и необходимостью защищать дочь. Она крепко схватила Габриэль за руку.

– Иди. – Я осторожно подошла к ним, но оружие в ножны прятать не стала. По коже у меня все еще бежали мурашки. «Она видит, видит нас, маленькая мышка». – Мы присмотрим за твоей дочерью.

Исме поджала губы, но кивнула и исчезла за деревьями. Габриэль подождала, пока она уйдет, а потом протянула мне руку, подпрыгивая от волнения.

И затараторила:

– Меня зовут Габриэль Жилли, а ты еще ниже, чем мне рассказывали. Почти как эльф! А как ты с моим братом целуешься? Я слышала, он высокий, как эта елка!

Я попыталась ответить – или посмеяться, – но она продолжала, даже не переводя дух:

– Хотя он же мне только наполовину брат, единокровный, так и надо его звать, наверное, да? Маме не нравится, что ты здесь. И не нравится, что я про него знаю, но сейчас ее тут нет, да и вообще пусть она думает что хочет. А какой он? Он рыжий? Николина говорила, рыжий, но Николина мне не очень нравится. Она думает, что вся такая умная, но на самом деле просто странная. Слишком много сердец...

– Сердец? – Ансель изумленно посмотрел на меня. А потом, будто поняв, что проявил невежливость, быстро добавил: – Я, кстати, Ансель. Ансель Дигтори.

– Сердца сохраняют ей молодость, – продолжала Габриэль, кивая как ни в чем не бывало, будто и не слышала его. – Мама говорит, мне не стоит про такое болтать, но я же знаю, что видела, и грудь Беллами на костре была защита...

– Стой. – Я сама как будто запыхалась лишь от того, что ее слушала. – Помедленней. Кто такой Беллами?

– Беллами был моим лучшим другом, но он умер прошлой зимой. А за пару лет до того у него умерла мама. Его сестра родилась белой ведьмой, и мама

отправила ее в Шато за лучшей жизнью. Но потом умерла от горя, потому что одного Беллами ей не хватало. А мне хватало, пока и он не умер тоже. Теперь мне его очень не хватает.

- Мне очень жа... - начал Ансель, но Габриэль затрясла головой, и ее золотистые волосы заколыхались беспокойной волной.

- Чужаки всегда так говорят. Говорят, что им жаль, будто это они его убили, но это ведь не они. Это снег его убил, а потом Николина его сердце съела. - Наконец - наконец-то - она примолкла и сделала вдох, моргнула раз, второй, третий, и посмотрела на Анселя. - Ой. Привет, Ансель Дигтори. Ты тоже моему брату родня?

Ансель уставился на нее. При виде его потрясения и ее искреннего любопытства я не смогла сдержать смех, и когда он вырвался на свободу - чистый и яркий, как луна, - Абсалон нырнул под ветви, прячась в тень. Птицы вспорхнули из гнезд. Даже деревья как будто бы возмущенно зашуршали.

А у меня на душе вдруг стало так легко, как не было уже много недель.

Все еще хихикая, я наклонилась к Габриэль. Она смотрела на меня так пронзительно и так знакомо.

- Жду не дождусь, когда ты познакомишься со своим братом, Габриэль.

Она широко улыбнулась.

- Зови меня Габи, если хочешь.

Вскоре Николина с Исме вернулись - Николина что-то щебетала о проказниках-деревьях. Габи усмехнулась и шепнула мне:

- Я же говорила, она странная. Слишком много сердец.

Ансель тяжело сглотнул и с сомнением посмотрел вслед Николине, которая уже уходила все дальше, сильно обгоняя нас. Исме же теперь держалась ближе к нам, всем своим видом выказывая неодобрение.

- Ты правда думаешь, что она... ест сердца? - спросил Ансель.

- Но с чего бы ей это делать? - ответила я. - И как они могут помочь ей сохранить молодость?

- Твое колдовство живет вне твоего тела, верно же? - спросила Габи. - Ты черпаешь его из праха своих предков? - Она продолжила, не дожидаясь моего ответа. - У нас все по-другому. Наша магия живет внутри нас, прямо в сердце. Ведь сердце - это и есть чувственное и телесное средоточие сущности ведьмы крови. Это все знают.

Ансель покивал, но было очевидно: он и не подозревал о подобном.

- Потому что вы можете колдовать только с помощью крови?

- Габриэль, - сказала Исме резко, остановившись и даже не обернувшись к нам. - Хватит. Ни слова больше об этом.

Габи не обратила на нее внимания.

- Вообще-то колдовством пронизано все наше тело - и кости, и слезы, и пот, - просто с кровью обращаться проще всего.

- Почему? - спросил Ансель. - Почему именно с кровью?

Я вдруг с отчетливой ясностью вспомнила экскурсию, которую Ансель проводил для меня в соборе Сан-Сесиль. Он знал об этом нечестивом месте всё. Более того, почти все время, что мы провели в Башне, он изучал книги в кожаных переплетах и иллюстрированные манускрипты в библиотеке.

Если Габи так же любознательна, судя по всему, Ансель нашел себе в ее лице единомышленницу и друга.

- Габриэль, я сказала - хватит. - Исме наконец обернулась, подбоченилась и преградила нам путь. На меня она смотреть упрямо не желала. - Довольно. Этот разговор неуместен. Если Жозефина узнает...

Габи сощурилась, обошла ее и потащила нас за собой.

- Много ли ты знаешь о колдовстве Белых дам, Ансель Диггори?

Исме закрыла глаза, шевеля губами, - будто молила высшие силы сниспослать ей терпения. Ансель виновато улыбнулся ей, когда мы прошли мимо.

- Боюсь, довольно мало. Пока что.

- Я так и подумала. - Перебросив волосы через плечо, Габи хмыкнула. На ее губах играла самодовольная улыбка. - Возможно, магия у Белых и Алых дам разная, но сходство в том, что каждая требует равновесия. Когда мы проливаем свою кровь, то тем самым ослабляем свои тела, ограничиваем себя. Мы отдаем крохотные кусочки самих себя с каждым заклинанием и в конце концов именно от этого умираем. - Последнее она произнесла со вкусом и снова потянула нас за руки. - Ну, если только не умрем раньше от холода. Или от голода. Или от рук охотников.

Ансель нахмурился, растерянно посмотрев на меня. Я наблюдала за тем, как до него доходит суть сказанного.

Коко.

Когда я печально кивнула, его лицо исказилось горечью.

Исме быстро нас нагнала.

- Габриэль, прошу тебя, нельзя обсуждать такое с...

- Вот почему кровь - самый действенный способ, - продолжила Габи, упорно не слушая ее. - Потому что с каждым порезом мы приносим жертву, и это дает нашим чарам особую силу.

- Габриэль...

- Кровь проливать легко.

Я сказала это прежде, чем смогла сдержаться. Когда Габи с удивлением подняла взгляд, я заколебалась. Она явно была умна, но все же оставалась ребенком – лет семи-восьми, не больше. И все же... она определенно знавала боль. Я повторила слова, которые услышала от Коко годы назад.

- Проливать слезы, испытывать боль, которая их порождает, – куда тяжелей.

Габи и Ансель уставились на меня.

- Ты... – Голос Исме дрогнул у меня за спиной. – Ты знаешь наше колдовство?

- Не совсем. – Я со вздохом остановилась, и Ансель с Габриэль последовали моему примеру. Они с неподдельным любопытством смотрели, как я оборачиваюсь к Исме. – Но Коко я знаю почти всю жизнь. Когда мы встретились, она... очень старалась не плакать.

Воспоминание о шестилетней Коко вспыхнуло перед глазами – дрожащий подбородок, решительный взгляд, смятая морская лилия. Коко обеими руками сжимала цветок, пересказывая мне ссору с теткой.

- Но нам было всего по шесть лет, и слезы сдержать она не смогла. А когда они коснулись земли, то как будто бы приумножились, и мы оказались в пруду, по щиколотку в грязи.

Ансель вытаращил глаза.

Наконец-то лед в глазах Исме тронулся. Она вздохнула и протянула руку Габи, а та безропотно ее взяла.

- Давным-давно мы и впрямь экспериментировали с магией слез, но она оказалась слишком ненадежной. Зачастую слезы подавляли действие других составляющих и превращали их в нечто совершенно иное. Обычное сонное зелье могло погрузить человека в мирную дрему или... В сон куда более долгий. Мы пришли к выводу, что все зависит от чувств ведьмы, которая эти слезы проливает.

Каким бы увлекательным ни был рассказ Исме, я все же не дослушала ее до конца. У меня в груди вдруг возникло странное, необъяснимое чувство – будто что-то звало меня, влекло за собой. Я огляделась. Вокруг ничего не изменилось. Этьена мы до сих пор не нашли, но ничего подозрительного было не видно – да и вообще ни души. Кроме...

На ветку прямо перед нами села ворона. Она с любопытством склонила голову и уставилась прямо на меня.

Мне стало не по себе.

- В чем дело? – спросил Ансель, проследив за моим взглядом.

Ворона каркнула в ответ, и этот звук эхом разнесся среди деревьев. Он пробрал меня до костей. Хмурясь, Исме притянула Габриэль ближе к себе. Николина куда-то исчезла.

– Не... – Я потеряла грудь, чувствуя, как странное ощущение нарастает. Оно как будто бы тянуло меня куда-то... внутрь. Я застыла и посмотрела в небо. На востоке показался сероватый свет. У меня упало сердце.

Наше время почти вышло.

Последним усилием воли я вновь призвала узоры. Они оставались все так же сумбурны. Решительно – или скорее отчаянно – не сдаваясь, я стала их разбирать, ища хоть что-нибудь, что угодно, что помогло бы найти Этьена прежде, чем взойдет солнце. Я смутно слышала, как Ансель что-то тревожно бормочет, но не обращала на него внимания. Тяжесть в груди достигла предела. Каждый раз, когда я касалась любого узора, меня било под дых отчетливое ощущение... неправильности. Будто... будто это были вовсе не мои узоры. Но это было нелепо, попросту невозможно...

И вдруг среди золота блеснуло что-то белое.

Стоило мне коснуться одной-единственной белой нити, как та ожила – обвилась меж моих пальцев, вокруг запястья, вокруг локтя, – и шестое чувство обострилось до кристальной ясности. Наконец-то. С облегчением выдохнув, я снова посмотрела на восток, подсчитывая, сколько времени у нас осталось.

– В чем дело? – спросил встревоженный Ансель.

– Я его нашла.

Не говоря больше ни слова, я бросилась в лес, следуя за белым светом. Наперегонки с восходом. Остальные кинулись за мной, и ворона с возмущенным карканьем сорвалась с ветки. Все вокруг засыпало снегом. Преисполнившись надежды и новых сил, я не удержалась от улыбки.

– Где он? – крикнула Исме, едва поспевая за мной.

– А как он работает? – Габи быстро ее обогнала. – Этот твой... узор?

Ансель споткнулся о корень и чуть не отсек себе голову веткой.

– Почему получилось только теперь?

Я не слушала их, не думала о боли в груди и мчалась все дальше. У нас наконец-то появилась возможность – подлинная возможность заключить этот союз. Белый узор продолжал пульсировать, подводя меня все ближе к победе, и я уже едва сдерживалась, чтобы не закричать от радости. Ля-Вуазен не ждала, что я найду Этьена, но я докажу, что она ошибалась. Докажу, что все они ошибались.

Моя уверенность слегка пошатнулась, когда деревья поредели и впереди показались палатки лагеря крови.

- Он... он здесь? - Раскрасневшаяся и запыхавшаяся Исме лихорадочно огляделась. - Где? Я его не вижу.

Я сбавила шаг, наблюдая, как узор вьется по лагерю меж костровых ям и клеток, мимо Коко и Бабетты, вниз по склону прямо...

Прямо к нашей палатке.

Спотыкаясь, я повернула за угол и остановилась. Узор исчез в облаке сверкающей белой пыли, и я похолодела. Крик Исме подтвердил то, что я уже поняла и сама.

На шесте нашей палатки висел труп юноши с золотисто-каштановыми волосами.

Дурак

Рид

- Э...

- Тулуз удивленно посмотрел на меня следующим утром, держа в зубах багет. Он поспешно откусил кусок, прожевал его, проглотил - и подавился. Тьерри похлопал его по спине, тихо смеясь. Я до сих пор не слышал, чтобы он произнес хоть слово.

- Повтори-ка?

- Твоя татуировка, - выдавил я, чувствуя, как от смущения у меня краснеет шея. Прежде мне никогда не приходилось заводить друзей. И даже просто знакомиться с людьми поближе. Селию и Жан-Люка я просто знал всю жизнь. Что до Лу... скажем так, в наших отношениях неловких молчаний не было никогда. Лу всегда находила что сказать. - Что она означает?

Черные глаза Тулуза все еще слезились.

- Сразу переходишь к личным вопросам, да?

- Она все-таки у тебя на лице.

- Touché. - Тулуз улыбнулся, и изображение на его щеке исказилось. Это была маленькая золотая роза. Она блестела металлом. Когда я присел поесть рядом с Тулузом и его братом, первым делом заметил именно эту татуировку. И тут же спросил о ней. Шея у меня все еще пылала. Может, и не стоило спрашивать о подобном. Может быть, это слишком... личное. Но откуда же мне знать? Тулуз ведь вывел эту розу прямо у себя на щеке.

Мадам Лабелль по другую сторону костра завтракала кантальским сыром и соленой ветчиной вместе с Зенной и Серафиной. Она определенно надеялась завести дружбу с ними и ждала того же от меня с Сен-Мартенами. Ее попытки были приняты куда радушнее – Зенна наслаждалась ее похвалами, распуская перья как павлин. Даже Серафина, похоже, невольно радовалась такому вниманию. Позади них ругался Бо – Деверо заставил его помогать с лошадьми, и, судя по всему, принцу не повезло ступить в навоз.

Что ж, утро могло выдаться и похуже.

Слегка смилостивившись, я снова посмотрел на Тулуза и Тьерри.

Когда прошлой ночью они вернулись в янтарную повозку, я притворился, что сплю. Меня разрывали сомнения. Замысел мадам Лабелль до сих пор был мне не по вкусу – изображать дружбу было просто вероломно. Но если это вероломство могло победить Моргану и помочь Лу, я готов был притворяться. И терпеть колдовство тоже.

Я мог подружиться с любым, кто использовал его здесь.

Тулуз выудил из кармана колоду и бросил одну карту мне. Я безотчетно ее поймал. Жирными мазками черного, белого и золотого цвета на карте был изображен мальчик, стоящий на скале. В руке он держал розу. У ног его стояла собака.

Сначала я чуть не отпрянул. Церковь не терпела карт Таро. Годы назад Архиепископ посоветовал королю Огюсту запретить их во всем королевстве. Он говорил, что гадание на Таро высмеивает всеведение Господне. Говорил, что тем, кто промышляет подобным, суждено гореть в аду.

Как же много всего он говорил.

Я кашлянул, изображая интерес.

– И что это за карта?

– «Дурак». Или «Шут». – Тулуз похлопал розу на щеке. – Первая карта, которую я нарисовал. И набил татуировку в память о своей невинности.

Я задержал взгляд на его руках. Их украшали черные символы – по одной татуировке на каждой костяшке. Я смутно различил молнию. И щит.

– Старшие арканы, – объяснил Тулуз. – Всего их двадцать два. Десять на руках, десять на ногах. Один на щеке, и один... еще кое-где.

Он ожидал, что я засмеюсь. Я хохотнул, но слишком поздно. Смех вышел сухим, хриплым, больше похожим на кашель. Тулуз и Тьерри, явно забавляясь, переглянулись, и я досадливо скрипнул зубами. Я не знал, что сказать. Не знал, как изящно сменить тему. Господи, ну почему они сами не хотят поддержать беседу? Надвигалась очередная неловкая тишина. В панике я покосился на свою мать, которая неверяще смотрела на меня. Когда она нетерпеливо махнула мне и одними губами сказала: «Давай», Зенна

неприкрыто захихикала. Серафина, однако, достала из сумки Библию и стала ее читать.

У меня все сжалось внутри.

– Э... – Я затих, не зная точно, что говорить дальше. Вы оба ведьмаки? А как давно вы об этом знаете? Ваши силы тоже пробудились после того, как вы жестоко убили своего патриарха? Хотите вместе с нами сражаться с Морганой не на жизнь, а на смерть? Все эти вопросы заметались у меня в мыслях, но я догадывался, что Тулуз и Тьерри вряд ли их оценят. Увы, положить конец моим терзаниям они не стремились. И улыбались как-то слишком уж доброжелательно. Будто им нравилось смотреть на мои муки.

А ведь наверняка однажды я пытался их убить.

Быстро обернувшись к Тьерри, я выпалил:

– Какой у тебя номер?

Черные и бездонные глаза Тьерри впились в мои. Он не ответил. Я мысленно содрогнулся от наступившей тишины. Мой голос прозвучал слишком громко, слишком резко. Это был скорее крик, нежели спокойный вопрос. Что ж, по крайней мере, Бо еще не вернулся и не видел этого. Он бы живот надорвал со смеху. Могучий Рид Дигтори, самый молодой из шассерских капитанов, обладатель четырех почетных медалей за храбрость и доблестную службу, не смог завязать светскую беседу с незнакомцами.

Смех, да и только.

– Он не говорит, – сказал Тулуз еще одно мучительное мгновение спустя. – Не так, как мы.

Я ухватился за его ответ, как за спасательный круг.

– Почему?

– Любопытному на базаре нос оторвали. – Легким движением Тулуз снял колоду и стал с молниеносной скоростью тасовать карты.

Я ответил ему такой же вежливой улыбкой.

– Мы не на базаре.

– Тоже верно. – Он пролистал карты, сложив их мостом. – Мы с братом – местные экстрасенсы в «Труппе Фортуны».

– Экстрасенсы?

– Верно. В эту самую минуту я читаю твои мысли, но обещаю, что никому ничего не расскажу. Раскрыть тайну человека – все равно что пролить его кровь. Если сделать это, пути назад уже не будет.

Я нахмурился. Это были совершенно разные вещи.

- Тебе доводилось проливать кровь?

Тулуз покосился на Тьерри - лишь на миг, меньше чем на миг, но я все равно заметил. Улыбка его не дрогнула.

- Не твоего ума это дело, приятель.

Я уставился на него. Экстрасенсорика. Это очень походило на колдовство. Я украдкой оглядел их одежду. В отличие от остальных, Тулуз и Тьерри были одеты в темные цвета. Скромно. Неприметно. Люди носят подобное, когда не хотят, чтобы их запомнили. Я наклонился ближе, делая вид, что разглядываю колоду. Вблизи я чувствовал едва ощутимый запах земли, исходивший от рубашки Тулуза. И другой запах, приторный и еще более неуловимый, - от его кожи. И волос.

- Значит, ты признаешь, - сказал я осторожно. Сам по себе запах еще ничего не доказывал. Он мог остаться на теле Тулуза от другого человека. От Клода тоже пахло странно, раз уж на то пошло. - Что используешь... магию?

Тулуз перестал тасовать колоду. Если это вообще было возможно, он улыбнулся еще шире - будто именно этих слов и ждал. Затем Тулуз продолжил свое занятие, а я ощутил, как плечи и шею мне сковало тревогой.

- Любопытно услышать подобный вопрос от шассера.

- Я не шассер. - Я напрягся еще сильнее. - Больше не шассер.

- Неужели? - Он поднял одну карту рубашкой ко мне. - А скажи-ка мне, что это за карта?

Я растерянно уставился на него.

- Ваша репутация вас опережает, капитан Диггори. - Тулуз забросил карту обратно в колоду. Все еще улыбаясь. Беспрестанно улыбаясь. - Я, знаешь ли, был там. В Жеводане.

Мое сердце болезненно пропустило удар.

- «Труппа Фортуны» тогда как раз завершила последнее свое сезонное выступление. Среди зрителей был лишь один мальчик - не старше шестнадцати. Он очень любил карты. Сколько раз он приходил к нам в ту ночь, трижды? - Тулуз посмотрел на Тьерри, и тот кивнул. - Полный расклад позволить он себе не мог, поэтому я каждый раз доставал для него по одной карте. И каждый раз карта выпадала одна и та же.

Улыбка Тулуза превратилась в гримасу, равно как и моя. Плечи у меня уже болели от напряжения. В следующий миг, однако, Тулуз вновь усмехнулся.

- Я, конечно же, не мог ему ее показать. А не то перепугал бы его до смерти. Наутро мальчика нашли мертвым на обочине Ле-Дан. Парнишку оставили гнить на солнце, как сбитое на дороге животное. Один шассер отрубил ему голову. И, как я слышал, обменял ее на почетный капитанский чин. Скажем прямо... - Тулуз покачал головой и рассеянно почесал шею. -

Жеводанскому зверю это не понравилось. Мой друг рассказывал, что его гневный скорбный вой слышали даже в Цезарине.

Я украдкой взглянул на мать, но Тулуз все равно заметил.

Наклонившись ко мне, он тихо сказал:

- Она не знает, верно? Никто из них не знает. Для человека, который никогда не играл в театре, ты справляешься очень неплохо.

Его многозначительный тон мне не понравился.

Тьерри бесстрастно смотрел на нас.

- Они думают, что Блез поможет вам убить Моргану, - продолжал Тулуз, наклоняясь еще ближе. - Но вот мне совсем не кажется, что Блез пойдет на союз с человеком, который убил его сына. Впрочем, я могу и ошибаться. Я ошибался и прежде. Например, полагал, что только шассеры убивают ведьм. И все же вот он ты. - Он посмотрел на балисарду у меня на груди. - «Не шассер».

Я крепко стиснул рукоять.

- Это мощное оружие. Было бы глупо от него отказаться. - Но даже я сам услышал, как жалко прозвучало это оправдание. Увидев снисходительный взгляд Тулуза, я добавил: - И убийство Морганы - совсем другое дело. Ведь она сама хочет убить нас.

- Так много убийств... - задумчиво протянул Тулуз, снова вертя карту в пальцах. Лицевой ее стороны я до сих пор не видел. Только золотые и черные краски на рубашке. Они переплетались в виде черепа - зловеще ухмыляющегося черепа с розами в глазах и со змеей в зубах. - Ты говоришь, что больше не шассер. Так докажи. Что за карта у меня в руке?

Стиснув зубы, я не обратил внимания на шепот в ухе.

- Ты здесь экстрасенс. Откуда же мне знать?

Ищи нас, ищи нас, ищи нас.

Наконец улыбка Тулуза померкла. И сменил ее такой ледяной взгляд, что меня пробрало до костей.

- Позволь мне объяснить тебе, как обстоят дела. Клод, возможно, и доверяет тебе, но я - нет. Ничего личного, - добавил он, пожав плечами. - Я вообще никому не верю. Нам подобные только так и выживают, верно ведь?

«Нам подобные».

Произнесенные слова застыли между нами, и шепот в моем ухе стал громче, настойчивей. «Мы нашли потерянных. Потерянные здесь. Ищи нас, ищи нас, ищи нас».

- Я знаю, чего ты от меня хочешь, - проговорил Тулуз жестко и непреклонно. - Поэтому спрошу в последний раз - что за карта у меня в руке?

- Я не знаю! - выпалил я, захлопывая дверь перед голосами, отступая прочь от их нечестивых криков. Мои руки тряслись от натуги. На лбу выступил пот.

- Если выяснишь - дай знать. - Тулуз разочарованно поджал губы. Он вернул карту в колоду и встал. Тьерри тенью следовал за ним. - А до тех пор будьте добры держаться от меня подальше, капитан. Ах да, и... - он снова улыбнулся и лукаво посмотрел на мою мать, - удачи на сцене.

Капли крови

Лу

Срок между нынешней и следующей жизнью ведьмы крови называли «ожиданием».

- Душа остается прикована к земле, пока прах умершего не вознесется, - пробормотала Габриэль, держа чашу с кровью матери. Их лица были одинаковы в скорби - бледные щеки, влажные опухшие глаза. Я не могла и представить, как им больно.

Этьен Жилли умер не от холода и не от голода.

Его тело было сожжено почти что полностью, кроме...

Кроме головы.

Ансея вырвало, когда она упала с обугленных плеч Этьена и подкатилась к моим ногам. Я и сама едва сдержала тошноту. Горло его было искромсано, и я не хотела и думать, какую бесчеловечную пытку ему пришлось пережить сначала - сожжение или обезглавливание заживо. Хуже того, из шепота перепуганных ведьм мы узнали, что Этьен был уже не первым, кто умер вот так. С самого Модранита в округе происходило подобное, и всех жертв объединяло одно - слухи о том, что их матери когда-то были близки с Огюстом Лионом.

Кто-то охотился на детей короля. Пытал их.

Мои руки застыли в волосах Габи, а глаза метнулись к Коко и Бабетте, которые стояли и смотрели на костер Этьена. Теперь от него не осталось почти ничего, кроме пепла.

Когда мы нашли его тело, Ля-Вуазен была вне себя.

Почти всю мощь ее гнева пришлось выдержать Коко, хотя Жозефина четко дала понять, что винит в смерти Этьена меня. В конце концов, он исчез именно тогда, когда она согласилась меня укрыть. Его тело нашлось у моей палатки. И.. меня неким образом привел к нему белый узор. В хаосе, который воцарился после, среди ужаса и криков, я быстро осознала, что на самом деле узор был не мой. Он находился в моем разуме, у меня перед глазами, но мне не принадлежал. Мне до сих пор было тошно от того, что кто-то так бесцеремонно проник ко мне в мысли.

Все это, конечно, было делом рук моей матери. Но зачем?

Этот вопрос не давал мне покоя. Зачем? Почему здесь? Почему сейчас? Она отказалась от своего намерения принести меня в жертву? Решила продлить страдания королевства, кусочек за кусочком, ребенок за ребенком, вместо того чтобы убить их всех сразу?

Крохотная, отвратительная частичка моей души разрыдалась от облегчения при мысли об этом, но.. Моргана отрезала Этьену голову. Сожгла его и оставила у моей палатки. Это никак не могло быть случайностью.

Это было послание – очередной омерзительный ход в игре, сути которой я не понимала.

Она хотела, чтобы я знала, как он страдал. Хотела, чтобы я знала, что это моя вина. «Если тебе вздумается сбежать, – сказала она мне, – я разделаю твоего охотника и скормлю тебе его сердце». Я не прислушалась к ее предостережению и все равно сбежала. И охотника забрала с собой. Быть может, такова ее месть?

Могло ли это ужасное злодеяние быть адресовано не столько королю, сколько мне?

Глубоко вздохнув, я продолжила заплетать волосы Габи. Все вопросы могли подождать еще пару часов. Как и Моргана. После вознесения, которое должно было произойти вечером, мы собирались уйти и присоединиться к Риду в пути, независимо от того, согласится Ля-Вуазен на союз или нет. Планы изменились. Если Моргана всю ведет охоту на детей короля, Рид и Бо в опасности большей, чем мы предполагали. Я должна была их найти и рассказать о ее замысле, но прежде..

Габи молча смотрела, как Исме окунает в чашу палец и рисует странный символ на побеленном горшке, который она держала на коленях. Я не понимала смысла этого обряда, но знаки, которые она рисовала, казались древними, чистыми и.. печальными. Нет, не просто печальными. Это были символы страданий, невыносимых терзаний души. Габи всхлипнула, утирая глаза.

Я не могла ее оставить. Пока не могла, и не только из-за траура.

Если Риду и Бо грозила опасность, то и ей тоже. Моргана только что доказала, что защита Ля-Вуазен ей не преграда.

Ансель прижал колени к подбородку, безмолвно наблюдая, как Исме продолжает покрывать кровью белый горшок. Закончив, она ушла, а Габи обернулась ко мне.

- У вас получилось заключить союз?

- Габи, не волнуйся о...

- Так получилось или нет?

Я доплела ей косу и завязала алой лентой.

- Ля-Вуазен еще не приняла решения.

Взгляд ее карих глаз был очень серьезен.

- Но у вас ведь был с ней уговор.

Мне не хватило духу сказать Габи, что наша сделка с Ля-Вуазен была довольно туманной - например, мы не условились о том, найду ли я брата Габи живым или мертвым. Я перебросила косу ей через плечо.

- Все как-нибудь да разрешится.

Удовлетворенная моим ответом, Габи посмотрела на Ансея.

- Я могу почитать по губам, что они говорят, если хотите.

Замечтавшийся Ансель покраснел и отвел взгляд от Коко.

- Хотя они ничего интересного не обсуждают. - Габи подалась вперед и сосредоточенно поморщилась. - Что-то о том, что шассеры сожгли бордель. Не знаю, правда, что такое бордель. - Снова откинувшись назад, она похлопала Ансея по колену. - Мне нравится наша *princesse*, хотя некоторым тут - нет. Надеюсь, она тебя поцелует. Ты ведь этого хочешь, да? Я хочу, чтобы так вышло, только если и ты хочешь. И если она тоже этого хочет. Моя мама говорит, это называется «согласие»...

- Почему некоторым не нравится Коко? - спросила я, не обращая внимания на Ансея, который чуть не умер от стыда. Услышанное мне очень не понравилось, и я смерила сердитым взглядом тех ведьм, что сидели вокруг. - Они должны ее почитать, она ведь их принцесса.

Габи повертела в пальцах свою ленту.

- А, это потому что ее мать нас предала, и с тех пор мы блуждаем по лесам. Но это очень давно случилось, еще до моего рождения. Может, даже еще до рождения Козетты.

Горькая волна сожаления нахлынула на меня.

За все годы, что мы с Коко были знакомы, о ее матери мы не говорили никогда. Я всегда полагала, что она была Белой дамой - Алые встречались очень редко и рождались непредсказуемым образом, как альбиносы или люди,

не способные различать цвета. Но в Шато я ее никогда не искала. Не хотела видеть мать, которая бросила собственную дочь.

Ирония моей собственной судьбы от меня не ускользнула.

– Ля-Вуазен вечно твердит, что «мы правили этой землей с самого ее сотворения, задолго до того, как боги отравили ее мертвым колдовством», – продолжала Габи. Низкий голос и каменное спокойствие Ля-Вуазен она изобразила на удивление похоже. – Видимо, это значит, что ей много-много лет. Мне кажется, она вместе с Николиной ест сердца, но папа мне запрещает об этом говорить. – Габи оглянулась на мать, и ее подбородок слегка дрогнул.

– А давай еще, – сказала я быстро, надеясь ее отвлечь. – Изобрази опять Ля-Вуазен. У тебя здорово получается.

Габи широко улыбнулась, а потом скорчила преувеличенно-суровую гримаску.

– «Габриэль, я не жду, что ты осознаешь подлинную ценность нашего исконного и бессмертного наследия, однако прошу тебя, более не води предназначенных для гаданий животных на прогулки. Они не домашние питомцы».

Я подавила смешок и легонько дернула Габи за косичку.

– Ступай-ка ты к маме. Ей тоже наверняка сейчас не помешает посмеяться.

Габи убежала, а я положила голову Анселю на плечо. Он снова смотрел на Коко и Бабетту.

– Не грусти, – сказала я мягко. – Игра еще не окончена. Просто на доске появилась новая фигура.

– Сейчас для этого совсем не время.

– Почему? Страдания Исме и Габриэль не обесценивают твоих собственных. Мы должны поговорить об этом.

«Пока еще можем», – мысленно, но не вслух добавила я.

Опустив голову на мою, Ансель вздохнул. Этот вздох задел меня за живое. Сколько же сил требовалось, чтобы не скрывать своей ранимости вот так. Сколько отваги.

– На доске уже и без того слишком много фигур, Лу. А я даже в игре не участвую, – горько сказал он.

– Если не сыграешь, выиграть не получится.

– Зато и проигрывать не придется.

– Брось, что за детские капризы? – Я посмотрела на него. – Ты хоть говорил Коко о своих чувствах к ней?

- Я для нее как младший брат..

- Ты хоть... - когда Ансель отвернулся, я наклонилась, ловя его взгляд, - говорил Коко... - я наклонилась ближе, - о своих чувствах к ней?

Он снова вздохнул, на этот раз с досадой.

- Она и так все знает. Я ведь этого не скрывал.

- Но и не говорил прямо. Если ты хочешь, чтобы она увидела в тебе мужчину, то и веди себя соответственно. Поговори с ней.

Ансель снова посмотрел на Коко и Бабетту. Они обнимались, согревая друг друга.

Я не удивилась. Коко уже не в первый раз возвращалась к Бабетте - своей давнейшей подруге и возлюбленной - за утешением в трудные времена. Это всегда заканчивалось плохо, но кто я такая, чтобы осуждать Коко за ее выбор? Я вообще в шассера влюбилась, в конце-то концов. И все равно меня злило, что Анселю приходится переживать подобное. Искренне злило. А еще я злилась на себя за то, что подводила Анселя к горькому разочарованию, которое неизбежно его ожидало, но смотреть, как он тоскует от безответной любви, я больше не могла. Он должен был спросить. И должен был узнать.

- А если она откажет? - выдохнул Ансель так тихо, что я скорее прочла слова по губам, чем услышала. Он беспомощно всматривался мне в лицо.

- Ты получишь ответ. И сможешь жить дальше.

Если возможно увидеть, как разбивается сердце человека, именно это я увидела в тот миг в глазах Анселя. Однако больше он ничего не сказал, и я тоже. Вместе мы ждали захода солнца.

Ведьмы крови не стали собираться у погребальных костров сразу все вместе - они подходили постепенно и оставались стоять в печальной тишине, принимая новых и новых скорбящих в свой круг. Перед ними, тихо плача, стояли Исме и Габриэль.

Все были одеты в алое, будь то плащ, шляпка или рубашка, как у меня.

- Так нужно, чтобы почтить их кровь, - сказала Коко нам с Анселем, когда мы пришли на службу, и завязала у него на шее красный шарф. - И колдовство, которое в ней сокрыто.

Она и Ля-Вуазен надели плотные шерстяные алые платья и такого же цвета накидки с меховой подкладкой. Наряды были не слишком броскими, но смотрелись очень выразительно. На головах у них были плетеные венцы с рубинами, сверкавшими среди серебристых лоз. Коко называла эти рубины «каплями крови». Глядя, как Коко и Жозефина стоят у костра - высокие, гордые, величественные, - я могла представить те времена, о которых говорила Габи. Времена, когда Алые дамы были всемогущими и вечными. Бессмертными созданиями среди людей.

«Мы правили этой землей с самого ее сотворения, задолго до того, как боги отравили ее мертвым колдовством».

Я сдержала дрожь. Даже если Ля-Буазен и впрямь ест сердца мертвецов, чтобы жить вечно, – это не мое дело. Я здесь была чужой. Нарушительницей спокойствия. Уже по одной этой службе было ясно, что их обычаев я не понимаю. И потом, возможно, я слишком много домысливаю о Ля-Буазен. Да, она порой пугает, и книга у нее жуткая, но... все это просто слухи, не более. Наверняка ее соплеменники знали бы, что их предводительница поедает сердца. Наверняка они бы воспротивились этому. Наверняка Коко сказала бы мне...

Не твое дело.

Я уставилась на угли в костре Этьена.

Но что означают слова «мертвое колдовство»?

Когда солнце коснулось сосен, Исме и Габи вместе, как одна, смели пепел в тот самый побеленный горшок. Габриэль прижала его к груди и всхлипнула. Исме крепко ее обняла, но утешать не стала. Более того, когда они двинулись в лес, вообще никто не промолвил ни слова. Образовалась своего рода ритуальная процессия: сначала Исме и Габи, затем Ля-Буазен с Коко, потом Николина с Бабеттой. Остальные скорбцы двинулись за ними, и вот уже весь лагерь безмолвно шагнул по лесной тропе – по тропе, которая определено была хорошо им знакома.

– Душа, что оказалась взаперти между нынешней жизнью и следующей, растревожена, – объясняла мне Коко. – Растеряна. Такие души видят нас, но не могут коснуться, не могут с нами поговорить. Мы убавкиваем их своим молчанием и ведем в ближайшую рощу.

Роща. Последнее пристанище ведьм крови.

Мы с Анселем дождались конца процессии и сами присоединились к ней, направившись в чащу леса. Вскоре моих сапог коснулся хвост Абсалона. Хуже того, он был не один – рядом возникла черная лиса. Она скрывалась в тени неподалеку, через каждые несколько шагов вынюхивая меня и сверкая янтарными глазами. Ансель пока ее не заметил, но я знала, что скоро заметит. Скоро ее заметят все.

Я никогда не слышала о том, чтобы человеку доводилось привлечь к себе сразу двух матаготов.

Не зная, куда деваться от тоски, я уставилась на золотисто-каштановую косу Габи, которая виднелась впереди. Они с Исме сбавили шаг, когда мы вошли в серебристую березовую рощу. Снег усеивал тонкие ветви деревьев, освещенный мягким белым светом, – вокруг нас замерцали feu follet[12]. По легенде, они манили человека за собой к самым сокровенным его желаниям.

Мать когда-то рассказывала мне о девочке-ведьме, которая за ними пошла. С тех пор ее никто никогда не видел.

Схватив Анселя крепче, когда он увидел блуждающие огоньки, я пробормотала:

- Не смотри на них.

Он моргнул, остановился и потряс головой.

- Спасибо.

На березовых ветвях висела, мерно покачиваясь на ветру, дюжина глиняных горшков. Красновато-бурые символы, всегда разные, были изображены на каждом из них, и с большинства горшков свисали колокольчики-ветроловки с перьями и бусами. Несколько неукрашенных горшков, похоже, были такими древними, что символы на них уже давно осыпались. Ля-Вуазен и Коко одновременно достали из-под накидок одинаковые кинжалы. Каждая из них опустила воротник, провела лезвием по груди и свежей кровью нарисовала новые символы поверх выцветших. Когда они закончили, Исме подошла к ним, взяла кинжал и точно так же полоснула себя по груди.

Словно зачарованная, я смотрела, как она рисует на горшке своего сына последний символ. Когда Исме повесила его рядом с остальными, Ля-Вуазен обернулась к процессии. Все глаза обратились к ней.

- Да вознесется его прах и его дух. Покойся с миром, Этьен.

Исме сдавленно всхлипнула, и Ля-Вуазен склонила голову, завершая незамысловатую церемонию. Сестры поспешили утешить Исме.

Коко вышла из толпы и нашла нас. В глазах ее до сих пор блестели слезы. Она решительно запрокинула голову и тяжело вздохнула.

- Я не стану плакать. Не стану.

Я предложила ей руку, и она взяла меня под локоть, словно мы с ней и Анселем были звеньями одной цепи. Порез на ее груди все еще кровоточил, пропитывая ворот платья.

- Ты имеешь полное право плакать на похоронах, Коко. Да и вообще когда пожелаешь, раз уж на то пошло.

- Легко тебе говорить. От твоих слез не может вспыхнуть весь мир.

- Как же круто это звучит. - Она слабо хихикнула, и у меня потеплело на сердце. Очень давно мы не говорили с Коко вот так легко. - Здесь очень красиво.

Ансель кивнул на горшок Этьена, на котором все еще блестела кровь Исме.

- А что значат эти символы?

- Это чары.

- Чары?

- Да, Ансель. Чары. Они защищают наши останки от тех, кто мог бы использовать их в порочных целях. Наше колдовство живет и в нашем прахе, - объяснила Коко, когда Ансель нахмурился. - Если мы развеем его по земле, это лишь придаст нашим врагам сил. - На этом она виновато посмотрела на меня, но я только пожала плечами. Наши племена могут враждовать сколько угодно, но мы - не такие.

Слезы снова выступили на глазах Коко, когда она посмотрела на горшки. И на Исме, которая все еще причитала под ними.

- Я его даже почти не знала, - прошептала Коко. - Просто... все это... - Она обвела рукой рощу и понурила голову. Ее рука безвольно обвисла. - Все это из-за меня.

- Что? - Отпустив локоть Анселя, я повернулась к ней и схватила за плечи. - Нет, Коко. Ты ни в чем не виновата. Твой народ никогда не стал бы винить тебя за все, что здесь случилось.

- В том-то и дело, разве нет? - Она яростно утерла глаза. - Им стоило бы меня винить. Я их бросила. Дважды. Они мерзнут, голодают, им так страшно, а их собственной принцессе и дела до этого нет. Я должна была быть здесь, Лу. Должна была... не знаю..

- Что? Изменить погоду? - Я накрыла ее ладони своими и тоже утерла ей слезы. Они обожгли мне кожу, но я не отпрянула. Только быстро-быстро заморгала, чувствуя, что и сама вот-вот расплачусь. - Собственноручно одолеть Моргану? Ты ведь не знала, Коко. Не вини себя.

- Нет, знала. - Она сдернула венец с головы и сердито посмотрела на сверкающие рубины. - Как я могу возглавить этих людей? Как могу смотреть им в глаза? Я знала, что они страдают, и все равно сбежала, а им стало только хуже. - Она бросила венец в снег. - Никакая я не *princesse*.

К моему удивлению - возможно, потому что я уже позабыла, что он стоит рядом, - Ансель наклонился поднять венец. До невозможности бережно он водрузил его Коко на голову.

- Теперь ты здесь. Вот что важно.

- И ты наша принцесса, *mon amour*, - сказала Бабетта, возникая рядом. Она улыбнулась Анселю - искренне, не лукаво - и поправила венец. - Даже не будь ты принцессой по крови, сердцем ты осталась бы ею. Никому так не важны чужие судьбы, как тебе. Ты лучше всех нас.

Оба они смотрели на Коко с такой теплотой - с таким обожанием, - что у меня сжалось сердце. Да, выбор ей предстоял непростой. Что до Бо... его даже не было здесь, и он не мог предложить в качестве иного варианта свою симпатичную насмешливую физиономию. Посочувствовав Коко, я развернула подругу к себе.

- Они правы. Теперь ты делаешь все возможное, чтобы помочь своим. И когда Моргану умрет - когда я... В общем, после этого для твоего народа в Шато вновь найдется место. Нам нужно лишь идти к цели и ни на что не отвлекаться.

Коко быстро – безотчетно – кивнула, но оставалась все так же мрачна.

– Я не уверена, что моя тетка согласится к нам примкнуть, Лу. Она...

Ее слова заглушил громкий крик. Исме кинулась в толпу, лицо ее было совершенно безумно.

– Где Габриэль? Где она? – Она резко обернулась и завизжала: – Габриэль!

Сестры потянулись к Исме, даже сама Ля-Буазен попыталась ее успокоить и утешить, но та не обращала на них внимания. Она подскочила ко мне, впилась в меня лихорадочным взглядом и до боли крепко сжала мои плечи.

– Ты видела мою дочь?

От страха у меня перехватило дыхание.

– Я не...

– Она могла пойти за feu follet? – Коко накрыла ладонь Исме своей и тщетно попыталась меня освободить. – Когда ты видела ее в последний раз?

Слезы покатались по щекам Исме и усеяли снег черными цветами. Это были бегонии. Их значение я знала от наставницы по естествоведению в Шато.

– Я... Я не помню. Во время шествия она была со мной, а потом я отпустила ее руку, чтобы закончить расписывать горшок Этьена.

«Берегись».

Вот что означали бегонии.

– Не волнуйся, – сказала одна из ведьм. – Габриэль ведь уже не в первый раз убегает. И не в последний.

– Уверена, с ней все хорошо, – добавила другая. – Возможно, она просто потрясена. Слишком много горя выпало на долю такой малышки.

– Мы все были рядом, – высказалась третья, озвучив мысли остальных. – Никто не сумел бы выкрасть ее прямо из ковена. Мы бы заметили это.

– Они правы. – Коко наконец удалось разжать пальцы Исме, и к моим плечам вновь прилила кровь. – Мы найдем ее, Исме.

Когда Коко посмотрела на меня, в ее глазах я увидела слова, которые она не решилась произнести вслух: «так или иначе».

Я вполуха слушала, как ведьмы расходятся по роще в поисках Габриэль.

В глубине души я знала, что произошло. Как же велика была радость Морганы, когда она обнаружила в лагере крови не одного, а сразу двух детей короля. Время, как и всегда, она рассчитала точно. Спланировала все до мелочей.

Двадцать семь детей. По словам мадам Лабелль выходило, что всего король зачал двадцать семь детей. Найти их, конечно же, не легче, чем иглы в стог сена. Но Моргане упорства было не занимать. Я знала, что она их разыщет, истерзает и убьет. И все из-за меня.

– Смотрите! – крикнула незнакомая ведьма спустя несколько долгих минут. Все на поляне обернулись взглянуть, что она держала в руках.

Это была алая лента.

Пропитанная...

Кровью.

Я устало закрыла глаза, но воспоминание о голове Этьена возле моих ног быстро всплыло в памяти, и я распахнула их снова. Следующей будет голова Габриэль. Прямо сейчас, в эту самую секунду Моргана, возможно, истязает ее крохотное тельце. Она отрежет ей золотисто-каштановую косу и вспорет ее бледное горло...

Исме кричала все пронзительней, и остальные стали тревожно вторить ей.

Габриэль! Габриэль! Габриэль!

Ее имя эхом разносилось среди деревьев. Оно звенело и в моих мыслях. Будто в ответ все feu follet один за другим погасли, оставив нас в темноте. Ведьмы отчаянно пытались найти Габриэль с помощью колдовства, пусть даже понимали, что с ней случилось. Понимала и я.

Габриэль не ответила на зов.

И все мы знали, что она не ответит уже никогда.

Наконец Исме упала на колени, колотя снег и горько рыдая.

Я согнулась пополам, чувствуя прилив тошноты, но чья-то рука схватила меня за волосы и выпрямила в полный рост. Темные холодные глаза смотрели на меня.

– Возьми себя в руки. – Ля-Вуазен вцепилась мне в волосы еще крепче. Я пыталась вывернуться, едва сдерживаясь, чтобы не взвыть от боли, а она с мрачной решимостью наблюдала за этим. – Твое желание исполнено, Луиза ле Блан. Алые дамы примкнут к тебе в Цезарине, и я своими руками вырву сердце у твоей матери из груди.

Первое выступление

Рид

На следующий вечер, когда над Домен-ле-Роз стустились сумерки, Клод вышел на городскую площадь. Сценой ему служил треснувший фонтан с чашей, полной снега и листьев. Обод заледенел, но Клод не поскользнулся ни разу. Он задорно плясал и ловкими пальцами наигрывал на мандолине бодрую мелодию. Зрители одобрительно кричали. Некоторые разошлись по парам и кружились в безумном танце, смеясь, а другие бросали под ноги Серафине лепестки цветов. Ее голос звенел над толпой. Страстный. Неземной. Слишком прекрасный для человека.

Когда я угрюмо натянул кожаные штаны, моя мать протянула мне свою чашку с розовой жидкостью. Жители деревни делали из лепестков роз свое собственное вино.

- Попробуй. Это может помочь.

Я вскинул бровь и снова поправил штаны.

- Очень сомневаюсь.

Мадам Лабелль надела для выступления новое платье. Черно-белое. Броское. Края ее маски были обшиты нелепыми помпонами. Что ж, по крайней мере, никто не покушался на нее с сурьмой. Мои же глаза чесались и горели огнем.

Зенна мне так и не рассказала, как смыть все это и не ослепнуть.

Хуже того, рубашки для выступления Деверо мне все-таки не предоставил. Пришлось нацепить плечевой ремень прямо на голую грудь. Я, конечно, надел пиджак для приличия - и чтобы согреться, - но сомневался, что выступать мне позволят в нем.

Я твердил себе, что все это к лучшему. Если среди зрителей вдруг окажется шассер, он точно меня не узнает. Ему и в голову не придет, что его капитан, некогда великий, станет разгуливать без рубашки. Или метать ножи, или красить глаза. Или носить маску с рогами. Вид у меня был совершенно несуразный. Унизительный. Меня захлестнуло стыдом от пришедшего на ум воспоминания.

«Знаешь, не так уж страшно иногда просто хоть немного пожить».

«Лу, я шассер. Мы не можем вот так... резвиться».

С крыльца пекарни я наблюдал, как Бо пробирается через толпу в плаще с капюшоном и с жестяной банкой в руке. В другой руке он держал деревянную косу. Деверо счел, что это будет уместным дополнением к его зловещему костюму. В переулке позади нас Тулуз и Тьерри обустроили палатку для своих услуг. Заманивали слабых духом обещаниями славы и счастливого будущего. Женщины расхаживали мимо них, хлопая ресницами и посылая им воздушные поцелуи. Я никак не мог взять это в толк.

– Они хороши собой, – объяснила мадам Лабелль, усмехнувшись, когда Тулуз поймал и поцеловал руку одной из девушек. – Нельзя винить их за это.

А вот я мог и очень даже винил. Если по украшенным перьями нарядам местных жителей можно было судить, Домен-ле-Роз был странным местечком.

– Молодость и красота не преступление, Рид. – Она указала на юную девушку, которая стояла ближе всего к нам и последнюю четверть часа наблюдала за мной. Смелая. Светловолосая. С пышными формами. – У тебя и самого немало поклонниц.

– Воздержусь, спасибо.

– Ах да. – Мадам Лабелль подмигнула своим собственным почитателям. – Я и забыла, что беседую с Ридом святым и непреклонным.

– Я не святой. Я женат.

– На ком же? На Луизе Ляру? Боюсь, такой девушки не существует на свете.

Мои пальцы замерли на рукояти ножа.

– А как зовут меня, тапан? – Услышав это слово, она изумленно застыла. Я ощутил прилив злорадства. – Диггори, Лион, Лабелль? Может быть, мне выбрать самому? – Когда мадам Лабелль не ответила и залилась краской, беспомощно открывая и закрывая рот, я отвернулся. И продолжил вертеть в руках нож. – Человек и его имя – не одно и то же. И мне плевать, что написано на дурацкой бумажке. Я принес Лу клятву и буду ей верен. К тому же... – пробормотал я, – эти девушки смахивают на птиц.

И они – не Лу.

– Думаешь, Луиза никогда не носила перья в волосах? – Мадам Лабелль хохотнула и вновь стала прежней. – Это лебединые перья, мой милый мальчик, и мы носим их, чтобы почитать Деву. Видишь костер? В следующем месяце на Имболк селяне разожгут его, и могу тебя заверить, ровно тем же занималась Луиза каждый год с самого своего рождения.

Я с любопытством присмотрелся к девушке и к тем, кто стоял рядом с ней. Люди хлопали и топали ногами под музыку Клода, радостно крича. Пальцы их были липкими от медово-миндальных оладий. От печенья с розмарином. От булочек с семечками. Я нахмурился. На площади так и кипела жизнь. Ни следа страха и опаски.

– Они не боятся праздновать Имболк?

– Ты забрел далеко от Цезарина, мой дорогой. – Мадам Лабелль похлопала меня по колену. Я запоздало обернулся и оглядел двери всех магазинов на улице. Ни единого объявления о розыске. Я не знал, снял ли их Клод или сами селяне. – На севере давние обычаи распространены более широко, чем ты думаешь. Но не волнуйся. Твои братья слишком бестолковы, чтобы постичь истинный смысл лебединых перьев и костров.

- Они не бестолковы, - ответил я безотчетно. И тут же втянул голову в плечи, когда мадам Лабелль усмехнулась.

- Но мне ведь пришлось просветить тебя, верно? Как ты можешь осуждать свою собственную культуру, если ничего о ней не знаешь?

- Я и не хочу ничего о ней знать.

Тяжело вздохнув, мадам Лабелль закатила глаза.

- Материны титьки, ты и впрямь ведешь себя как ребенок.

Я изумленно обернулся к ней.

- Что ты сказала?

Она вздернула нос, сложив руки на коленях. Само воплощение изящества и хладнокровия.

- «Материны титьки». Это весьма распространенное ругательство в Шато. Я могла бы рассказать тебе все о том, как там живет, если бы ты соизволил наконец прочистить уши.

- Я... ничего не хочу слышать про титьки своей матери! - Чувствуя, как пылают щеки, я встал, не желая и думать о подобной картине.

- Не про мои, неблагодарный ты болван. Матери. Триединой богини. Когда женщина носит во чреве ребенка, ее грудь набухает, готовясь к кормлению...

- Нет. - Я яростно затряс головой. - Нет, нет, нет, нет, нет. Мы не будем это обсуждать.

- Честное слово, Рид, явления естественнее этого на свете просто нет. - Мадам Лабелль похлопала по сиденью рядом с собой. - Однако тебя взрастили в исключительно мужском окружении, поэтому я прощу твою незрелость в этот... да сядь ты уже, господи боже. - Она поймала меня за запястье, когда я попытался сбежать, и усадила рядом. - Знаю, что обсуждать с тобой подобное довольно опасно, но я все же должна попытаться.

Я заставил себя посмотреть на нее.

- Что обсуждать? Грудь?

Мадам Лабелль снова закатила глаза.

- Нет. Луизу. - Увидев мое изумление, она продолжила: - Ты... уверен на ее счет?

Этот вопрос, такой неожиданный и абсурдный, ошеломил меня.

- Ты шутишь.

- Боюсь, что нет. - Она помедлила, вероятно, тщательно обдумывая, что сказать. Разумно с ее стороны. Обсуждать подобное со мной и впрямь было

опасно. – Вы познакомились совсем не так давно. Насколько хорошо ты в самом деле ее знаешь?

– Лучше, чем ты, – прорычал я.

– Сильно в этом сомневаюсь. Моргана была моей дражайшей подругой детства. Я любила ее, а она меня. Мы были ближе сестер.

– И что?

– И то, что я знаю, как пленительны могут быть женщины из рода ле Блан. – Будто почуяв, как во мне поднимается волна гнева, мадам Лабелль отобрала у меня нож и спрятала к себе в сапог. – Быть рядом с ними – значит любить их. Они свободны, необузданны, ни в чем не знают меры. Они вызывают зависимость. Поглощают нас. Благодаря им мы чувствуем себя по-настоящему живыми.

У меня задрожали руки, и я стиснул кулаки.

– Но также они и опасны. С Луизой твоя жизнь всегда будет такой, как сейчас – в бегах, в укрытиях, в борьбе. Ты никогда не познаешь мира. Не узнаешь, что такое семья. Тебе не постареть вместе с Луизой, сынок. Так или иначе Моргана этого не допустит.

От слов мадам Лабелль у меня перехватило дыхание. Отдышаться я смог не сразу.

– Нет. Мы убьем Моргану.

– Луиза любит свою мать, Рид.

Я снова яростно затряс головой.

– Нет...

– Все дети любят своих матерей. Даже если отношения у них непростые. – Она глотнула вина, в упор не глядя на меня и только наблюдая, как танцует Деверо. Его музыка глухо редела у меня в ушах. – Но сейчас мы говорим не об отношениях матери Лу с ней или со мной. Мы говорим о вас двоих. Нисхождение Лу уже началось. Его признаки мне знакомы. – Мадам Лабелль кивнула в ответ на мой невысказанный вопрос. – Да. То же произошло с Морганой. Остановить это ты не сможешь и замедлить тоже. А если попытаешься, пропадешь и сам.

– Ты ошибаешься, – ответил я злобно, едко, но мадам Лабелль не отпрянула. Ее голос лишь исполнился еще большей силы и решимости.

– Очень на это надеюсь. Я не желаю Лу этой тьмы и уж точно не желаю ее тебе. Поразмысли как следует над своим решением, сын.

– Я уже давно все решил.

– Не так уж много на свете безвозвратных решений.

Деверо и Серафина завершили свою песню под громкие рукоплескания. Я смутно вспомнил, что настала наша очередь выходить на сцену, но не сдвинулся с места. Мне хотелось схватить мадам Лабелль и трясти за плечи, пока она не поймет. «Не так уж много на свете безвозвратных решений», – так она сказала. Вот только я уже убил Архиепископа. И это изменить я никак не мог. А даже если бы мог – не стал бы.

Я солгал, когда сказал, что все решил.

На самом деле решать было нечего. Выбора не было сейчас и не было никогда.

Я любил Лу.

И если мне придется бежать, скрываться и сражаться ради этой любви, я готов на это. До конца моих дней.

– Я молю тебя выбирать разумно, – сказала мадам Лабелль, поднимаясь на ноги. Взгляд ее был очень серьезен. – История Луизы не приведет к счастливому финалу. Только к смерти. Будь то дело рук Морганы или ее самой, той девушкой, которую ты полюбил, она не останется.

– Я все равно буду ее любить.

– Благородные слова. Однако ты никого не обязан любить беззаветно. Уж поверь, мне это известно не понаслышке: если человек приносит тебе больше боли, нежели счастья, тебе позволено отпустить его. Ты не обязан идти следом за ним во мрак. – Мадам Лабелль пригладила юбки, протянула мне руку и повела меня к сцене. Пальцы ее были теплыми. Они не дрожали. – Отпусти ее Рид, пока она не забрала тебя с собой.

Мне удалось не проткнуть свою мать кинжалом.

Обливаясь потом, я бросил последний нож, отвязал мадам Лабелль от доски и двинулся прочь сквозь толпу женщин, которые наблюдали за представлением. Они хихикали. Светловолосая девушка как будто бы преследовала меня. Куда ни посмотри, везде была она с двумя подругами. Хлопала ресницами. Касалась меня, словно ненароком. Это раздражало. Я заметил в толпе Бо и направился к нему.

– Вот. – Я схватил его за локоть и подтолкнул к девушкам. – Отвлеки их.

Из-под его капюшона послышался лукавый смешок.

– С удовольствием.

Я ускользнул прежде, чем девушки успели последовать за мной.

Повозки Деверо стояли в переулке за палаткой Сен-Мартенов. Я надеялся, что там никто меня не потревожит. Удастся подумать немного, переодеться наконец. Умыться как следует. Я пробирался через толпу и вполуха слушал Зенну, кляня ее за сурьму. Что ж, по крайней мере, Зенна не стала красить

мне губы в синий цвет, как самой себе. Она вскинула руку, начиная представление, и под ее ярким плащом блеснуло серебристое платье. На запястьях Зенны сверкали браслеты.

- Внемлите! Пусть трепет посеет среди вас сей мрачный, неслышанный, дивный рассказ...

Ее голос стал выразительней, насыщенней, мелодичней. Зрители притихли.

- О грозном драконе, прекрасной девице - и пылкой любви, что огнем завершится.

Ясно. Стихи.

Я шел дальше. Как и ожидалось, пиджак Деверо у меня забрал. Ветер охлаждал мою обнаженную кожу.

- Тараск был чудовищем лютым и гневным, Марта же - доброй и кроткою девой.

Все в толпе замерли, слушая историю. Даже дети. Я фыркнул и зашагал быстрее, дрожа от холода.

- Он пламя изверг, и, сомкнувши глаза, Марта мольбу вознесла в небеса...

Наконец я сбавил шаг. Остановился. Невольно обернулся.

Лицо Зенны было наполовину скрыто в тени. Она вскинула голову и сложила руки в молитве.

- «Избáви, Создатель, мой род от огня, пусть зверь пощадит их, возьмет лишь меня!» Зов ее эхом пронзил небосвод, и Тараск острый взор обратил к ней с высот. - Зенна распростерла руки, и развевающийся плащ у нее за спиной в мерцающем свете стал походить на крылья. Казалось, у нее даже засверкали глаза. - «Что за кушанье манит меня так дразняще? Нет ничего ее голоса слаще! Я обглодаю ее до костей!» И на землю Тараск опустился за ней.

Несмотря на холод, я не двигался с места - что-то в голосе и лице Зенны меня заворожило. Мне вспомнились слова матери.

«Тулуз и Тьерри Сен-Мартен - а может быть, и Зенна с Серафиной - не те, кем желают предстать».

Вместе с остальными я зачарованно слушал, а Зенна продолжала свой рассказ - о том, как семейство Марты, обезумев от страха, отдало ее дракону на заклятие, как Тараск взял ее себе в невесты, и они полюбили друг друга. Как в конце концов Марту одолела тоска, и ей захотелось вернуться на родину, где отец втайне поджидал ее с волшебной цепью. С ее помощью он заковал Тараска и сжег собственную дочь на костре.

На этом Зенна посмотрела прямо мне в глаза. В ее взгляде сверкала искривленная ненависть. Я и сам ощутил, как она пылает у меня в груди.

К концу голос Зенны стал еще громче, набрал еще большую мощь.

– Сотряс небеса зверя яростный рев, и вырвался он из волшебных оков. Жестоко и быстро свершилась расправа – злодеев тотчас же Тараск обезглавил.

Я увидел, как на другом краю площади светловолосая девушка рыдает Бо в плечо. Рыдает в голос. Но я не мог осуждать ее за это.

– Теперь бороздит он небесный простор, скорбя о любимой своей до сих пор. Земли солью он губит и сушит посевы, и не сможет никто избежать его гнева. Внемлите! Пусть трепет посеет среди вас сей горький, печальный, трагичный рассказ о грозном драконе, погибшей девице и о гневе его, что огнем завершится.

В последний раз Зенна тяжело выдохнула, и пар, точно дым, облачком сорвался с ее уст. Воцарилась мертвая тишина. Ничуть не смутившись, Зенна припала к земле в великолепном поклоне. Плащ заструился вокруг нее волнами звездного света. Так она и стояла, пока зрители наконец не обрели дар речи. Они рассыпались в аплодисментах, даже громче, чем после выступления Деверо и Серафины.

Я уставился на нее. Своими словами Зенна творила... нечто невысказанное. Когда она сказала, что Клод собирает вокруг себя лишь самых исключительных людей, я не слишком ей поверил. Но теперь понял. Теперь ощутил. Я не знал в точности, что за чувство испытал, но приятным назвать его было нельзя. Мое лицо запылало, горло сдавил ком. На короткие мгновения Тараск показался мне реальным, более чем реальным. И мне стало по-настоящему жаль чудовище, которое похитило себе невесту и обезглавило ее родных.

Родных, которые ее сожгли.

Никогда прежде я не задумывался о женщинах, которых сжег. Даже об Эстель. Я думал только о Лу, а она была другой. Лу не была подобна остальным ведьмам. «Как удобно, – сказала она перед нашей разлукой. – Ты просто видишь то, что хочешь видеть».

Выходит, я тоже сжигал своих соплеменников? Я никак не мог бы узнать об этом, но если бы узнал... такого откровения я бы не выдержал. Не смог бы вынести последствий, не смог бы искупить боль, которую причинил. Искупить любовь, которой лишил людей. Когда-то я считал, что ведьмы вовсе не способны на любовь. Но Лу доказала мне обратное. Мадам Лабелль и Коко доказали мне обратное.

Возможно, Лу не была подобна остальным ведьмам.

Возможно, это они были подобны ей.

Обескураженный этим открытием, я бросился к повозкам, не замечая никого вокруг. Но остановился, когда чуть не сшиб с ног маленького мальчика, и поймал его за воротник, чтобы удержать на ногах.

– Je suis désolé, – пробормотал я, отряхивая его рваное пальто. Плечи мальчика были очень худы. Истощены голодом.

Он прижал к груди деревянную куклу и кивнул, не поднимая глаз.

Не желая его отпускать, я спросил:

- Где твои родители?

Мальчик указал на фонтан. Зенна как раз вышла на бис.

- Я не люблю драконов, - прошептал он.

- Вот и умница. - Я посмотрел ему за плечо на палатку Тулуза и Тьерри. - Ты... идешь туда?

И снова мальчик кивнул. Что ж, может, не так уж он и умен. Я его отпустил.

Но когда дошел до янтарной повозки, не удержался и оглянулся. Мальчик вошел в палатку к близнецам. Лица Тулуза я не видел, но лицо мальчика мог разглядеть. Он попросил погадать ему по кристальному шару. Когда Тулуз разместил шар на столе между ними, прямо рядом с горшком благовоний, я напрягся.

У мальчонки явно и без того было мало денег. Не стоило ему тратить последнее на колдовство.

Вмешаться я не успел - кто-то поймал меня за локоть. Я тут же потянулся к ремню, но замер, узнав Тьерри. Волосы его были зачесаны назад, подчеркивая острые скулы и черные глаза. С едва заметной улыбкой он отпустил меня и кивнул на палатку. Я нахмурился, глядя, как мальчик дает Тулузу свою куклу - только теперь я осознал, что это поделка из дерева. У нее были рога и копыта. Приглядевшись, я смутно узнал силуэт - такой же был на этикетке вина Лу. Я попытался, но не смог вспомнить, как называется это существо.

Тулуз бережно взял куклу одной рукой, а другой погладил хрустальный шар.

В тумане показались образы: уже знакомый мне рогатый человек, властитель всех растений и зверей, и крылатая женщина с облачным венцом. Третьей появилась женщина с плавниками. Мальчик радостно захлопал, глядя, как она мчится по волнам.

И рассмеялся. Чистым, искренним смехом.

Я нахмурился еще больше.

Когда через минуту мальчик вышел из палатки, у него в ладони все еще лежала монетка... нет. Целая горсть. Тулуз ничего у него не взял. Напротив, дал еще. Я изумленно смотрел, как к столу подходит старушка.

- Почему ты не разговариваешь, Тьерри? - спросил я.

Он отозвался не сразу, но я ощутил его взгляд. Почувствовал, как он размышляет над ответом. Но больше я ничего не сказал - только смотрел,

как Тулуз указывает на хрустальный шар. Старушка, однако, протянула ему руку, и Тулуз стал рассматривать линии на ее ладони. Морщинистые губы женщины расплылись в улыбке.

Наконец Тьерри вздохнул.

А затем... я услышал у себя в мыслях голос. Невозможный, но совершенно реальный. Как у Тулуза, только мягче. Бесконечно ласковый.

«Мы с Тулузом выросли на улицах Амандина».

Мне стоило бы удивиться, но нет. Только не после всего, что я уже видел. После всего, что сделал. Отчасти я обрадовался своей правоте – Тулуз и Тьерри Сен-Мартены были ведьмаками. Отчасти же, однако, радоваться этому я не мог. Я мог лишь смотреть на пожилую даму в палатке Тулуза. Он касался ее ладони, а она как будто бы молодела с каждым прикосновением, хотя черты ее оставались неизменны. Кожа дамы розовела, глаза прояснились, волосы блестели все ярче.

«Мы воровали, чтобы выжить. – Вместе со мной Тьерри наблюдал, как его брат помогает старушке вновь ощутить себя красивой. – Поначалу были просто карманниками. Воровали тут и там по кроне-другой, чтобы купить еду и одежду. Но Тулузу все было мало. В конце концов он стал грабить людей побогаче – графов, маркизов, даже герцогов».

Он печально мне улыбнулся.

«К тому времени Тулуз понял, что истинное богатство кроется не в украденных безделушках, а в знаниях. И мы стали похищать не драгоценности, а тайны. И продавать их тому, кто заплатит больше. Прославились этим мы быстро. В конце концов человек по имени Гри завербовал нас к себе в команду. – Тьерри вздохнул и посмотрел на свои руки. – Однажды Тулуз с Гри повздорили. Тулуз пригрозил раскрыть его тайны, а Гри отомстил ему, отрезав мне язык».

Я в ужасе уставился на него.

– Он отрезал тебе язык?

В ответ Тьерри медленно открыл рот. У него в горле шевелился обрубок языка. Я испытал прилив тошноты.

– Но ты ведь ничего дурного не сделал. Почему наказали тебя?

«Улицы беспощадны, охотник. Повезло тебе никогда этого не познать. Они меняют человека. Ожесточают. Тайны и ложь, необходимые, чтобы выжить... забыть их не так-то просто. – Он снова посмотрел на брата. – Я не виню Тулуза в произошедшем. Ему казалось, что он поступает как нужно».

– Но ведь ты из-за него лишился языка.

«Гри знал, что заставить моего брата молчать проще всего, если пригрозить мне. Так и вышло. В ночь, когда я лишился голоса, та же судьба постигла и

моего брата. С тех пор Тулуз стал хранителем людских тайн. И изменился к лучшему».

Не в силах осмыслить такую силу духа, такое смирение, такое непоколебимое спокойствие, я перевел разговор в другое русло.

- Ты сказал, что утратил голос, но ведь я ясно слышу его в своих мыслях.

«В ту ночь мы с братом обнаружили в себе колдовство – и я уже заплатил цену молчанием. Наши предки позволили мне общаться с людьми иным путем».

Это меня заинтересовало.

- То есть до того вы не знали, что колдовство вам подвластно?

К моему удивлению, на этот вопрос ответил не Тьерри, а Деверо. Он подошел к нам, пряча руки в полосатых карманах. Одет Деверо был все в то же пальто с огуречным узором, под которым виднелась рубашка в горошек. На шляпе Клода с каждым шагом подпрыгивало павлинье перо.

- Скажи мне, Рид, если бы ты никогда прежде не видел красного цвета, ты бы знал, как он выглядит? Узнал бы его, к примеру, вон в том кардинале? – Он указал на крышу пекарни, где сидела красная птица. Будто почуяв наши взгляды, она вспорхнула вверх.

- Э... нет?

- А как ты думаешь, смогла бы эта птица летать, если бы всю жизнь считала, что этого не умеет?

Я нахмурился, а Деверо сказал:

- Всю свою жизнь ты подсознательно подавлял в себе колдовство, мой милый мальчик. И высвободить его после подобного уже не так-то легко. Судя по всему, тебе пришлось увидеть бездыханное тело своей жены, чтобы суметь сделать это.

Я сощурился.

- Откуда вы знаете, кто я?

- Вскоре ты поймешь, что я знаю очень многое, чего мне знать не полагается. Боюсь, это не слишком приятное следствие знакомства со мной.

Смех Тьерри эхом разнесся в моих мыслях.

«Это верно».

- А... А вы? – спросил я, отбросив все предосторожности. Деверо знал, кто я такой. И что я за создание. Не было смысла притворяться в обратном. – Вы – ведьмак, мсье Деверо?

- Если начистоту... – Он весело подмигнул мне и направился к площади. – Нет. Этого достаточно для ответа на твой вопрос?

Когда он исчез в толпе, мне стало не по себе.

- Нет, - проворчал я.

Старушка встала и тоже собралась уйти, но прежде крепко-крепко обняла Тулуза. Если бы я сам не видел перемен, которые в ней произошли, то поклялся бы, что это совершенно другой человек. Тулуз поцеловал старушку в щеку, и она покраснела. Этот жест, такой чистый и невинный, остро полоснул меня по сердцу. Все произошедшее, как и загадочный уход Деверо, просто... выбило меня из колеи. Я словно утратил почву под ногами. Это невозможно. Магия не может быть... такой.

Тьерри положил руку мне на плечо.

«Ты видишь в колдовстве оружие, Рид, но ошибаешься. Оно просто... есть. И только нам решать, использовать ли его во вред людям или же...»

Вместе мы наблюдали, как Тулуз заправляет цветок женщине за ухо. Она широко улыбнулась ему и исчезла в толпе.

- «...во спасение».

Часть 11

Quand le vin est tiré, il faut le boire.

Выпить надобно вино, коль откупорено оно.

- французская пословица

Алая Смерть и невеста его - Вечный Сон

Рид

Зенна наклонилась ко мне, и ее ожерелье - огромное, золотое, с бриллиантом размером с мой кулак - ударило меня по лицу. Чтобы уложить мне волосы, она смазала руки отвратительно пахнущей пастой. Я раздраженно

оттолкнул ожерелье. Глаза снова жгло. Интересно, если тайком выбросить из повозки сурьму, Зенна заметит?

- Даже и не думай, - сказала она и шлепнула меня по руке, не давая притронуться к убийственной краске.

Бо очень вовремя сбежал, как только Зенна взялась за грим. Свою мать я тоже не видел с тех самых пор, как мы остановились в поле. Жители деревни Бушен, которая находилась на окраине Ля-Форе-де-Ю, обустроили для странствующих труп целую сцену - на городские площади и таверны, где мы выступали прежде, она совсем не походила. После обеда сцену подготовили к представлению, следом расставили лотки с сувенирами и едой. Солнце близилось к закату, и с улицы уже доносились смех и музыка.

По необъяснимой причине у меня дрогнуло сердце. С моего первого выступления прошло уже шесть дней. Бушен был последней остановкой в путешествии «Трупы Фортуны». В Цезарине Деверо с актерами намеревались исчезнуть в подземельях, где должны были собраться на празднество как важные персоны, так и отбросы общества. Раскованные, распутные и облаченные в маски.

La Mascarade des Crânes - так назвала это мадам Лабелль.

Маскарад Черепов.

Я о подобном никогда не слышал. Мадам Лабелль это ничуть не удивило.

Деверо застегнул жилет.

- Чуть побольше объема на макушке, Зенна, будь так добра. О да. Чудно! - Он подмигнул мне. - Вы выглядите великолепно, мсье Алая Смерть. Совершенно великолепно, как и должно быть! Ведь сегодня воистину особенная ночь.

- Да?

Зенна сощурилась. На этот раз на ней было изумрудное платье - а может быть, и фиолетовое. Оно переливалось в свете свечей. Губы Зенна накрасила черным.

- Каждая ночь на сцене - особенная, охотник. Если тебе будет скучно, зрители с легкостью почувствуют это. Публика, которой скучно, раскошелиться не спешит, и если из-за тебя мне не достанется чаевых, я буду очень недовольна. - Она поднесла к моему лицу золоченую щетку для волос. - Ты ведь не хочешь, чтобы так вышло, правда?

Я медленно отвел щетку в сторону, но Зенна снова сунула ее мне под нос.

- Ты и так вечно всем недовольна, - сказал я.

- О нет. - Она зловеще ухмыльнулась. - Это ты меня еще недовольной не видел.

Деверо усмехнулся. Голоса снаружи становились громче. Тени стужались все больше.

- Не думаю, что сегодня хоть кому-нибудь будет скучно, милая Зенна.

Они многозначительно переглянулись, а я нахмурился, уверившись, что чего-то не знаю.

- У нас что-то изменилось в расписании?

- Как пронизательно. - Деверо лукаво пошевелил бровями и бросил мне мою рогатую маску. - Так уж вышло, мой славный мальчик, что перемена в нашем расписании - это ты. Сегодня первым вместо нас с Серафиной будешь выступать ты.

- И только попробуй все испортить, - предупредила Зенна, снова грозя мне щеткой.

- Что? - Я прищурился и нацепил маску. - Почему? И где моя мать?

- Ждет тебя, разумеется. Не тревожься, об изменениях я уже ее предупредил. В эту самую минуту Бо привязывает ее к доске. - Глаза Деверо озорно сверкали. - Пойдемте?

- Стой! - Зенна усадила меня обратно на свою койку и поправила мне волосы, высвободив прядь из-под маски. Я изумленно уставился на нее, а она толкнула меня к дверям. - Потом еще спасибо скажешь.

Ничего особенно подозрительного в ее словах и словах Деверо не было, но мне все равно стало неудобно, когда я вышел из повозки. Солнце почти село, и в воздухе царил дух предвкушения. Именно оно виделось в лицах людей вокруг, ощущалось в том, как они беспокойно ерзали и шептались с соседями.

Я нахмурился еще больше.

Сегодня все было иначе.

Я не знал, почему и в чем именно заключается отличие, но тем не менее чувствовал это.

Все еще усмехаясь и напевая себе под нос, Деверо повел меня на сцену. Это была деревянная площадка посреди поля. Фонари мерцали со всех ее сторон, неярым светом освещая утрамбованный снег. И пальто, и шарфы, и варежки зрителей. Кто-то повернул мою мишень обратной стороной к зрителям. Свою мать я не видел, но видел Бо, который стоял рядом и, похоже, с ней препирался. Я направился к ним.

Деверо поймал меня за локоть.

- Нет-нет-нет. - Он покачал головой, развернул меня и подтолкнул вперед, одновременно ухитрившись стянуть с меня плащ.

Я нахмурился. И вздрогнул от холода. Зрители с кубками медовухи и глинтвейна выжидательно смотрели на меня горящими глазами.

- Ты готов? - шепнул мне Деверо.

Я проверил ножи на ремне и меч за спиной. Затем поправил маску.

- Да.

- Славно. - Он кашлянул, и в поле воцарилась тишина. Деверо широко распротер руки и улыбнулся еще шире. - Дамы и господа, мясники и пекари, плебеи и патриции - bonsoir! Мы приветствуем вас! Пейте же, пейте от души, если того желаете, и позвольте мне выразить глубочайшую благодарность за ваше гостеприимство. - Зрители захлопали. - Если наше выступление придется вам по вкусу, возможно, вы захотите поощрить наших актеров скромным вознаграждением. Благодаря вашей щедрости «Труппа Фортуны» продолжает дарить Бушену все, что так любимо нами - необузданную фривольность и возвышенные зрелища.

Я посмотрел на свои кожаные штаны.

Да уж, возвышенной некуда.

Будто прочтя мои мысли, кто-то в толпе неприлично присвистнул. Чувствуя, как горят уши, я сощурился и посмотрел в ту сторону, но в полутьме виновника не разглядел. Я видел лишь тени. Силуэты. Мне махали статная женщина и долговязый мужчина. Сердито хмыкнув, я отвернулся и...

Вытаращил глаза.

- Услышите же меня, друзья! - звонко продолжал Деверо, но я почти его не слушал - только украдкой подступал все ближе к краю сцены, высматривая в толпе знакомые лица.

Но женщина с мужчиной уже куда-то исчезли. Сердце бешено колотилось у меня в ушах.

- Почтенные гости, сегодня и только сегодня нам предстоит узреть нечто необычайное. Совершенно новый номер, подлинный эталон опасных интриг и смертельной романтики!

Новый номер? Я встревоженно посмотрел на Деверо, но тот только подмигнул и прошествовал мимо меня к мишени. Бо ухмыльнулся и отошел.

- А теперь, без дальнейших предисловий, я представляю вам господина Mort Rouge... - Деверо указал на меня, а затем развернул мишень, - ...и его невесту - Sommeil Éternel!

Я разинул рот.

Мне усмехалась привязанная к мишени Лу. Белые бабочки - нет, мотыльки - скрывали верхнюю часть ее лица, и их крылья исчезали в ее светлых волосах. Но платье... У меня пересохло во рту. Это было вовсе не платье - скорее паутина. Почти невесомые рукава ниспадали с плеч Лу. Вырез на

груди доходил почти до талии, а ниже тонкая ткань юбки – полупрозрачная, изрезанная лоскутами, – развевалась на ветру, обнажая ее ноги. Голые ноги. Я потрясенно уставился на свою жену.

Деверо выразительно кашлянул.

Я залился краской и, не задумываясь, двинулся к Лу, на ходу вырвав из рук Клода плащ. Лу фыркнула, когда я заслонил ее плащом, стремясь скрыть от чужих глаз всю ее гладкую золотую кожу...

– Здравствуй, шасс.

Кровь ревела у меня в ушах.

– Здравствуй, жена.

Лу посмотрела мне за спину, и вблизи ее улыбка показалась мне... как будто бы неестественной. Застывшей. Увидев, как я хмурюсь, Лу улыбнулась еще шире и захлопала ресницами. На щеках ее была серебристая пудра. Может быть, она просто устала.

– На нас люди смотрят.

– Я знаю.

Лу оглядела мои волосы, затем лицо, шею. Грудь. Руки.

– Должна признать, – сказала она и подмигнула мне, – подводка мне по вкусу.

Низ живота у меня свело судорогой. Не зная точно, зол я, рад или... испытываю нечто иное, я шагнул ближе, отбросив плащ. А затем еще ближе. Так близко, что чувствовал тепло, исходящее от Лу. Я сделал вид, что проверяю ремни на ее запястьях. Провел пальцами по внутренней стороне ее бедер и икр, затянул крепления на лодыжках.

– Откуда у тебя это платье?

– Зенна дала, конечно. Она любит все красивое.

Ну разумеется. Зенна, черт бы ее побрал. И все же гнев в моей душе быстро уступил место облегчению. Лу была рядом. Живая и здоровая. Я посмотрел ей в глаза, на миг задержав взгляд на губах, и выпрямился.

– Что ты здесь делаешь?

Лу кивнула на Ансея и Коко, которые уже стояли у сцены, но я покачал головой.

– Я о другом. Почему тебя привязали к мишени? Это слишком опасно.

– Я хотела тебя удивить. – Она улыбнулась еще шире. – И потом, в повозках ведь дозволено ездить только актерам.

- Я не могу метать ножи в тебя.

- Почему же?

Я нахмурился еще больше, а Лу поерзала на месте, прижимаясь бедрами к доске. Отвлекая меня. Как всегда.

- Неужели я переоценила твое мастерство?

Я неохотно отступил.

- Нет.

В ее глазах блеснуло лукавство.

- Так докажи.

Не знаю, почему я сделал это. Возможно, все дело было в неприкрыто дерзком взгляде Лу. Или в лихорадочном румянце на ее щеках. Или в шепоте зрителей. Я отошел от мишени, достал из ножен кинжал, подбросил его в воздух и поймал. И - прежде чем успел бы передумать или засомневаться - я метнул его в мишень.

Нож вонзился глубоко в дерево между ног Лу. Вся доска содрогнулась от удара.

Толпа восторженно взревела.

А Лу запрокинула голову и рассмеялась.

Звук ее смеха захлестнул меня, дразня, и публика как будто исчезла. Осталась лишь Лу и ее смех. Ее улыбка. Ее платье.

- И это все? - крикнула она.

В ответ я бросил другой нож. И еще один. И еще. Я метал их все быстрее и быстрее, подходя к Лу все ближе и целуя каждым лезвием очертания ее тела. Метнув последний, я кинулся к ней, задыхаясь от возбуждения. Под рев аплодисментов я стал вырывать ножи из мишени.

- Как вы так быстро до нас добрались?

Лу опустила голову мне на плечо, все еще дрожа.

- Не с помощью колдовства, если тебя волнует это. Может, я теперь и Вечный Сон, но не спала уже с неделю.

- А союз... заключить получилось?

Она вскинула взгляд и улыбнулась снова.

- Да.

- Как?

- Мы.. - Что-то изменилось во взгляде Лу, в ее улыбке, и она поцеловала меня в ключицу. - Это все Коко. Видел бы ты ее, она была великолепна. Настоящий лидер. В два счета убедила тетку к нам присоединиться.

- Серьезно? - Я помедлил, прежде чем вытащить очередной нож. - Ля-Буазен даже в свой лагерь меня не пустила. Как Коко смогла так быстро ее уговорить?

- Просто... просто преимуществ в союзе с нами Ля-Буазен нашла больше, чем недостатков. Вот и все.

- Но ведь о преимуществах она знала и прежде. - Я ощутил укол растерянности. И запоздало заметил, как напряглась в своих оковах Лу. - И все равно отказала.

- Может, она не знала. Может, ее кто-нибудь просветил.

- И кто же?

- Я ведь уже сказала. - Лу вдруг посуровела. Ее притворная веселость испарилась вместе с улыбкой. - Коко. Это Коко ее просветила.

Когда я отпрянул, услышав ее тон, Лу вздохнула и отвела взгляд.

- Мы встретимся с ведьмами крови в Цезарине через два дня. Я думала, ты порадуешься.

Я нахмурился.

- Я рад, просто...

Просто это бред какой-то.

В лагере крови что-то произошло. Что-то, о чем Лу не хотела мне рассказывать.

Когда Лу наконец посмотрела мне в глаза, прочесть в ее взгляде хоть что-нибудь было уже невозможно. Она стала нарочито бесстрастна, будто закрыла ставни между нами, не пуская меня. Лу резко кивнула на мои ножи.

- Ты закончил?

Деверо, будто подслушивал нас, подошел ближе и оглянулся на зрителей.

- Что-то не так, друзья мои?

Я вытащил из мишени последний нож и ответил - не без труда, но все же спокойно:

- Все хорошо.

- Тогда, пожалуй, перейдем к грандиозному финалу?

Вновь отойдя назад, я вытащил из-за спины меч.

- Да.

Губ Лу коснулась тень улыбки.

- А поджигать его ты разве не будешь?

- Нет.

Я уставился на нее, лихорадочно размышляя, а Деверо поверх маски завязал мне глаза. Вокруг сомкнулась чернота, а в мыслях явственно всплыла другая картина. Пыль. Костюмы. Синий бархат. Запах кедрового дерева и масляных ламп. Я услышал ее голос. «Я ничего не скрываю, Рид».

В тот вечер шел снег. Волосы Лу были влажными в моих пальцах. «Если ты не готова рассказать, виноват в этом я, а не ты».

У Лу снова появились от меня тайны.

Я заставил себя сосредоточиться и прислушаться – Деверо повернул рычаг, и мишень стала вращаться. Я слушал и рассчитывал, как движется мишень, оценивал ее скорость, представлял, в каком положении при каждом обороте находится тело Лу. В первый раз бросать этот меч в свою мать мне было страшно, но я знал, что для успеха важнее всего доверие. Я должен был верить ей, а она – мне.

И промахов мы не знали.

Теперь же, стоя перед Лу, я представил точку над ее головой. Лишь несколько дюймов дерева. Если точнее – пять. Права на ошибку у меня не было. Глубоко вздохнув, я стал ждать. Я ждал. И ждал.

А затем метнул клинок.

Зрители ахнули, и звук лезвия, вонзившегося в дерево, пробрал меня до костей. Я сорвал повязку.

Приоткрыв рот и тяжело дыша, Лу смотрела на меня. Меч вонзился не над ее головой, а рядом – так близко, что до крови полоснул щеку. Отсеченное крыло одного из мотыльков с ее маски опустилось на сцену. Постепенно мишень замедлилась и наконец остановилась. Зрители бурно зааплодировали. Их крики, похвалы, смех – все это было совершенно бессмысленно.

Потому что я промахнулся.

А у Лу снова появились от меня тайны.

Любит – не любит

Лу

Когда захмелевшие селяне, пошатываясь, разошлись по домам, Клод Деверо откупорил бутылку Boisainé, чтобы отпраздновать наше воссоединение.

- Надо бы потанцевать, - пробормотала я, опуская голову Риду на плечо. Он прислонился щекой к моим волосам. Мы сидели на ступенях янтарной повозки, закутавшись в лоскутное одеяло, и смотрели, как Коко и Ансель с Зенной и Тулузом кружатся в безумном хороводе под мандолину Деверо. Все они безуспешно пытались вспомнить слова песни «Грудастая Лидди». Бутылок у их ног все прибавлялось, смеялись они все громче, а песня становилась все нелепей.

Мне хотелось к ним присоединиться.

Но я зевнула, чувствуя, как от изнеможения и вина слипаются глаза, и Рид поцеловал меня в висок.

- Ты устала.

- Они издеваются над песней про Лидди.

- Это ты над ней издеваешься.

- Что-что? - Я обернулась к нему и смерила свирепым взглядом. Но все равно невольно улыбнулась. - Чтобы ты знал, самое главное - петь бодро и задорно.

- Но и голос при этом тоже иметь не помешало бы.

Я изобразила оскорбленный вид.

- Ах так? Ладно-ладно. Давай тогда твой голос послушаем. - Когда Рид фыркнул и промолчал, я ткнула его в бок. - Ну, давай. Покажи, как это делается, песнопевец ты наш сладкозвучный. Жалкие плебеи смиренно ждут твоих наставлений.

Рид вздохнул, закатил глаза и отодвинулся.

- Забудь, Лу. Я не стану петь.

- Нет уж!

Я не сдалась и продолжила тыкать его всюду, куда только могла достать. Рид увернулся и вскочил. Я запрыгнула на верхнюю ступеньку, подалась вперед, и мы оказались почти что нос к носу. Позабытое одеяло упало на землю.

– Я уже настроилась восторгаться, шасс. Очень надеюсь, что твой голос способен зачаровывать змей и соблазнять девственниц. Это должен быть воистину плод любви Иисуса и...

Рид перебил меня поцелуем. Когда мы отстранились друг от друга, он пробормотал:

– Соблазнять девственниц мне совершенно ни к чему.

Я хмыкнула и обвила его шею руками. Рид ни словом не упоминал о нашей ссоре на сцене и о черной лисице, которая спала в нашей повозке. А я – о порезе на моей щеке и о том, что эту самую лисицу зовут Брижитта.

– А если девственников? Ансея, например? – уточнила я.

После выступления Коко с Анселем загнали меня в угол и стали выяснять, как воспринял Рид новость о смерти брата и сестры. Мое ответное молчание их сильно рассердило. А их ответное молчание рассердило меня. Не то чтобы я... не хотела говорить Риду всю правду, просто какой в этом был бы толк? Он ведь даже не знал ни Этьена, ни Габриэль. Зачем ему скорбеть о них? Зачем винить себя в их смерти? А Рид бы непременно обвинил себя, в этом я не сомневалась. Если он узнает, что моя мать выслеживает его братьев и сестер поодиночке, то попытается в первую очередь защитить их, а не победить Моргану – а это неразумно, ведь только ее смерть сможет уберечь их от угрозы.

Нет, я ему не лгала. Это была не ложь. А просто... тайна.

Тайны ведь есть у всех.

Рид покачал головой.

– Ансель не в моем вкусе.

– Да? – Я приникла ближе к Риду, выдохнув это слово ему в губы, а он медленно поднялся по ступеням, прижимая меня к двери повозки. Затем взял мои щеки в ладони, не позволяя отвернуться. – Кто же тогда в твоём вкусе?

Он провел носом по моему плечу.

– Я без ума от девушек, которые не умеют петь.

Фыркнув, я толкнула его в грудь.

– Ну и осел же ты.

– А что? – спросил Рид невинно, отшатнувшись назад и чуть не рухнув в снег. – Это правда. Когда на высокой ноте у тебя надрывается голос, у меня прямо...

– БИЛЛИ ТРЕХНОГИЙ КАРТАВИЛ СЛЕГКА! – завопила я, подбоченившись, и стала наступать на него, тщетно сдерживая смех. – НО ХРЕН ЕГО БЫЛ ПРЯМ КАК ТРЕТЬЯ НОГА! – Когда Рид опешил и оглянулся на остальных, я громко сказала: – Как тебе такое, шасс, нравится? Возбуждает?

Веселье позади стихло. Все уставились на нас.

Рид покраснел и успокаивающе вскинул руку.

- Ладно, Лу, я тебя понял..

- ПРИМЕТИЛА ЛИДДИ - ХОРОШ МУЖИЧОК..

- Лу.

Когда мадам Лабелль хихикнула, Рид подскочил ко мне и попытался зажать мне рот, но я, танцуя, отпрыгнула, схватила Бо под локоть и закружилась с ним в танце.

- И ВСКОРЕ РОДИЛСЯ У НИХ ГРУДНИЧОК!

Оглянувшись, я крикнула:

- Слышал, Рид? Грудничок! Потому что..

Деверо захолопал в ладоши и рассмеялся.

- Чудесно, чудесно! Я, знаете ли, был знаком с Лидди и, могу вам сказать, человека приятней не встречал никогда. Веселая, задорная, полная жизни дама! Она была бы рада узнать, что ныне любима целым королевством.

- Стойте. - Я развернулась к Деверо, таща за собой и Бо. - Грудастая Лидди реально существовала?

- И вы ее знали? - недоверчиво спросил Бо.

- Конечно. Как и юного Уильяма. Весьма печально, что после рождения прелестной дочери они расстались, но такова уж природа отношений, которые зиждутся исключительно на страсти.

Мы с Ридом переглянулись.

И тут же отвели взгляды.

Вот тогда-то я и заметила, как Коко с Анселем тайком ускользают куда-то вместе.

К несчастью, Бо тоже это заметил. Гневно фыркнув, он покачал головой и направился к костру, по пути подхватив с земли бутылку вина. Рид с непроницаемым лицом посмотрел ему вслед. Я же пыталась различить силуэты Коко и Ансея в другом конце поля - они остановились у ручья на краю леса. И стояли друг к другу... очень близко. Подозрительно близко. Тревожно близко.

Ко мне подошел Деверо.

- Ты волнуешься о чувствах своего друга.

- Я? - Я посмотрела на него. - О чем вы?

- О твоём друге. - Он с мудрым видом кивнул на Ансея. - La jeunesse éternelle. Он навечно останется молод. Некоторые люди не ценят в мужчинах подобную невинность.

- Ну и дураки эти люди, значит, - отрезала я, глядя, как Ансель...

Господи.

Я вытаращила глаза.

Господи, господи, господи.

Они целовались. Целовались. Коко.. прижалась к нему, а Ансель... В самом деле целовал её. Он решился сыграть в игру, он сделал ход. Я подступила поближе, чувствуя, как меня в равной мере захлестывают гордость и страх.

Деверо хмыкнул и вскинул бровь.

- Очевидно, есть на свете и те, кто ценит.

Рид потянул меня к себе.

- Это не наше дело.

Я неверяще посмотрела на него.

- Ты же шутишь, да?

- Нет...

Но я не стала слушать нравоучения Рида. Я стряхнула его руку и обошла повозку. Возможно, все дело было в вине, которого я выпила немало. Или же в том, как держалась Коко.. так неловко, зажато, будто.. будто она...

Будто она целовалась с младшим братом. Вот черт.

Она отстранилась на секунду, две, три, а затем попыталась снова.

Я прокралась вокруг сцены, скрываясь в тени, и успела расслышать, как Коко тихо просит Ансея остановиться. Качая головой, она обхватила себя за пояс, будто пыталась стать меньше, совсем исчезнуть.

- Прошу тебя, Ансель... - Ей явно тяжело было на него смотреть. - Ты только не плачь. Я не.. не хотела...

Черт, черт, черт.

Я прижалась к сцене, пытаюсь разобрать её шепот. И подскочила на месте, когда моей спины коснулась чья-то рука. Рид сидел на корточках рядом со мной, всем своим видом выражая неодобрение.

- Я серьезно, Лу, - повторил он тихо. - Это их дело, а не наше.

- Говори за себя. - Снова выглянув из-за сцены, я увидела, как Ансель утирает слезу. У меня сжалось сердце. - Это все-таки мои лучшие друзья. И если между ними пробежит кошка, расхлебывать все придется мне. Так что дело это очень даже мое.

- Лу...

Коко резко оглянулась на нас, и я отпрянула, врезавшись в Рида. Он ухитрился удержаться на ногах и не опрокинуть всю сцену разом. Схватив меня за плечи, он прижал нас обоих к земле. Я шепнула ему в щеку:

- Тихо.

От его дыхания у меня по коже побежали мурашки.

- Так нельзя.

- Ну так ступай тогда к повозкам, тебя здесь никто не держит.

Рид не ушел, и вместе мы придвинулись ближе, ловя каждое слово Коко.

- Я не хотела, чтобы так вышло, Ансель. - Она спрятала лицо в ладонях. - Прости меня, пожалуйста, но это была ошибка. Не стоило мне... Я не хотела.

- Ошибка? - Голос Анселя надорвался, и он шагнул к Коко, сжав ее руку. По его щекам снова потекли слезы. - Это ведь ты меня поцеловала, ты сама. Как же ты можешь говорить, что это была ошибка? Если так, почему ты поцеловала меня снова?

- Потому что должна была точно знать! - выпалила Коко и тут же сморщилась от собственных слов, отпустила его руку и стала бродить туда-сюда. - Послушай, - яростно прошептала она. - Я слегка пьяна...

Ансель помрачнел.

- Не настолько.

- Нет, настолько! - Коко взволнованно отбросила с лица волосы. - Я пьяна и веду себя как дура. Не хочу, чтобы ты меня превратно понял. - Она схватила его за руки. - Ты хороший человек, Ансель. Ты лучше меня. Лучше всех. Ты... идеален. Любой девушке очень повезет быть с тобой. Просто я... я...

- Просто ты меня не любишь.

- Нет! То есть да.

Когда Ансель отстранился и отвернулся от нее, Коко ощутимо сникла. И заговорила так тихо, что мы с Ридом придвинулись еще ближе, пытаясь все расслышать.

- Я знаю, тебе кажется, что ты в меня влюблен, Ансель. И я... Я тоже хотела в тебя влюбиться. Я поцеловала тебя, чтобы понять, способна ли на это. И поцеловала снова, чтобы убедиться в ответе.

- Увериться, - повторил он. - Выходит... каждый раз, когда ты меня касалась... заставляла краснеть, наводила на мысли, будто и ты... тоже хочешь быть со мной... ты и сама не знала, хочешь ли этого. Давала мне надежду, а сама не была уверена.

- Ансель, я...

- Так что? - Ансель застыл спиной к нам. Его лица я теперь не видела, но голос его был жестче, чем когда-либо прежде. Злее. Я почти слышала в нем боль. Будто живое существо, она мучила их обоих. - Ты любишь меня или нет?

Коко не отвечала долго. Мы с Ридом ждали, затаив дыхание, не смея говорить. Не смея даже двигаться. Наконец она мягко коснулась его спины.

- Я люблю тебя, Ансель, правда. Просто... не так, как любишь меня ты. - Когда Ансель резко вздрогнул, она опустила руку и отступила назад. - Пожалуйста, прости меня.

Не сказав больше ни слова, Коко развернулась и убежала.

Плечи Анселя поникли, и я хотела подойти к нему - схватить и обнимать, пока не высохнут его слезы, - но Рид крепко стиснул меня за пояс.

- Не надо, - тихо сказал он. - Дай ему время, чтобы все осознать.

Я застыла, слушая, как Деверо объявляет, что пора спать. Ансель вытер слезы и поспешил к нему, чтобы помочь с уборкой.

- Ансель как всегда, - прошептала я, чувствуя тошноту. - Ну почему он такой... такой...

Наконец Рид отпустил меня.

- Он не заслужил того, как она с ним поступила.

Во мне бушевали смешанные чувства.

- Коко ничего дурного не сделала. Флирт - вовсе не смертный грех.

- Она его поощряла.

- Она... - Я не знала, как объяснить лучше. - Она ведь не может повлиять на собственные чувства. Она ему ничего не должна.

- Это был не просто безобидный флирт, Лу. Коко знала о влюбленности Анселя. И использовала его, чтобы вызвать ревность у Бо.

Я покачала головой.

- Мне кажется, она не нарочно. Пойми... Коко всегда была красива. Она росла в окружении ухажеров, даже когда еще была ребенком, и потому повзрослела быстро. Она уверена в себе, самолюбива, хитра - и при всем при том я ее

очень люблю, – но не жестока. Она точно не хотела причинить Анселю боль. Она просто... не понимала всей глубины его чувств.

Рид хмыкнул и поднялся на ноги, а затем протянул мне руку.

– Да. Не понимала.

Пока остальные готовились к ночлегу, тушили огонь и собирали пустые бутылки, я тайком отправилась к ручью найти Коко. Удалось мне это быстро – она сидела неподалеку под остролистом, закрыв лицо руками. Я молча села рядом с ней. Вода тихо журчала рядом с нами, отсчитывая секунды. Все было бы даже мирно и безмятежно, если бы только не снег, который уже промочил мне штаны.

– Дерьмо я полное, а не человек, – пробормотала Коко наконец, не поднимая головы.

– Ерунда. – Я взялась за ее волосы и умелым движением разделила их надвое, а затем каждую часть – еще на три пряди. – Пахнешь ты гораздо лучше.

– Ты нас слышала?

– Да.

Коко застонала и вскинула голову. В глазах ее блестели слезы.

– Я все испортила, да?

Я продолжала ловко заплетать ей волосы, добавляя по пряди с обеих сторон.

– С Анселем все будет хорошо, Коко. От разбитого сердца он не умрет. Для большинства людей это вообще своего рода обряд посвящения. – Я доплела первую косу, но завязывать ее ничем не стала. – Алек разбил сердце мне, и я это пережила. Бабетта – тебе. Не случись этого, мы не смогли бы найти новых любимых людей. Я никогда не нашла бы Рида.

Коко смотрела на воду.

– Ты говоришь так, будто в том, что я разбила ему сердце, нет ничего страшного.

– Я говорю, что если не ты, это сделал бы кто-то другой. Очень редко первая любовь становится единственной.

Она снова застонала и запрокинула голову.

– Господи. Я была его первой любовью.

– Трагично, правда? Что ж, полагаю, о вкусах не спорят.

Завершив другую косу, я отломил веточку остролиста, собрала с нее ягоды и украсила ими волосы Коко. Все это время она молчала. Наконец я переползла в сторону и уселась перед ней.

- Просто дай ему время, Коко. В конце концов он смирится.

- Нет.

Она покачала головой, и ее косы распустились. Ягоды осыпались на снег.

- Он теперь меня возненавидит. Может быть, флирт Ансель бы мне еще простил, но целовать его ни за что не стоило.

Я промолчала. Не было смысла говорить Коко о том, что она и сама прекрасно знала.

- А я ведь хотела его полюбить, понимаешь? - Она обняла себя за плечи и ссутулилась, пытаясь согреться. - Поэтому и поступила так. Поэтому никогда не осаждала его, когда он смотрел на меня восторженными щенячьими глазами. Поэтому дважды его поцеловала. Может, стоило попытаться и в третий раз.

- Коко.

- Мне очень стыдно. - В глазах Коко снова заблестели слезы, но она решительно уставилась вверх, в небо. Ни единой слезинки не скатилось по ее щекам. - Я ни в коем случае не хотела ранить его. Может... может быть, мне сейчас так плохо, потому что я ошиблась? - Она резко схватила меня за руку. - Я в жизни никогда так не страдала из-за сердечных увлечений, даже когда меня бросила Бабетта. Может быть, это значит, что Ансель все-таки мне дорог? Может... Лу, может быть, я просто неверно поняла свои чувства!

- Нет, мне так не кажется...

- Он определенно красив, - перебила меня Коко с таким отчаянием, что я поняла - она уже на грани истерики. - Мне нужен такой человек, Лу. Добрый, заботливый, хороший. Почему я никогда не влюбляюсь в хороших людей? Почему? - Лицо Коко сморщилось, руки ее ослабли. Она устало понурила голову. - Вот для того нам и нужны матери - чтобы помогать разгребать всю эту дрянь.

Я хмыкнула, откинулась назад, оперлась на руки и закрыла глаза, наслаждаясь тем, как снег охлаждал мне пальцы и луна озаряла светом лицо.

- Это точно.

Мы замолчали, погружившись в бурную пучину собственных мыслей. Я никогда прежде никому не признавалась в этом, но мне очень не хватало матери. Не коварной Морганы ле Блан. Не могущественной Госпожи Ведьм. Просто... матери. Матери, которая играла со мной. Слушала меня. Утирала мне слезы, когда мне казалось, что я умру от разбитого сердца.

Открыв глаза, я обнаружила, что Коко снова смотрит на воду.

- Тетя Жозефина говорит, я на нее похожа, - насилу выговорила она. - Потому-то она и не может на меня смотреть. - Коко опустила подбородок на колени, прижав их к груди. - Она меня ненавидит.

Я не знала, имеет ли Коко в виду, что похожа на Ля-Буазен или на собственную мать. Но уточнять не стала. Каков бы ни был ответ, в ее глазах все равно будет боль.

Чувствуя, что молчание утешит Коко лучше любых слов, я ничего не говорила. До меня вдруг дошло: Коко долго ждала подходящей минуты, чтобы мне об этом сказать. Но как я могла ее утешить? Белые дамы нередко отказывались от своих детей – дочерей, чье колдовство оказалось чужеродным, и сыновей, которым оно вовсе не было подвластно. Это ужасно, и никакие слова здесь помочь не могут.

Когда Коко наконец заговорила снова, ее губ коснулась грустная улыбка.

– Я почти ее не помню, но порой, если очень постараюсь, вижу голубые проблески и свет в воде. Чувствую запах лилий. Мне нравится думать, что это были ее духи. – Улыбка Коко угасла, и она тяжело сглотнула, будто приятный вкус воспоминания вдруг сменился горечью. – Все это, конечно, ерунда. Я жила с тетей Жозефиной с шести лет.

– Она когда-нибудь тебя навещала? Твоя мать?

– Никогда.

И снова я ждала продолжения, зная, что это еще не все.

– На свой десятый день рождения я спросила тетю Жозефину, не придет ли мама к нам, чтобы отпраздновать. – Она крепче обняла колени – быть может, пытаюсь укрыться от ветра, или же от воспоминаний. – Я до сих пор помню, какое у тети Жозефины тогда было лицо. Никогда не видела такого отращения. Она... сказала, что моя мать мертва.

Это откровение с неожиданной силой ударило меня под дых. Я нахмурилась, быстро заморгала, чувствуя, как жжет глаза, и отвернулась, чтобы взять себя в руки.

– А это правда?

– Не знаю. Спрашивать об этом с тех пор духу мне не хватало.

– Черт подери, Коко. – Желая поскорее как-нибудь отвлечь ее – и отвлечься самой, – я потрясла головой, придумывая, как бы сменить тему. Что угодно будет лучше этого мучительного разговора. А я-то думала, Моргана жестока. Все познается в сравнении. – А что за книга была в палатке твоей тетки?

Коко обернулась ко мне и нахмурилась.

– Ее гримуар.

– Ты не знаешь, что в нем?

– В основном заклинания. Записи ее экспериментов. И наше семейное древо.

Я сдержала приступ дрожи.

- Что за заклинания? Эта книга была как будто бы.. живая.

Коко фыркнула.

- Это потому что она чертовски жуткая. Я всего раз тайком ее пролистала, но некоторые чары там - сущее зло. Проклятия, одержимость, болезни и тому подобное. Только глупец решится перейти дорогу моей тетке.

На этот раз дрожь сдержать я не смогла, как ни пыталась. К счастью, именно в это мгновение к нам подошел Клод.

- Mes chéries, простите покорно, что перебиваю, но час уже поздний. Не желаете ли вернуться в янтарную повозку? Вы, несомненно, устали с дороги, а здесь задерживаться ночью неблагоприятно.

Я поднялась на ноги.

- Где Рид?

Клод деликатно кашлянул.

- Увы, мсье Диггори сейчас немного занят. - Когда я вскинула брови, он вздохнул. - После несвоевременной шутки его высочества юный господин Ансель не сдержал слез. Рид взял на себя труд его утешить.

Коко вскочила на ноги, возмущенно шипя как рассерженная кошка. Наконец обретя дар речи, она прорычала:

- Я его убью.

И бросилась обратно в лагерь, обильно матерясь. Бо, заметивший ее на полпути, резко свернул в сторону и кинулся прятаться в повозку.

- Убивай помедленней! - крикнула я ей вслед и тоже одобрила пожелание парочкой ругательств.

Бедный Ансель. Он, конечно, со стыда сторит, если увидит, как Коко бежит за него вступаться, но пора уже кому-нибудь всыпать Бо по первое число.

Клод усмехнулся. Позади нас послышался крик. Я с изумлением обернулась - возможно, даже с некоторым предвкушением, ожидая увидеть, как Бо мочится в штаны, - и застыла.

Это был вовсе не Бо.

С полдюжины мужчин выбежали на поляну с клинками наголо.

Нежданная встреча

Лу

- Ложись, - приказал Клод на удивление резко и жестко. Он толкнул меня наземь и заслонил собой. Но я все равно выглянула из-за его локтя, лихорадочно высматривая синие шассерские мундиры. Их не было. От этих мужчин, одетых в лохмотья и поношенные куртки, несло разбоем. В буквальном смысле несло - мы лежали в тридцати шагах от них, и я все равно чувствовала вонь.

Клод предупреждал нас, что на дороге опасно, но я не слишком всерьез восприняла его слова. Мысль о нападении обычных людей была смешна в сравнении с угрозой от ведьм и охотников. Но не из-за этого я вытаращила глаза и попыталась вскочить и броситься к разбойникам, вместо того чтобы бежать от них прочь.

Нет, дело было кое в чем другом. Кое в ком, точнее говоря.

Позади них, с черным клинком в руках и таким же черным от грязи лицом, стоял Бас.

- Черт. - Я в ужасе ткнула Клода в бок, увидев, что Бас и Рид заметили друг друга.

Клод даже не шевельнулся.

- Дайте мне встать! Отпустите сейчас же!

- Не привлекай к себе внимания, Луиза. - Лишь одной рукой он с невероятной силой удерживал меня на месте. - Сиди тихо и смирно, а не то мне придется бросить тебя в ручей - и смею заверить, это будет пренеприятно.

- Что вы несете? Это же Бас. Он мой давний друг, и меня он не тронет, а вот с Ридом они, похоже, не прочь друг друга на куски порвать...

- Пусть рвут, - ответил он просто.

Я беспомощно смотрела, как Рид выхватывает из ножен балисарду. Это был последний клинок, который остался у него при себе после выступления. Лицо Баса исказила усмешка.

- Ты, - выплюнул он.

Его спутники продолжали стогнать остальных к центру лагеря. Они значительно превосходили нас числом. Ансель схватился за нож, но его обезоружили за пару секунд. Еще четверо вышли из повозки, таща за собой Коко и Бо. Уже связанные по рукам и ногам, те тщетно пытались освободиться. Мадам Лабелль, однако, со своим похитителем не боролась.

Она молча повиновалась, как будто бы мельком поглядывая в глаза Тулузу и Тьерри.

Низкорослый и очень бледный мужчина подошел к Риду и Басу, ковыряясь кинжалом в зубах.

- И кто же это у нас тут, а, Бас?

- Убийца Архиепископа. - Голос Баса изменился до неузнаваемости - он был груб, тверд, как сталь в его руках.

За те месяцы, что мы не виделись, волосы у Баса отросли и спутались, а его левую щеку пересекал отвратительный шрам. В целом вид у него был.. дерганый. Голодный. На расслабленного избалованного парня, которым я знала Баса прежде, он теперь совсем не походил.

- Это он. И за его голову назначена награда в пятьдесят тысяч крон.

Глаза Бледного загорелись - он узнал Рида.

- Рид Диггори. Вот так ничего себе! - Он расхохотался - резко, неприятно - и радостно хлопнул ладонью по стене повозки. - Госпожа Фортуна нас не подвела! Мы-то думали просто раздобыть пару монет, может, поразвлечься чуток с какой-нибудь актриской, а тут гляди, сам Рид Диггори перед нами на блюдечке!

Другой бандит, высокий и плешивый, шагнул вперед, волоча за собой Коко и держа нож у ее горла.

- А разве с ним не было еще кого-то? Помнится, девки с уродливым шрамом на горле. На объявлениях писали, она ведьма.

Черт, черт, черт.

- Сиди тихо, - выдохнул Клод. - Не шевелись.

Но это же бред какой-то. Мы ведь были на самом виду. Этим болванам стоило только посмотреть на ручей, и они бы нас заметили.

- Верно говоришь. - Бледный нетерпеливо оглядел остальную труппу. - За нее сто тысяч дают.

Рид сжал балисарду крепче, а Бледный ухмыльнулся, обнажив бурые зубы.

- Я бы, сынок, на твоём месте отдал этот ножик по-хорошему. Слишком много о себе не думай, тебе нас не одолеть, так что не дергайся. - Он указал на Коко, и Плешивый вцепился в нее еще сильнее. - Если только не хочешь увидеть эту кралю без головы.

К моему изумлению, Бо расхохотался.

- Голову отрезай, но вот на все остальное я бы посмотрел.

- Что ты сказал? - рявкнула Коко. - Какого... Бас. Это же я. Коко.

Усмешка Баса дрогнула. Он приподнял Коко за подбородок и всмотрелся в ее лицо.

- Откуда ты знаешь, как меня зовут, belle fille[13]?

- Убери от нее руки, - приказал Бо в доблестной попытке проявить рыцарство. - Приказом наследного принца.

У Бледного снова загорелись глаза.

- А ты что же, принц наследный? - Он радостно крикнул. - Уж звиняйте, ваше высочество, не признал. Далековато вы от дома забрели.

Бо смерил его суровым взглядом.

- Уверяю, мой отец об этом узнает. И накажет вас.

- Да неужто? - Бледный, ухмыляясь, обошел его. - А вот мне что-то кажется, что накажет он тебя. Тебя уже несколько недель где-то носит. Весь город с ума сходит. Твой папаша пытается все замолчать, но слухи-то гуляют. Говорят, его драгоценный отпрыск якшается с ведьмами. Надо же, а? Нет, думается мне, если я верну тебя ему, меня не то что не накажут, а даже наградят, поди. - Он добавил, обращаясь к Риду: - Давай сюда нож. Живо.

Рид не шевельнулся.

Тонкая струйка крови потекла по горлу Коко.

- Бас! - рявкнула она.

- Откуда ты знаешь, как меня зовут? - повторил он.

- Оттуда, что я знаю тебя!

Коко стала извиваться сильнее, и лезвие кинжала Плешивого вошло глубже ей в шею. Бас нахмурился еще больше, и я тоже. Что он делает? Зачем притворяется, что не знает ее?

- Мы ведь друзья. Отпусти меня!

- Чуετε, а? - Отвлекшись, Бледный шагнул к Коко, глядя на ее кровь странным голодным взглядом. - Будто горит что-то. - Он кивнул своей же догадке и довольно ухмыльнулся. - Я, знаете ли, слышал, что на свете еще и ведьмы крови есть. Они не руками колдуют, как остальные. Клянусь, я одну сам однажды видел. Или чуял, скорей. Чуть ноздри себе не сжег.

- Я в жизни о таком не слышал и эту женщину тоже никогда не видел, - уверенно проговорил Бас.

Коко изумленно посмотрела на него.

- Вот же ты сволочь, да мы, считай, целый год прожили вместе...

Плешивый ударил ее по голове. Рид момента не упустил и ринулся вперед – и в тот же миг Коко извернулась, пытаясь оросить запястье Плешивого своей кровью. Его кожа зашипела, он завизжал, и все трое сцепились в клубок. Еще несколько человек кинулись в потасовку, вырвали у Рида балисарду и пригвоздили их обоих к земле. Кровь Коко шипела, касаясь снега. Вокруг ее лица клубился дым.

Мадам Лабелль тревожно наблюдала за этим, но с места все так же не двигалась.

– Ну что ж, – весело проговорил Бледный, все еще усмехаясь. – Значит, все ясно. Шассерам эту девчонку можно продать за неплохие деньжата. Мы как раз их встретили на дороге неподалеку. Скользкие ублюдки. Уже которую неделю шляются по лесам, никакого житья не дадут. Впрочем, ее кровь я могу и себе оставить. Страшно представить, сколько за нее можно выручить, если знать, кому толкнуть. – Бледный задумчиво почесал подбородок, а потом указал на Рида. – А с этим что делать? Откуда ты знаешь Рида Дигтори, сынок?

Бас сжал нож крепче.

– Он арестовал меня в Цезарине. – Дрожа от гнева, он опустился на колени рядом с Ридом и ткнул ему в лицо ножом. – Это из-за тебя дед лишил меня наследства. Это из-за тебя он бросил меня умирать на улице.

Рид бесстрастно смотрел на него.

– Не я убил тех стражников.

– Это вышло случайно. Я это сделал, только потому что... – Бас резко осекся. Быстро моргая, он потряс головой. – Потому что... – Он растерянно посмотрел на Коко. Она нахмурилась в ответ. – Я... почему?

– Хватит мямлить, парень, говори как есть!

– Я не... помню... – договорил Бас, хмурясь. И снова потряс головой. – Не помню.

Плешивый с опаской посмотрел на Коко.

– Колдовство это все. Жуткая дрянь.

Бледный с отвращением фыркнул.

– Чихать мне на ваше колдовство. Мне кроны нужны. И так, Бас, говори – та, другая, тоже здесь? Которую все ищут? – Он алчно потер руки. – Ты только подумай, как мы разживемся на сто тысяч-то крон.

– В повозке есть ходули, если ты подумываешь раздобыть себе протезы. – Коко оскалилась и кивнула на его короткие ноги.

Бандиты безуспешно попытались ткнуть ее лицом в землю.

- Уверена, если подобрать подходящие штаны, никто ничего не заметит.

- Рот захлопни! - прорычал Бледный, багровея. - А не то я тебе его захлопну сам.

Усмешка Коко исчезла.

- О, жду не дождусь.

Но, похоже, хоть Бледный и заявлял, что до ведьм ему дела нет, по меньшей мере он их благоразумно уважал. Или боялся. Он только рыкнул и снова обернулся к Басу.

- Ну так что? Она здесь или нет?

Я затаила дыхание.

- Я не... - Взгляд Баса скользнул по актерам труппы. - Не знаю.

- Как это не знаешь? Она ж должна вместе с ним путешествовать, нет? - Он указал ножом на Рида.

Бас слабо пожал плечами.

- Я ведь ее раньше не видел никогда.

Меня захлестнуло облегчение, и я закрыла глаза, переводя дух. Несмотря на неприятные внешние перемены, возможно, в глубине души Бас остался прежним. Моим старым другом. Наперсником. Я ведь, в конце концов, спасла его шкуру в Башне. Было бы некрасиво с его стороны в качестве благодарности стоять и любоваться, как его приятели отрубают мне голову. А его слова про Коко... все это просто притворство. Он пытался нам помочь, спасти нас.

Бледный досадливо зарычал.

- Обыскать тут все.

В тот же миг я распахнула глаза - и увидела, что Рид покосился в мою сторону. Бледный проследил за его взглядом, и я подавила стон.

- Она за тем деревом прячется, да? - нетерпеливо спросил он и ткнул прямо в нашу сторону ножом. - Туда, ребята! Она там! Найти ее!

- Тихо.

От шепота Клода у меня по спине побежали мурашки. В воздухе вокруг нас вдруг запахло весенним дождем и грозowymi тучами, сосновым соком и лишайником.

- Не шевелись.

Я повиновалась, почти не смея даже дышать. Бас с другим бандитом направились к нам. Остальные, окружив участников труппы, наблюдали, как

Плешивый связывает Коко руки и ноги. Она разглядывала его нож, будто размышляла, не стоит ли на него напороться. Еще немного ее крови – и эти кретины пожалеют, что родились на свет.

– Ничего не вижу, – пробормотал спутник Баса, обходя нас и хмурясь.

Бас всмотрелся в ветви остролиста – его взгляд скользнул мимо, будто нас и вовсе не было перед ним.

– Я тоже.

Клод крепче стиснул мне плечо, безмолвно предостерегая не двигаться.

– Нашли кого? – крикнул Бледный.

– Нет!

– Ну так давай, Узляк, ступай дальше по ручью и проверь! Мы ее найдем.

Спутник Баса крикнул и поплелся прочь. Не оглядываясь на нас, Бас направился обратно к Бледному.

– Что это было? – прошептала я, чувствуя, как растерянность перерастает в панику.

Бред какой-то. Даже Бас так сыграть не смог бы. Он смотрел на меня – сквозь меня – даже не подавая виду, что меня заметил. Не подмигнул, не коснулся меня, даже в глаза не посмотрел, черт подери. И почему мадам Лабелль до сих пор не разгромила этих олухов в пух и прах?

– Что произошло?

Хватка Клода слегка ослабла, но выпускать меня он не спешил.

– Обман зрения.

– Что? Они... думают, что мы – тоже дерево?

– Да.

– Но как?

Клод смерил меня непривычно серьезным взглядом.

– Мне следует объяснить тебе это сию же минуту, или мы все же подождем, пока минует угроза?

Я хмуро посмотрела на него и оглянулась на остальных. Бас помогал Плешивому с веревками. Когда тот уже хотел взяться за Рида, Бас с недоброй улыбочкой его остановил.

– Этим я займусь сам.

Рид улыбнулся ему в ответ. А в следующий миг мотнул головой назад, сломав своему первому обидчику нос, и перекатился на спину, пнув второго в колени. Я чуть ему не зааплодировала. Со сверхъестественной скоростью Рид выхватил балисарду у воющего от боли бандита и вскочил на ноги. Бас тоже не медлил ни секунды – будто ждал этой атаки – и использовал скорость Рида против него самого.

Я закричала, стремясь предостеречь Рида, и он попытался увернуться, но было поздно.

Бас вонзил нож ему в живот.

– Нет, – выдохнула я.

Ошеломленный, Рид покачнулся, заливая кровью снег. Бас торжествующе ухмыльнулся и провернул нож, вгоняя его глубже, выше, сквозь кожу, мышцы, сухожилия, пока среди алого не блеснуло белое. Кость. Бас пырнул его до кости.

Я не размышляла больше ни секунды.

– Луиза! – прошипел Клод, но я не слушала. Я сбросила его руку, вскочила и бросилась к упавшему на колени Риду. – Луиза, не надо!

Бандиты вытаращились на меня – вероятно, превращение дерева в человека их огорошило, – но кровь так ревела у меня в ушах, что мыслить здраво я уже не могла.

Если Рид не... Если Коко не сможет исцелить...

Я убью Баса. Я его прикончу.

Бросив кинжал к ногам Коко и понадеявшись, что она до него дотянется, я упала на колени рядом с Ридом. Вокруг нас воцарился хаос. Наконец – наконец-то – мадам Лабелль вырвалась из пут. По мановению ее руки разбойники разлетелись в разные стороны. Краем глаза я заметила, что Тулуз и Тьерри присоединились к ней, но не могла сосредоточиться, не слышала ничего, кроме испуганных криков бандитов, не видела ничего, кроме Рида.

Рида.

Даже раненый, он все равно попытался заслонить меня собой. Но Рид был слишком слаб. Потерял слишком много крови. Решительно слишком много его внутренних органов оказалось на виду.

– Не дури, – прошипела я, пытаюсь хоть как-то зажать ему рану. Из рта Рида потекла кровь, и к моему горлу подкатил ком. – Не шевелись. Просто... просто...

Но я не могла выдавить ни слова. Только беспомощно посмотрела на Коко, пытаюсь призвать узор. Любой узор. Но эта рана была смертельна. Исцелить ее позволила бы лишь смерть другого человека, и я не могла... не могла

отдать за Рида Коко. Я бы все равно что вырвала себе сердце из груди, если бы так поступила. А Анселя...

Ансель. Смогла бы я?..

«Лу меняется, когда использует колдовство. Поддается чувствам, забывает о здравом смысле... Она ведет себя как шальная».

Нет. Я яростно затрясла головой, пытаюсь отмахнуться от этой мысли, но она засела внутри, как нарост, как опухоль, отравляя мой разум. Кровь Рида уже насквозь пропитала мне одежду. Он сунул мне в ладонь балисарду и обмяк в моих объятиях. Его глаза закрылись.

Нет, нет, нет..

- Смотрите-ка, - послышался за моей спиной рык Бледного. Слишком близко.

Он вцепился пальцами мне в волосы и дернул назад, а другой бандит сорвал ленту с моего горла. И провел пальцем вдоль шрама.

- Ведьмочка наконец-таки бросила прятаться. Может, волосы ты и покрасила, но от шрама своего тебе никуда не деться. Ты пойдешь со мной.

- Это вряд ли! - Коко налетела на него, как летучая мышь, и моим ножом распоролла ему запястье.

- Тупая тварь! - Бледный взвыл, выпустил мои волосы и ринулся на Коко. Он схватил ее за рубашку и дернул к себе. - Я тебя осушу, как твоих сородичей, и продам твою кровь на Маскараде Черепов тому, кто больше всех заплатит...

Глаза Коко расширились, а лицо исказилось гневом. Резко вскинув свой собственный нож, она вонзила его Бледному глубоко в глаз. Он тут же рухнул, с криком схватившись за лицо. Меж его пальцев заструилась кровь. Напоследок Коко пнула его, а затем бросилась к Риду.

- Ты можешь его исцелить? - в отчаянии взмолилась я.

- Я могу попытаться.

Кровь и мед

Рид

Когда мой разум возвратился в тело, оно отозвалось мучительной болью. Пытаясь вдохнуть, я вцепился в первое, что попало под руку – темные ладони, испещренные шрамами. Где-то вдали слышались крики и звон мечей.

– Нужно идти, – бросила Коко и потянула меня за локти, пытаясь поднять на ноги. Из ее предплечья сочилась кровь, а горький запах колдовства обжигал мне нос. Я посмотрел вниз и увидел, как плоть у меня на животе уже срывается. – Скорее. Без меда моя кровь надолго рану не закроет. Ты должен мне помочь. Нужно добраться до повозок прежде, чем явятся шассеры.

Растерянный, я поднял взгляд и впервые оглядел поле. Вокруг бушевал хаос. Кто-то нашел мои ножи, и всюду, куда ни глянь, актеры сражались с разбойниками.

Среди деревьев Деверо преследовал одного из них, вооруженный украшенной самоцветами рапирой. Тулуз и Зенна спина к спине боролись сразу с тремя. От мановений рук Тулуза воздух шел волнами, и бандиты мгновенно падали наземь. Ансель схватил под колени бандита, который прыгнул на Серафину. Тот быстро его разоружил, и Тьерри кинулся на помощь, но в этом не было нужды – Ансель чуть не откусил противнику ухо, а Серафина ногой дала ему по зубам. Мадам Лабелль и Бо вместе сражались против остальных – она сшибала их с ног, а он перерезал им глотки.

Я попытался сесть и замер, когда мой локоть коснулся чего-то мягкого. Мягкого и теплого.

Предводитель разбойников лежал рядом со мной, и на месте его глаза зияла кровавая рана.

Я оттолкнул его прочь и стал оглядываться в поисках Лу. Она была совсем близко, в нескольких шагах от меня.

Они с Басом, как волки, обходили друг друга по кругу. Из носа Баса текла кровь, но сразу стало ясно, что Лу скорее обороняется, чем нападает.

– Я не хочу тебя ранить, Бас, – прошипела она, увернувшись от очередной его атаки – в руках Баса была моя балисарда. – Но ты должен перестать валять дурака. Это же я. Я Лу...

– Я вас в жизни прежде не встречал, мадам. – Он снова прыгнул вперед и полоснул ей лезвием плечо.

Лу схватилась за рану и неверяще посмотрела на него.

– Ты издеваешься? Я твою жалкую шкуру в Башне спасла, и вот как ты решил мне отплатить?

– Я сам сбежал из Башни...

С яростным криком Лу кинулась на Баса, лавируя и извиваясь, и в конце концов вцепилась ему в спину. Ногами она обхватила его пояс, руками – шею.

- Это не смешно. Твоих приятелей мы уже почти победили. Все кончено. Незачем и дальше притворяться...

- Я. Не. Притворяюсь.

Она сжала его еще крепче, да так, что у него глаза полезли из орбит. Бас вскинул нож, метя ей в глаз. Быстро отпустив его - слишком быстро - Лу спиной упала на снег. Уже через секунду Бас прыгнул на нее и прижал к ее горлу нож.

И снова я попытался встать, но Коко пригвоздила меня к месту.

- Отпусти, - прорычал я.

- Ты слишком слаб. - Она покачала головой, изумленно наблюдая за ними. - Лу сама с ним справится.

- Бас. Бас, прекрати. - Лу вцепилась ему в запястье. Она тяжело и быстро дышала, будто изо всех сил сдерживала панику. - Как ты можешь меня не помнить?

В ответ Бас вдавил лезвие еще глубже. Руки Лу дрожали - так он был силен.

- Ты и впрямь не притворяешься... твою мать. Твою мать!

Бас помедлил, будто ругательства Лу задели струну в его душе. В памяти.

- Откуда ты меня знаешь? - яростно выкрикнул он.

- Я знаю тебя много лет. Ты один из моих лучших друзей! - Лу коснулась его лица, подбородка, руки, которая сжимала клинок уже не так крепко. - Но я... Я что-то сделала с тобой в Башне? - Она нахмурилась, будто пытается вспомнить. - Ты сидел взаперти. Тебя грозились убить, пытались выведать... - В ее бирюзовых глазах сверкнуло озарение. - Выведать имена ведьм из особняка Трамбле. Точно.

- Ты... знаешь про особняк Трамбле?

- Я сама там была.

- Быть того не может. Я бы помнил это.

Наконец Лу оттолкнула его нож. Бас уже не сопротивлялся.

- Бастьен Сен-Пьер, - сказала она. - Мы с тобой встретились за кулисами театра Солей-и-Лун позапрошлым летом. Тогда только-только завершилась репетиция La Barbe Bleue, и ты надеялся улучшить минутку наедине с главной актрисой. Тогда ты ухаживал за ней. Неделю спустя... - Лицо Лу исказилось, будто незримая сила причинила ей боль, и в воздухе разлился свежий запах колдовства, - ...ты начал ухаживать за мной.

- Откуда ты... - Бас резко отпрянул от Лу и схватился за голову, будто та расколола ее надвое. - Прекрати! Хватит, пожалуйста!

- Я похитила у тебя воспоминания. Сейчас я просто их возвращаю.

- Пожалуйста, не надо, перестань...

Бас стоял на коленях, просил и умолял ее, но Лу не отступала. Вскоре его крики привлекли внимание остальных. Мадам Лабелль, которая как раз успела избавиться от последних бандитов, застыла на месте и удивленно посмотрела на нас.

- Луиза, прекрати. Прекрати! - воскликнула она и кинулась к нему, спотыкаясь о юбки. - Ты себя погубишь!

Но Лу не слушала. Они с Басом одновременно закатили глаза и рухнули без чувств.

Я наконец смог оттолкнуть Коко и бросился к Лу. Острый и приторный запах благовоний ударил мне в нос, удушая, и я яростно закашлялся. И тут же ощутил резкий приступ боли в животе.

- Лу. - Я обнял ее за шею, а Бас между тем пришел в сознание. - Ты меня слышишь?

- Луи? - Бас вскочил и с неожиданной тревогой схватил ее за руку. Затем погладил по щеке. - Луи, очнись. Очнись!

К моему горлу подкатила тошнота, когда Лу открыла глаза и посмотрела на меня. Когда она повернулась к Басу.

Когда я осознал правду.

Лу солгала мне. Снова. Она и впрямь спасла своего любовника из Башни. Прямо у меня из-под носа. Это не должно было меня удивить - да и вообще хоть сколько-нибудь взволновать, - но все равно обман причинил мне боль. Ранил сильнее, глубже, чем я ожидал, глубже, чем ранило бы любое оружие, глубже любой плоти - в самую душу.

Я отпустил Лу и рухнул на землю рядом с ней, тяжело дыша.

Все смотрели на нас, и никто не заметил, как предводитель бандитов поднимается на ноги у Коко за спиной. Только Лу увидела это. Она напряглась, и я обернулся и увидел, как он заносит нож, целясь Коко меж лопаток. Готовясь нанести смертельный удар.

- Осторожно! - воскликнул Бас.

Коко резко обернулась, но бандит был уже совсем рядом. Острие его ножа вот-вот должно было пронзить ее грудь...

И тогда Лу метнула в него мою балисарду.

Вращаясь, клинок помчался к цели, но в последнюю секунду разбойник увернулся. Не встретив препятствий, балисарда пролетела мимо и вонзилась глубоко в ствол дерева.

А потом дерево ее поглотило.

Я разинул рот. У меня перехватило дыхание. Я мог лишь беспомощно смотреть, как дерево содрогается, пожирая драгоценную сталь дюйм за дюймом – до тех пор, пока от нее ничего не осталось. Ничего, кроме сапфира на рукояти. А дерево... преобразилось. По его коре, еще недавно черной, растеклись серебристые вены, и все дерево засияло в лунном свете. На ветвях его расцвели плоды, оплетенные шипами. Острыми. Металлическими.

Коршуны, что гнездились в ветвях, с испуганными криками взмыли вверх.

Коко не стала медлить. Жестоко и решительно она ударила разбойника в сердце. Больше он не вставал.

Встал я.

– Рид... – успокаивающе начала Лу, но я ее не слышал. У меня снова зазвенело в ушах. По ногам и рукам растеклась немота. С каждым шагом меня должна была пронзать боль, с каждым биением мое сердце должна была истязать мука, снова и снова повторяя «ее нет, ее больше нет, нет, нет, нет». Но все оказалось иначе.

Я не чувствовал ничего.

Я сам стал ничем без своей балисарды.

Будто паря над собственным телом, я наблюдал, как моя рука тянется к сапфиру. Но Лу меня остановила.

– Не трогай, – выдохнула она. – Дерево может затянуть и тебя.

Но я не уступал. Я тянулся, тянулся к рукояти, пока Лу наконец не сумела силой прижать мою руку к телу.

– Рид, остановись. Ее... ее больше нет. Но не волнуйся. Мы... мы найдем тебе другую. Хорошо? Мы... – Лу осеклась, когда я посмотрел на нее. Ее щеки и нос порозовели. В глазах вспыхнула тревога.

– Отпусти его, Луиза, – строго сказала мадам Лабелль. – Ты за сегодня причинила уже достаточно вреда.

– Что-что, простите? – Лу обернулась к ней, скривившись. – Уж кому-кому, но точно не вам говорить об этом.

Коко встала рядом с Лу.

– Ничего этого не случилось бы, если бы вы не ждали так долго, прежде чем вмешаться. Эти люди не знали, что вы ведьма. Вы могли в два счета все прекратить. Почему вы этого не сделали?

Мадам Лабелль вздернула нос.

– Я перед тобой не отвечаю.

- Тогда ответь мне.

Я сдавленно произнес эти слова, и все в лагере обернулись ко мне. Члены труппы прижались друг к другу и потрясенно наблюдали за нами. Вид у Деверо был ошеломленный. Когда Ансель робко шагнул вперед, Бо дернул его обратно, качая головой. Я не обращал на них внимания и смотрел только на мать. Она побледнела.

- Я...

- Разве не очевидно? - Лу рассмеялась - недобрым, неприятным смехом. - Она хочет, чтобы ты использовал колдовство, Рид. Потому и ждала до последнего - хотела проверить, не проснутся ли в тебе защитные инстинкты. Не правда ли, дорогая матушка?

Я ждал, что моя мать опровергнет это отвратительное обвинение. Когда она промолчала, я отступил на шаг. От нее. И от Лу.

И от своей балисарды.

- Я чуть не умер, - просто сказал я.

Лицо мадам Лабелль исказилось горечью, и она шагнула вперед, протягивая ко мне руку.

- Я бы тебе не позволила...

- Еще немного - и спрашивать тебя никто бы не стал. - Развернувшись, я направился к янтарной повозке. Лу двинулась следом, но я не мог на нее смотреть. Не мог говорить. Не доверял самому себе.

- Рид...

Не сказав ни слова, я захлопнул дверь у нее перед носом.

Коко, однако, дверь не остановила.

Она сразу же вошла следом за мной, быстро достала из сумки банку с янтарной жидкостью и бросила ее мне.

- Ты истекаешь кровью.

Я опустил взгляд и обнаружил, что моя рана снова вскрылась. Свежая кровь уже пропитала мне рубашку, а я и не заметил. Даже теперь я чувствовал лишь бесконечную усталость.

На улице Лу с моей матерью говорили все громче. До сих пор спорили. Я закрыл глаза.

«С Луизой твоя жизнь всегда будет такой, как сейчас - в бегах, в укрытиях, в борьбе».

Нет. Я распахнул глаза и отмахнулся от этой мысли.

Коко подошла ко мне и опустилась на колени. Окунув окровавленный палец в банку меда, она растерла смесь по моей ране. Почти мгновенно плоть снова срослась.

- Почему твоя кровь обожгла того бандита? - спросил я глухо.

- Кровь Алой дамы - яд для ее врагов.

- Ясно. - Я бездумно кивнул, будто это все объясняло.

Закончив работу, Коко встала и посмотрела на меня, будто о чем-то размышляя. Несколько неловких мгновений спустя она сунула мне в ладонь еще один фиал с кровью и медом.

- Все, что только что произошло, несправедливо по отношению к каждому, и особенно к тебе. - Она сомкнула мои пальцы на фиале. Он был еще теплым. - Возьми. Думаю, прежде чем все закончится, он тебе еще пригодится.

Я растерянно посмотрел на свой живот. Рана уже исцелилась.

Коко мрачно улыбнулась мне.

- Это снадобье не для плоти. Оно для сердца.

Костяной кинжал

Лу

Деверо настоял на том, чтобы мы отправились дальше как можно скорее. У окраины Бушена лежала целая груда трупов, а значит, рано или поздно кто-то явно известит об этом местные власти. К тому времени нам нужно было успеть уехать очень, очень далеко. К счастью, Деверо не требовался сон, как нормальным людям, поэтому он тут же взялся за вожжи.

К несчастью, мне он предложил посидеть с ним.

Лошади двинулись в путь, и повозка мерно закачалась.

Один из близнецов управлял той повозкой, что ехала позади. Янтарная - так ее звал Клод. Но меня совершенно не волновало, как она называлась. Меня волновало лишь то, что Рид в эту самую минуту находился в ней, а я нет.

С ним была Коко. Стоило бы порадоваться, что они наконец-то поладили.

Но я не была этому рада.

Закутавшись в одеяло, я хмуро посмотрела на звезды. Клод хмыкнул.

- О чем твои думы, дитя?

- У вас есть семья, мсье Деверо? - Эти слова вырвались сами собой, и я чуть не треснула себя по губам.

Клод понимающе кивнул, будто ждал подобного вопроса, и перевел лошадей на рысь.

- Собственно говоря, есть. Две старшие сестры. Грозные создания, несомненно.

- А... родители? - с невольным любопытством спросила я.

- Если и были, ныне я их не помню.

- Сколько вам лет?

Он фыркнул и посмотрел на меня.

- Крайне невежливый вопрос.

- Крайне туманный ответ.

На это Клод рассмеялся, и я сменила тактику, сощурившись.

- Почему я вам так интересна, Деверо? Вы же знаете, что я замужем, да?

Клод утер слезу.

- Дражайшее дитя, извращения мне не свойственны..

- Тогда в чем дело? Почему вы помогаете нам?

Он задумчиво поджал губы.

- Вероятно, по той причине, что белому свету надобно хоть на толику меньше ненависти и на крупицу больше любви. Такого ответа достаточно?

- Нет. - Я закатила глаза, скрестила руки на груди и надулась. Но секунду спустя не удержалась и снова посмотрела на него. - А вы когда-нибудь любили?

- Ах. - Он покачал головой, снова размышляя. - Любовь. Как же она неуловима. За всю свою жизнь, признаюсь, я находил ее лишь дважды. Первой из моих пассий был юный и своенравный пастух, очень похожий на твоего Рида, а что до второй... что ж, эта рана еще не исцелилась до конца. Было бы глупо вскрывать ее вновь.

«За всю свою жизнь». Странное выражение для человека, которому на вид лишь слегка за сорок.

- Нет, правда, сколько вам лет? - спросила я снова, на этот раз громче.

- Очень много.

Да, все это было крайне странно. Я уставилась на Клода.

- Что вы за создание?

Он хмыкнул и вновь посмотрел на меня.

- Я просто... есть.

- Это не ответ.

- Разумеется, ответ. Почему я должен ограничивать свою суть пределами твоих ожиданий?

Остальной разговор - как, в общем-то, и вся ночь - прошел все в той же невыносимой манере. Черное как смоль небо посветлело до сумрачно-серого цвета, затем - до ослепительно-розового, но к разгадке тайны Клода Деверо я не приблизилась ни на шаг.

- Цезарин уже близко, моя милая. - Он легонько толкнул меня в плечо и указал на восток, где в золотом свете зари клубился трубный дым. Слегка потянув за вожжи, Клод замедлил лошадей. - Приближаться еще более я не смею. Ступай, разбуди своих спутников. Собственное жилье мадам Лабелль сторело, но полагаю, у нее в городе есть знакомые, готовые помочь. Вместе мы найдем убежище, куда вы сможете вернуться, но пока что мы должны проститься. Adieu.

Пока что.

Я в замешательстве смотрела на Клода. Лицо его выражало абсолютное спокойствие. Почему, почему он нам помогает? Я совершенно этого не понимала. Подозрительный голосок внутри твердил, что у него явно есть на то тайные причины, а дальновидный - велел мне заткнуться и сказать Клоду спасибо.

Так я и поступила.

Клод сжал мою ладонь обеими руками, глядя мне прямо в глаза.

- Береги себя, милая, когда мы разлучимся. Береги, пока мы не встретимся вновь.

Я тихо постучалась в дверь повозки.

- Рид?

Ответа не последовало. Я подавила вздох и прижалась лбом к дереву.

– Пора уходить.

И снова ноль ответа.

Отчаяние грозило поглотить меня с головой.

Однажды, когда я еще была ребенком, мать завела себе влиятельного любовника – человека из la noblesse [14]. Когда он ее утомил, Моргана изгнала его из Шато, но так легко уходить он не захотел. Нет, этот человек к отказам не привык и обладал немалой властью и почти неисчислимым богатством. Он отправил своих наемников обыскивать лес, ловить наших сестер и пытаться их, чтобы выяснить местонахождение Шато и моей матери.

Когда Моргана убила этого недоумка, мне не было его жаль.

Но стало, когда она вспорола ему грудь, забила камнями и бросила его труп в Лё-Меланколик. Я со стыдом смотрела, как он уходит под воду. Его жена никогда не узнает, что с ним произошло. И дети тоже.

– Не тревожься, дорогая, – шепнула Моргана, ободряюще сжимая мою руку окровавленными пальцами. – Пусть тайна – лишь ложь в красивом наряде, некоторые тайны следует хранить.

Но меня это несколько не ободрило. Мне было тошно.

Молчание между мной и Ридом ощущалось похоже – будто я прыгнула в море с камнями в груди, не в силах всплыть на поверхность. Не в силах остановить кровь. Вот только теперь виновна в этом была не моя мать.

А я сама.

Я постучала громче.

– Рид. Я знаю, что ты там. Можно войти? Пожалуйста?

Наконец дверь слегка приоткрылась, и на пороге, глядя на меня сверху вниз, возник Рид. Я робко ему улыбнулась. Рид не улыбнулся в ответ.

Но это ничего. Ничего страшного. Правда. Если я продолжу себе это твердить, может, так и будет. Спустя несколько неловких мгновений Коко распахнула дверь и вышла. Следом за ней – Ансель.

– Мы скоро вернемся, – пообещала она, на ходу коснувшись моей руки. – Нам нужно просто... отойти ненадолго.

Рид закрыл за мной дверь.

– Мне тоже надо собраться, – сказала я слишком бодро. Чертыхнувшись про себя, кашлянула и заговорила уже спокойней, естественней: – Вещей, конечно, немного, но тем не менее. Чем быстрее отправимся в путь, тем лучше, правда? Похороны ведь уже завтра. Убедить Блеза примкнуть к нам мы

должны сегодня. – Я содрогнулась от молчания, которое послужило мне ответом. – Но если тебе еще нужно время, у Клода одна из лошадей подкову потеряла. Так что ждут все скорее не нас, а Тьерри. Как я понимаю, он в этой трупке кузнец, кажется, был подмастерьем в Амандине..

Рид склонился над сумкой и не подавал виду, что вообще слушает меня. Но я все равно говорила, не в силах остановиться.

– Он, наверное, единственный человек на земле, который разговаривает меньше тебя. – Я слабо хихикнула. – Этаким задумчивый герой. Мне показалось, или... Я видела, как он прошлой ночью применил против бандитов колдовство? Они с братом?..

Рид сухо кивнул.

– А... тебе случайно не удалось убедить его присоединиться к нам в борьбе против Морганы?

Рид ощутимо напрягся, но оборачиваться не стал.

– Нет.

Я ощутила, как тошнота усиливается и перерастает в нечто похожее на чувство вины.

– Рид..

Что-то в моем голосе все же заставило его обернуться.

– В том, что случилось вчера, виновата я. Иногда я просто действую, не раздумывая... – Я досадливо вздохнула, крутя прядь волос. – Я не хотела лишиться тебя балисарды. Мне очень жаль.

Прости меня за все.

Рид поймал мою прядь, и мы оба наблюдали, как она скользит меж его пальцев. Мне хотелось, чтобы он обнял меня и целовал, пока эта невыносимая натянутость между нами не исчезнет. Вместо этого Рид вручил мне чистую рубашку.

– Я знаю.

Скованность в плечах Рида сказала главное за него.

«Но балисарды все равно больше нет».

Мне хотелось затрясти его, хотелось кричать и бушевать, пока я не пробьюсь сквозь укоризненное молчание, которым он укрылся, точно броней. Мне хотелось связать нас вместе, туго, до синяков, и заставить Рида поговорить со мной.

Разумеется, ничего подобного я делать не стала.

Но и сидеть спокойно не могла. Тихо насвистывая, я провела пальцем по самой нижней полке. Она была уставлена корзинами с сушеными фруктами, яйцами и хлебом, а еще там лежали деревянные солдатики и павлиньи перья. Странное сочетание.

– Удивительно, что тебе удалось найти других ведьмаков так быстро. Я за всю жизнь ни одного не встречала. – Я пожала плечами и заправила перо себе за ухо. – Я, правда, почти всю жизнь прожила в Шато, где в подобное никто бы не поверил, а еще пару лет – на улице, но все равно.

Я обернулась к Риду и заправила перо и ему за ухо. Он раздраженно рыкнул, но пера не убрал.

– Знаю, я прежде всех скажу, что судьба – это чушь собачья, но каково совпадение, а?

Рид сложил в сумку последние вещи.

– Деверо – коллекционер.

Я оглядела захламленные полки.

– Да, это я заметила.

– Нет. Он собирает нас.

– А. – Я поморщилась. – И это никому не кажется странным?

– В этом человеке странно все. – Рид затянул сумку и забросил на плечо. Потом застыл, глядя на стол. Я тоже посмотрела туда и увидела открытую книгу. Это был дневник. Мгновение мы оба смотрели на него.

А потом одновременно кинулись вперед.

– Ай-ай-ай. – Выхватив дневник прямо у Рида из-под носа, я хохотнула и отпрыгнула назад. – Стареешь, приятель. На чем мы остановились? Ах да. – Я указала на кожаную обложку. – Очередной дневничок. Вкуснятина. Казалось бы, пора уже усвоить урок и не оставлять его на виду.

Рид прыгнул на меня, но я вскочила на его койку, не давая ему дотянуться до дневника. Рид не улыбнулся. Тихий голосок в голове предостерегал меня, уговаривал остановиться, твердил, что если раньше подобное еще было забавно, то уж точно не теперь. Но я продолжала:

– И что же мы найдем здесь? Сонеты с восхвалениями моего ума и обаяния? Портреты, в которых ты увековечил мою красоту?

Я все еще смеялась, когда из книги выпал лист пергамента.

Я рассеянно поймала его и перевернула.

Это был рисунок его лица – искусный угольный портрет Рида Диггори. Одетый в шассерскую униформу, он смотрел на меня с осязаемой, тревожной решимостью. Я зачарованно всмотрелась в портрет. На нем Рид казался

моложе, лицо его выглядело более круглым, более гладким, чем сейчас. Волосы были коротко и аккуратно подстрижены. Из-под его воротника виднелись четыре глубоких пореза, но, не считая этого, выглядел Рид так же безупречно, как тот мужчина, за которого я вышла замуж.

- Сколько тебе здесь лет? - Я обнаружила на мундире Рида капитанскую медаль, которую смутно помнила со времен, проведенных в Башне. Тогда она была невзрачной, я едва ее замечала, но теперь она как будто занимала собой весь портрет. Я глаз не могла от нее отвести.

Рид резко отступил назад и опустил руки.

- Мне едва исполнилось шестнадцать.

- Откуда ты знаешь?

- По ранам на шее.

- А откуда?..

Он вырвал у меня портрет и сунул в сумку.

- Я тебе уже рассказывал. - Рид быстро схватил мою сумку и бросил мне. Я молча ее поймала. Смутное воспоминание, еще размытое, стало обретать очертания в моей голове.

С каждой секундой оно становилось яснее и острее.

«Как ты стал капитаном?»

«Ты точно хочешь это знать?»

«Да».

- Ты готова? - Рид огляделся, проверяя, не забыл ли ничего. - Чтобы добраться до Ле-Вантра к ночи, нужно выходить сейчас. Пусть на Ле-Дане и опасно, но это все же дорога. Теперь нам предстоит отправиться в глухую чашу.

На деревянных ногах я спустилась с его койки.

- Ты уже бывал в Ле-Вантре, верно?

Он отрывисто кивнул.

«Через несколько месяцев после вступления в шассеры я нашел за городом стаю лу-гару».

- Там не будет охотников за головами и разбойников, - добавил он. - И ведьм тоже.

«Мы их перебили».

И тут до меня дошло. Я застыла как вкопанная.

Оглянувшись на меня, Рид толкнул дверь.

– В чем дело?

– Обратни, которых ты нашел за городом... те, которых ты убил, чтобы стать капитаном... они были?..

В глазах Рида что-то разбилось. Долгое мгновение он не шевелился. Затем снял с ремня странного вида нож. Его рукоять была вытесана из кости в виде воющего...

Я резко выдохнула.

Воющего волка.

– Господи, – прошептала я, чувствуя желчь во рту.

– Это подарок от... – Рид стлотнул. – От Архиепископа. В честь моего первого убийства. Он дал его мне на церемонии посвящения в капитаны.

Я отступила на шаг и врезалась в стол. Чашки на нем задребезжали.

– Прошу, Рид, скажи, что я ошибаюсь. Скажи, что это не кость оборотня.

– Я не могу сказать тебе этого.

– Черт. – Я бросилась к нему и закрыла дверь. Остальные не должны были услышать нас. Точно не сейчас, когда мы готовились отправиться в чрево зверя – зверя, который явно не будет рад союзу с нами, если мы явимся к нему с костями его сородичей. – Чья это была кость? Твою мать... А если она принадлежала кому-то из родственников Блеза? Вдруг он вспомнит?

– Вспомнит.

– Что?

– Он вспомнит. – Голос Рида снова стал раздражающе ровным и смертельно спокойным. – Я убил его сына.

Я уставилась на него.

– Ты шутишь.

– Думаешь, я стал бы шутить о подобном?

– Я думаю, что лучше бы тебе шутить. Потому что хреновая шутка – еще куда ни шло, но вот хреновый план... – Я рухнула на койку Рида, все еще тарашась на него. – С ума сойти. Ты ведь... ты сам все это затеял. Это ты решил обскакать все королевство в поисках союзников. Ты всерьез решил, что Блез станет заводить дружбу с убийцей своего ребенка? Раньше нельзя было сказать?

– А это что-нибудь изменило бы?

– Разумеется! – я ущипнула себя за переносицу и зажмурилась. – Ладно. Мы подстроимся. Можно... можно поехать в Цезарин с Клодом. Возможно, Огюст все еще согласится к нам примкнуть. Ля-Буазен уже согласилась...

– Нет. – Рид опустил на колени прямо передо мной, но нарочито меня не касался. Его плечи все еще были напряжены, зубы стиснуты. Он до сих пор не простил меня. – Нам нужен Блез.

– Рид, сейчас не время упираться в принципы..

– Я готов ответить за свои действия.

Я едва сдержалась, чтобы не топнуть ногой. Едва-едва.

– Что ж, уверена, твою галантность Блез оценит. Когда будет рвать тебе горло.

– Он не будет рвать мне горло. – Наконец Рид все же коснулся меня – едва ощутимо провел пальцами по колену. По моей коже побежали мурашки. – Обратни ценят силу. Я вызову Блеза на поединок, чтобы вернуть ему кровавый долг. Он не откажется от возможности отомстить за сына. И если я смогу победить, тем самым докажу, что мы сильные союзники – возможно, даже сильнее Морганы.

На миг воцарилась тишина.

– А если ты проиграешь?

– Умру.

Пока один из нас не умрет

Рид

Едва мы сошли с дороги, как лес поглотил нас. Деревья стали гуще, земля – грубее. Местами кроны совсем скрывали солнце. Тишину нарушали лишь наши шаги. Здесь было чуть теплее. И сыкотней. Я знал, что чем дальше на юг мы зайдем, тем влажнее будет земля. Если повезет, до холодного болота Ле-Вантра мы доберемся к отливу.

– Ну и клоака. – Бо подул на ладони, чтобы согреть их. – Так бы это место и назвать, а не брюхом.

Никто ему не ответил, и Бо картинно вздохнул.

Коко шла рядом со мной. Она украдкой поглядывала на Анселя, но он на нее не смотрел. Смертельная угроза на время миновала, и пропасть между ними разверзлась снова. С тех самых пор, как мы отправились в путь, Ансель не сказал ни слова. Как и Лу. Ее молчание тяжким грузом давило мне на душу, но я был не в силах ничего поделать. Стыд и гнев все еще тлели у меня глубоко внутри.

- Очень досадно, между прочим, - наконец пробормотал Бо, досадливо качая головой и оглядывая нас всех по очереди. - Вы, конечно, не заметили, поскольку сейчас очень заняты тем, что киснете от тоски... но я тут увидел свое отражение в луже, и должен вам сказать, выгляжу я просто шикарно.

Коко шлепнула его по макушке.

- Ты о ком-нибудь, кроме себя, хоть когда-нибудь думаешь?

Он обиженно потер голову.

- Да нет, не особо.

Лу ухмыльнулась.

- Хватит. - Я повесил сумку на невысокую ветку. - Можем остановиться здесь на обед.

- И поесть наконец. - Лу со стоном вытащила кусок сыра. Деверо любезно снабдил нас провизией на дорогу. Отломив кусок, Лу предложила сыр Анселю. Тот его не взял.

- Может, потренируемся, когда ты доешь? - пробормотал он, садясь на корень рядом с Лу. - Мы вчера день пропустили. - И добавил, обращаясь ко мне: - Это ненадолго.

Лу расхохоталась.

- Ансель, нам его разрешение не нужно.

Вместо Анселя сыром Лу угостился Бо.

- Надеюсь, тому причиной не его вчерашняя не слишком доблестная попытка пофехтовать?

- Очень даже доблестная! - рявкнула Лу.

- Бо, ты только не забывай, что, когда бандиты вчера ворвались к нам в повозку, я тоже там была, - любезно сказала Коко.

Бо сощурился.

- И видела, как ты от страха чуть не обмочился.

- Перестань, - тихо сказал Ансель, в упор глядя Коко в ноги. - Мне твоя защита не нужна.

- Смело сказано. - Бо указал на руку Анселя. - У тебя до сих пор кровь идет. В драке поскользнулся и случайно поцарапался, да? Хорошо еще, что те разбойники нож у тебя отобрали.

- Закрой рот, Бо, а не то я сама его тебе закрою. - Лу вскочила и дернула за собой Анселя. Она оглядела его порез, а затем дала ему свой нож. - Конечно, мы можем потренироваться. Не слушай этого ублюдка.

- Формально ублюдок здесь не я...

Я не дал ему договорить.

- У нас нет на это времени. Прошлой ночью шассеры были близко. Ансель справится и так. Он тренировался с нами в Башне.

- Да. - Лу присела рядом со мной и взяла с моего ремня еще один нож. Ножны у самого сердца оставались все так же болезненно пусты. - В том и беда.

Я невольно скривился.

- Что ты этим хочешь сказать?

- Просто... как бы выразиться... - Лу задумчиво посмотрела на меня, надула щеки и выдохнула воздух с неприличным звуком. - Без обид, но шассеры в бою известны некоторой... старомодностью. Галантностью.

- Галантностью, - натянуто повторил я.

- Не пойми превратно, те ваши инъекции - это, конечно, омерзительный шаг в верном направлении, но так уж сложилось исторически, что твои братья страдают манией величия и излишним рыцарством. Как защитники кротких и беспомощных, они действуют согласно строгому моральному кодексу.

- И это плохо? - удивился Ансель.

- В битве морали места нет, Ансель. Уж точно не в битве с бандитами или охотниками за головами. Или с ведьмами. - Лу посуровела. - И с шассерами - тоже. Теперь ты один из нас. А значит, ты больше не кроткий и не беспомощный. И те, кого ты прежде звал братьями, сожгут тебя без тени колебаний. Кому-то придется умереть - или им, или тебе.

Я фыркнул.

- Чушь.

Да, Лу с относительной легкостью одолела охотников за головами. Убила преступников в кузнице, справилась с ведьмой в Башне. Но если она вздумала, что умеет сражаться лучше целых поколений шассеров... что может научить Анселя большему, чем могли бы лучшие бойцы в королевстве...

Вздор. Против обычных преступников или охотников за наживой хитрость, быть может, и годится, но в битве с шассерами необходимы навыки и четкая

стратегия. Основы, заложенные годами изучения и обучения. Терпение. Сила. Дисциплина. Лу умела немало, но все это оставалось ей чуждо. Да и как иначе? Она ведь была ведьмой, и обучали ее вовсе не терпению, а искусствам куда более темным. В основном драться Лу училась на улицах, но провела она там не так много времени и куда больше пряталась по чердакам, чем сражалась.

- Чушь, - повторил я.

- Похоже, ты очень в себе уверен, шасс. - Лу медленно подняла мой нож и поднесла его к солнечному свету. - Возможно, нам стоит показать Анселю пример.

- Очень смешно.

- Я серьезно.

Я уставился на нее.

- Я не могу сражаться с тобой. Это будет просто нечестно.

Глаза Лу сверкнули.

- Согласна, совершенно нечестно. Но, боюсь, преподать урок сегодня следует не только Анселю. Я непременно должна как можно скорее избавить вас обоих от заблуждений.

- Нет. - Я встал, скрестил руки на груди и смерил ее сердитым взглядом. - Не буду. И не проси.

- Почему же? Тебе ведь нечего бояться. В конце концов, ты здесь сильнее всех. Разве нет?

Лу шагнула ближе, коснувшись грудью моего живота, и провела пальцем по моей щеке. Ее кожа замерцала, голос стал глубже, насыщенной, он словно... приумножился. Совсем как тогда в таверне. У меня в ушах зашумела кровь. Балисарды со мной больше не было, и теперь я чувствовал, как колдовство Лу проникает мне под кожу. Мои мышцы уже стали расслабляться, кровь - остывать. По спине растеклось приятное онемение.

- Тебе любопытно, - промурлыкала Лу, обходя меня и жарко дыша мне в шею. Ансель, Во и Коко изумленно наблюдали за нами. - Ну же, признай. Тебе хочется узнать, каково это. Хочется увидеть меня... такой. И себя самого - тоже. Тебе страшно, но все же любопытно. Очень, очень любопытно. - Она лизнула мне ухо. Кровь отхлынула в низ моего живота. - Разве ты мне не доверяешь?

Лу была права. Мне хотелось увидеть это. Хотелось узнать. Пустота в ее лице была такой незнакомой и чужеродной, но я...

Нет. Я яростно затряс головой. Вовсе мне не хотелось. Только вчера Лу чуть не прикончила колдовством саму себя. Не стоит ей этого делать. Нам обоим не стоит. Так нельзя. Лу не такая. Это не...

Уступи.

И вновь странные незнакомые голоса коснулись моих мыслей, лаская меня. Уговаривая меня.

- Конечно, я тебе доверяю.

- Тогда докажи. - Лу прошлась пальцами по моим волосам. Я вздрогнул от ее прикосновения. От вторжения в мой разум. - Слушайся меня.

Уступи.

- Я... перестань. Что ты делаешь? - Я отбросил ее руку и отшатнулся. Сшиб свою сумку с ветки. Никто не попытался ее поднять. - Прекрати!

Но кожа Лу засветилась еще ярче, и она снова потянулась ко мне. В глазах ее было столько тоски... И вдруг я усомнился, что в самом деле хочу, чтобы она остановилась.

Уступи. Прикоснись к ней.

- Рид.

Лу в мольбе простерла ко мне руки, и я ощутил, как делаю шаг вперед и зарываюсь лицом ей в волосы. Вот только пахло от нее... иначе. Неправильно. Дымом, мехом и... чем-то еще. Этот острый запах пронзил туман моих мыслей.

- Прими меня, Рид. Прими это. Тебе вовсе не нужно бояться. Позволь мне показать тебе, как ты можешь быть силен. Позволь показать, насколько ты слаб сейчас.

Слишком остро. До тошноты сладко. Обжигающе.

Я отвел взгляд от Лу, взял ее за плечи и силой отодвинул от себя.

- Прекрати. Сейчас же. - Не рискуя снова смотреть Лу в глаза, я уставился на ее горло. На шрам. Блеск ее кожи стал постепенно меркнуть. - Ты не такая.

Лу фыркнула, и ее кожа резко погасла. Она отпрянула от меня.

- Хватит за меня решать, какая я.

Я с опаской посмотрел на Лу, а она в ответ смерила меня хмурым взглядом, поджав губы. Затем выжидательно подбоченилась.

- Так что? Мы драться будем или нет?

- Лу... - предостерегающе позвал ее Ансель.

Меня трясло.

- Ты уже второй раз используешь колдовство, чтобы мной управлять, - тихо проговорил я. - Больше никогда так не делай. Тебе ясно? Никогда.

- Ты преувеличиваешь.

- А ты вконец распоясалась.

Она лукаво усмехнулась. Иезавель во плоти.

- Так накажи меня. Я предпочитаю кнут и цепи, но сойдет и меч.

С ума сойти. Она... она...

Я резко втянул воздух.

- Ты правда этого хочешь?

Усмешка Лу превратилась в звериный оскал, и я осознал, что больше не узнаю ее. Это была уже не Лу, а истинная белая ведьма. Прекрасная, холодная и чужеродная.

- Да.

«Вы познакомились совсем недавно. Насколько хорошо ты в самом деле ее знаешь?»

Эти слова мадам Лабелль терзали меня. Они звучали в моих мыслях все громче и громче.

«Нисхождение Лу уже началось. Его признаки мне знакомы. Я уже видела подобное прежде. Остановить это ты не сможешь и замедлить тоже».

- Если я соглашусь, то только с одним условием, - медленно проговорил я.

- Я слушаю.

- Если я выиграю - больше никакого колдовства. Я серьезно, Лу. Ты прекратишь его использовать. Я не желаю его видеть. Не желаю его чувствовать. Не желаю даже думать о нем, пока все это не закончится.

- А если выиграю я? - Лу провела пальцем по моей груди. Ее кожа снова неестественно замерцала, в глазах вновь вспыхнул чужеродный блеск. - Что тогда, дорогой?

- Я научусь использовать его. Позволю тебе обучать меня.

Кожа Лу резко погасла, улыбка исчезла.

- Договорились.

Чувствуя в горле ком, я сглотнул и отступил. Наконец-то закончится все это безумие, исчезнет напряжение между нами, и мы выйдем из impasse[15], в котором оказались. Я обезоружу и одолею ее легко и быстро. Несмотря на все насмешки Лу, навредить ей я вовсе не хотел. Никогда не хотел. Я лишь хотел защитить ее. От Морганы. От Огюста.

От нее самой.

И вот наконец я смогу это сделать.

Я вытащил второй нож и расправил плечи. Размял шею и запястье.

Мы сошлись лицом к лицу. Лу вертела в пальцах нож. Меня захлестнуло странное ощущение, похожее на головокружение, но я не позволил чувствам взять верх. В отличие от Лу я мог справиться с ними. И именно так я и собирался поступить.

- Ты готов?

Лу снова усмехалась, и поза ее была все такой же расслабленной. Высокомерной. Ансель спрятался за ближайший кипарис. Даже Коко попятилась, таща за собой Бо.

- Досчитаем до трех?

Я тоже держал нож расслабленно, не сжимая его слишком крепко.

- Раз.

Она подбросила свой.

- Два.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

- Три, - выдохнул я.

В тот же миг, застав меня врасплох, Лу прыгнула вперед и с неожиданной силой атаковала. Я довольно легко отразил ее удар и вполсилы ударил сам. Мне нужно было лишь присмирить ее, а не бить, она ведь была так мала...

Лу заскочила мне за спину, воспользовавшись моим разгоном, пнула меня в подколенье и толкнула вперед. Хуже того, она запрыгнула на меня верхом и опрокинула лицом в снег. Мой клинок отлетел в сторону, а ее - коснулся моего горла. Хмыкнув, Лу уперлась мне в спину коленями и поцеловала в шею.

- Урок первый, Ансель: ищи слабости своего противника и используй их против него.

Я в ярости сплюнул снег и оттолкнул ее нож.

- Слезь с меня.

Лу хохотнула и откатилась в сторону, а затем вскочила на ноги.

- Итак, в чем же ошибся Рид? Ну, помимо того, что рухнул наземь и лишился оружия? - Подмигнув, она подняла мой кинжал и вернула мне.

Ансель поерзал за деревом, боясь смотреть нам в глаза.

- Он... не хотел тебя ранить. Сдерживал себя.

Я встал и, чувствуя, как горят шея и уши, отряхнул с плаща и штанов снег и грязь. Твою же мать.

- Дважды этой ошибки я не совершу.

Глаза Лу задорно заплясали.

- Еще разок?

- Да.

- Считай.

На этот раз я перешел в наступление - ударил сильно и быстро. Прежде я недооценил скорость Лу, но не теперь. Следя за разгоном и равновесием, я двигался продуманно и напористо. Может быть, я и уступал Лу в скорости, но превосходил ее в силе. Я был гораздо, гораздо сильнее.

Когда я особенно сильно ударил Лу по руке, в которой она держала нож, ее усмешка растаяла. Я не колебался - бил снова и снова, оттесняя ее назад к кипарису. Загоняя в ловушку. Используя ее слабость. Руки Лу дрожали от натуги, но ей едва удавалось отражать мои удары, не то что атаковать самой. Я не останавливался.

Последним ударом я выбил у Лу нож и локтем пригвоздил ее к дереву. Задыхаясь. Усмехаясь. Торжествуя.

- Сдавайся.

Лу оскалилась и вскинула руки.

- Никогда.

Удар обрушился на меня неожиданно. Как и запах. Тот самый запах.

Он обжег мне ноздри и горло, и я взмыл в воздух, врезался в ветвь дерева и сполз в снег. А потом ощутил, как по голове течет что-то теплое и влажное. Я осторожно коснулся темени и увидел на своих пальцах кровь.

- Ты... - Горло у меня сжалось от изумления и гнева. - Ты сжульничала.

- Урок второй, - прорычала Лу, поднимая наши ножи. - Понятия «жульничества» не существует. Используй любое оружие, которое у тебя есть.

Ансель, побледнев и не шевелясь, с изумлением и ужасом смотрел на нас.

Я медленно встал. Нарочито медленно. Голос у меня дрожал.

- Отдай нож.

- Нет. - Лу вздернула нос, сверкая глазами, и заправила нож себе в ремень. - Ты уже дважды его лишился. Теперь заberi сам.

- Лу... - Ансель робко шагнул вперед, протягивая к нам руки, будто успокаивая диких животных. - Может... может, ты просто его отдашь...

Он осекся и вскрикнул, когда я прыгнул на Лу и сшиб ее на землю, при этом перекатившись на спину и приняв удар на себя. Затем я схватил Лу за запястья и вырвал у нее ее собственный нож. Она с криком вцепилась в меня, но одной рукой я продолжал держать ее запястья, а другой пытался дотянуться... найти...

Нащупать ремень Лу я не успел - она впиалась мне в руку зубами.

- Чтоб тебя! - я с рыком выпустил ее. На моем запястье остались следы. - Ты с ума сошла?

- Жалкое зрелище. Уж кто-кто, а великий капитан наверняка способен на большее...

Я смутно слышал, как Ансель что-то кричит вдалеке, но рев в ушах заглушал все, кроме Лу. Лу. Я перекатился и потянулся за ее ножом, но она прыгнула следом.

Я успел первым.

Я инстинктивно развернулся, защищая спину. Лу должна была уже отскочить. Должна была предвидеть мой ход и парировать удар, поднырнуть мне под руку и броситься на меня.

Но она не сделала этого.

Мой нож вонзился в цель.

Время словно замедлилось. Чувствуя, как к горлу подступает желчь, я смотрел, как лезвие разрывает пальто Лу, как на ее лице проступает изумление. Как она спотыкается, хватается за грудь и падает на землю.

- Нет, - выдохнул я и упал на колени рядом с ней. Рев в ушах стих в один миг. - Лу...

- Рид! - вскрикнул Ансель, нарушив тишину, и бросился к нам, разбрызгивая повсюду грязь и снег. Он рухнул рядом с Лу и стал лихорадочно ее ощупывать. Наконец Ансель отстранился и вздохнул. - Слава богу...

- Коко, - сказал я.

- Но она не...

- КОКО!

Снизу послышался тихий смешок. Не видя больше ничего вокруг, я уставился на побледневшую Лу. Ее губ коснулась лукавая усмешка, и она поднялась на локтях.

- Лежи, - взмолился я дрожащим голосом. - Коко тебя исцелит...

Но Лу не желала лежать. Нет, она встала и в странном жесте вскинула руки. Ошеломленный испугом, я не успел понять, что она намерена делать, пока не стало слишком поздно...

Удар подкинул меня в воздух, и я снова врезался в дерево. Согнувшись пополам, я закашлялся, пытаюсь отдышаться.

Еще один смешок, теперь уже громче. Лу подошла ко мне и распахнула пальто. И ее рубашка, и кожа были целы и невредимы. Ни царапины.

- Урок третий: бой продолжается, пока один из вас не умрет. И даже тогда проверь дважды. Всегда бей лежащего.

Кровавый долг

Рид

Если прежде напряжение между нами было мучительным, теперь оно стало просто невыносимым. С каждым шагом, с каждым мгновением мы по кирпичу воздвигали между собой стены.

Шли мы долго.

Лу отправила к Жеводанскому зверю черную лисицу - которую назвала Брижиттой - с просьбой о встрече, но ответа не получила.

До самых сумерек все упорно молчали. Сосны и березы постепенно сменились кипарисами, земля размягчилась и хлюпала под ногами. Теперь вокруг было куда больше грязи, чем мха и лишайника. В воздухе солоно пахло морем, в небе кричала одинокая чайка. Мои сапоги уже промокли насквозь, но нам повезло - время прилива еще не настало.

- Скоро стемнеет, - шепнул Бо. - Ты знаешь, где они живут?

Лу прижалась ко мне поближе. Кожа ее покрылась мурашками от холода.

- Сомневаюсь, что они приглашали его к себе на чай.

Мне захотелось крепко обнять Лу, но я сдержался. На этот раз она передо мной не извинилась. Я этого и не ждал.

- В прошлый раз мы просто ловили тех, кто отбился от своих и попался нам по пути. Где живет стая, я не знаю.

- Тех, кто отбился? - Лу остро посмотрела на меня. - Ты же говорил, вы нашли стаю.

- Просто хотел тебя впечатлить.

- Это неважно. - Коко посмотрела вверх. В пурпурном закатном небе показалась едва различимая луна. Сегодня она была полна и с каждой минутой сверкала все ярче. - Они сами нас найдут.

Бо проследил за ее взглядом и побледнел.

- А что делать, пока не нашли?

Ночь прорезал протяжный вой.

Я все-таки взял Лу за руку.

- Идти дальше.

Всего за час стемнело полностью. Мрачные тени заметались среди деревьев.

- Они здесь, - тихо сказала Лу и кивнула, указывая влево, где мелькнул и тут же скрылся из виду серебристый волк. Еще один беззвучно проскользнул впереди. Снова послышался вой, и еще, и еще, пока завывания не слились в целый хор, окруживший нас. Мы прижались друг к другу.

- Спокойно, - выдохнул я. Мне хотелось выхватить клинок, но я крепко держал за руку Лу. От первой минуты зависело все. Если волки заподозрят угрозу, колебаться они не станут. - Они пока не нападают.

- Пока? - почти что пропищал Бо.

- Всем на колени. - Я медленно и осторожно присел, склонил голову и потянул Лу за собой, опустив наши сцепленные руки в грязь. Я слышал, как она дышит, и постарался дышать в такт. Сосредоточился. От тревожного ожидания у меня свело шею и руки. Возможно, Блез не станет меня слушать. Возможно, я ошибся, и мой вызов принимать он не станет. Возможно, он просто нас убьет. - Смотрите в глаза только тем, кому захотите бросить вызов.

Будто в ответ на мои слова волки вышли к нам. Их было по меньшей мере три десятка. Они возникли сразу повсюду, безмолвные, как луна, и окружили нас. Лу побледнела. Ансель рядом с ней задрожал.

Они превосходили нас числом.

Очень сильно превосходили.

- Что там происходит? - спросил Бо, прерывисто дыша. Он уткнулся лбом в плечо Коко и зажмурился, поэтому ничего вокруг не видел.

Я изо всех сил старался говорить ровно.

- Мы просим аудиенции с альфой.

Огромный желтоглазый волк вышел вперед. Я сразу его узнал - дымного цвета шерсть, изуродованная пасть с проседью, отрубленный кусок носа. Я все еще помнил, как этот кусок падал на землю передо мной. Помнил это чувство, помнил запах, помнил его кровь на своих руках. Помнил его мучительные крики.

Волк скривился, обнажив зубы длиной с мои пальцы, но я заставил себя продолжить:

- Блез. Нам нужно поговорить.

Я попытался встать, но Лу остановила меня, отрывисто качнув головой. Вместо меня встала она - и обратилась напрямую к Блезу. Только я чувствовал, как дрожит ее рука.

- Меня зовут Луиза ле Блан, и я прошу аудиенции у Жеводанского зверя, вожака этой стаи. Правильно ли я понимаю, что это вы?

Блез тихо рыкнул. Он смотрел только на меня.

- Мы здесь, чтобы договориться о союзе против Госпожи Ведьм, - продолжала Лу. Голос ее окреп. - Мы не хотим сражаться с вами.

- Как смело с вашей стороны. - Крепкого сложения девушка, одетая только в сорочку, вышла из-за деревьев. Меднокожая, черноволосая, кареглазая. Из-за ее спины показался мальчик, очень на нее похожий. - Привести в Ле-Вантр принца и шассера.

Бо посмотрел на меня. Я кивнул, и он тоже встал. Хоть и с опаской, но он расправил плечи и прямо у нас на глазах преобразился. Затем бесстрастно посмотрел на девушку.

- Боюсь, мы в невыгодном положении перед вами, мадемуазель...

Она злобно посмотрела на него.

- Лиана. Я - дочь Жеводанского зверя.

Бо кивнул.

- Мадемуазель Лиана. Приятно с вами познакомиться. - Любезничать в ответ она не стала, и он, не смутившись, продолжил. - Моя спутница говорит правду. Мы здесь, чтобы заключить с лу-гару мир. Мы считаем, что союз принесет выгоду всем сторонам.

Лу благодарно посмотрела на него.

- И какую же именно сторону представляете вы? - вкрадчиво спросила Лиана, подходя ближе. Бо покосился на нескольких волков, которые подступили к нему вместе с ней. - Ваше высочество?

Бо натянуто улыбнулся.

- К сожалению, я никого официально не представляю, однако надеюсь, что и мой отец также поддержит идею союза.

- До или после того, как отправит своих охотников перебить мою семью?

- Мы не хотим с вами сражаться, - повторила Лу.

- Как досадно. - Лиана усмехнулась, и ее резцы удлинились и заострились.

- Потому что мы - хотим.

Ее младший брат, с виду лет на пять младше Ансея, оскалился.

- Взять их.

- Стойте! - воскликнул Бо, и волк рядом с ним дернулся, едва не цапнув его за руку. Бо отпрянул, упал и выругался.

- Пожалуйста, послушайте! - Лу встряла между ними, примирительно вскинув руки.

Не слушая ее мольб, волки бросились вперед. Я кинулся за ними, схватив с ремня два ножа и готовясь метнуть...

- Мы просто хотим поговорить! - в отчаянии воскликнула она. - Мы не хотим дра...

Первый волк врезался в нее, и Лу отшатнулась, ища меня взглядом, и протянула мне руку. Я среагировал быстро и бросил нож ей - четко и метко. Поймав его за рукоять, Лу одним движением полоснула волка лезвием. Брызнула кровь, и волк с визгом отскочил, а его собратья застыли вокруг, рыча и завывая.

- Мы никому из вас не желаем вреда. - Рука Лу больше не дрожала. - Но если придется, мы будем защищаться.

Я вскинул свой нож, подтверждая ее слова. Коко и Ансель последовали моему примеру. Даже Бо достал свой кинжал, довершив круг.

- Что ж... - печально сказала Коко.

Волки стали обходить нас, ища слабое место для атаки.

- Все пошло наперекосяк даже быстрее, чем я полагала.

Я замахнулся на волка, который подошел слишком близко.

- Лу, ты знаешь, что мне нужно сделать.

Она яростно затрясла головой.

- Нет. Нет, можно еще попытаться поговорить...

- Любопытный метод ведения переговоров, - прорычала Лиана, указывая на своего раненого сородича. - Привести к нам в дом врагов, взять с собой ножи и пустить их в ход.

- Я не хотела, чтобы так вышло. - Еще один волк прыгнул на Лу, надеясь застать ее врасплох. К чести ее, Лу не стала бить его ножом - просто пнула в нос. - У нас есть сведения о Госпоже Ведьм. Она ваш враг. И вместе, возможно, мы наконец сумеем ее одолеть.

- Ах, теперь понимаю. - Лиана едва заметно усмехнулась. Затем подняла руку, и волки резко замерли. - Вы пришли молить стаю о помощи.

- Просить о помощи, - резко поправила ее Коко и вздернула нос. - Молить мы вас ни о чем не станем.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Ни одна не дрогнула. Ни одна не отвела взгляда. Наконец Лиана слегка склонила голову.

- Твоя смелость принята к сведению, Козетта Монвуазен, но стая не будет помогать принцу, охотнику и их шлюхе.

Когда она кивнула на Бо, на меня и на Лу, у меня перед глазами все вспыхнуло красным. Схватившись за ножи, я шагнул вперед. Коко преградила мне путь рукой. Лиана расхохоталась - яростно, дико, по-звериному.

- Не стоило тебе сюда приходить, Рид Диггори. Я с большим удовольствием разорву тебе глотку.

- Довольно, Лиана, - среди рыка других волков раздался глубокий и хриплый голос Блеза.

Я не заметил, когда он успел ускользнуть и вернуться, но теперь Блез стоял перед нами в обличье человека, одетый лишь в пару свободные штаны. Грудь его была в шрамах, как и лицо. Плечи - так же широки, как у меня. Может, даже шире. Совсем как его волчья шкура, волосы у Блеза оказались длинными, темно-серыми с проседью.

- Моргана ле Блан явилась к нам несколько дней назад с подобным предложением. Она говорила о войне.

- Обещала свободу от шассеров, - выплюнула Лиана.

- Нам нужно лишь отдать ей дочь - твою жену. - Блез впился в меня взглядом желтых глаз, полных ненависти. - И тогда наш народ освободится от гонений.

- Она хочет принести меня в жертву.

Лу крепко вцепилась в нож. Блез этого не упустил. Настоящий хищник. Даже сейчас он подмечал каждую нашу слабость.

- Я ее дочь, - продолжала Лу, уже громче.

Я посмотрел на нее и заметил, что ее зрачки расширены. Тело Лу уже готовилось к битве, даже если ее разум еще не осознал, в какой мы опасности.

- И все же она зачала меня - и вырастила - лишь затем, чтобы убить. Она никогда меня не любила. Неужели вы не понимаете, как это порочно?

Блез оскалился. Его резцы все еще были остры.

- Не говори мне о семье, Луиза ле Блан, ибо ты не знаешь, что это такое. Не говори мне об убийстве детей, ибо водишься с тем, кто не гнушается им.

Лу поморщилась, и в голосе ее послышалось отчаяние:

- Он изменился...

- За ним кровавый долг, и этот долг будет выплачен.

- Зря мы сюда пришли, - прошептал Бо.

Он не ошибся. Мы и без того не больно-то хорошо продумали свой план, а эта затея... была самоубийственной с самого начала. Жеводанский зверь никогда не примкнул бы к нам. И все из-за меня.

- Моргана без колебаний убьет и вас, когда вы исполните ее волю. - Лу отбросила вежливость и шагнула вперед. Защищая меня от целой стаи оборотней. - Белые дамы презирают лу-гару. Они ненавидят всех, кто хоть чем-то от них отличается.

- Пусть попробует. - Клыки Блеза удлинились, глаза засветились в темноте.

Волки вокруг него зарычали и снова стали обходить нас, оцетинившись.

- Она быстро узнает, что для лу-гару нет ничего лакомее крови наших врагов. Зря, очень зря ты пришла в Ле-Вантр, Луиза ле Блан. Теперь твой охотник заплатит жизнью за совершенное зло. - Его кости захрустели, зашевелились, глаза закатились.

Лиана усмехнулась. Волки подступили ближе, облизываясь.

Лу снова вскинула руки, но на этот раз - вовсе не в попытке примирения.

- Вы не посмеете его тронуть.

- Лу. - Я коснулся ее локтя, качая головой. - Хватит.

Она отбросила мою ладонь и вскинула руки еще выше.

- Нет, Рид.

- Я знал, что меня ждет, когда шел сюда. - Прежде чем Лу успела бы возразить, прежде чем Блез успел бы превратиться в волка, я глубоко вздохнул и шагнул вперед. - Блез, Жеводанский зверь и вожак этой стаи, я вызываю тебя на поединок. Словом чести, твоей и моей.

Хруст его костей резко стих. Блез уставился на меня, так и не завершив превращение. Нелепая и зловещая помесь волка и человека.

- Только ты и я. Одно оружие на наш выбор. Если я одолею тебя, твоя стая прикинется к нам в грядущей битве. Ты поможешь нам победить Госпожу Ведьм и ее Белых дам.

- А если я одолею тебя? - спросил Блез. Рот оборотня вытянулся, почти превратившись в пасть, и голос его был искажен, слова неразборчивы.

- Ты убьешь меня.

Он фыркнул, скалясь.

- Нет.

Я моргнул.

- Нет?

- Я не принимаю твой вызов, Рид Диггори. - Блез кивнул сыну и дочери, а затем полностью отдался преобразению. Несколько секунд спустя он опустился на четыре лапы, тяжело дыша. Блез снова стал волком. За его спиной стояла Лиана. В ее глазах сверкала ненависть, очень знакомая мне. От той же ненависти и у меня когда-то перехватывало дыхание и черствело сердце.

- На этот раз, капитан Диггори, - сказала она тихо, - мы будем охотиться на вас. Если успеешь добежать до деревни на другом конце наших владений - останешься в живых. Если же нет... - Лиана глубоко вздохнула и улыбнулась, будто почувывая наш страх, а затем простерла руки к своим сородичам. - Слава тому лу-гару, который убьет тебя.

Лицо Лу исказилось ужасом.

- Деревня - Жеводан - лежит к югу отсюда. Мы дадим тебе фору.

- Сколько? - спросил Бо тревожно.

Лиана лишь усмехнулась в ответ.

- Что насчет оружия? - спросила Лу.

- Он может оставить оружие, которое имеет при себе, - ответила Лиана. - Ни больше, ни меньше.

Я быстро оценил свой арсенал. Четыре ножа на ремне, два в сапогах, один за спиной. Я очень надеялся, что они мне не пригодятся, но наивных надежд не питал. Конец у этой затеи не выйдет хорошим. Он выйдет кровавым.

- Если кто-нибудь из вас помешает охоте, - добавил младший брат Лианы, глядя на Лу, Коко, Анселя и Бо, - с помощью колдовства или любым другим способом, вы заплатите за это жизнью.

- А Моргана? - быстро спросила Коко. - Если Рид победит, вы поможете нам в борьбе с ней?

- Никогда, - прорычала Лиана.

- Да что за чушь собачья?! - Лу двинулась на них, не опуская рук, но я поймал ее за локоть. К моему удивлению, так же поступил и Бо.

- Прости, сестрица, - проговорил он, глядя, как волки подступают к нам. - Но, боюсь, в эту игру нам сыграть придется.

- Но Рид же умрет!

Коко лихорадочно оглядывалась, будто ища путь к спасению. Его не было.

- Если он откажется, умрем мы все. - Коко посмотрела на меня, будто ожидая ответа. И я понял - если я решу отказаться, она вместе со мной будет с боем прорываться к свободе. Как и все остальные. Но цена... и угроза... была слишком велика.

Незримая сила вновь привлекла мой взгляд к Лу. К ее лицу. Я всмотрелся в изгиб ее носа, наклон щеки, линию шеи, запоминая каждую мелочь. Если начнется битва, оборотни убьют ее. Даже с колдовством одолеть их всех не получится.

Они убьют ее. И Лу больше не будет на свете.

- Не надо, - проговорила она с почти осязаемой болью. У меня сжалось сердце. - Пожалуйста.

Я погладил ее по руке. Лишь раз.

- Я должен.

Обернувшись к Лиане, я обнаружил, что она уже наполовину обратилась. Ее лицо покрылось черной шерстью, а губы исказила страшная усмешка.

- Беги.

Волчья охота

Рид

Я вышел на болото, чувствуя, как мой разум окутывает спокойствие. Юг. Нужно идти на юг. Я знал, где находится Жеводан. Именно там мы с шассерами и остановились в ночь после охоты на оборотней – в ночь накануне того дня, когда я стал капитаном Диггори. Если я не ошибся, именно здесь было устье реки, на которой работала жеводанская мельница. Если найду реку, сумею сбить оборотней со следа. И доберусь до деревни.

Если только не утону.

Я посмотрел вниз. Начинаясь прилив. Скоро он заполнит устье, а речные воды поднимутся. Течение станет опасным, особенно если нести при себе тяжелое оружие. И все же лучше утонуть, чем ощутить, как Блез вгрызается мне в нутро.

Лавируя меж деревьев и касаясь их, чтобы повсюду распространить свой запах, я вернулся немного назад тем же путем, запутывая следы. Затем присел. Лу-гару куда быстрее обычных волков, даже быстрее лошадей. Мне ни за что от них не убежать. Единственной надеждой оставалась вода. И еще кое-что...

Я зачерпнул с земли горсть грязи и размазал по коже. По одежде. По волосам. Помимо силы и скорости главным оружием волков было их обоняние. Я должен был стать невидим для них во всех отношениях.

Где-то позади ночную тишину пререзал волчий вой.

Я вскинул голову, чувствуя первый укол страха и сомнений.

Мое время истекло. Волки вышли на охоту.

Я чертыхнулся про себя и кинулся бежать на юг, прислушиваясь в надежде услышать журчание воды, выскивая среди зелено-бурого леса толстые стволы и мох. Река находилась в густой роще облетелых кипарисов, она должна была быть где-то рядом. Это место выглядело знакомо. Все, что я видел перед собой, навевало воспоминания. Вот у этого корявого ствола Жан-Люк тогда остановился передохнуть. Архиепископ, который из упрямства нарядился в свое хоральное одеяние, чуть не упал, споткнувшись вон о тот камень.

А значит, кипарисы должны быть прямо... вон там.

Торжествуя, я бросился к ним, пробираясь меж стволов. Послышался очередной вой, но я выдохнул с облегчением – наконец-то, наконец-то я нашел...

Я замер как вкопанный. Облегчение рассеялось как дым.

Там ничего не было.

На месте реки теперь лишь росли папоротники. Их листья, бурые и увядшие, трепетали на ветру.

Земля под ними была слякотная, влажная, покрытая мхом и лишайником. Но от русла не осталось ни следа. Ни песчинки. Ни единого камешка. Будто вся река просто... исчезла. Будто мне лишь почудилось, что она там была.

Я стиснул кулаки.

Ничего мне не почудилось. Я сам, черт подери, пил из этой реки.

Деревья вокруг шелестели на ветру. Перешептывались. Смеялись. Наблюдали. И снова волчий вой прорезал ночь – на этот раз ближе. Волосы у меня встали дыбом.

«В лесу опасно». Вспомнив слова матери, я ощутил, как мое сердце забилося чаще. «У деревьев есть глаза».

Я потряс головой, отмахиваясь от этих мыслей, и посмотрел наверх, чтобы собраться с духом. Юг. Идти на юг. Нужно лишь добраться до ворот Жеводана. Волки не смогут учуять меня под слоем грязи. Я все еще могу успеть. Я дойду.

Но отступив назад и ощутив, как нога проваливается в сырую землю особенно глубоко, я обнаружил в своем замысле очень заметный изъян.

Я резко остановился, обернулся – и паника взметнулась у меня внутри, перерастая в ужас. Волкам незачем было искать меня по запаху. Я оставлял за собой следы сапог. Ни мягкую землю, ни прилив я в своих планах не учел. И теперь попросту не мог добраться ни до Жеводана, ни до реки, ничем не выдав свой маршрут.

Спокойно. Сердце лихорадочно колотилось в висках. Я заставил себя сосредоточиться и как следует подумать. Смогу ли я спастись с помощью колдовства? Я тут же отказался от этой мысли, не желая рисковать. Когда я использовал колдовство в прошлый раз, то чуть себя не погубил, чуть не замерз насмерть на берегу ручья. Скорее всего, вреда от моих попыток будет больше, чем пользы, а сейчас права на ошибку у меня не было. Лу рядом нет, она не сможет меня спасти. Думать, думать, думать. Я ломал голову, пытаюсь составить новый план, изобрести способ скрыть свой след. Лу, конечно, в планировании не смыслила ни черта, но она бы точно знала, что нужно делать. Она спасалась всегда. Всегда. Но я – не Лу, и я не знал, как быть.

И все же... Я достаточно долго преследовал Лу, чтобы догадаться, как бы она поступила сейчас. Как бы она поступила в любых обстоятельствах.

Я тяжело сглотнул и посмотрел наверх.

Дышать. Просто дышать.

Я вернулся назад к кипарисам и забрался на нижнюю ветвь.

И еще выше.

В этой части леса деревья росли теснее. Если я смогу перелезть с кроны на крону, то мой след прервется. Я стал карабкаться быстрее, глядя только вверх. Только не вниз, главное – не смотреть вниз.

Выше.

Когда ветви стали редеть, я остановился и стал медленно – слишком медленно – ползти к краю одной из них. Затем, дрожа, поднялся на ноги. Досчитал до трех и прыгнул на соседнюю ветвь, так далеко, как только мог. Она опасно прогнулась подо мной, и я рухнул на нее и крепко обхватил руками, тяжело дыша.

Перед глазами все поплыло. Я снова заставил себя ползти вперед. Останавливаться было нельзя. Я должен был двигаться быстрее. В таком темпе до Жеводана мне ни за что не добраться, а волчий вой слышался все громче.

На третьем дереве, однако, дышать стало чуть легче. Мышцы едва заметно расслабились. Я стал лезть быстрее. И еще быстрее. Увереннее. Деревья росли все так же тесно, и в моей душе затеплилась надежда. Я прыгал снова и снова, пока не...

Раздался хруст.

Нет.

Я со страшной скоростью полетел вниз, чувствуя, как лихорадочно разбегаются мысли и все внутри немеет от ужаса. В отчаянии я ухватился за ближайшую ветку, но дерево треснуло, и мою руку вдруг пронзила острая боль. Следующая ветвь врезалась мне в голову. В глазах заплескали звездочки, и я рухнул на спину. От удара у меня перехватило дыхание. В уши попала вода. Я захрипел, быстро заморгал, схватился за окровавленную ладонь и попытался встать.

Ко мне шагнул Блез.

Сверкая оскалом, он зарычал, когда я отпрянул. Взгляд его был слишком разумным, слишком яростным, слишком человеческим. Медленно и осторожно я поднял руки и встал. Ноздри Блеза раздулись – он учуял мою кровь. Все инстинкты кричали мне, что нужно хвататься за ножи, переходить в наступление. Но если первую кровь пролью я, если я убью альфу, оборотни никогда не примкнут к нам. Никогда.

И эти глаза...

Насколько же проще мне жилось, когда я был шассером. Когда волки были всего лишь зверьми. Демонами.

– Можно найти другой путь, – прошептал я, чувствуя, как пульсирует в висках боль. – Прошу.

Блез обнажил клыки и прыгнул вперед.

Я увернулся и обошел его по кругу, все так же примирительно держа руки перед собой.

– У тебя есть выбор. Да, шассеры вас перебьют, но и Моргана тоже. После того, как вы послужите ее цели. Поможете погубить ни в чем не повинных детей.

Блез остановился в полупрыжке. Он склонил голову и зашевелил ушами.

Вот оно что. Значит, Моргана не поведала ему о тонкостях своего плана.

– Когда Лу умрет, все дети короля умрут вместе с ней. – О своей собственной смерти я упоминать не стал, это скорее укрепило бы желание оборотней примкнуть к Моргане, нежели наоборот. – Их десятки, и большинство даже не знают своего отца. Неужели они должны платить за его грехи?

Переминаясь с лапы на лапу, Блез оглянулся, будто сомневаясь.

– Никому больше не нужно умирать. – Я шагнул к нему, едва смея дышать. – Примкните к нам. Помогите нам. Вместе мы сможем победить Моргану и навести порядок...

Ощетинившись и прижав уши, Блез рыкнул, предупреждая меня не подходить. Кости его затрещали, и у меня внутри все сжалось от отвращения. Суставы Блеза сместились, позволяя ему встать на задние лапы, но дымного цвета мех все еще покрывал его изуродованное тело, руки и ноги оставались все такими же неестественно длинными, а спина – выгнутой. Это выглядело нелепо и страшно. Лицо Блеза исказила гримаса, и наконец он смог заговорить.

– Навести порядок? – прорычал он гортанно. – Ты сказал, что шассеры... – он с трудом шевелил челюстью, морщась от боли, – ...перебьют нас. Как ты одолеешь их? – Выгнув шею, Блез как будто бы втянул зубы. – Ты сможешь... убить своих собственных братьев? Своего собственного... – снова гримаса, – отца?

– Я смогу его убедить. Убедить их всех. Мы покажем им, что есть иной путь.

– В их сердцах... слишком много ненависти. Они откажут. И что... тогда?

Я уставился на него, быстро соображая.

– Так я и думал. – Блез щелкнул зубами и начал вновь обращаться в волка. – Ты все равно будешь стоять... И смотреть... как мы истекаем кровью. Охотник... до мозга костей.

И он прыгнул.

Я нырнул в сторону, но клыки Блеза все равно вонзились мне в руку. Разрывая мышцы и сухожилия. Я с криком вырвался. В мыслях у меня помутнело от боли и гнева. Перед глазами вспыхнуло золото. Оно ослепило меня, сбilo с толку, а голоса зашептали вновь.

Ищи нас, ищи нас, ищи нас.

Я почти потянулся к ним.

Инстинкты твердили мне атаковать, защищаться, любой ценой оторвать этому волку голову. Даже с помощью колдовства.

Но нет. Я не мог.

«Когда для человека абсолютно все – вопрос жизни и смерти, ставки куда выше, – всплыл в моей памяти укоризненный голос Лу. – Чем больше мы приобретаем, тем больше и теряем».

Я не желал этого.

Блез снова приготовился к прыжку. Сцепив зубы, я подпрыгнул и ухватился за ветку, что была над головой. Мое предплечье взвыло от боли, и ладонь тоже. Но я не обратил на это внимания, качнулся назад, когда Блез вскинулся, пытаясь до меня достать, – и пнул его прямо в грудь.

Блез вскрикнул и упал на землю. Я рухнул рядом с ним, выхватил из ножен кинжал и пригвоздил им лапу Блеза к земле. Его крик перерос в визг. В ответ послышался грозный вой остальных волков.

Одна рука у меня безвольно болталась, но другой я схватился за пальто. Нужно было перевязать рану. Остановить кровотечение. Грязь на коже не скроет запах свежей крови. Остальные оборотни вскоре почувют мои раны и найдут меня очень быстро. Но рука не желала повиноваться – она тряслась от боли, страха и волнения.

Слишком поздно я осознал, что крики Блеза переменились.

Они стали человеческими.

Блез вырвал нож из своей ладони и прорычал:

– Как его звали?

Холодное сердце

Лу

Я бродила туда-сюда, оставляя в снегу вереницу следов. Как же меня злило это чувство собственной... беспомощности. Рид в этот самый миг бежал со всех ног от верной смерти, а я совершенно ничем не могла ему помочь.

Блез оставил трех волков – в том числе собственного сына Терранса – сторожить нас, и они ревностно за нами следили. Судя по размеру, товарищи Терранса были не старше его. Все они стояли к нам спиной и смотрели на

деревья, тихо поскуливая. В их напряженных плечах и наостренных ушах читалось то, сказать о чем они уже не могли.

Им тоже хотелось поохотиться.

А мне хотелось содрать с них шкуры и надеть их как манто.

– Нужно что-то делать, – прошептала я Коко, сверля взглядом спину Терранса. Он и остальные двое были поменьше прочих оборотней, но я не сомневалась, что зубы их не менее остры. – Как нам узнать, добежит ли Рид до Жеводана? Вдруг Блез все равно его убьет?

Я ощутила на себе взгляд Коко, но не отвела глаз от волков, мечтая пырнуть их ножом в ребра. Внутри у меня все так и кипело.

– Выбора нет, – пробормотала она. – Надо ждать.

– Выбор есть всегда. Например, можно вспороть глотки этим соплякам и бежать за Ридом.

– А они понимают наши слова? – тревожно прошептал Ансель, который стоял рядом с Бо. – Ну... – Он заговорил еще тише. – В волчьем облике?

– Лично мне начхать.

Коко фыркнула, и я покосилась на нее. Она невесело улыбалась. Лицо Коко осунулось и побледнело. Похоже, не я одна волновалась за Рида. От мысли об этом у меня на душе неожиданно потеплело.

– Доверься ему, Лу. Он справится.

– Я знаю, – огрызнулась я и обернулась к ней, чувствуя, как тепло в груди застывает льдом. – Если кому и удастся укротить Жеводанского Зверя, так это Риду. Но вдруг что-то пойдет наперекосяк? Вдруг они поймают его в засаде? Волки охотятся стаями. Скорее всего, они нападут, только если превзойдут его числом, а этот болван не желает использовать колдовство...

– Он до зубов вооружен ножами, – напомнил Бо.

– Он был шассером, Лу. – Голос Коко смягчился, и в нем было столько спокойствия и терпения, что мне захотелось взвыть. – Он умеет охотиться, а значит, умеет и скрываться. Он заметет следы.

Ансель согласно кивнул.

Но Ансель был еще совсем ребенком, и они с Коко ни черта не смыслили в том, о чем рассуждали.

– Рид не из тех, кто станет скрываться. – Я снова стала шагать туда-сюда, ругаясь на грязь, которая пачкала мне сапоги. Под ногами хлюпала вода. – А даже будь иначе, в этой дыре повсюду грязь по колена...

Бо хохотнул.

- Лучше уж грязь, чем снег..

- Кто сказал?

Он сощурился, услышав мой тон, и я хмыкнула, пинком разбрызгав воду.

- И нечего так на меня смотреть. Что одно, что другое - одинаковая дрянь. Посреди зимы помочь Риду мог бы только лед, но, разумеется, эти псины живут на чертовом болоте.

Вдали послышался вой - нетерпеливый, преисполненный решимости, которую ни с чем нельзя было спутать, - и наши сторожа вскинулись на задние лапы, тяжело дыша от возбуждения. Терранс с предвкушением облизнулся. Ужас тисками сдавил мне грудь.

- Они его нашли.

- Мы не знаем этого наверняка, - быстро сказала Коко. - Только не делай глупостей..

Послышался крик Рида.

- Лу. - Ансель схватил меня за запястье. - Лу, он не хочет, чтобы ты..

Я ударила ладонью по земле.

С кончиков моих пальцев сорвались кристаллы льда. Разрастаясь во все стороны, они покрыли поверхность болота, и земля захрустела от инея. Я подгоняла их все дальше, все быстрее, не обращая внимания на языки пробирающего до костей холода, которые начали опутывать мое сердце. Мой пульс замедлился. Дыхание дрогнуло. Но мне это было неважно. Я еще глубже воткнула пальцы в рыхлую почву, рассеивая по земле лед так далеко, как только мог позволить узор. И еще дальше. Золотая нить, обвившая мое тело, содрогнулась, пронизывая мой разум, тело, самую душу безграничным холодом, но я не выпустила ее.

Я смутно слышала, как Коко кричит где-то позади, а Бо матерится, но не могла различить ни слова. Мое зрение подернулось чернотой, а волки передо мной размылись и стали подобны трем рычащим теням. Мир покачнулся. Земля устремилась мне навстречу. Но я не сдавалась. Я готова была заморозить целое море - и даже целый мир, если потребуется. Потому что Риду нужна была помощь. Риду нужна была..

Замерзшая земля. Ему нужна была замерзшая земля. Лед. Он даст ему... что-то. Преимущество. Лед подарит ему преимущество. Против..

Но восхитительное онемение растеклось по моему телу, затуманило мысли, и я не смогла ничего вспомнить. Даже его имя. Даже свое собственное. Я моргнула раз, два, и все вокруг почернело.

Моя щека вспыхнула болью, и я резко пришла в себя.

- Черт подери.

Коко попыталась поднять меня на ноги, но на чем-то поскользнулась и снова упала. Мы грудой рухнули друг на друга. Злобно выругавшись, Коко спихнула меня с себя. Чувствовала я себя... странно.

- Повезло тебе, что ты выжила. Не знаю даже как. Ты должна была погибнуть. - Она снова попыталась встать. - О чем ты вообще думала?

Я потеряла лицо и слегка сморщилась от острого запаха колдовства. Он обжег мне нос, на глаза навернулись слезы. С самого Модранита этот запах не был так силен, как теперь.

- О чем ты?

- Лед, Лу. - Коко указала на лес вокруг нас. - Лед.

Толстый слой инея покрывал все: стебли увядшей травы, папоротники, лишайники, ветви кипарисов. Я ахнула. Ле-Вантр больше не был зеленым, слякотным, сырым и живым. Нет. Он стал белым, холодным и сверкающим, даже в темноте. Я шагнула вперед. Лед не хрустнул под моим весом. Шагнув еще, я отглянулась. На поверхности не осталось моего следа.

Я улыбнулась.

Откуда-то слева послышалось рычание. Волк прыгнул на Бо и Ансея, и они вскинули ножи, пытаясь защититься. Коко бросилась на помощь, увернувшись от Терранса, и он проехался по льду прямо мимо нее. Третий волк, скалясь, направился ко мне.

Я улыбнулась еще шире. Похоже, правила я нарушила.

Весело хохотнув, я выгнула пальцы, и волк беспомощно закрутился на льду. Узор рассыпался золотой пылью. Я пошатнулась, борясь с приступом головокружения, но устояла на ногах. Когда я пришла в себя, волк тоже нашел опору, но я щелкнула его по носу, и он снова проскочил мимо, поскользнулся и неуклюже рухнул на землю.

Перед глазами у меня все плыло, но я рассмеялась. А потом сжала кулак, подводя лед к его лапам и вверх, вверх, дальше по телу.

Волк завизжал, глядя, как лед покрывает его лапы, грудь, плавно подбираясь к горлу. Я заворожено смотрела на это, а мой смех становился все холодней.

Еще, еще, еще.

Я хотела увидеть, как свет угасает в его глазах.

- Лу! - закричала Коко. - Осторожно!

Повинуясь порыву, я обернулась и взмахнула рукой - с легкостью поймав узор, - когда Терранс прыгнул на меня, метя в горло. Все кости в правой половине его тела разом сломались, и он с пронзительным воплем упал на

лед. Но я не ощутила боли. Перешагнув через Терранса, я вскинула руки и потянулась к последнему из волков. Тот медленно пятился от Анселя и Коко.

– Ты не тронешь меня и моих друзей, – сказала я, с улыбкой наступая на него. Золото повсюду мерцало вокруг меня бесконечным множеством возможностей – теперь их было куда больше, чем прежде. Они могли принести столько боли. Столько страданий. Но волк заслужил все это. Ведь он убил бы их.

«А его сородичи, возможно, уже убили Рида», – шепнул мне голос.

Моя улыбка растаяла.

Ансель шагнул ко мне. Вид у него был встревоженный.

– Что ты делаешь?

– Ансель. – Коко встала между нами, схватила его за руку и оттеснила назад. – Отойди. – Она смотрела только мне в глаза. – Хватит, Лу. Ты владеешь магией, а не она тобой. – Я не ответила и не опустила рук, и тогда она шагнула ближе. – Растопи лед. Цена слишком высока.

– Но лед нужен Риду. Без льда он погибнет.

Коко мягко взяла меня за руки и опустила их.

– Смерть – еще не худшее, что есть на свете. Сними чары, Лу. Вернись к нам. Не ступай по этой тропе.

Я уставилась на нее.

«Ведьмы, готовые пожертвовать всем, очень сильны», – напомнил мне потусторонний голос.

«И опасны, – возразил другой, далекий голосок в глубинах моего разума. – Это меняет их».

– Ты – не твоя мать, – прошептала Коко.

– Я – не моя мать, – повторила я неуверенно.

Ансель и Бо удивленно наблюдали за нами.

Она кивнула и коснулась моей щеки.

– Сними чары.

Теперь мои предки молчали. Они ждали. Коко считала иначе, но на самом деле они не стали бы уговаривать меня делать что-либо, чего мне делать не хотелось. Они лишь придавали силу моим собственным желаниям, вели меня за собой к их исполнению. Но желания были опасны – столь же пьянящи, сколь и смертоносны.

Все в той же глубине моего разума послышался голос Рида. «Безрассудство».

- Ты не такая, Лу, - проговорила Коко успокаивающе. - Сними чары.

Верь я Коко хоть на каплю меньше - может быть, я бы и не послушала. Но, похоже, тихий голосок в моем разуме прислушался к ее словам. Я опустилась на колени и коснулась ладонью земли. Один-единственный узор всплыл в моих мыслях и протянулся от вымерзшей пустоши в моей груди ко льду. Содрогнувшись, я вздохнула.

И в этот миг мою ногу задела стрела с синим наконечником.

- Нет! - крикнула Коко, бросаясь ко мне. - Не надо! Не стреляйте!

Но было поздно.

«Мы как раз их встретили на дороге неподалеку». Мне вспомнились голодные глаза Бледного. «Скользкие ублюдки. Уже которую неделю шляются по лесам, никакого житья не дают».

Затем - усталое лицо Рида. «Прошлой ночью шассеры были близко».

Похоже, даже ближе, чем мы думали. Оттолкнув Коко, я встала, дрожа от предвкушения и разминая пальцы. Рано или поздно они все равно нашли бы нас. Что ж, очень вовремя.

Наконец они явились.

Шассеры.

Жан-Люк вывел из-за деревьев отряд охотников с луками и балисардами наготове. Удивление, промелькнувшее в его глазах при виде меня, быстро сменилось решимостью. Жестом остановив остальных, он медленно приблизился ко мне.

- Уж не Луиза ле Блан ли это? Ты не представляешь, как я рад тебя видеть.

Я усмехнулась, глядя на его балисарду.

- Взаимно, Жан-Люк. Где пропал?

- Мы хоронили трупы, которые ты оставила на дороге. - Жан-Люк отглядел лед вокруг нас, а затем - мое лицо и волосы. И тихо присвистнул. - Как вижу, маска наконец треснула и гниль, что у тебя внутри, теперь видна и снаружи. - Он указал на полузамерзшего волка. - Однако не могу не поблагодарить тебя за то, что упростила нам работу. Стаю Блеза выследить не просто. Его Величество будет очень доволен.

Я отвесила низкий поклон:

- Верой и правдой служим короне.

Жан-Люк заметил Бо.

- Ваше Высочество. Стоило догадаться, что и вы будете здесь. Ваш отец вне себя от гнева.

Бо заметно смутился, но все же расправил плечи и смерил его надменным взглядом.

- Потому что ты рассказал ему, где я был на Модранит.

Жан Люк усмехнулся.

- Ваши опрометчивые поступки не останутся безнаказанными. Воистину, мне омерзительна сама мысль о том, чтобы однажды назвать вас королем.

- Не волнуйся, до коронации ты все равно не доживешь. Если будешь и дальше угрожать моим друзьям.

- Другьям. - Жан-Люк подступил ближе, до белых костяшек сжимая серебро с сапфиром.

Я ухмыльнулась. Я ведь обещала Риду новую балисарду. Как чудесно, что это будет именно балисарда Жана-Люка.

- Поймите, Ваше Высочество. На этот раз сбежать вам не удастся. Эти ведьмы, - он кивнул на меня и Коко, - и их сообщники будут сожжены. Ваши друзья сгорят дотла. И я сам разожгу их костры, когда мы вернемся в Цезарин. Один для Козетты Монвуазен. Другой - для Луизы ле Блан. Третий - для Анселя Диггори. - Жан-Люк ослабилась. - И еще один - для Рида Диггори.

Он, конечно же, ошибался. Ах, как же сильно он ошибался.

- Уместный способ почтить нашего покойного патриарха. Согласны?

- Если ты сожжешь Рида, Селия тебя возненавидит, - выплюнул Бо.

Я покрутила на пальце прядь волос.

- Скажи-ка мне, Жан, ты уже успел ее трахнуть или еще нет?

Всего секунда молчания, а затем...

- Я не... - Он вытаращил глаза, заикаясь. - Что...

- Значит, успел. - Я подошла ближе, так близко, что еще чуть-чуть - и он мог бы достать до меня клинком. - Рид, если тебе интересно, так и не успел. Бедная девчушка. Он и правда ее любил, но, видимо, к обетам своим относился серьезно. - Я усмехнулась шире. - Или же просто берет себя для брака.

Жан-Люк замахнулся на меня балисардой.

- Закрой рот...

Я отразила его удар ледяным клинком. Остальные шассеры напряглись и подступили ближе. Коко, Ансель и Бо вскинули ножи.

- Не могу и представить, как Рид будет рад узнать, что его лучший друг втайне все эти годы любил его даму сердца. Экий ты проказник, Жан-Люк. Ты хоть подождал немного, пока Рид не перебрался на лужайку позеленей?

Не отводя клинка, Жан-Люк подался вперед.

- Не смей говорить о Селии.

Я как ни в чем не бывало продолжала:

- Нельзя не заметить, как наладилась твоя жизнь без Рида. У него ведь всегда было все, чего ты хотел, верно? И вот теперь все это твое. Подержанный титул, подержанная власть... - Я с приторной усмешкой пожала плечами, медленно проведя своим клинком по балисарде Жана-Люка. Лед коснулся его руки. - Да и девчонка тоже подержанная.

Жан-Люк с рыком отпрянул. У него на лбу забились вены.

- Где Рид?

- Вот ей сейчас, наверное, обидно. Хотя, полагаю, подержанная девчонка как раз и заслуживает такого второсортного парнишку, как ты..

Жан-Люк снова кинулся на меня. Я с легкостью увернулась.

- Этот убийца не заслужил даже того, чтобы дышать с Селией одним воздухом. Когда она узнала, что он натворил, то чуть не умерла. Она уже несколько недель не выходит на люди, и все лишь из-за каких-то неуместных чувств к нему. Если бы не я, Рид бы ее уничтожил. Как уничтожил его ты. Так где он?

- Не здесь, - пропела я, все так же сладко улыбаясь.

Мы обходили друг друга по кругу. Лед становился толще у меня под ногами, листва громко хрустела.

- Ты - вор, Жан-Люк, и в этом деле ты чертовски хорош, но я - все-таки лучше. И у тебя есть кое-что, что мне нужно.

- Говори, где он, ведьма, а не то...

- А не то что? Судя по твоим привычкам, скоро ты начнешь умолять меня уничтожить и тебя тоже. Если ты понимаешь, о чем я.

Жан-Люк, зашипев от злости, подал знак своим подчиненным, но я вскинула руку прежде, чем они успели добраться до нас. За спиной Жана-Люка взметнулись вверх осколки льда. Они окружили его, и вскоре мы оказались в кругу зазубренных льдин.

Очутившись в ловушке, Жан-Люк стал испуганно выкрикивать приказы, оглядываться в поисках лазейки, а шассеры бросились колотить по льду.

- Рубите!

- Капитан!

- Вытащите его...

Одна из сосулек разбилась, окатив нас дождем осколков. Жан-Люк отвлекся, и я воспользовалась этим, прыгнула вперед и резанула его по боевой руке. Он вскрикнул, но балисарды не выронил. Другой рукой Жан-Люк схватил меня за запястье, вывернул его... нет, так определенно не пойдет.

Я плюнула ему прямо в глаз.

Отпрянув, Жан-Люк ослабил хватку, и я вцепилась пальцами ему в рану, разрывая кожу. Он взревел от боли.

- Ах ты тварь...

- Ай-ай-ай. - Я выхватила у Жана-Люка балисарду и прижала ледяной меч к его горлу.

А потом расхохоталась. Я смеялась, смеялась и смеялась, пока Коко с Анселем и Бо не начали биться в нашу ледяную клетку вместе с шассерами. «Лу, Лу, Лу», - разносились вокруг эхом их тревожные крики. В изумленных глазах Жана-Люка блеснула луна. Он медленно попятился.

- Похоже, вы кое-что потеряли, капитан. - Я метнула ледяной меч в сосульку у его головы, а затем вскинула свободную руку. - Это будет весело.

Убежище

Рид

- Как... звали?

Блез оскалился, и наконец в его глазах промелькнула тень чувств. По руке оборотня струилась кровь.

- Моего сына. Ты хоть знаешь, как его звали?

Я вынул из ножен второй клинок, чувствуя, как внутри все сжимается от стыда. Блез больше не пытался атаковать, но я не мог позволить ему застать меня врасплох.

- Нет.

- Адриан. - Он произнес это имя шепотом. С благоговением. - Его звали Адриан. Он был старшим моим сыном. Я помню миг, когда впервые взял его на руки. - Блез помолчал немного. - У вас есть дети, капитан Диггори?

Мне стало еще неуютнее, и я покачал головой. Покрепче вцепился в ножи.

- Так я и думал. - Он шагнул ближе. Я отступил назад. - Большинство лугару спариваются с целью завести потомство. Наши щенки для нас - целый мир, они очень дороги нам. - Снова молчание, на этот раз дольше. - Так же было и у меня с моим партнером, но мы не способны были зачать дитя. Он был родом из заморской стаи. - Снова шаг. Теперь мы стояли почти нос к носу. - Когда твои братья убили родных родителей Адриана, мы приняли его как своего. Когда ты убил Адриана, мой партнер покончил с собой. - Взгляд Блеза, едва смягчившись от воспоминаний, вновь посуровел. - Встретить Лиану и Терранса ему так и не довелось. Он бы полюбил их. Они заслуживали его любви.

Отвращение к самому себе жгло мне горло. Я хотел что-то сказать - что угодно, - но быстро захлопнул рот, сдерживая тошноту. Никакие слова не были способны исправить то, что я натворил. Вернуть то, что я забрал.

- Как видишь, - продолжал Блез хрипло, - за тобой кровавый долг.

Я не мог выдавить ни слова. Когда Блез снова стал обращаться в волка, я все-таки выговорил:

- Я не хочу биться с тобой.

- И я с тобой тоже, - прорычал он, хрустя костями. - Но все же битве быть.

Он едва успел упасть на все четыре лапы, как вдруг вокруг резко стало холодно, а землю у нас под ногами покрыл лед. Едва держась на ногах, я наблюдал, как он устилает тропу впереди, окутывает каждое дерево, каждый лист. Каждую иголку. Добравшись до кончиков самых верхних ветвей, лед вспыхнул белым облаком и осыпал нас снегом, от которого так и несло колдовством. И гневом. Блез изумленно вскрикнул и поскользнулся.

Ужас кулаком стиснул мне сердце.

Что натворила Лу?

- Сильная... правда? - Тело Блеза продолжало изламываться и выкручиваться. Глаза его сверкали в темноте. Зубы блестели. - В конце концов, она дочь своей матери.

Над кронами разнесся пронзительный вой. Он был визгливее остальных. В нем слышалась мука. Блез резко вскинул голову и встревоженно взвыл.

- Терранс. - Его рот уже превратился в пасть, и я едва разобрал это слово. Не завершив обращение, Блез кинулся прочь.

Лу.

Я поспешил за ним с ножами наперевес. На льду было скользко, но меня это не волновало. Я бежал, не останавливаясь. И Блез тоже. Когда мы наконец добрались до края земель лу-гару, я застыл, узрев картину, которая мне открылась.

Несколько шассеров висели в воздухе и медленно вращались – шеи их были напряжены, мускулы натянуты, – а лу-гару между тем пытались освободиться ото льда, который сковал им лапы. Те шассеры и волки, что не были обездвижены, кромсали друг друга мечами и зубами. Посреди этой толпы в разбитой ледяной клетке показалась хрупкая светловолосая фигурка. Мое сердце камнем упало вниз.

Лу.

Глаза ее были пусты, улыбка – холодна. Лу выгибала пальцы, как дирижер. Коко что-то кричала ей, дергала за руки, а Бо и Ансель изо всех сил пытались защитить их обеих. По щекам Ансея текли слезы. Блез с рычанием кинулся вперед. Я кинулся на него со спины, обхватил за пояс, и мы покатались по земле.

– Лу!

Услышав мой крик, Лу застыла. Обернулась. При виде ее улыбки я похолодел.

– Лу, хватит!

– Из-за меня ты лишился балисарды, Рид, – проговорила она ласково, приторно до тошноты. – Но я добыла для тебя новую.

Она подбросила в воздух окровавленную балисарду.

Жан-Люк – до меня не сразу дошло, что это он, – прыгнул на нее.

– Осторожно! – крикнул я, и Лу грациозно развернулась и взмахом руки подбросила его в воздух. Жан-Люк рухнул на обломок льда, чуть не напорвшись на него. И наконец я понял.

Она забрала у него балисарду.

Завидев отца, Терранс заскулил и попытался подползти к нам. Половина его тела казалась как будто бы.. обвисшей. Переломанной. Искалеченной. Блез забился в моих руках, извернулся, пытаясь укусить меня прямо в рану на предплечье, и я выпустил его. Он тут же вскочил, схватил Терранса зубами за загривок и потащил прочь, подальше от угрозы.

Я увернулся от атаки одного из шассеров и бросился к Лу. Когда я схватил ее, она расхохоталась. И этот ее взгляд.. Я сжал Лу крепче.

– Что происходит?

- Лу должна растопить лед! - воскликнула Коко, которая уже сражалась с Жаном-Люком.

Он был ранен, но бился яростно - может быть, как раз поэтому. Я почти мгновенно осознал, что ранить Коко Жан-Люк не хотел - он хотел ее убить.

- Она не слушает..

Договорить Коко не успела - Жан-Люк замахнулся на нее куском льда. Она почти увернулась, но тот все равно угодил ей в грудь, и Коко сдавленно охнула.

Все еще мало что понимая и не оправившись от ужаса, не зная, помогать ли Коко или Лу, я взял лицо Лу в ладони.

- Ну привет, - выдохнула она, прижимаясь ко мне. Глаза ее были все так же пугающе пусты. - Лед тебя спас?

- Спас, - быстро солгал я. - Но теперь его нужно растопить. Сможешь? Растопишь лед для меня?

Лу склонила голову набок, и в ее безжизненных глазах мелькнула растерянность. Я затаил дыхание.

- Конечно. - Она моргнула. - Для любимых людей я сделаю все что угодно, Рид. Ты ведь это знаешь.

От этих слов, таких простых, меня пробрал озноб. Да, я это знал. Знал, что Лу готова замерзнуть насмерть в ручье, лишь бы помочь мне дышать, готова пожертвовать собственной памятью, чтобы согреть меня.

Я знал, что она могла пожертвовать теплом души, самой своей человечностью, чтобы защитить меня от лу-гару.

- Растопи лед, Лу, - сказал я. - Скорее.

Лу кивнула и опустилась на колени. Затем прижала ладони к земле, и я отступил, чтобы защитить ее. Ударом оттолкнул шассера, который подошел слишком близко. Мысленно помолился, чтобы узор оказался обратим. Чтобы все еще можно было исправить.

Весь мир, казалось, застыл. Лу закрыла глаза, и на нас волной хлынуло тепло. Земля оттаяла под ее ладонями. Подвешенные шассеры опустились на ноги, пойманные в плен волки стали вылизывать высвобожденные лапы. Я молился. Молился, молился и молился.

Прошу, пусть она вернется ко мне. Прошу.

Ищи нас.

Когда Лу встала, трясая головой, я стиснул ее в объятиях.

- Лу.

- Что...

Она отпрянула, увидев кровавый пейзаж вокруг. Шассеры и оборотни с опаской наблюдали за Лу, не зная, что делать дальше. Никто явно не рвался снова подходить к ней. Даже с балисардами. Клинок Жана-Люка висел у Лу на поясе.

- Что случилось?

- Ты нас спасла, - твердо сказала Коко.

Рубашка ее перепачкалась в крови, а сама Коко была бледна и едва стояла на ногах, но все равно выглядела лучше Жана-Люка. Он лежал перед ней, тяжело дыша. А когда попытался встать, Коко пнула его по лицу.

- И больше ты никогда... никогда и ни за что не будешь так делать. Ты меня слышала? Даже если Рид будет связанный стоять у кострового столба... - Она осеклась и схватилась за рану.

Лу подскочила к Коко и успела как раз вовремя - та упала прямо ей в руки.

- Все хорошо, - слабо проговорила Коко. - Рана исцелится. Колдовства не нужно.

- Тупые... твари. - Схватившись за нос, Жан-Люк пополз к ним. Меж его пальцев струилась кровь. - Я вас обеих на клочки порежу. Отдавайте живо. Отдавайте балисарду...

- Довольно, - послышался низкий и страшный голос Блеза, а затем и он сам вышел на свет. Оборотни встревоженно поежились. На руках Блез держал Терранса. Лоб мальчика покрылся испариной, и дышал он слишком часто. С трудом. Терранс уже принял обличье человека, и стало очевидно, что вся правая сторона тела ему не повинуется. Бурый волк рядом с Анселем вскрикнул. Раздался характерный хруст костей, и к брату бросилась Лиана. Я отвел взгляд, чтобы не видеть ее обнаженное тело, но все равно слышал ее крики.

- Терранс! Нет, нет, нет! Матушка-луна, прошу!.. Терранс!

Блез оглядел сначала шассеров, затем Лу.

- Кто это сделал?

Жан-Люк сплюнул кровью.

- Колдовство.

Все глаза обратились к Лу. Она побледнела.

- Я могу его исцелить. - Коко подняла голову с плеча Лу. Глаза ее остекленели от боли. - Несите его сюда.

- Нет. - Я шагнул вперед, и Блез зарычал. - Спокойно, Блез. Я... Я могу исцелить твоего сына.

Я достал из кармана фиал с кровью и медом.

Губ Коко коснулась тень улыбки. Она кивнула.

- У него внутренние увечья. Он должен это выпить.

Я подошел ближе, и Блез не стал мне мешать. Он позволил мне поднести фиал к губам Терранса.

- Пей, - поторопил я мальчика, заливая жидкость ему в рот.

Терранс слабо сопротивлялся, но Блез держал крепко. Когда мальчик выпил все до капли, мы стали ждать. Даже Жан-Люк. Он с изумлением и отвращением наблюдал, как дыхание Терранса становится глубже. Как к его лицу приливает кровь. Одно за другим ребра Терранса со щелчком возвратились на свои места. Мальчик охнул от боли, но Блез погладил его по волосам, шепча что-то в утешение.

По щекам старика текли слезы.

- Père[16]? - Терранс распахнул глаза, и Блез расплакался еще пуще.

- Да, сынок. Я здесь.

Мальчик застонал.

- Ведьма, она...

- Ее никто не тронет, - вмешался я. И посмотрел Блезу в глаза.

Миновало тревожное мгновение, но в конце концов тот кивнул.

- Ты спас моему сыну жизнь, Рид Диггори. Я перед тобой в долгу.

- Нет. Это я в долгу перед тобой. - Я посмотрел на Терранса, и внутри снова все скрутило. - Знаю, это ничего не изменит, но я очень сожалею о том, что натворил. И о том, что... - Я тяжело сглотнул и отвел взгляд. Лу стиснула мою ладонь. - Что я не в силах вернуть вам Адриана.

- Боже. - Жан-Люк закатил глаза и махнул шассерам. - Хватит с меня. Взять их всех. Зверя в том числе. Еще успеют подружиться в темнице Башни, пока не окажутся на костре. - Он повернулся к Лу и смерил ее свирепым взглядом. - А эту - убить. Сейчас же.

Блез оскалился. Он шагнул ко мне и встал рядом, и остальные волки последовали его примеру. Они глухо зарычали. Ощетинились. Я вскинул свои клинки, а вместе со мной и Ансель. Лу все еще была бледна, но и она подняла свободную руку, одновременно помогая Коко не упасть.

- Это вряд ли, - сказал Блез.

Бо вышел вперед.

– Можете считать, что я с ними. И поскольку моего отца здесь нет, я говорю и от его имени тоже. А значит... Я выше тебя по званию. – Он ухмыльнулся и коротко кивнул шассерам. – Сложить оружие. Это приказ.

Жан-Люк уставился на него, трясаясь от гнева.

– Они не станут тебе подчиняться.

– Тебе тоже, раз уж ты остался без балисарды.

Шассеры заколебались.

– У нас есть предложение, – сказала Лу.

Я вновь напрягся. Мы чудом избежали главной угрозы, но Лу могла одним словом опять все усугубить.

Услышав ее голос, Блез снова оскалился. Один из волков зарычал. Лу не обратила внимания на них обоих – она смотрела только на Жана-Люка. Он невесело хохотнул.

– Хочешь предложить сжечь себя на костре?

– Не меня. Моргану.

Раздражение на его лице сменилось удивлением.

– Что?

– Мы знаем, где она.

Жан-Люк сощурился.

– И с чего мне тебе верить?

– У меня нет особых причин лгать. – Лу указала его балисардой на нас. – Сейчас вы все равно не смогли бы меня задержать. Нас больше, а вы уязвимы. Но если вы вернетесь в Цезарин с нами, то, возможно, сможете довершить начатое в Модранит. Ты только подумай – Моргана все еще ранена. Если она умрет, ничто больше не будет угрожать королю Огюсту, а ты станешь новым героем королевства.

– Моргана в Цезарине? – резко спросил Жан-Люк.

– Да. – Лу посмотрела на меня. – Мы.. полагаем, что она задумала совершить нападение во время похорон Архиепископа.

Воцарилось тяжелое молчание. Наконец Блез холодно спросил:

– Почему именно вы так полагаете?

– Мы получили записку. – Лу достала листок из сапога. – Это почерк моей матери, и здесь говорится о гробе и о слезах.

Блез с подозрением посмотрел на нее.

- Если твоя мать дала тебе эту записку, почему просто не забрала тебя сразу?

- Она играет с нами. Заманивает в ловушку. Моргана любит такие игры. Также и по этой причине мы считаем, что она нанесет удар во время похорон Архиепископа. Чтобы заявить о себе. Насыпать соли на рану всему королевству. Ля-Буазен и Алые дамы уже согласились нам помочь. С вашей помощью мы наконец сможем одолеть Моргану.

- Нам нужна твоя помощь, frère[17]. - Поколебавшись секунду, я наконец протянул Жану-Люку руку. - Теперь... теперь ты - капитан шассеров. Твоя поддержка могла бы убедить короля примкнуть к нам.

Он оттолкнул мою руку и осклабился.

- Ты мне не брат. Мой брат умер вместе с моим отцом. Мой брат не стал бы защищать одну ведьму, чтобы победить другую, - он бы прикончил их обеих. И ты глупец, если полагаешь, что сам король согласится примкнуть к вам.

- Я все тот же, Жан. Я - все еще я. Помогите нам. Все может стать как прежде. Мы могли бы вместе почтить память нашего отца.

Секунду Жан-Люк смотрел на меня.

А потом ударил по лицу.

Я отшатнулся, чувствуя, как из глаз льются слезы, а из носа - кровь. Лу зарычала и попыталась прыгнуть вперед, но на ней повисла Коко. Вместо нее Ансель и Бо шагнули ко мне и встали рядом. Первый попытался сдержать Жана, который уже снова ринулся на меня, а второй наклонился осмотреть мой нос.

- Перелома нет, - пробормотал он.

- Я почти память нашего отца... - Жан-Люк пытался высвободиться из хватки Анселя, который держал его на удивление крепко, - когда брошу тебя на костер за все, что ты натворил. И Господь мне свидетель, ты сгоришь дотла. Я сам зажгу огонь.

Кровь струилась у меня по подбородку.

- Жан...

Он наконец оттолкнул Анселя.

- Он был бы очень разочарован тем, как низко пал его золотой сынок.

- Да хватит уже, Жан-Люк! - рявкнула Лу. - Любовь мертвеца тебе не заслужить. Да и когда Архиепископ был жив, он насквозь тебя видел и прекрасно понимал, какой ты мелкий сопливый крысеныш...

На этот раз, совсем обезумев от гнева, Жан-Люк кинулся на нее, но путь ему преградил Блез. Лицо его было каменным. Лиана, Терранс и остальные встали у Жана-Люка за спиной. Некоторые оскалились – их острые резцы блестели в полутьме. Другие засверкали желтыми глазами.

– Я предоставил Риду Диггори и его спутникам убежище, – проговорил Блез ровно. Спокойно. – Уходи с миром сейчас, или не уйдешь никогда.

Лу яростно затрясла головой.

– Блез, нет, нельзя их отпускать вот так...

Жан-Люк снова бросился на нее.

– Отдай балисарду...

Волки вокруг нас зарычали возбужденно и нетерпеливо.

– Капитан... – Незнакомый мне шассер коснулся локтя Жана-Люка. – Возможно, нам лучше уйти.

– Я не уйду без...

– Нет. – Блез вскинул руку. Волки подступили еще ближе. Теперь они были слишком близко. Достаточно, чтобы укусить. Чтобы убить. Их рычание слилось в единый беспрестанный гул. – Уйдешь.

Больше шассеров уговаривать не пришлось. Лихорадочно оглядываясь, они схватили Жана-Люка и потащили прочь, не слушая его возражений. Даже когда они уже исчезли за деревьями, крики Жана-Люка все еще эхом доносились до нас.

Лу резко обернулась к Блезу.

– Что ты натворил?

– Спас тебя.

– Нет. – Лу в ужасе смотрела на него. – Ты их отпустил. А мы ведь им весь свой план рассказали. Теперь они знают, что мы едем в Цезарин. Знают, что мы собираемся пойти к королю. Если Жан-Люк его предупредит, нас схватят сразу же, как мы войдем в замок.

Морщась от боли, Коко поудобнее оперлась на плечо Лу.

– Она права. Огюст не станет нас слушать. Мы только что лишились преимущества неожиданности.

– Может быть... – Лу посмотрела на стаю. – Может, если мы явимся к нему все вместе, то заставим выслушать нас.

Но Блез покачал головой.

- Это ваша борьба, не наша. Рид Дигтори лишил жизни моего первого сына, но спас второго. Он исполнил свой долг. Более мой род не будет охотиться на него, и вы с миром покинете наши земли. Но я ничего не должен Риду и заключать с вами союз не обязан.

Лу ткнула в него пальцем.

- Это чужья собака, и вы сами это знаете...

Он прищурился.

- А ты, Луиза ле Блан, радуйся, что я не требую твоей крови после всего, что ты натворила.

- Он прав. - Я взял Лу за руку и слегка сжал, когда она попыталась возразить. - И нам нужно уходить сейчас же, если мы надеемся успеть в Цезарин раньше Жана-Люка.

- Что? Но...

- Стойте. - К моему удивлению, вперед шагнула Лиана. Она решительно вздернула нос. - Быть может, ты и впрямь ничем ему не обязан, рёге, но он спас моего брата. Я обязана ему всем.

- И я тоже. - Терранс подошел к ней. Он был юн, но когда кивнул на меня, в его лице была такая же каменная решимость, как и у его отца. Мне в глаза он не смотрел. - Мы будем сражаться с вами.

- Нет. - Блез резко качнул головой и понизил голос до шепота. - Дети, я уже сказал вам, что наш долг выплачен...

Лиана накрыла его ладони своими и сжала их.

- Наш долг - не твой. Адриан был твоим сыном, рёге, но мы его не знали. Для нас с Террансом он чужак. Мы должны почтить свой долг - особенно сейчас, пред ликом нашей матери. - Она посмотрела на полную луну. - Ты позволишь нам отречься от этого долга? Она едва вернула нам Терранса, а ты готов так скоро отвергнуть ее дар?

Несколько секунд Блез смотрел на своих детей. А затем - уступил. Решимость оставила его. Со слезами на глазах он поцеловал в лоб их обоих.

- Ваши души сверкают ярче всех на свете. Конечно же, вы должны идти, и я... пойду с вами. Я исполнил долг людской, но не отеческий. - Он посмотрел мне в глаза. - Моя стая останется здесь. И ты более никогда не ступишь на наши земли.

Я отрывисто кивнул.

- Ясно.

Мы развернулись и бросились бежать к Цезарину.

Обещание

Рид

К следующему утру Блез, Лиана и Терранс обогнали нас и отправились на разведку, пообещав вернуться и рассказать, что ждет впереди. Когда они снова нас нашли – всего в миле от Цезарина, под сенью деревьев у Ле-Дана, – то поведали именно о том, чего мы больше всего опасались. Шассеры оцепили город кольцом. Они проверяли все повозки и телеги, ничуть не скрывая своих намерений.

– Они ищут вас. – Лиана вышла из-за можжевельника в свежей одежде и подошла к отцу и брату. Взгляд ее был мрачным. – Некоторых я узнала, но Жана-Люка не видела. Его здесь нет.

– Полагаю, он направился напрямик к моему отцу. – Бо поправил капюшон и отглядел дорожный затор. С виду он был совершенно спокоен, но руки у него дрожали. – Отсюда и оцепление.

Лу раздраженно пнула ветвь можжевельника. Снег посыпался ей в сапоги, и она выругалась.

– Вот ведь гаденыш. Ясное дело, его здесь нет. Он ведь не хочет, чтобы все увидели, как он при виде меня обмочит штаны. Реакция, впрочем, более чем уместная.

Несмотря на ее бахвальство, от такой толпы мне стало неуютно. Чем ближе мы подходили к городу, тем хуже становилось, ведь в Цезарин вела только дорога Ле-Дан. Отчасти мне даже было приятно, что столько людей пришли почтить память Архиепископа. Отчасти же я не знал, что и чувствовать. Каждый голос, каждое лицо служили мне напоминанием о содеянном, и отстраниться от воспоминаний я уже не мог. Двери моей крепости тряслись, стены дрожали. Но я не мог думать об этом сейчас, да и вообще ни о чем, кроме Лу.

– С тобой все хорошо? – шепнула она мне незадолго до того, когда мы прятались среди деревьев.

Я вгляделся в лицо Лу. Похоже, она обратила вспять свой роковой узор, но внешность порой бывает обманчива. А вот воспоминания – вечны. Я знал, что никогда не забуду, как она стояла посреди замерзшего болота и выгибала пальцы, такая же жесткая и холодная, как лед у нее под ногами. Я сомневался, что и сама Лу сможет это забыть.

– А с тобой? – шепнул я.

Лу не ответила.

Сейчас же она шепталась со своими матаготами. Ночью к нам присоединился третий. Это была черная крыса. Она сидела на плече Лу, ярко сверкая глазами-бусинками. Никто и словом не обмолвился об этом. Никто даже не смел смотреть на эту крысу, будто она могла просто исчезнуть, если не обращать на нее внимания. Но напряжение в плечах Коко говорило само за себя, как и мрачный взгляд Анселя. Даже Бо встревоженно покосился на меня.

Что до волков, то они даже близко к матаготам не подходили. Блез с отвращением кривился, когда Абсалон подступал слишком близко.

- Что такое? - Я взял Лу за руку и отвел в сторону. Матаготы, точно тени, следовали за ней. Если я сброшу крысу с ее плеча, если вцеплюсь в шею коту и лисице, они оставят ее в покое? Или вместо нее станут преследовать меня?

- Я отправляю послание Клоду, - сказала Лу, и лисица исчезла в облаке дыма. - Может быть, он знает, как незаметно пробраться через оцепление.

Бо вытянул шею, беззастенчиво подслушивая нас.

- И это твой план? - с едким сомнением спросил он. - Я, конечно, понимаю, что Клоду как-то удалось... спрятать тебя в Бушене, но тут тебе не простые бандиты, их так легко не проведешь.

- Ты прав, - резко ответила Лу, обернувшись к нему. - Это не бандиты, а охотники с балисардами. С Жаном-Люком мне повезло - я знала, как его задеть. Отвлекла его, обезоружила. Его люди не смели тронуть меня, пока он был в моей власти. Но сейчас его здесь нет, и я сомневаюсь, что смогу одолеть штук двадцать шассеров, если только совсем уж из кожи вон не вылезу. Может, даже в буквальном смысле. - Она досадливо вздохнула и погладила крысу по носу, будто... будто пыталась успокоиться. У меня внутри все скрутило. - А нам ведь нужно не тревогу поднимать, а наоборот, пробраться тихо и быстро.

- Они будут ждать колдовства, - поспешно добавил я. Что угодно, лишь бы не позволить Лу изменить свой замысел. Лишь бы не дать ей ступить на другой путь. - И на Ле-Дане Клод Деверо сумел нас укрыть. Может, и здесь сумеет.

Бо всплеснул руками.

- Сейчас все совсем по-другому! Они знают, что мы здесь. Обыскивают каждую повозку. Чтобы спрятать нас, Клоду придется буквально заставить нас исчезнуть.

- У тебя есть другой план? - Лу и крыса одновременно смерили Бо сердитым взглядом. - Если да, милости просим, поделись с классом. - Когда тот не ответил, она горько усмехнулась. - Вот и я о том же. А теперь сделай всем присутствующим одолжение и заткнись наконец. И без тебя тошно.

- Лу, - тихо сказала Коко, но та только отвернулась, скрестила руки на груди и хмуро уставилась на снег. Мои ноги сами шагнули к Лу, будто тело по своей воле хотело укрыть ее от чужих неодобрительных взглядов. Может быть, Лу их заслужила. Мне это было неважно.

- Если ты собрался меня отчитывать - тоже отвяжись. - Лу яростно утерла глаза, но одна слезинка все же скатилась по ее щеке. Я безотчетно стер ее пальцем. - Не надо. - Лу вздрогнула, отмахнулась от моей руки и снова отвернулась - теперь и от меня. Абсалон зашипел у ее ног. - Со мной все нормально.

Я не сдвинулся с места. Даже не пошевелился. Но внутренне отпрянул так, будто Лу ударила меня - будто мы оба оказались на краю пропасти и бездумно тянули друг друга за собой. Тянули и толкали одновременно. Оба пытались спастись, но были не в силах остановиться. Нас с Лу кренило к самому краю.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным.

- Прости, - прошептал я, но Лу не ответила, а вместо этого только сунула мне в ладонь балисарду Жана-Люка.

- Я не успела раньше, но пока мы ждем.. Я ее для тебя украла. Взамен той, что потеряла.

Она вдавила клинок мне в руку. Мои пальцы, повинувшись инстинкту, сжали рукоять. Серебро на ощупь казалось другим. Чужим. Жан-Люк явно бережно обращался с клинком и только недавно чистил и точил его, но он все равно не был моим. И рану в моей груди залатать не мог. Не мог заполнить пустоту. Я все равно сунул балисарду в ремень, не зная, что еще делать. Лу вяло продолжала:

- Знаю, я немного увлеклась тогда. Со... со льдом. Прости. Обещаю, такого больше не повторится.

«Обещаю».

Столько дней я надеялся услышать от нее эти слова, но теперь они были как будто пусты. Незначимы. Лу просто не понимала их смысла. Возможно, она и не могла понять. Они подразумевали под собой искренность, доверие. Я сомневался, что Лу довелось познать и то, и другое. И все же... мне хотелось ей верить. Отчаянно хотелось. И это извинение явно стоило ей немало.

Горло у меня сжалось, и я сглотнул.

- Спасибо.

После этого мы замолчали надолго. Солнце ползло и ползло по небу, но очередь едва двигалась. Я чувствовал, как остальные наблюдают за нами. Особенно волки. У меня уже начала гореть шея. И уши. Мне не нравилось, как оборотни смотрели на Лу. Они ведь знали ее только такой, какой она стала теперь, никогда не видели в ней тепла, сострадания, любви.

«А ты, Луиза ле Блан, радуйся, что я не требую твоей крови после всего, что ты натворила».

Я верил, что меня оборотни не тронут, но Лу они подобного не обещали. Чем бы ни обернулся этот день, я не хотел оставлять Лу наедине с волками. Не мог дать им даже шанса отомстить ей. Я горько посмотрел на Лу, на изгиб ее шеи. Она завязала волосы за затылке, а на горле – новую ленту. Это выглядело так знакомо и вместе с тем – так чуждо.

Я должен был исправить все, что с ней случилось.

Когда солнце коснулось крон деревьев, лисица наконец вернулась. Она ткнулась Лу в сапог и пристально посмотрела на нее снизу вверх. Будто одним взглядом говорила с ней.

– Она с тобой.. разговаривает? – спросил я.

Лу нахмурилась.

– Не словами. Это больше похоже на.. ощущение. Сознание Брижитты будто касается моего, и я ее понимаю. – Она вскинула голову. – Тулуз и Тьерри идут сюда.

Она не ошиблась – через несколько минут в толпе показались две знакомые темноволосые головы. Под мышкой у Тулуза была клюка. Напевая одну из мелодий Деверо, он улыбнулся Лиане, приподнял шляпу и сжал мое плечо.

– Bonjour à vous[18], – сказал он ей. – Приветствую, приветствую. Рад встретить и вас, мсье Диггори.

– Тише! – Я втянул голову в плечи, но никто на дороге не обращал на нас внимания. – Ты что, с ума сошел?

– Схожу порой. – Тулуз посмотрел на оборотней и улыбнулся шире. – Как вижу, я ошибся. Это весьма неожиданно. Признаюсь, я сомневался в твоих навыках убеждения, но никогда прежде я не был так рад собственному заблуждению. – Хохотнув, он ткнул Тьерри локтем в бок. – Пожалуй, стоит попробовать ошибаться почаще, а, братец? – Посерьезнев, он обернулся ко мне. – Не хочешь снова попробовать ту карту?

Я кивнул на его клюку.

– Ты ранен?

– Нет, конечно. – Тулуз бросил клюку мне. – Я жив, здоров и бодр, как напевы Деверо. Это, кстати, одна из его ходуль. Он шлет вам помощь.

Тьерри снял с плеча сумку и вручил ее Лу.

– Очки?

Бо с недоверием склонился над сумкой и достал проволочную оправу. Лу отпихнула его в сторону.

- Усы? Парики? И это - его помощь? Костюмы?

- Без колдовства охотников мало как можно обмануть, верно ведь? - В глазах Тулуза сверкало озорство. - А я ведь принимал тебя за умного человека, Борегар. Выходит, за день я ошибся уже дважды. Поразительно.

Я не слушал их обоих - в моих мыслях зазвучал голос Тьерри.

«Прости. Клод хотел бы прийти сам, но он не может оставить Зенну и Серафину».

Я напрягся. «С ними что-то случилось?»

«В городе опасно, Рид. Даже хуже прежнего. Жан-Люк предупредил короля об угрозе Морганы, и шассеры только этим утром задержали трех женщин. Остальные стерегут Огюста и его дочерей в замке. Тулуз больше не хочет помогать вам».

Я вздрогнул.

«Что?»

«Карта, Рид. Докажи, что он ошибся в третий раз».

«Да что здесь может решить какая-то карта?»

«Всё».

Тьерри вздохнул и покачал головой, когда Лу снова оттолкнула Бо от себя подальше.

«Ты мне нравишься, охотник, поэтому я помогу тебе еще раз напоследок. В замке Моргана не может тронуть короля, но сегодня вечером он отправится на похоронное шествие. Почтить Святого Отца - его монарший долг. Если Моргана нанесет удар, то именно тогда. Жан-Люк будет с ним, но балисарды у него больше нет. - Он посмотрел на сапфировую рукоять на моем ремне. - Еще дюжина шассеров пока что очень юны и неопытны. Они принесли присягу лишь сегодня утром».

Турнир. Я устало закрыл глаза. Среди всех ужасов, что произошли на Ле-Дане, я совсем позабыл о шассерском турнире. И если прежде я еще мог сомневаться, что Моргана нападет на похоронах, то теперь все сомнения развеялись. Братство никогда еще не было слабее, чем теперь, толпа - больше, а ставки - выше. Все сложилось как нельзя удачно для очередного наступления Морганы, даже удачнее, чем в День Святого Николая. Нам нужно было попасть в город. Как можно скорее.

«Неужели Клод больше ничем не может помочь?»

«Клод тебе не нужен. Просто верь самому себе».

Я посмотрел на Лу. Она все еще препиралась с Бо. Тулуз, явно забавляясь, наблюдал за этим.

«Если ты намекаешь на колдовство, я не стану использовать его».

«Магия тебе не враг, Рид».

«Но и не друг тоже».

«Тебе незачем ее бояться. Ты не Луиза. Ты – разум, она – чувства. Ты – земля. Она – огонь».

Я ощутил прилив гнева. Снова загадки и экивоки.

«О чем ты?»

«Ее решения – не твои, друг мой. Не обрекай себя на ее судьбу. Мы с братом много лет используем магию и все еще владеем собой. Равно как и Козетта. Магия – могущественный союзник, если знать в ней меру».

Но я услышал лишь часть его слов.

«Ее судьбу?»

Будто отвечая мне, Бо пробормотал:

– Никогда не думал, что умру в костюме старой карги. Что ж, полагаю, бывают смерти и поскучнее. – Он хотел бросить очки обратно в сумку и, увидев мой нерешительный взгляд, повысил тон: – А что? Ты ведь и сам знаешь, чем все кончится. Мы вооружаемся тряпками против стальных клинков врага. Господи боже, да мы же в маскарад играем. Шассеры просто в пику подобному неуважению нас прикончат.

– Ты забываешь, что я пиками каждое утро размешиваю чай. – Лу выхватила у него очки и водрузила себе на нос. – И потом, игры в маскарад меня пока не подводили. Что плохого вообще может случиться?

Испытание огнем

Рид

Плохого случилось немало.

– Туда. – Лу, спрятавшись среди нижних ветвей сосны, указала на повозку, что стояла в отдалении от прочих. Лошадь в упряжке казалась худой, старой. Вожжи держал мужчина средних лет. Судя по грубой коже и мозолистым рукам, он был земледельцем, судя по изможденному лицу – бедняком.

- Нет, - отрезал я, резко качнув головой. - Я не стану пользоваться людской слабостью.

- Станешь, если жить хочешь.

Я промолчал, и Лу досадливо вздохнула.

- Слушай, в пределах мили крытых повозок только две. Я спрячусь там. - Она указала на золоченую карету, которая стояла перед повозкой крестьянина. - Так что буду неподалеку на случай, если тебе понадобится помощь. Только крикни, но не забудь - я Люсида, а не Лу.

- Ты с ума сошла. - У меня сжалось сердце от мысли о том, что я собирался сделать. - Ничего не выйдет.

- С таким настроем - точно не выйдет!

Лу схватила меня за плечи и повернула к себе. К моему горлу подкатила тошнота. Лу была наряжена в бархатный костюм и шляпу Деверо, а на носу у нее красовались золотые очки. Она изображала из себя ученого сына знатных родителей, который возвращался домой из Амандина.

- И не забудь свою легенду. Бандиты на тебя напали и сломали нос. - Она поправила окровавленный бинт на моем лице. - И ногу. - Она похлопала по самодельному костылю, который мы смастерили из клюки. - Просто постучи. Жenuшка этого земледела точно тебя пожалует.

- А если нет?

- Выруби ее. Затащи внутрь. Зачаруй. - Лу даже не глазом не моргнула, предложив мне ударить ни в чем не повинную женщину. - Сделай все, что будет нужно, чтобы пробраться в повозку.

- Ты же вроде бы говорила, что никакого колдовства не будет.

Лу нетерпеливо фыркнула.

- Сейчас не время цепляться за принципы, Рид. Использовать колдовство открыто слишком опасно, но в стенах повозки - делай что потребуется. Если хоть кто-нибудь нас узнает - нам конец.

- А что делать, когда шассер придет обыскать повозку?

- На тебе парик. И бинт на лице. Возможно, ты зря волнуешься. А если все же он тебя узнает или что-то заподозрит, тебе придется его обезвредить, но так, чтобы он остался в сознании. Иначе он не сможет пропустить тебя через оцепление.

- Ни один шассер меня не пропустит, даже если я пригрожу перерезать ему глотку.

- Пропустит, если его зачаровать.

Я открыл рот, чтобы возразить – или же наконец дать тошноте волю, – но Лу как ни в чем не бывало продолжала:

– Главное – никаких сцен. Провернуть все нужно быстро и тихо. Только так мы сможем выжить.

Мой рот наполнился слюной, и я попытался сделать вдох, вцепившись в свой плечевой ремень. Встречи с братьями я не боялся. Не боялся битвы и увечий. Не боялся даже оказаться в плену, но знал, что, если шассеры задержат меня, Лу тут же вмешается, тогда они вызовут подмогу, выследят ее, и на этот раз сбежать ей не удастся.

Я не мог этого допустить.

Даже если придется использовать колдовство.

«Магия тебе не враг, Рид».

«Магия – могущественный союзник, если знать в ней меру».

– Я не стану. Не смогу, – еле выдавил я. – Кто-нибудь учует. И поймет, что мы здесь.

Лу застегнула мне пальто, скрывая из виду ремень с клинками.

– Может быть. Но на дороге полно народу. Шассеры далеко не сразу поймут, откуда исходит запах колдовства. Ты успеешь заставить зачарованного шассера пропустить тебя прежде, чем они во всем разберутся.

– Лу. – В моем голосе слышалось отчаяние, мольба, но мне это было неважно. – Слишком много всего может пойти наперекосяк...

Она быстро поцеловала меня в щеку.

– Ты справишься. А если нет, если что-нибудь и впрямь случится, просто дай шассеру в нос и беги со всех ног.

– Прекрасный план.

Лу хихикнула, но прозвучало это натянуто.

– У Коко и Ансея ведь получилось.

Они притворились молодоженами и уже успели пешим ходом проникнуть в город. Шассер, который досматривал Коко и Ансея, был из новичков, поэтому в Цезарин они пробрались без происшествий. Бо вообще не стал наряжаться в костюмы, а вместо этого нашел себе красивую молодую вдову, которая провезла его в город тайком. Она едва чувств не лишилась при виде его королевской особы. Блез и другие оборотни не стали рассказывать нам, как собирались проникнуть в город. Но судя по тому, что никакой суматохи нигде не было видно, им удалось сделать это незаметно.

Я сомневался, что нам с Лу повезет так же.

- Рид. Рид.

Я очнулся, вынырнув из пучины мыслей. Лу говорила все быстрее:

- Зачарование обычно легко происходит само собой, но если тебе потребуется узор - сосредоточься на конкретной цели. Представь, чего хочешь достичь. И помни: главное - равновесие.

- Мне в колдовстве ничто и никогда не давалось легко.

Лжец.

- Это потому, что ты переполнен ненавистью к нему и сам ставишь себе палки в колеса, - ответила Лу. - Откройся своей магии. Призови ее, прими, и все придет само. Ты готов?

Ищи нас.

Мои губы онемели.

- Нет.

Но времени на споры не оставалось. Повозка и карета почти поравнялись с нами.

Лу стиснула мою ладонь и, отведя взгляд от кареты, посмотрела на меня.

- Я знаю, между нами многое переменилось. Но я хочу, чтобы ты знал: я тебя люблю. И ничто никогда этого не изменит. И если ты сегодня умрешь, я найду тебя в загробном мире и по первое число всыплю за то, что ты меня оставил. Понятно тебе?

- Я... - слабо выговорил я.

- Вот и славно.

И на этом Лу была такова. Она вытащила из сумки книгу и бросилась к карете.

- Excusez-moi, monsieur! - крикнула она вознице, надвинув очки на нос. - Моя лошадь потеряла подкову...

Голос Лу стих в толпе, а у меня в душе разверзлась пустота.

«Я люблю тебя. И ничто никогда этого не изменит».

Черт.

Я не успел сказать ей того же в ответ.

Нарочито прихрамывая и опираясь на костыль, я направился сквозь толпу к повозке. Очередь встала намертво, и крестьянин меня не заметил - он

прогонял чумазого ребенка, который швырялся камнями в его лошадь. Я постучался, потом еще раз. Ноль ответа. Я постучал громче.

– Чего надо? – Очень худая скуластая женщина с сильно выступающими зубами наконец высунулась наружу. На шее у нее висел крестик, волосы покрывал чепчик. Выходит, она из набожных. Возможно, едет в Цезарин воздать должное патриарху. У меня в груди затеплилась надежда. Возможно, эта дама в самом деле сжалится надо мной. Ведь Господь велел помогать нуждающимся.

При виде ее хмурого лица моя надежда слегка дрогнула.

– Для бродяг еды не держим, так что проваливай!

– Прошу прощения, мадам, – быстро сказал я и вцепился в дверцу, пока она ее не захлопнула. – Но мне вовсе не нужно еды. На дороге на меня напали разбойники... – Я постучал по повозке костылем в доказательство своих слов. – И продолжать путь пешком ходом я, увы, не могу. У вас в повозке не найдется места для еще одного человека?

– Нет, – рявкнула она, все еще пытаюсь закрыть дверь. Ни тени сомнений или сожалений. – Не для тебе подобных. Ты ажно третий, кто за утро к нам стучит, и я тебе скажу то же, что другим сказала – мы нынче чужаков к себе не берем. Повечеру-то похороны Его Высокопреосвященства. – Женщина стиснула тонкими пальцами крестик на груди и закрыла глаза. – Да хранит Господь евойную душу. – Она приоткрыла глаза, увидела, что я все еще стою перед ней, и добавила: – Вот и катись отсюда.

Повозка медленно двинулась вперед, но я держал крепко, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. Думать как Лу. Лгать.

– Прошу вас, мадам, я ведь не ведьмак, и мне очень нужна помощь.

Она растерянно поджала морщинистые губы.

– Ясен пень, ты не ведьмак. Думаешь, я дура совсем? Не бывает никаких ведьмаков, мужики ж колдовать не умеют.

Люди, что стояли ближе всего, обернулись и уставились на нас. С удивлением и опаской.

Я выругался про себя.

– Бернадетта? – Голос крестьянина заглушил гомон толпы. Еще несколько человек обернулись к нам. – Этот парнишка тебе докучает?

Прежде чем Бернадетта успела ответить и тем самым обречь меня на неудачу, я прошипел:

– Кто презирает ближнего своего, тот грешит; а кто милосерд к бедным, тот блажен.

Она сощурилась.

– Чего-чего?

- Дающий нищему не обеднеет; а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий.

- Ты что же, сопляк, Писание мне читать вздумал?

- Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его.

- Бернадетта! - Крестьянин поднялся с козлов. - Ты меня слышишь? Шассера позвать?

- Мне продолжить? - Я крепко держал дверцу дрожащими пальцами. И сжал еще крепче, сверля женщину суровым взглядом. - Ибо Господь велит...

- Ладно, кончай уже. - Бернадетта снова скривилась, но оглядела меня с невольным одобрением. - Мне от всякого отрешья поучений в праведности не надобно. - Она крикнула мужу: - Все в порядке, Лиль! Этот ногу сломал, вон, подвезти просит.

- Ну так скажи ему, что мы не...

- Что захочу, то и скажу! - Женщина мотнула головой, указывая себе за спину, и распахнула дверцу. - Заходи давай, святоша, покуда я не передумала.

В повозке у Бернадетты все выглядело совсем не так, как у «Труппы Фортуны». Повозка труппы была битком набита всякой всячиной. Там нашлось место и сундукам с костюмами и побрякушками, и ящикам с едой, и реквизиту, и фонарям, и койкам с постельным бельем.

Здесь же не было ничего, кроме одного-единственного одеяла и почти пустой котомки с едой. Рядом стоял горшок.

- Как я и сказала, - пробурчала Бернадетта, усаживаясь на пол. - Для бродяг еды не держим.

В каменной тишине мы ждали, пока повозка не подъедет к оцеплению.

- На кого-то ты похож, - наконец заявила Бернадетта несколько минут спустя. Она с подозрением всмотрелась в мое лицо. Слишком внимательно. Оглядела черный парик и угольно-темные брови. Окровавленный бинт на носу. Я невольно его поправил. - Мы раньше не встречались, а?

- Нет.

- А в Цезарин зачем едешь?

Я уставился на свои руки, но даже не видел их. Чтобы посетить похороны человека, которого я убил. Чтобы побрататься с ведьмами крови и оборотнями. Чтобы убить мать любимой женщины.

- Затем же, зачем и вы.

- Что-то не смахиваешь ты на верующего.

Я хмуро посмотрел на нее.

- То же и о вас могу сказать.

Бернадетта хмыкнула и скрестила руки на груди.

- Языкастый ты, я гляжу. И неблагодарный. Надо все-таки было тебя отправить восвояси, топал бы сейчас на своих двоих как все, со сломанной-то ногой.

- Подъезжаем! - крикнул снаружи Лиль. - До города почти добрались!

Бернадетта встала, направилась к головной части повозки и опять высунулась наружу. Я последовал за ней.

Впереди виднелись серые очертания Цезарина. Джина шассеров объезжали толпу, замедляя движение. Некоторые оглядывали пеших странников, некоторые проверяли повозки и кареты. Я узнал восьмерых. Восьмерых из двенадцати. Когда один из этих восьмерых, Филипп, направился к нашей повозке, я выругался.

- За языком следи! - возмутилась Бернадетта и ткнула меня локтем. - И посторонись-ка... - Она осеклась, увидев мое лицо. - Что-то ты бел как мел.

Филипп указал на нас, и над процессией прогремел его низкий голос:

- Эту мы уже проверили?

Филипп был старше меня на несколько десятков лет. Борода у него была с проседью, но грудь - все так же широка, а руки все так же сильны. После сражения с Адрианом и его сородичами у него на горле до сих пор остался шрам.

В тот день я лишил его славы и возможности продвинуться по службе. Он меня за это ненавидел.

Твою мать.

Балисарда Жана-Люка тяжким весом сдавила мне грудь - она была тяжелей всех прочих клинков. Если Филипп меня узнает, придется или разоружить, или убить его. А убить его я не сумею. Не смогу лишиться жизни еще одного брата. Но если вместо этого я его обезоружу, придется...

Нет. Мой разум воспротивился этой мысли.

«Сейчас не время цепляться за принципы, Рид, - сказала Лу. - Если хоть кто-нибудь нас узнает, нам конец».

Она была права. Конечно же, права. И даже если после этого я буду последним лицемером и попаду в ад, я знал, что дам волю коварным голосам. Позволю золотым узорам вздернуть себя в петле. Если это спасет Лу - я был готов. И к черту последствия. Я был готов.

Но как?

«Откройся своей магии. Призови ее, прими, и все придет само».

На Модранит я ничего не призывал, и все же узор появился. То же случилось и у ручья возле Ямы. В обоих случаях я был в отчаянии. Утратил последнюю надежду. Моргана тогда перерезала Лу горло, а я смотрел, как ее кровь наполняет чашу, как жизнь капля за каплей покидает Лу. Из бездны моего отчаяния выросла золотая нить, и я действовал, повинуюсь инстинкту. Больше ни на что времени у меня не было. А тогда... У ручья... На ум пришло воспоминание о синих губах Лу. О ее побелевшей коже.

Но сейчас все происходило иначе. Лу не умирала прямо у меня на глазах. Я попытался снова вызвать в себе то же чувство. Если Филипп поймает меня, Лу умрет. Мысль о подобном должна была что-то пробудить во мне. Я в страхе ждал, когда плотина прорвется, когда у меня перед глазами вспыхнет золото.

Но этого не произошло.

Судя по всему, представлять смерть Лу – не то же, что видеть ее своими глазами.

Филипп уже подошел к лошадям. Я чуть не взревел от досады. Что же делать?

«Ты можешь просто попросить, – послышался наконец в моих мыслях голос – такой зловеще-тихий, он прокатился по моему нутру целым легионом голосов. Волосы у меня встали дыбом. – Ищи нас, о потерянный, и найдешь».

Испугавшись, я отшатнулся от этого голоса.

И услышал потусторонний смех.

«Тебе не убежать от нас, Рид Лабелль. Мы – часть тебя». Будто в доказательство этих слов голос крепче вцепился в самую мою сущность, все сильнее и болезненнее сдавливая мне виски, и золотые завитки змеями взметнулись вперед, глубоко вонзаясь в меня и пуская корни. В моем разуме. В моем сердце. В моих легких. Задыхаясь, я попытался сделать вдох, но они сдавили меня еще крепче. Поглощая меня.

«Так долго мы спали во тьме, но теперь пробудились. Мы защитим тебя. И никогда не отпустим. Ищи нас».

На краю зрения зловеще замаячила чернота. Я испугался еще больше. Я должен был выбраться, должен был все это прекратить...

Отпрянув, я смутно заметил, как встревожилась Бернадетта.

– Да что с тобой такое? – спросила она.

Я не ответил – просто не смог, – и она медленно подошла к своей сумке. Я смотрел на нее, силясь не смыкать веки. Рухнув на колени, я отчаянно

пытался сдержать нечто, что росло внутри меня, обуздать чудовище, готовое вырваться на свободу. Вокруг замерцал невесть откуда взявшийся свет.

«Он уже близко, дитя. Он идет сюда».

Теперь в голосе послышался голод. Предвкушение. С каждым словом незримая тяжесть все сильнее сжимала мне виски. Слепила меня. Пытала меня. Воплощала в жизнь мои кошмары. Я схватился за голову, чувствуя, как к горлу подступает крик.

«Он сожжет нас, если ты ему позволишь».

- Чего у тебя с головой-то?

Нет. Мой разум боролся сам с собой, расколотый надвое болью. Так нельзя. Это не...

- Ау, я с тобой разговариваю!

«Он сожжет Луизу».

Нет...

- Эй!

Что-то просвистело в воздухе, и мой затылок пронзила новая боль. Я рухнул на пол повозки и тихо застонал, смутно различая над собой размытый силуэт Бернадетты. Она замахнулась сковородкой, готовясь ударить снова.

- Помешанный ты, что ли? Так и знала! Угроздило же именно сегодня на полоумного наткнуться!

- Стойте, - я слабо поднял руку.

Странный свет мерцал все ярче.

- Прошу вас.

Бернадетта отпрянула. Лицо ее исказил испуг.

- Что это у тебя с кожей творится, а? Что такое?

- Я не... - Я всмотрелся в свою руку. В мягкий свет, который исходил от нее. Меня разом захлестнули отчаяние и облегчение - и то, и другое было отвратительно.

Ищи нас, ищи нас, ищи нас.

- Опустите сковороду, мадам.

Бернадетта яростно затрясла головой, пытаясь не опускать руку.

- Что это за ворожба такая?

Я заговорил снова, на этот раз громче. Странный гул зазвучал в моих ушах, и мне вдруг необъяснимо и нестерпимо захотелось успокоить Бернадетту – обрести умиротворение самому и подарить его ей.

– Все будет хорошо. – Даже я сам слышал, как странно звучит мой голос. Многослойно. Гулко. Некая часть меня все еще бесновалась внутри, сопротивлялась, но теперь она была бессильна. Я отказался от нее. – Опустите сковороду.

Сковорода упала на пол.

– Лиль! – Бернадетта выпучила глаза, ноздри ее раздулись. – Лиль, помоги!

Дверь повозки распахнулась в ответ. Мы обернулись и увидели на пороге Филиппа с балисардой наголо. Несмотря на бинт, парик и грим, он мгновенно меня узнал. В глазах его вспыхнула ненависть.

– Рид Диггори.

Убей его.

На этот раз я повиновался голосу без колебаний.

Быстро как молния я кинулся на Филиппа, схватил его за запястье и затащил в повозку. Он изумленно вытаращил глаза – лишь на миг – и бросился в атаку. Я со смехом и легкостью увернулся от его клинка.

Когда мой смех разнесся по повозке, такой странный и заразительный, Филипп отшатнулся.

– Быть не может, – выдохнул он. – Не может быть, что ты.. ты..

Он снова кинулся на меня, но вновь я со сверхъестественной скоростью уклонился в последний миг. Вместо меня Филипп столкнулся с Бернадеттой, и вместе они врезались в стену повозки. От ее визга моя кожа вспыхнула ярче.

Утихомирь ее!

– Тихо! – Слова по собственной воле сорвались с моих губ, и Бернадетта обмякла, наконец-то замолкнув. Глаза ее остекленели. Филипп вскочил, и в этот самый миг Лиль ворвался в повозку, вопя во все горло:

– Бернадетта! Бернадетта!

Я попытался обернуться к Лиллю, одной рукой разжимая пальцы Филиппа у себя на горле, а другой – отводя в сторону его балисарду. Мой парик упал на пол.

– Ти.. хо, – выдохнул я придушенно, когда мы с Филиппом рухнули на пол. Но Лиль не желал молчать. Он кричал и кричал, хватая Бернадетту под локти и вытаскивая ее из повозки.

– Стой! – Я вслепую замахнулся, пытаюсь его остановить, но ни одного узора не возникло перед глазами. Ни единого. Злясь на себя за беспомощность, я вдруг обнаружил, что исходящий от моей кожи свет резко погас. – Стой!

– Помогите! – Лиль выскочил на улицу. – Здесь Рид Диггори! Он ведьмак! НА ПОМОЩЬ!

Послышались новые голоса – шассеры устремились к повозке. Кровь ревела у меня в ушах, голоса предательски затихли. Я вырвался из хватки Филиппа, швырнув ему в лицо одеяло. Что ж, проникнуть в город тихо теперь явно не получится. Нужно бежать. Уносить ноги. Высвободившись из одеяла, Филипп поскользнулся на котомке с едой и пошатнулся. Я бросился за сковородой.

Прежде чем Филипп успел найти опору – прежде чем я сам успел бы передумать, – я ударил его по голове.

Громкий треск пробрал меня до костей. Филипп рухнул на пол, лишившись чувств. Я наклонился убедиться, что его грудь вздымается и опускается. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Остальные шассеры сорвали с петель дверцу повозки как раз в тот миг, когда я выскочил спереди, перемахнул через козлы и запрыгнул на спину лошади. Она возмущенно заржала, встала на дыбы, и передние колеса повозки оторвались от земли. Шассеры внутри испуганно закричали, и я услышал грохот падающих тел.

Чертыхаясь, я стал возиться со сбруей, а другие шассеры кинулись ко мне. Пряжки скользили в мокрых от пота пальцах. Я выругался и попытался снова.

– Это Рид Диггори! – закричал кто-то, и другие стали хором вторить ему:

– Убийца!

– Ведьмак!

– Держи его!

– ДЕРЖИ ЕГО!

Вконец теряя самообладание, я сорвал последнюю пряжку. Незнакомый шассер добрался до меня первым. Я пнул его в лицо, наконец-то ослабив застежку, и ударил лошадь по бокам, понукая ее. Она рванула вперед, а я изо всех сил вцепился ей в шею.

– Все прочь с дороги! – взревел я. Люди бросились врассыпную, волоча за собой детей подальше от лошади, которая уже мчалась к городу. Один мужчина замешкался, и она сломала ему ногу копытом. Шассеры-всадники помчались за мной, стремительно меня настигая. В конце концов, они ведь ездили на сильных и быстрых жеребцах, а мне досталась тощая полумертвая кобыла. И все равно я продолжал подгонять ее.

Если я успею добраться до города, может быть, сумею затеряться на улицах...

Людей стало еще больше, земляная дорога сузилась и сменилась булыжной. Я добрался до первых зданий и увидел, как с крыши на крышу, следуя за

криками толпы, ловко перепрыгивает тень. Бурно жестикулируя, она указывала на мансардное окно, которое виднелось впереди.

Я чуть не разрыдался от облегчения.

Это была Лу.

А потом до меня дошло, чего она от меня хотела.

Нет. Нет, я не смогу...

- Попался! - Один из шассеров схватил меня за пальто. Остальные тоже уже подобрались совсем близко. Пытаясь вырваться, я стал извиваться, обхватив кобылу ногами, точно тисками, но она определенно решила, что с нее хватит.

Яростно взревев, лошадь снова встала на дыбы, и я понял, что это мой шанс.

Взобравшись по ее шее и мысленно вознеся мольбы всем, кто мог меня услышать, я схватился за металлическую вывеску, которая висела у меня над головой. Вывеска прогнулась под моим весом, но я подтянулся выше, заскочил кобыле на спину, оттолкнулся посильнее и запрыгнул на окно. Лошадь поскакала дальше сама, а за ней и жеребцы шассеров.

- ОСТАНОВИТЕ ЕГО!

Задыхаясь, я попытался вскарабкаться выше. Перед глазами все поплыло.

- Просто лезь дальше! - послышался голос Лу сверху, и я вскинул голову. Она перегнулась через край крыши и тянулась ко мне. Но ее рука была так мала. Так далека. - Не смотри вниз! Смотри только на меня, Рид! Только на меня!

Внизу шассеры выкрикивали приказы, разгоняя толпу, и разворачивали лошадей.

- НА МЕНЯ, РИД!

Так. Я тяжело стлотнул и стал нащупывать выступы в каменной стене. Поднялся чуть выше. Голова у меня закружилась.

Выше.

Дыхание перехватило.

Выше.

Мышцы свело.

Выше.

Шассеры вернулись назад ко мне. Я слышал, как они спешиваются и начинают взбираться вверх.

Лу поймала меня за запястье и потянула к себе. Я всмотрелся в ее лицо и веснушки, заставил себя не отводить взгляд. Одним чистым усилием воли я перелез через край и рухнул на крышу, но времени на отдых не было. Лу подняла меня на ноги и кинулась к следующей крыше.

– Что случилось?

Я последовал за ней, стараясь контролировать дыхание. Здесь, рядом с Лу, это было проще.

– Дерьмовый у тебя вышел план.

Лу хватило наглости рассмеяться, но она быстро осеклась, когда мимо ее лица просвистела стрела.

– Скорей. За три квартала от этих болванов оторвемся.

Я не ответил. Лучше мне было помалкивать.

Ко дну

Лу

Я девушка старательная, поэтому оторваться от шассеров смогла даже не за три квартала, а за два.

Их голоса стихали позади, а мы все бежали и бежали, ныряя в темные ниши и прячась за ветхими люкарнами. Важнее всего было скрыться из виду. Когда нам наконец это удалось, затеряться в безбрежном городе оказалось легко.

Никто не умел исчезать так же ловко, как я.

Никому не приходилось делать это так часто.

Я спустилась на землю в глухом переулке на Восточной стороне. Рид спрыгнул следом секунду спустя и почти что рухнул на меня. Я попыталась удержать его на ногах, но мы оба упали на грязный бульжник. Рид, однако, меня не отпустил, а только крепко обнял за пояс и уткнулся лицом мне в живот. Я чувствовала бедром, как бешено бьется его сердце.

– Я так больше не смогу.

У меня вдруг сжалось горло, и я погладила Рида по волосам.

- Ничего. Мы сбили их со следа.

Постепенно дыхание Рида выровнялось, и наконец он сел. Я неохотно его выпустила.

- Еще до того, как ты потерпел сокрушительное фиаско, я успела отправить Шарля за мадам Лабелль. Она нашла для нас комнаты в трактире «Левиафан».

- Шарля?

- Крысу.

Он резко выдохнул.

- Ясно.

Меня снова охватил стыд, теперь уже печально знакомый. Резкие слова почти сорвались с губ, но я прикусила язык – больно, до крови – и протянула Риду руку.

- Абсалона и Брижитту я уже послала за Коко, Анселем и Бо. Шарля – к оборотням и ведьмам крови. Похороны сегодня вечером, а до тех пор мы должны успеть встретиться и придумать план.

Мы вместе поднялись на ноги, и Рид поцеловал мне руку, прежде чем выпустить ее.

- Добиться аудиенции у короля будет непросто. Тьерри сказал, что все шассеры, кроме тех, что в оцеплении, сейчас в замке. Может, Бо сумеет...

- Погоди-ка. – Я натужно хихикнула, хотя глаза у Рида горели так, что мне было совсем не смешно. – Ты же не всерьез до сих пор надеешься поговорить с Огюстом? Жан-Люк ведь его предупредил. Он знает, что ты придешь. Он... знает, что мадам Лабелль ведьма, и судя по воплям тех шассеров, скоро выяснит то же и про тебя.

Услышав последнее, Рид побледнел. Ага. Похоже, это до него дошло только теперь. Я не стала мешкать и продолжала:

- Он узнает, что ты ведьмак, – повторила я. – И не станет тебе помогать. И мне, конечно же, тоже. Рид, король нам не нужен. Алые дамы и лу-гару – достаточно могущественные союзники.

Поджав губы, Рид задумался. На его лице заиграли желваки. Я ждала, что Рид согласится со мной, но он покачал головой и пробормотал:

- Нет. Я все равно хочу с ним поговорить. Мы должны выступить против Морганы единым фронтом.

Я уставилась на него.

- Рид...

В этот миг мимо нашего переулочка пробежала ватага детей – они гнались за шипящим котом. Один мальчик, бежавший в хвосте, заметил нас и остановился. Я натянула шляпу пониже, а Рид быстро натянул бинт на глаз.

– Нам нужно уйти с улиц, – сказал он. – Проникнуть в город незаметно вышло не слишком успешно...

– Благодаря тебе...

– А на Восточной стороне скоро будет полно шассеров и констеблей.

Я помахала ребенку. Он улыбнулся мне и побежал за друзьями. Затем я взяла Рида под руку и выглянула на улицу. Там было не так людно – большинство тех, кто шел на похороны, собирались на Западной стороне, где обитали горожане побогаче. Лавки были закрыты.

– «Левиафан» находится в паре кварталов от Солей-и-Лун.

Рид прибавил шагу и снова стал прихрамывать.

– Учитывая наше совместное прошлое, в театре шассеры будут искать в первую очередь.

Что-то в тоне Рида заставило меня помедлить. Я посмотрела на него и нахмурилась.

– Кстати, о той моей выходке в театре... помнишь? Я тогда совсем не нарочно тебя подставила. Кажется, я тебе так и не рассказала об этом.

– Ты шутишь.

– Нет. – Я беззаботно приподняла шляпу, приветствуя проходящую мимо женщину. Она разинула рот при виде моего бархатного костюма. Он и правда выглядел не слишком траурно, но по крайней мере был приятно насыщенно-баклажанового цвета. Клод ведь мог и что-нибудь канареечно-желтое прислать. – Все получилось совершенно случайно, но что я могла поделать? Я же не виновата, что ты вечно так и норовишь облапать мою грудь. – Рид возмущенно засопел, и я хихикнула. – Тебя я в этом тоже ничуть не виню, не волнуйся.

Не поднимая шляпы, я внимательно наблюдала за прохожими. Повсюду витал знакомый трепет, как бывало всегда, когда в Цезарине собиралась такая толпа. Почтить покойного Архиепископа, тело которого сейчас готовили в соборе к погребению, пришли люди всех сортов – аристократы, священнослужители и простые селяне. Все они были одеты в черное, отчего и без того унылый город казался еще мрачней. Даже небо казалось хмурым, будто тоже оплакивало покойного – вот только оплакивать его вовсе не стоило.

Архиепископ не заслужил ничьей скорби.

Единственным ярким пятном на улицах были знамена – привычные флаги Лионов сменили на другие, красные, с гербом Архиепископа: медведем, извергающим фонтан звезд. Капли крови среди черно-серого моря.

– Стой. – Рид заметил что-то вдалеке, и его глаза расширились в ужасе. Он быстро вышел вперед и схватил меня за плечи, будто пытался укрыть от этого зрелища. – Назад. Давай пойдем другой дорогой..

Я отпихнула его и встала на цыпочки, чтобы посмотреть. У основания собора стояли три деревянных столба. А к ним были цепями прикованы..

– Господи, – выдохнула я.

К столбам были цепями прикованы три обугленных тела.

Безволосые, с осыпающимся конечностями, они стали почти неузнаваемы. Ступени собора позади них толстым слоем усеивал пепел – даже снег на улицах лежал не так густо. К моему горлу подкатила тошнота. Этих женщин сожгли не первыми. Далеко не первыми. И других казнили совсем недавно. Ветер еще не успел развеять их прах.

Вот только настоящие ведьмы были умны и осторожны. И поймать их так много с Модранита никто бы не сумел.

– Эти женщины.. – Я неверяще затрясла головой. – Не может быть, чтобы все они оказались ведьмами.

– Да. – Рид прижал меня к груди. Я глубоко вдохнула, не обращая внимания на жжение в глазах. – Скорее всего, ведьмами они не были.

– Тогда что...

– После смерти Архиепископа король наверняка решил продемонстрировать силу. Вернуть власть в свои руки. А для этого могли сжечь любого, кто вызовет подозрения.

– Без доказательств? – Я отстранилась, ища ответ в лице Рида. В глазах его сквозила боль. – Без суда и следствия?

Он стиснул зубы и оглянулся на почерневшие трупы.

– Ему доказательства не нужны. Он ведь король.

Стоило нам с Ридом отвернуться, как я заметила ее – худую, как тростник, девушку с темной кожей и глазами цвета оникса. Она стояла так неподвижно, что походила бы на соборную статую, если бы ветер не развеивал ее волосы. Я знала эту девушку всю жизнь, но не могла понять, что она чувствует, глядя на останки погибших женщин.

Затем она развернулась и убежала в толпу.

Манон.

– «Левиафан» там.

Я выгнула шею, пытаясь не упустить Манон из виду. Незнакомый мне златовласый мужчина последовал за ней, поймал за руку, развернул к себе и

обнял. Манон не стала возражать, не плюнула ему в лицо, а вместо этого лишь натянуто ему улыбнулась. Загадочное чувство в ее глазах исчезло, сменившись неприкрытой, искренней теплотой. Столь же неприкрытой, однако, была и горечь. Будто пытаюсь изгнать эту горечь прочь, мужчина расцеловал Манон в обе щеки. Они двинулись дальше, а я поспешила следом.

- Встретимся там через четверть часа.

- Стой, - Рид неверяще посмотрел на меня и схватил за локоть. - Разделяться нельзя, ни в коем случае.

- Со мной все будет хорошо. А если ты пойдешь дворами и, может, сторбишься чуток, то и с тобой тоже...

- Ни за что, Лу. - Рид всмотрелся мне в глаза, сощурился и оглядел толпу. Затем взял меня за руку. - Что такое? Что ты видела?

- Какой же ты упертый... - Я замолчала и раздраженно фыркнула. - Ладно. Пойдем со мной. Только не шуми и не привлекай внимания.

Не сказав больше ни слова и не отпуская его руки, я двинулась через толпу. Никто особо на нас не смотрел - все не могли оторвать глаз от сожженных женщин. Мне тошно было смотреть на замороженные лица зевак.

Манон, похоже, вела златовласого мужчину в менее людное место. Мы следовали за ними так быстро и бесшумно, как только могли, но нам пришлось дважды прятаться, чтобы скрыться от шассеров. В конце концов Манон завела мужчину в пустынный переулок, скрытый за пеленой дыма, исходящего от груды мусора неподалеку. Мы уже успели потерять их обоих из виду и прошли бы мимо, если бы не услышали испуганный вскрик мужчины.

- Ты не обязана делать это, - дрожащим голосом сказал он.

Мы встревоженно переглянулись, спрятались за мусором и стали наблюдать. Манон прижала мужчину к стене. Вскинув руки, она рыдала в голос, так горько, что едва могла дышать.

- Можно найти иной путь.

- Ты не понимаешь. - Манон содрогнулась всем телом, но вскинула руки еще выше. - Сегодня сторели еще трое. Она будет вне себя. И если узнает о нас...

- Но как она узнает?

- У нее повсюду глаза и уши, Жиль! Если она хотя бы заподозрит, что между нами есть связь... то сотворит с тобой такое... Она жестоко пыталась остальных лишь из-за того, кто приходился им отцом. А с тобой она обойдется еще хуже. И насладится этим. Если я... если я сегодня снова вернусь ни с чем, она все поймет. И сама придет за тобой, а я лучше умру, чем увижу тебя в ее руках. - Манон достала из-под плаща кинжал. - Обещаю, ты не будешь страдать.

Жиль в мольбе простер к ней руки. Манон угрожала убить его, но он все равно стремился ее обнять.

- Так давай убежим. Покинем этот город. Я скопил немного денег. Можно уплыть в Люстер или... куда угодно. Начать жизнь с чистого листа где-нибудь далеко отсюда. Там, где Моргана нас никогда не найдет.

Услышав имя моей матери, Рид окаменел. Я посмотрела на него и по глазам поняла, что он наконец узнал Манон.

Она расплакалась еще горше.

- Нет. Нет, прекрати, пожалуйста! Я не могу!

- Можешь, Манон. Мы можем. Вместе.

- Она мне приказала, Жиль. Если... если не я, она сделает это сама.

- Манон, прошу тебя...

- Так не должно было случиться... - Ее руки дрожали. - Я должна была просто найти тебя и убить. Убить, а не... не... - Манон придушенно захрипела и подступила ближе. - Они убили мою сестру, Жиль. Убили ее. Я... Я поклялась на ее костре, что отомщу за нее. Поклялась положить всему этому конец. Я... я... - Лицо Манон сморщилось, и она прижала клинок к шее Жилия. - Я тебя люблю.

Стоит отдать Жилю должное - он не дрогнул. Лишь опустил руки и вгляделся в ее лицо, будто пытаясь запомнить каждую черту. Затем коснулся губами ее лба.

- Я тоже тебя люблю.

Секунду они смотрели друг на друга.

- Отвернись, - прошептала Манон.

- Я должен ее остановить.

Все тело Рида было напряжено до предела. Он выхватил балисарду Жана-Люка и хотел кинуться вперед, но я преградила ему путь. Чувствуя, как по моим собственным щекам льются слезы, я толкнула Рида в грудь. Манон не должна была узнать, что он здесь. Я должна была спрятать Рида. Убедиться, что она его не видела.

- Что ты делаешь? - изумленно спросил Рид, но я только оттеснила его еще дальше.

- Уходи. - Почти задыхаясь от страха и отчаяния, я толкнула его сильнее.
- Прощу. Ты должен уйти. Сейчас же...

- Нет. - Он схватил меня за запястья. - Я должен помочь...

Что-то упало на землю позади нас с глухим, страшным, бесповоротным звуком.

Слишком поздно, так и не отстранившись друг от друга, мы обернулись и увидели Жюль. Он лежал на бульжнике лицом вниз. Нож Манон торчал из его шеи.

Я резко и болезненно выдохнула и вдруг осознала, что только руки Рида помогают мне не упасть. Кровь ревела у меня в ушах.

– Боже мой.

Манон упала на колени, прижала Жюль к себе и закрыла глаза. Его кровь пропитала ей платье, руки, но она все равно баюкала его у себя на груди. Слезы Манон наконец высохли, но она продолжала всхлипывать. Выдернув нож, Манон бросила его на землю – прямо в лужу крови.

– Бога здесь нет, Луиза, – проговорила она пустым, деревянным голосом. – И Богини тоже. Ни одно божество сейчас не улыбается нам с небес.

Я невольно шагнула к ней, но Рид удержал меня.

– Манон...

– Моргана говорит, что жертвы необходимы. – Манон стиснула Жюль крепче. Плечи ее задрожали, по щекам снова заструились слезы. – Говорит, что нужно отдавать, чтобы получать. Но моя сестра все еще мертва.

Я ощутила желчь во рту, но все равно спросила:

– Его смерть вернула тебе сестру?

Манон резко обернулась ко мне. Но в ее глазах не было ярости. Только безнадежность, такая глубокая, что я могла бы утонуть в ней. Мне хотелось в ней утонуть – погрузиться в пучину и пойти ко дну, покинуть этот ад раз и навсегда. Но я не могла, и Манон – тоже. Она медленно потянулась за ножом, но лишь опустила пальцы в кровь своего возлюбленного.

– Беги, Луиза. Беги со всех ног, далеко-далеко, чтобы мы никогда не сумели тебя найти.

Уголок диковин мадам Саваж

Лу

После предостережения Манон сердце у меня все еще колотилось как сумасшедшее. Я затащила Рида в ближайший переулок, провела его через узкую темную арку и затащила в первую же попавшуюся лавку. Если Манон все же решила последовать за нами, на улице оставаться было нельзя. В дверях звякнул колокольчик и закачалась вывеска:

УГОЛОК ДИКОВИН МАДАМ САВАЖ

Я остановилась и опасливо огляделась. На витрине танцевали чучела крыс, лежали стеклянные жуки и пылились книги с золочеными краями. Полы были выложены черно-белой плиткой, потолки – усеяны звездами, а полки – забиты всевозможными черепами животных, самоцветами, острыми зубами и янтарными пузырьками. На стенах висели лазурно-голубые крылья бабочек, едва заметные среди всего этого разнообразия.

Оглядевшись, Рид не выдержал и подал голос:

– Что... что это?

– Лавка редкостей, – ответила я тихо, но мой шепот все равно разнесся эхом вокруг.

Меня пробрал озноб. Если сейчас уйти, Манон может нас увидеть – или того хуже, проследить за нами до самого «Левиафана». Я стянула с особенно уродливой марионетки каштановый парик и бросила Риду.

– Надевай. Шассеры тебя узнали, нужно подобрать новый костюм.

Рид смял парик в кулаке.

– Твоими костюмами никого не обмануть, Лу. Никогда не выходило.

Я отвлеклась от корзины с тканями и посмотрела на него.

– Может, тогда используем колдовство? Я заметила, что ты его применил, чтобы спастись от шассеров. Выходит, тебе можно колдовать, если необходимо, а мне нельзя?

Рид отвел взгляд, играя желваками.

– Я использую колдовство благоразумно.

Он не сказал ничего особенного и, вероятно, вовсе не хотел меня обидеть, но гнев все равно забурлил у меня внутри, проклянулся, как тухлое яйцо, которое только и дожидалось своего часа. Я ощутила, как от злости к моим щекам приливает краска. Мне было наплевать, что мы очутились в доме ужасов, что продавщица скорее всего где-то рядом и слышит нас, а Манон, возможно, уже совсем близко.

Я медленно сняла очки и положила их на полку.

– Если ты хочешь мне что-то сказать, Рид, говори прямо сейчас.

Он не медлил ни секунды.

- Кто был тот мужчина, Лу? Почему ты не позволила мне его спасти?

Мое сердце камнем упало вниз. Я ожидала этого вопроса, понимала, что после всего увиденного этого разговора не избежать. Но сейчас я была к нему готова куда меньше, чем в Бушене. Я тяжело сглотнула и стала мять в пальцах воротник, пытаюсь придумать, как поступить, чтобы все бесповоротно не разрушить. Лгать мне не хотелось. Говорить правду – определено тоже.

- Мы уже много дней ссоримся, Рид, – попыталась я сменить тему. – Ты спрашиваешь не о том.

- А ты все равно ответь.

И я открыла рот, не зная даже, что именно скажу, но в этот миг увидела пожилую темнокожую даму в бордовой накидке, которая была больше ее раза в три. На каждом пальце старушки сверкало по золотому кольцу, а волосы покрывал темно-красный шарф. Улыбаясь, она ковыляла к нам.

- Здравствуйте, дорогие мои. Добро пожаловать в мой уголок диковин. Чем я могу вам услужить?

Уйти поскорей и нам не мешать, например.

- Мы просто рассматриваем товар.

Дама хрипло рассмеялась и стала копаться на ближайшей полке. На ней была коллекция пуговиц и булавок, ну и еще завалилась парочка сморщенных голов.

- Вы уверены? Я случайно услышала вашу беседу, и она показалась мне довольно резкой. – Она взяла из вазы два засушенных цветка. – Может быть, желаете приобрести каллы? Говорят, они воплощают собой покорность и преданность. Эти чудесные цветы прекрасно подходят для примирения между возлюбленными.

Рид был слишком вежлив, чтобы отказать, поэтому взял цветок. Я вырвала его и бросила на пол.

- А еще они означают смерть.

- О, что ж. – В темных глазах женщины блеснуло озорство. – Полагаю, трактовать их смысл можно и так.

- Простите, что потревожили вас, мадам, – процедил Рид. Он наклонился за цветком и отдал его обратно ей. – Мы уже уходим.

- Ах, Рид, бросьте. – Старушка весело подмигнула ему и вернула цветы на полку. – Манон вас с Луизой здесь не найдет. Оставайтесь сколько пожелаете, только заприте, пожалуйста, дверь, когда будете уходить.

Мы оба испуганно уставились на старушку, а она со сверхъестественной грацией развернулась и... исчезла.

Я изумленно посмотрела на Рида, но он сверлил меня все тем же суровым и непреклонным взглядом.

- Что? - спросила я напряженно, мгновенно вновь перейдя в оборону.

- Кто это был? - Медленно проговорил Рид, будто из последних сил держа себя в руках. - Откуда ты ее знаешь? Откуда она знает нас?

Я уже хотела ответить, что не имею ни малейшего понятия, но Рид резко меня перебил:

- И не надо мне лгать.

Я моргнула. Истинный смысл его слов ранил меня больше, чем я могла признать, и снова разжег во мне гнев. Я лгала Риду, лишь когда это было действительно необходимо - например, когда знала, что в противном случае он сожжет меня заживо. Или Моргана отрубит ему голову. «Не надо мне лгать». Рид как был высокомерным лицемером, так до сих пор им остался. Будто все дело во мне, будто это я последние две недели лгала себе самой о том, кто и что я есть.

- Правды ты не выдержишь, Рид. - Я прошла мимо него к двери, чувствуя, как к щекам подступает жар. - Ты не готов был выдержать ее тогда, и сейчас ты тоже не готов.

Он поймал меня за локоть.

- Позволь мне самому это решать.

- С чего бы? Ты ведь без особых угрызений совести все решаешь за меня.

Я отпрянула и прижалась ладонью к двери, пытаюсь сдержать слова, готовые вот-вот вырваться на волю. Стремясь проглотить едкую желчь, которая копилась во мне все те недели, что я чувствовала его неодобрение. Его ненависть. «Противоестественная» - так Рид про меня сказал. «Как болезнь. Как яд». А какое у него было лицо, когда я спасла его шкуру в Ле-Вантре...

- Я за тебя явно ничего не решаю, - сухо сказал Рид и выпустил мою руку. - Иначе мы бы не оказались в такой передряге.

Мне на глаза навернулись злые слезы.

- Вот уж точно. Ты бы сейчас лежал мертвый на дне ручья с отмороженным членом. - Я стиснула руку в кулак. - Или с обгорелым - в развалинах таверны. Или в Ля-Форе-де-Ю тебя пырнул бы ножом бандит. Или загрызли бы оборотни в Ле-Вантре. - Я расхохоталась - безумно, может, даже истерически - и со всей силы вцепилась ногтями в дверь. - Давай решим, какая смерть веселей? И упаси меня Господь лишить тебя права выбора.

Рид подошел ближе - так близко, что я ощутила, как его грудь коснулась моей спины.

- Что произошло в лагере крови, Лу?

Я не могла на него смотреть. Не хотела. Никогда прежде я не чувствовала себя такой дурой, такой никчемной и никому не нужной дурой.

- Похороны, - глухо ответила я. - Похороны Этьена Жилли.

- Похороны Этьена Жилли, - повторил он тихо и оперся рукой о стену у меня над головой.

- Да.

- И почему ты мне не сказала?

- Потому что незачем тебе было об этом знать.

Он опустил голову мне на плечо.

- Лу.

- Ну прости уж, муженек, что я пытаюсь тебя не расстраивать...

Рид резко вскинулся и прорычал:

- Если бы ты не хотела меня расстраивать, то относилась бы ко мне как к равному. Как к своему супругу. А не скрывала от меня тайны, как несмышленный ребенок. Не играла бы с воспоминаниями, не воровала бы балисарды. Не превращала себя в лед. Ты.. ты что, хочешь себя погубить? Я не.. Я просто.. - Рид отстранился. Я обернулась и увидела, как он взлохматил себе волосы. - Что должно произойти, чтобы ты поняла, как безрассудно себя ведешь? Как еще до тебя донести...

- Какая же ты неблагодарная свинья. - Я заговорила громче, едва сдерживаясь, чтобы не сжать кулаки и не топнуть, не показать ему, каким несмышленным ребенком я могу быть. - Я всем пожертвовала, лишь бы тебя, дурака, спасти, а ты после всего этого меня еще и презираешь.

- Я никогда не просил тебя ничем жертвовать...

Я замахала руками у него перед носом.

- Может, я смогу подобрать узор, чтобы повернуть время вспять. Этого ты хочешь? Предпочтешь умереть в ручье, лишь бы не видеть, как я становлюсь самой собой? Я ведьма, Рид. Ведьма. У меня есть сила, благодаря которой я могу защитить любимых людей, и ради них я пожертвую чем угодно. И если из-за этого я теперь чудовище, «противоестественное» создание, ошибка природы - я отращу клыки и когти, чтобы упростить тебе жизнь. Если ты так хочешь оказаться прав, я стану хуже. Гораздо, гораздо хуже.

- Черт подери, да я ведь защитить тебя пытаюсь! - злобно выпалил Рид, отмахиваясь от моих рук. - Прекрати переиначивать мои слова. Я люблю тебя, Лу. И знаю, что ты не чудовище. Оглянись вокруг. - Он распростер руки. - Я все еще рядом. Но если ты не перестанешь жертвовать частицами

своей души, чтобы нас спасти, в конце концов от тебя самой ничего не останется. Ты не обязана делать это ни для кого из нас, ни для меня, ни для Коко, ни для Анселя. Нам нужны не эти частицы, а ты.

- Хватит нести чушь, Рид.

- Это не чушь.

- Да неужели? Тогда скажи-ка мне вот что. В ту ночь, когда я пробралась в особняк Трамбле, ты принял меня за воровку, но не за ведьму. Почему?

- Потому что ты и была воровкой.

- Ответь на вопрос.

- Не знаю. - Он фыркнул - сердито и резко. - На тебе был костюм, который был раза в три тебе велик и, прости господи, усы. Ты походила на маленькую девочку, которая решила поиграть в маскарад.

- Вот именно. Слишком уж обычным человеком я тебе показалась. Ты не мог и представить, что я способна быть ведьмой, потому что во мне не доставало истинного зла. Я носила штаны, ела булочки в карамели, распевала песни, а ведьма на все это, конечно же, не способна. Но ведь на самом деле ты знал, правда? В глубине души ты знал, кто я такая. Все признаки были налицо. Ведьму из особняка Трамбле я называла подругой. Плакивала Эстель. О колдовстве знала больше всех в Башне, ненавидела библиотечные книги, в которых оно порицалось. Мылась дважды в день, чтобы избавиться от запаха, а в комнате у нас постоянно пахло свечами, которые я воровала в храме. Но твои предубеждения были очень сильны. Слишком сильны. Ты не хотел видеть правду, не хотел признавать, что влюбляешься в ведьму.

Рид яростно затряс головой, но тем самым только подтвердил мои слова.

Меня захлестнула волна злорадного удовлетворения. Выходит, я была права. Мое колдовство меня не изменило - оно изменило его, пустило корни между нами и обвилось вокруг его сердца.

- Я думала, что после всего пережитого ты сможешь измениться - стать лучше, научиться новому, - но я ошиблась. Ты все тот же испуганный маленький мальчик, который верит, что во мраке ночи блуждают лишь чудовища, а в свете дня царят лишь боги.

- Это неправда, ты ведь знаешь...

Но вместе с одной истиной на меня снизошла и другая. И она причинила мне еще больше боли, ужалила шипами до крови.

- Ты никогда не сможешь меня принять, - проговорила я, глядя на него в упор. - Как бы я ни старалась, как бы ни желала иного... ты мне не муж, а я тебе не жена. Наш брак, все, что между нами было, - ложь. Обман. Уловка. Мы враги по природе своей, Рид. Ты всегда будешь охотником на ведьм, а я ведьмой. И приносить друг другу мы всегда будем только боль.

На миг воцарилась тишина – глубокая и мрачная, как бездна в моей груди. Кольцо с перламутром обожгло мне кожу, и я сорвала его с пальца, отчаянно желая поскорее вернуть владельцу. Оно никогда мне не принадлежало. Из нас двоих не только Рид играл в притворство.

Рид шагнул ко мне и взял мое лицо в ладони. Я попыталась вырваться, но он держал крепко.

– Перестань. Успокойся. Ты должна меня выслушать.

– Хватит мне говорить, что и кому я должна. – Ну почему он не желал просто признать истину? Прямо и честно произнести слова, которые могли подарить мне свободу? И мне, и ему? Было нечестно по отношению к нам обоим продолжать идти по этому пути, страдать и цепляться за несбыточные мечты. А им сбыться было не суждено. Только не так.

– Ты снова это делаешь.

Рид погладил меня по щекам – с тревогой, с отчаянием. Я чувствовала, как внутри нарастает истерика.

– Действуешь необдуманно. Не надо. Остановись, Лу, подумай немного. Прочувствуй искренность моих слов. Я здесь. И никуда не уйду.

Я всмотрелась Риду в лицо, ища доказательства тому, что он видит во мне чудовище. Желая заставить его наконец признать правду. Я сунула кольцо ему в карман.

– Ты хотел знать, кто был тот мужчина. Жиль.

Голос, донесшийся из бездны, убеждал меня замолчать, но я не могла. Мне было больно. Я знала, что никогда не забуду отвращение, с которым Рид смотрел на меня в Ле-Вантре... Я сделала для Рида все, а теперь... испугалась. Я боялась, что он прав. Но боялась и обратного.

Боялась, что мне станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже.

Пальцы Рида застыли на моих щеках. Я заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Он был твоим братом, Рид. Жиль был твоим братом. Моргана охотится на твоих братьев и сестер и пытается их, чтобы передать мне послание. Еще двоих она убила в лагере крови, когда я находилась там. Этьена и Габриэль Жилли. Вот почему Ля-Вуазен примкнула к нам – потому что Моргана убила твоего брата и сестру. Я не сказала тебе, потому что не хотела отвлекать от нашего замысла. Не хотела, чтобы ты страдал, винил себя в смерти людей, которых никогда не знал. Я не позволила тебе спасти Жилья, потому что мне было неважно, умрет он или нет, – главное, чтобы выжил ты. Я сделала это ради высшего блага – моего собственного. Теперь ты понимаешь? Я поступила как чудовище?

Долгое мгновение Рид смотрел на меня, бледнея и дрожа. Наконец он опустил руки и отступил. От муки в его глазах мое сердце разорвалось надвое, и слезы снова брызнули из глаз.

– Нет, – пробормотал он, утирая их в последний раз. В знак прощания. – Ты поступила как твоя мать.

Когда Рид вышел из лавки, я подождала несколько минут и только тогда дала себе волю. Я рыдала, кричала, колотила стеклянных жуков, топтала каллы. А когда наконец приоткрыла дверь полчаса спустя, переулок уже купался в свете вечернего солнца, а Рида нигде поблизости не было. Вместо него на пороге меня поджидал Шарль. Я выдохнула с облегчением – и тут же застыла.

К двери был приколот маленький листок бумаги. Он трепетал на ветру.

Прелестная куколка, хрупкий фарфор,

Томится в темнице своей,

В зеркальной могиле бедняжка лежит

И в маске из белых костей.

Дрожащими пальцами я сорвала листок с двери и оглядела переулок. Послание явно оставили, когда я еще была в лавке – или во время нашей с Ридом ссоры, или после его ухода. Возможно, Манон все же нашла меня. Но я не стала размышлять о том, почему она решила не нападать. И о том, что мог означать этот зловещий ребус. Это было неважно.

Теперь уже было неважно все.

Планы меняются

Рид

Подойдя к «Левиафану», я ощутил, как кольнуло сердце. Из трактира слышались голоса, но я все равно помедлил у черного входа. Дышать было трудно. Голова кружилась от слов. Они стаяй набрасывались на стены моей

крепости, как летучие мыши с острыми как бритва крыльями. И резали, резали, резали.

«Лу станет хуже, прежде чем станет лучше. Гораздо, гораздо хуже».

Глубже. Они находили каждую трещинку и впивались все глубже.

«С Луизой твоя жизнь всегда будет такой, как сейчас – в бегах, в укрытиях, в борьбе».

Мы ведь должны были быть наравне.

«Нисхождение Лу уже началось. Остановить это ты не сможешь и замедлить тоже. А если попытаешься, пропадешь и сам».

Видит Господь, я пытался.

«Той девушкой, которую ты полюбил, она не останется».

Я стиснул кулаки.

«Я отращу клыки и когти, чтобы упростить тебе жизнь. Если ты так хочешь оказаться прав, я стану хуже. Гораздо, гораздо хуже».

Огненные языки гнева обвилились вокруг сонма слов, обжигая им острые крылья, и я наслаждался этим. Дым не потревожил крепость – он лишь укрепил ее. Окутал жаром и тьмой. Снова и снова я доверялся Лу. И снова и снова она доказывала, что не достойна доверия.

Неужели я не заслужил ее уважения?

Неужели она совсем ни во что меня не ставила?

Я ведь дал Лу все. Абсолютно все. Защиту, любовь. Я отдал ей свою жизнь. А она только отмахнулась, будто все это не значило ровным счетом ничего. Лишила меня имени, личности. Семьи. С первого же дня нашей встречи Лу постоянно лгала – о том, кто она, что она за создание, кто для нее Коко и Бас. Я думал, для меня все это уже в прошлом, и я простил Лу. Но эта рана... еще не исцелилась до конца. Просто заросла. И вот теперь, скрыв от меня моих братьев и сестер, не позволив мне их спасти...

Лу вскрыла ее снова.

Я не мог доверять ей. И она явно не доверяла мне.

Наши отношения всецело строились на лжи.

Ярость и боль от предательства обожгли мне горло. Гнев, словно дикое животное, царапал мне грудь изнутри, пытаюсь выбраться...

Я ударил кулаком в стену и упал на колени. Остальным не стоило видеть меня таким. Несмотря на любой союз, они нападут, если учуют в воде кровь. Я должен был взять себя в руки.

«Ты владеешь собой, – послышался другой голос в моем разуме, непрощенный, все еще болезненный. – Не позволяй гневу руководить тобой, Рид».

Христа ради, да я ведь ради Лу убил Архиепископа. Как она могла сказать, что я ее презираю?

Я все так же стоял на коленях – молча и тяжело дыша. Гнев все еще жарко пылал внутри. Боль от предательства все еще терзала мне сердце. Но и то, и другое пересилила смертоносная решимость. Лу больше не желала быть со мной. Она очень четко дала мне это понять. Я все еще любил ее – и знал, что буду любить всегда, – но она была права: дальше так продолжать нельзя. Как бы ни было это иронично или жестоко, мы хорошо подходили друг другу как ведьма и охотник на ведьм. Как муж и жена. Но Лу изменилась. Изменился и я.

Я хотел помочь Лу. Отчаянно хотел. Но заставить ее помочь самой себе я не мог.

Ощувив, как крепнут ноги, я встал и толкнул дверь «Левиафана».

Убить ведьму – вот что я мог предпринять. И это было мне знакомо. Этому я учился всю жизнь. В этот самый миг Моргана скрывалась в городе. Охотилась на мою семью. Если бездействовать, если сидеть в переулке и оплакивать то, что нельзя изменить. Моргана найдет моих братьев и сестер. Будет пытаться их, а затем убьет.

Нужно убить ее раньше.

А для этого – увидеться с отцом.

Когда я перешагнул порог, Шарль, Брижитта и Абсалон убежали на второй этаж. Значит, она здесь. Лу. Будто прочтя мои мысли, мадам Лабелль коснулась моего локтя и пробормотала:

– Она пришла несколько минут назад. Коко и Ансель ушли за ней наверх.

Что-то в ее глазах говорило о большем, но я не стал спрашивать. Не хотел знать.

«Левиафан», вопреки своему названию, был невелик и неприметен. Он находился на самой окраине Цезарина, у кладбища. Меж половиц зияли зазоры, в углах висела паутина, в печи стоял горшок.

Кроме нас, гостей в трактире не было.

За прилавком сидели Деверо, Тулуз и Тьерри. При виде них троих меня накрыло чувство дежавю. Воспоминание о другом месте, другой таверне. Но в той таверне оборотней и ведьм крови не было. И она сторела дотла.

– Сейчас бы пошутить, – пробурчал Бо, который сидел за столиком ближе ко мне, и отхлебнул из пинты. Капюшон все еще скрывал его лицо. Рядом с ним расположились Николина и еще одна женщина, мне не знакомая. Или все же... знакомая. Она была высокой и эффектной, как Коко, и очень походила на нее

лицом. Вот только в глазах этой женщины сверкала чужеродная злоба, и губы ее были сурово поджаты. Спину она держала прямо – жестко и непреклонно.

– Добрый вечер, капитан. – Она сухо кивнула. – Вот мы наконец и встретились.

– Ля-Вуазен.

Услышав это имя, Блез и его дети оскалились и тихо зарычали.

Не обращая внимания на напряженное молчание и осязаемую враждебность вокруг, Деверо хохотнул и помахал мне.

– Рид, как отрадно снова тебя видеть! Иди же скорее сюда!

– Что вы здесь делаете?

– Я прибыл на la Mascarade des Crânes, мой милый мальчик! Неужели ты позабыл? Один из входов, ведущих туда, находится прямо здесь, под..

Я отвернулся, не слушая его. У меня не было времени праздновать нашу встречу. Не было времени мирить оборотней и кровавых ведьм. И развлекать их – тоже.

– Нам очень повезло, что он явился, – пробормотала мадам Лабелль скорее напряженно, чем укоризненно. – С тех пор как Отгуст сжег «Беллерозу», все мои знакомые в городе попросту боятся со мной разговаривать. Я бы очень долго искала для нас убежище, если бы Клод не помог. Судя по всему, хозяин таверны перед ним в долгу. Сегодня, кроме нас, в «Левиафане» гостей нет.

Меня это совершенно не волновало. Вместо ответа я кивнул Бо, который со вздохом отставил кружку и подошел к нам с мадам Лабелль.

– Если ты все еще намерен сделать то, о чем я думаю, ты кретин высшей пробы, так и знай..

– Что с расписанием? – спросил я резко.

Бо поморгал.

– Полагаю, как раз сейчас священники заканчивают готовить тело. Менее чем через час начнется месса, а после шассеры сопровождают мою семью в погребальном шествии. Захоронение назначено примерно на четыре часа вечера.

«Тело». Осознание смысла этого слова болезненно ранило меня. Уже не человека. Всего лишь тело.

Я отбросил прочь мысль об этом.

– Значит, у нас есть час, чтобы пробраться в замок. Где будет Отгуст?

Бо и мадам Лабелль встревоженно переглянулись, но возражать больше не стали.

- В тронном зале, - ответил Бо. - С моей матерью и сестрами. Перед церемониями по традиции всегда проводят приемы.

- Сможешь провести нас туда?

Он кивнул.

- Как говорил Клод, под городом пролегает целая сеть туннелей. Я в детстве играл там. Они соединяют замок, усыпальницы, собор..

- «Беллерозу», - добавила мадам Лабелль, лукаво вскинув бровь. - И этот трактир.

Бо, хохотнув, кивнул.

- В тронном зале за гобеленом тоже есть проход. Ты с матерью можешь спрятаться там, когда я пойду к отцу. После рассказа Жана-Люка о том, что случилось в Ле-Вантре, и твоего не слишком удачного прибытия в город, думаю, лучше мне сначала самому с ним поговорить. Так тебя хотя бы не схватят на месте. - Он наклонился ближе и понизил тон. - Но молва уже разлетелась, Рид. Теперь отец наверняка знает, что ты ведьмак. Все знают. Не знаю, как он поступит. Обращаться к нему в день похорон Архиепископа очень опасно, особенно учитывая, что... - Бо примолк и виновато вздохнул. - Что убил его именно ты.

От избытка чувств у меня к горлу подкатил ком, но я проглотил его. Медлить нельзя. Нужно идти вперед.

- Я понимаю.

- Если я сочту, что к беседе он расположен, то позову вас. Если нет - унесите ноги. - Бо посмотрел мне в глаза и расправил плечи. - И безо всяких споров, брат. Если я скажу бежать - беги.

- Возможно, вам стоит придумать кодовое слово на этот случай. - Улыбаясь усмешкой скелета, между нами вклинилась Николина. - «Абракадабра», например. Или «тарабарщина». Тарабарщина и баламуть, чтоб с толку сбить, обхитрить, обмануть...

Бо без церемоний отпихнул ее прочь.

- Если по какой-либо причине нам придется разделиться, на каждой развилке в туннелях сворачивайте налево, и тогда доберетесь до Маскарада Черепов. Найдете Клода - и он приведет вас обратно сюда.

Я нахмурился.

- А разве мы не будем ходить кругами, если постоянно будем поворачивать налево?

- Под землей - нет. Добраться до Маскарада можно только через левый туннель. - Бо снова кивнул, теперь уже самому себе. - Так. Вход расположен в кладовке за прилавком, а оттуда до замка идти двадцать минут. Если идти, то сейчас.

- Идти? - Играя бровями, Николина обошла нас. Ее детский голос стал еще писклявее. - Спешись ты во дворец в ловушку, чтобы спасти свою подружку...

- Да замолкнешь ты или нет, женщина? - Бо гневно обернулся к Николине и замахал руками, пытаясь прогнать ее назад к Ля-Буазен. - Она с тех самых пор, как я пришел, так разговаривает. - И добавил, обращаясь к ней: - Ну, давай, иди, иди отсюда. Ступай к своей хозяйке, ну или кто она тебе...

Николина захихикала.

- Абракадабра.

- До чего странное создание, - пробормотала мадам Лабелль, хмурясь ей вслед. - Она определенно не в себе. А Луизу она недавно назвала мышкой. Ты не знаешь, что это может значить?

Я не обратил на нее внимания и жестом велел Бо идти первым. Он помедлил.

- А разве не надо... ее позвать? Лу? Я думал, она собиралась пойти с нами.

А я думал, что она собиралась всю жизнь любить меня.

Я обошел Бо и прилавок, не слушая возражений трактирщика.

- Планы меняются.

Королевский прием

Рид

Мне в сапог попал камень.

Сразу же, как мы вошли в туннель. Камень был невелик, так что я мог и потерпеть, но все же совсем не обращать на него внимания не мог. При каждом шаге камешек до боли впивался мне в ногу. И очень злил.

Хотя, возможно, злил меня все-таки Бо.

В полутьме он сбросил капюшон и шагал по землястым туннелям, сунув руки в карманы. В свете фонарей поблескивала его усмешка.

- Ах, сколько здесь было тайных свиданий. Сколько воспоминаний хранят эти места.

Камешек скользнул мне под пятку. Я раздраженно потряс ногой.

- Даже знать ничего об этом не хочу.

Мадам Лабелль, судя по всему, хотела. Она вскинула бровь и приподняла юбки, чтобы перешагнуть через рытвину.

- Полно, ваше высочество. Я слышала, что слухи о ваших подвигах сильно преувеличены.

Он вытаращил глаза.

- Что-что, простите?

- Я все-таки владела борделем. - Мадам Лабелль смерила его выразительным взглядом. - И слышала немало.

- Это о чем же?

- Ничего не хочу знать, - повторил я.

Настал ее черед усмехаться.

- Борегар, ты забываешь, что я знала тебя ребенком. И прекрасно помню щербинку у тебя в зубах и прыщи на подбородке. А уж потом, когда ты, бедняжка, стал заикаться...

Побагровев, Бо выпятил грудь и чуть не споткнулся о камень. Я понадеялся, что тот угодит ему под пятку.

- Вовсе я не заикался! - негодуя выпалил он. - Это было совершеннейшее недоразумение...

Я украдкой тряхнул ногой, и на этот раз камешек оказался у меня между пальцев.

- Ты заикался?

- Да нет же...

Мадам Лабелль хохотнула.

- Расскажи ему, дорогой. Я не прочь услышать эту историю снова.

- Откуда вы вообще?..

- Я же сказала, в борделях языком чесать очень любят. - Она ему подмигнула. - И да, я знаю, как двусмысленно это звучит.

Вид у Бо был крайне возмущенный. Все еще розовея, он резко сдул с глаза прядь волос. Мадам Лабелль с явным предвкушением улыбнулась еще шире.

– Ладно! – рявкнул он. – Уверен, вы не знаете, как все было на самом деле, так что я расскажу правду. Меня лишила девственности девушка с пселлисморфилией.

Я уставился на него, напрочь забыв о камне в сапоге.

– С чем?

– С пселлисморфилией, – повторил Бо сердито. – Это когда человека возбуждает заикание. Ее звали Аполлиния. Она служила в замке горничной и была на несколько лет меня старше. Этакая зрелая красотка.

Я моргнул. Потом моргнул еще раз. Мадам Лабелль хохотнула снова, уже громче, веселей.

– Продолжай, – сказала она.

Бо впился в нее раздраженным взглядом.

– Вы наверняка можете догадаться, что между нами произошло. Ее фетиш я считал делом обычным. Решил, что все в восторге от заикания в стенах спальни. – Увидев в моих глазах ужас, он яростно закивал. – Именно. Понимаете, да? Когда я нашел себе при дворе отца новую пессию, теперь уже моих лет, то... В общем, о том, что было дальше, вы тоже можете догадаться. – Бо прикрыл глаза рукой. – Господи, такого позора со мной не бывало ни до, ни после. Пришлось бегом спасаться в этих самых туннелях, лишь бы не слышать смех того юноши. Я потом целый год не мог смотреть ему в глаза. – Он резко и нервно опустил руку. – Целый год.

У меня вдруг как-то странно и непривычно запершило в горле. Я стиснул губы и укусил себя за щеку.

Но сдержаться все-таки не смог – и рассмеялся, звонко и искренне, впервые за долгое время.

– Не смешно! – возмутился Бо, когда и мадам Лабелль тоже захохотала, согнувшись пополам и схватившись за живот. – Хватит смеяться! Ну хватит!

Наконец она утерла слезу.

– Ах, ваше высочество, эта история меня никогда не утомит. Именно ее, кстати, мои девочки и сочли столь забавной. Если это хоть сколько-нибудь вас утешит, признаюсь, что и у меня в личной жизни случались неловкие казусы. В юности мне тоже не раз доводилось бывать в этих туннелях. Что уж там, однажды твой отец привел меня сюда...

– Нет. – Бо потряс головой и замахал руками. – Не надо, мне точно не стоит это слышать.

- ...но поблизости оказалась дикая кошка. - Мадам Лабелль хихикнула, вспоминая. - Заметили мы ее слишком поздно. Она, как бы выразиться, приняла некую часть тела твоего отца... вернее, даже две...

Мой смех стих.

- Не надо.

- За игрушку! Ох, слышали бы вы, как вопил Огюст. Будто она ему печень выгрызла, а не просто поцарапала...

- Хватит. - Вытаращив глаза от ужаса, Бо зажал мадам Лабелль рот. Она фыркнула. - Никогда больше об этом не рассказывайте. Слышите меня? Никогда-никогда. - Он потряс головой и зажмурился. - После такого шрам на моей душе останется навсегда. Мне уже не забыть все, что я только что представил.

Все еще смеясь, мадам Лабелль оттолкнула его руку.

- Полно скромничать, Борегар. Ты очевидно и без меня догадывался о любовных похождениях своего отца, учитывая положение, в котором мы все... - Улыбка мадам Лабелль исчезла, и игривый настрой между нами испарился вмиг. Она кашлянула. - Я хотела сказать...

- Лучше нам помолчать. - Бо мрачно указал на туннель, ведущий к северу. - Замок уже близко. Прислушайтесь.

И верно, в наступившей тишине сверху послышались приглушенные шаги. Что ж. Я наклонился, снял сапог и вытряхнул чертов камень. Больше отвлекаться ни на что нельзя. Попытку мадам Лабелль поднять нам настроение я оценил, но сейчас это было некстати.

Равно как и в последние несколько недель.

Дальше мы двинулись молча. Туннель постепенно уходил вверх, и голоса становились все громче. Громче билось и мое сердце. Не стоило мне так волноваться, я ведь уже видел короля прежде. Видел, говорил, ужинал с ним. Но тогда я был уважаемым и прославленным охотником, а он - моим королем. С тех пор все перевернулось.

Я оказался презираемым всеми ведьмаком, а он - моим отцом.

- Все будет хорошо, - прошептала мадам Лабелль, будто прочтя мои мысли. Она кивнула - и мне, и самой себе. - Ты - его дитя. Он не причинит тебе вреда. Даже Архиепископ не сумел сжечь свою дочь, а Огюст - человек куда более достойный.

Услышав это, я вздрогнул, но мадам Лабелль уже отвернулась к обширной расщелине в стене. Ее закрывал гобелен, который висел изнаночной стороной к нам. Я уже видел этот гобелен в замке прежде - на нем обнаженные мужчина и женщина лежали в Эдемском саду у Древа познания добра и зла. В руках каждый держал по золотому плоду, а над ними свернулся кольцами огромный черный змей. Я уставился на него, чувствуя приступ тошноты.

– Можете понаблюдать отсюда, – выдохнул Бо, указав на узкий зазор между стеной и гобеленом. Шириной он был меньше дюйма. В помещении, что скрывалось за ним, находились люди. Аристократы и священнослужители со всего королевства – всего мира. Повсюду мелькали черные чепчики, вуали, кружево. Тихие голоса пришедших сливались в мерный гул. А на каменном возвышении на внушительном троне восседал Огюст Лион.

Прямо за его спиной находилось окно. Солнечный свет сочился в комнату, окаймляя силуэт короля, его золоченую корону и золотистые волосы. меховую мантию и широкие плечи. Я понял, что трон неспроста расположен именно перед окном – все это было затем, чтобы создать ложное впечатление, будто всем своим телом Огюст излучает свет.

Лицо его, однако, оставалось в тени.

Но я все равно видел его улыбку. Король смеялся, беседуя с тремя юными девушками и совершенно не обращая внимания на королеву Олиану, которая сидела подле него. Она в упор смотрела в пустоту, и выражение ее лица было столь же каменным, что и ступени перед ней. В углу комнаты сидели несколько знатных господ в иностранной одежде. В их лицах виделись те же черты – и тот же гнев. Похоже, во всем зале лишь они оставались трезвы.

Я отглядел бардов-сказителей, вино, еду и ощутил, как в душе вскипает негодование.

Эти люди нисколько не оплакивали Архиепископа. Как они смели высмеивать его смерть своим весельем? Как смели, нарядившись в черное, вести праздные беседы? Ни одна вуаль не сумела бы скрыть их равнодушия. Их жажды наслаждений. Эти люди – эти звери – не заслужили права оплакивать его.

За этой мыслью, однако, последовала и другая. Стыд захлестнул меня, и о праведном негодовании пришлось забыть.

Такого права не заслужил и я.

Бо отряхнул плащ и как мог пригладил волосы. Намного лучше после долгого странствия, однако, выглядеть он не стал.

– Ладно. Я войду через главный вход и попрошу аудиенции у отца. Если он будет в добром расположении духа...

– Ты позовешь нас, – договорил я, ощутив, как пересохло во рту.

– Да. – Он кивнул. И снова кивнул, и еще, и еще. – Именно. А если нет... – Я промолчал, а Бо все ждал, поднимая брови выше и выше. – Мне нужно это услышать, Рид.

– Мы убежим, – едва шевеля губами, ответил я.

Мадам Лабелль стиснула мои предплечья.

– Все будет хорошо, – повторила она.

Бо это явно не убедило. Кивнув еще раз напоследок, он двинулся прочь – не туда, откуда мы пришли, а в противоположную сторону. Я подступил ближе к зазору между стеной и гобеленом. Ожидая увидеть Бо там. И наблюдая, как к возвышению подходят две знакомые фигуры.

Пьер Трамбле и Жан-Люк.

Жан-Люк казался совершенно разбитым. Он бесцеремонно подтолкнул Трамбле вперед. Гости, что сидели к королю ближе всех, застыли. Трамбле ведь был виконтом, и столь непочтительное с ним обращение могло обернуться для Жана-Люка суровой карой. Нахмурившись, Огюст жестом велел девушкам уйти, а Жан-Люк с Трамбле поднялись по ступеням. Затем наклонились к Огюсту и что-то зашептали. Я ничего не расслышал, но увидел, как Огюст хмурится еще больше, а Олиана встревоженно придвигается ближе к ним.

Мгновение спустя распахнулись двери, и в тронный зал вошел Бо.

Все ахнули, тут же забыв про светские беседы. Одна женщина даже тихонько вскрикнула. Бо подмигнул ей.

– Bonjour, господа. Прошу прощения, что заставил вас ждать. – Он посмотрел на семью матери и добавил, уже тише и мягче: – La orana[19].

Со слезами на глазах Олиана вскочила.

– Arava[20].

– Metua vahine[21]. – При виде матери улыбка Бо искренне потеплела. Он заглянул ей за спину и посмотрел на кого-то, кого я не видел. – Mau tuahine iti[22]. – В ответ ему донесся радостный писк, и мое сердце болезненно дрогнуло. Виолетта и Виктория. Я приник ближе, отчаянно желая их увидеть, но мадам Лабелль оттащила меня назад.

Увидев сына, Огюст заметно помрачнел. Он не сводил взгляда с лица Бо.

– Возвращение блудного сына.

– Père. – И снова надменная усмешка. Я осознал, что именно она служит Бо доспехом. – Ты по мне скучал?

Воцарилась мертвая тишина. Огюст оглядел растрепанные волосы сына и его перепачканную одежду.

– Я очень тобой разочарован.

– Уверяю тебя, это более чем взаимно.

Огюст улыбнулся. Это была очень недобрая улыбка.

– Желаете блеснуть остроумием? – спросил он тихо, все так же не утруждаясь встать. – Опозорить меня своим видом? – Огюст лениво махнул рукой на присутствующих. – Прошу, продолжай. Зрители в предвкушении. Поведай им, как ты разочарован своим отцом, который несколько недель искал сына по всему королевству. Поведай о матери, которая плакала

ночами, ожидая вестей. Поведай, как она молила и своих богов, и моего о твоём возвращении. – Он наконец поднялся. – Поведай им, Борегар, о том, как сестры сбежали из замка в надежде тебя найти и как ведьма чуть не отсекла им головы.

Глаза Бо расширились от изумления. Кто-то снова ахнул.

Огюст медленно сошел по ступеням.

– Все ждут твоего рассказа, сын. Поведай им о своих новых спутниках. О ведьмах и оборотнях, которых ты зовешь друзьями. Быть может, они уже и без того с ними знакомы. Быть может, твои спутники убили их близких. – Он скривился. – Поведай о том, как бросил семью, чтобы помочь дочери Госпожи Ведьм. Помочь той, чья кровь может погубить не только тебя, но и твоих сестер. Поведай, как ты спас ее. – Он наконец подошел к Бо. Секунду – или целую вечность – они смотрели друг на друга. Огюст понизил тон. – Я долго терпел твои выходки, но на этот раз ты зашел слишком далеко.

Бо попытался выдавить усмешку.

– Ты ничего не терпел. Просто не обращал внимания. Сейчас твое мнение волнует меня еще меньше прежнего. Если бы ты..

– Если бы не я... – прорычал Огюст, схватив Бо за грудки, – ты бы сейчас горел на костре. Ты смеешь дерзить мне? Смеешь идти наперекор отцу ради грязной ведьминской манды? – Огюст оттолкнул его, и Бо, побледнев, зашатался. Никто не попытался помочь ему устоять на ногах.

– Все совсем не так...

– Ты еще ребенок.

Голос Огюста так и источал яд. Вельможи предпочли отодвинуться от него подальше.

– Избалованный ребенок в золоченой башне, который никогда не знал вкуса крови в битве, не чувствовал зловония смерти. Ты считаешь себя героем, сынок? После пары недель игр с друзьями мнишь себя воином? Надеешься нас спасти? – Он толкнул Бо снова. – Видел ли ты хоть раз, как лу-гару пожирает кишки солдат? – И снова. – Видел, как Белая дама разделяет новорожденного ребенка?

Бо попытался встать.

– Они... не поступили бы так. Лу бы не стала...

– Ты – ребенок и глупец, – холодно процедил Огюст. – И более я не позволю тебе меня позорить. – Резко выдохнув, он выпрямился в полный рост. Король был так же высок, как я. – Но милосердие мне не чуждо. Капитан Туссен рассказал мне о вашем великом замысле против Госпожи Ведьм. Скажи мне, где сейчас ее дочь, и все будет прощено.

Нет. От ужаса у меня сжалось горло. Я забыл, как дышать. Как думать. Я мог лишь наблюдать, как Бо изумленно смотрит на отца. Как он делает шаг вперед.

- Я не могу.

Огюст посуровел.

- Говори, где она, или лишишься титула и наследства.

Послышался изумленный шепот, но Огюст продолжал говорить, все громче и громче с каждым словом, с каждым шагом. Олиана в ужасе прижала ладонь ко рту.

- Ты будешь изгнан из моей жизни и из замка, осужден как преступник и заговорщик, и когда ты сторишь на костре вместе со своими друзьями, я более никогда о тебе не вспомню.

- Отец, - взмолился Бо, но Огюст продолжал:

- Где она?

- Я...

Бо беспомощно оглянулся на мать, но та лишь прикрыла глаза, тихо плача. Он кашлянул и попытался снова. Я затаил дыхание.

- Я не могу сказать, потому что просто... не знаю.

- Frère.

Из-за спины Олианы, отчаянно ломая руки, выскочила красивая девочка с такими же темными волосами и смуглой кожей, как у Бо. Я с болью смотрел, как Огюст отталкивает ее назад, подальше от брата.

- Frère, прошу, скажи ему, где она. Скажи!

Ее сестра подбежала к ним. Взгляд у нее был суровый, но подбородок дрожал.

- Незачем его умолять, Виолетта. Конечно, он все расскажет. Ведьмы ведь пытались убить нас.

- Виктория, - придушенно выдавил Бо.

Огюст сощурился.

- Ты готов защитить ведьму, но не собственных сестер?

- Нужно уходить. - Мадам Лабелль тщетно дергала меня за локоть. Она дышала прерывисто, испуганно. - Зря мы сюда пришли. Огюст определенно не станет помогать нам.

- Нельзя же бросать здесь Бо...

Бо вскинул руки, указывая на вельмож.

– Всё может быть иначе. Не все ведьмы злые. Если ты просто нам поможешь, мы сумеем уничтожить Моргану. Она в городе прямо сейчас и замышляет сотворить нечто ужасное на похоронах Архиепископа...

Мадам Лабелль тормозила меня все настойчивей.

– Рид...

– Ты и впрямь глупец. – Огюст властно обнял дочерей и потянул их назад. – Однако должен признаться, я вовсе не удивлен. Пусть ты и ненавидишь меня, сын, я хорошо тебя знаю. Мне известны твои повадки и твои страхи. Я знал, что ты, боясь лишиться новообретенных друзей, опрометчиво решишь прийти ко мне.

Я смутно услышал где-то позади шаги. И голоса. Мадам Лабелль впиалась ногтями мне в руку, звала меня по имени, но я медлил, не понимая, что происходит.

Слишком поздно я осознал истину. И обернулся в тот самый миг, когда Огюст сказал:

– И я знал, что ты проведешь их через туннели.

– Абракадабра! – закричал Бо, в ужасе оборачиваясь к нам. – Тарабарщина!

Кто-то ударил меня в висок рукоятью балисарды, и все почернело.

Гордыня – путь к падению

Лу

Он ушел без меня. Я наклонила стакан с виски и стала наблюдать, как янтарная жидкость медленно заливает прилавок. Коко отобрала у меня напиток, ни на миг не отвлекаясь от беседы с Лианой. Ансель сидел в другом конце таверны между Тулузом и Тьерри, и все они смеялись над шуткой, которой я не слышала.

Одна большая дружная семья.

Вот только все косились на меня и перешептывались, будто я была пушкой, готовой в любую секунду взорваться.

А этот гад просто взял и ушел, не сказав ни слова.

Не знаю, чего я ждала, я ведь, считай, его самого облила ви́ски с головы до ног и подожгла. Но ведь я ему не лгала. Ни слова неправды не сказала. Он ведь именно этого хотел, разве нет? Правды. «Не надо мне лгать», – так он и сказал.

Я резко встала, подошла к грязному окну и выглянула наружу. Пора бы ему уже вернуться. Если верить словам Деверо о том, когда Рид ушел – я в это время хандрила наверху, – возвратиться он должен был еще полчаса назад. Что-то наверняка случилось. Вдруг он угодил в беду...

«Теперь ты понимаешь? Я поступила как чудовище?»

«Нет. Ты поступила как твоя мать».

Меня снова накрыло волной гнева. Может, он и впрямь угодил беду. И на этот раз пусть выкарабкивается сам. Без меня. И без колдовства.

Чье-то дыхание коснулось моей шеи. Я резко обернулась и столкнулась нос к носу с Николиной. Она ухмыльнулась мне, а я нахмурилась в ответ. От крови ее зубы казались желтыми, а кожа была бледнее всего, ярче и белее луны. Оттолкнув Николину плечом, я двинулась к пустому столу в углу.

– Я хочу побыть одна.

– Это будет нетрудно, *souris*[23], – шепнула она, обходя меня кругом, и указала на Коко и Ансея, Блеза и Лиану, Тулуза и Тьерри. – Они явно не желают нашего общества. – Николина наклонилась ближе и коснулась губами моего уха. – Им с нами неуютно.

Я отпихнула ее от себя.

– Не трогай меня.

Плюхнувшись на стул, я отвернулась от Николины, а она поплыла к стулу напротив. Но садиться не стала. Полагаю, духи вообще садиться ни на что не могут. Когда сидишь в таверне на простом табурете, сохранять зловещий и сверхъестественный вид довольно сложно.

– Мы не такие уж разные, – выдохнула она. – Нас люди тоже недолюбливают.

– Меня люди очень даже долюбивают, спасибо, – огрызнулась я.

– Неужели? – Бесцветные глаза Николины метнулись к Блезу, который наблюдал за мной. – Мы чувствуем его мысли, о да, и он вовсе не забыл, как ты раскрошила кости его сыну. Он жаждет полакомиться твоей плотью, заставить тебя скулить и выть от боли.

Я посмотрела в глаза Блезу. Он оскалил острые резцы. Чтоб меня.

– Но ты не будешь скулить, верно? – Николина придвинулась ближе ко мне. – Ты будешь бороться, ведь и у тебя тоже есть зубы.

Она рассмеялась – от ее смеха у меня по спине побежали мурашки – и повторила:

– Мы с тобой не такие уж разные. Много лет наших сородичей преследовали и угнетали, а наши сородичи преследовали и угнетали нас.

По некоей причине я усомнилась, что под «нами» Николина имеет в виду нас с ней. Нет, похоже, в разуме Николины теперь обитала не только она одна. Возможно, там были и... другие. «Я же говорила, она странная, – сказала мне Габриэль. – Слишком много сердец». Мое собственное сердце дрогнуло от воспоминаний. Бедняжка Габи. Надеюсь, она не страдала.

Исме сидела за столом рядом с Ля-Буазен. Глаза ее покраснели, остекленели. Несколько других ведьм крови присоединились к ним. Бабетта осталась в лагере, чтобы присматривать за всеми, кто был слишком юн, стар, слаб или болен, чтобы сражаться.

Тело Габи так и не нашли.

– Мы расскажем тебе секрет, маленькая мышка, – прошептала Николина, снова привлекая мое внимание. – Это не мы должны обеспечивать им уют. Нет, о нет, о нет. Нет, и нет, и нет. Это их дело.

Я уставилась на нее.

– Как ты стала такой, Николина?

Она снова улыбнулась – слишком широко, да так, что улыбка чуть не рассекла ее лицо надвое.

– А как ты стала такой, Луиза? Каждый в жизни делает выбор. Каждый несет бремя последствий.

– Все, хватит с меня этого разговора. – Резко выдохнув, я смерила Блеза злобым взглядом в ответ. Если он не моргнет в самое ближайшее время, то определенно останется без глаза. Николина, хоть и явно выжила из ума, кое в чем была права – у меня тоже есть зубы, и я дам отпор. Терранс что-то пробормотал Блезу на ухо, и тот наконец отвел взгляд от меня и посмотрел на дверь кладовой. Я тут же напряглась. Они услышали что-то, чего не слышала я? Рид вернулся?

Не колеблясь ни секунды, я согнула палец, и мое зрение затуманилось. Слух, однако, обострился, и тихий голос Терранса донесся до меня так отчетливо, будто тот стоял рядом со мной.

– Думаешь, он мертв? Охотник?

Блез покачал головой.

– Возможно. Сердце людского короля не знает мира и покоя. Со стороны Рида глупо было обратиться к нему.

- Но если он мертв... когда мы сможем отсюда уйти? - Терранс покосился на Ля-Буазен, Исме и прочих кровавых ведьм. - Мы не обязаны хранить верность этим демонам.

У меня задержалась щека. Я оглянуться не успела, как вскочила и треснула кулаками по столу. Узор рассеялся.

- Похоже, Риду вы тоже ничем не обязаны.

Они оба посмотрели на меня, испуганно - и злобно, - но их гнев мерк в сравнении с моим. Николина радостно захлопала в ладоши.

Коко, Ансель и Клод робко поднялись.

- Если вы считаете, что он в беде, то почему до сих пор сидите здесь? - Мой голос становился все громче, возрастая в нечто большее, нечто потустороннее. Я слышала свои слова, но произносил их как будто кто-то другой. - Вы ему жизнью обязаны, псины паршивые. Или что же, вы хотите, чтобы я забрала жизнь Терранса назад? - Я вскинула руки.

Блез встал, сверкнув оскалом.

- Ты смеешь нам угрожать?

- Луиза... - проговорил Клод примирительно. - Что ты делаешь?

- Они думают, что Рид мертв, - выплюнула я. - И спорят о том, когда бы поскорей от нас уйти.

Ля-Буазен хохотнула, но глаза ее оставались бесстрастно-холодны.

- Разумеется. При первых же признаках беды они, поджав хвосты, удирают к себе на болото. Жалкие трусы. Я предупреждала тебя, Луиза, - доверять им не стоит.

Лиана двинулась к двери, но я одним мановением руки захлопнула ее, все так же не отводя взгляда от Блеза.

- Вы никуда не пойдете. До тех пор, пока не вернете его мне.

Блез зарычал, готовясь к обращению. Лицо его исказилось.

- Лу-гару тебе не слуги, ведьма. Мы не тронули тебя лишь по воле твоего самца. Если он умрет, конец придет и нашему великодушию. Остерегайся нас.

Ля-Буазен шагнула вперед и встала рядом со мной, сцепив руки.

- Возможно, это вам стоит поостеречься, Блез. Разгневав эту ведьму, вы познаете гнев каждой из нас. - Она вскинула руку, и Алые дамы, все как одна, поднялись - их была по меньшей мере дюжина. Они вчетверо превосходили числом Блеза, Лиану и Терранса, которые встали спина к спине, хрипло рыча и заострив когти.

– Мы уйдем с миром. – Несмотря на свои же слова, Блез с явным вызовом взглянул Ля-Вуазен в глаза. – Нет нужды проливать кровь.

– Короткая же у тебя память.

Ля-Вуазен улыбнулась – жестоко, зловеще. Она опустила воротник, обнажив три неровных шрама на груди – то были следы когтей, – и кровавые ведьмы с предвкушением загудели. И я тоже. О да, я тоже.

– Мы любим кровь. Особенно свою собственную.

Обстановка в комнате накалилась до предела. Все сверлили друг друга взглядами. Ансель – подумать только, Ансель! – шагнул вперед, намереваясь вклиниться между нами, но Клод остановил его.

– Не стоит, юноша, не то вам не поздоровится. – Обращаясь к Ля-Вуазен и Блезу, он сказал: – Давайте не будем забывать о высшей цели, что свела нас вместе. У нас есть общий враг. И все мы можем вести себя прилично, пока не вернется мсье Дигтори, верно? – Он смерил выразительным взглядом сначала Блеза, а потом меня и добавил: – Потому что он вернется.

Воцарилась долгая тишина – ни звука, ни вдоха. Все ждали, пока кто-нибудь сдвинется с места. Ударит первым.

Наконец Блез тяжело вздохнул.

– Твои слова мудры, Клод Деверо. Мы подождем возвращения мсье Дигтори. Если же он не вернется, мы с детьми покинем это место – и оставим его обитателей... – Он посмотрел мне в глаза. – Невредимыми. Даю вам слово.

– Ах, чудесно...

Но Ля-Вуазен только фыркнула.

– Трус.

Этого хватило.

Зарывав, Терранс прыгнул на нее, но на его пути возникла Николина. Она схватила его за полузвериную шею и дернула. Терранс взвизгнул, взмыл в воздух и упал к ногам Блеза. Лиана уже успела обратиться и кинулась за Николиной. Почти сразу в драку ринулся и сам Блез. И Ансель с Клодом тоже, едва они поняли, что ведьмы крови жаждут – что уж там, крови. Исме с сестрами набросились на волков, метя клинками им в яремные вены, но оборотни оказались быстрее и запрыгнули на прилавок. Даже оказавшись в ловушке и в меньшинстве, Терранс все равно сумел выбить у Исме нож и пригвоздить ее лапой к земле. Другой лапой он полоснул ее по лицу. Исме закричала, и Коко поспешила ей на помощь.

А я... Я коснулась пальцем виски на прилавке. Лишь пальцем. Одна искра... Все случилось почти как тогда в таверне, и вместе с тем совсем по-другому. Как же давно это было. Неужели с тех пор прошла лишь пара недель?

Казалось, что годы.

Огонь помчался по прилавку, прямо к Террансу...

Нет. Не к Террансу. Я с удивлением наблюдала, как пламя находит другую жертву – взбирается от ступней к голениям, к поясу, к груди. Она закричала от ужаса и от боли, отчаянно пытаясь пролить кровь, извлечь колдовство из запястий – но я только смеялась. Смеялась, смеялась, пока не заболели глаза и горло, пока ее голос наконец не рассеял дым в моем разуме. Пока я не осознала, кому принадлежит этот голос.

– Коко, – выдохнула я.

Я неверяще уставилась на нее, выпустив узор. Огонь тут же погас, и Коко рухнула на пол. Она рыдала и задыхалась, одежда и кожа ее дымились. Все вокруг, будто мозаика, сложилось передо мной – ужас на лице Ансея, безумный крик Терранса, лихорадочные попытки Исме найти мед. Когда я попыталась шагнуть к Коко, чтобы помочь, чья-то рука вцепилась мне в горло.

– Ни шагу ближе, – прорычала Ля-Вуазен, впиваясь когтями мне в кожу.

– Довольно, Жозефина. – Перед нами возник Деверо, и мрачнее я его еще не видела. – Отпусти ее.

Ля-Вуазен смерила его яростным взглядом, но постепенно ослабила хватку. Я резко втянула воздух и, шатаясь, двинулась дальше.

– Коко...

Но и ведьмы крови, и оборотни встали между нами, защищая Коко от меня. Я успела лишь едва заметить ее за плечом Ансея. Он тоже преградил мне путь. У меня перехватило дыхание при виде враждебности в их глазах. При виде страха.

– Коко, прости меня, пожалуйста...

Она попыталась встать.

– Со мной все будет хорошо, Лу, – пробормотала Коко едва слышно.

– Это вышло случайно, прошу, поверь! – Мой голос сорвался, а сердце – разорвалось на миллион кусочков при виде слез в ее глазах. Коко прижала ладонь ко рту, пытаясь сдержать рыдания. – Пожалуйста, Коко! Ты ведь знаешь, я бы никогда... Никогда нарочно не...

Николина позади нее усмехнулась. Голос ее изменился, стал ниже, когда она произнесла:

– Пусть внемлет каждый Божьему учению, гласит оно: гордыня – путь к падению.

Бесповоротность содеянного обрушилась на меня, и я услышала голос Рида. Ощутила, как он ласково касается моих волос.

«Ты сама не своя».

«Ты просто видишь то, что хочешь видеть».

«Неужели ты думаешь, что я хочу видеть в тебе...»

«Что? Зло?»

Я спрятала лицо в ладонях, упала на колени и разрыдалась.

Настоящие рыцари

Рид

Лицо.

Очнувшись, я увидел перед собой лицо. Оно было совсем близко, но рассмотреть его ясно я не мог. Оно расплывалось, скрывалось в тени, будто я стоял в облаке густого тумана. Но я вовсе не стоял. Не мог даже шевельнуть рукой или ногой. Конечности будто потяжелели – до невозможности потяжелели и похолодели. Кроме запястий – те горели черным огнем.

Я закрыл глаза, распахнул их вновь – вяло, с невероятным трудом – и попытался поднять голову. Она безвольно упала на плечо. Кажется, я увидел, как зашевелились чьи-то губы, услышал чей-то голос. И снова сомкнул глаза. Кто-то открыл мне рот и залил в глотку что-то горькое. Меня тут же стошнило.

И тошнило, и тошнило, пока не заболела голова и горло.

Кто-то с силой ударил меня по лицу, и я сплюнул кровью. Все мои чувства заглушил солоновато-медный вкус. Я заморгал чаще и потряс головой, пытаюсь прояснить разум. Все плыло перед глазами. Наконец лицо передо мной обрело очертания. Золотистые волосы, серые глаза – почти что волчьи, – прямой нос, точеный подбородок.

– Ты очнулся, – сказал Огюст. – Славно.

Мадам Лабелль сидела рядом со мной. Ей связали запястья за спинкой стула, так туго, что вывернули плечи. Из ранки на ее горле текла кровь, но глаза мадам Лабелль оставались как прежде ясны. И только тогда я заметил в ладони Августа металлические шприцы. С окровавленными иглами.

Инъекции.

Он нас одурманил... одурманил меня... будто...

К горлу снова подступила желчь.

Будто ведьму.

Мадам Лабелль поерзала на месте, извиваясь в путах.

– В самом деле, Огюст, в подобном нет никакой нужды..

– Как смеете вы обращаться к королю столь фамильярно? – спросила Олиана. От ее голоса у меня закружилась голова.

– Ах, простите, – огрызнулась мадам Лабелль. – Я полагала, что после рождения совместного ребенка – и зачатия, которое предшествует этому счастливому событию, – можно обойтись без излишних формальностей. Вопиющая ошибка с моей стороны.

Меня снова вырвало, и ответа Олианы я не расслышал.

Когда я вновь открыл глаза, комната вокруг обрела очертания. Полки из красного дерева, уставленные книгами. Резной камин. Портреты суровых королей на стенах, вышитый ковер на полу. Я поморгал, глядя на шассеров, которые стояли вдоль стен. Их было не меньше дюжины. Каждый держал на поясе балисарду.

Кроме того шассера, что стоял позади меня. Свою балисарду он прижал к моему горлу.

Другой подошел к мадам Лабелль. Он полоснул ее клинком до крови, и она застыла.

– Ты мог бы хотя бы велеть помыть его, – слабо сказала мадам Лабелль. – Он ведь не животное. Он твой сын.

– Твои слова оскорбительны, Элен.

Огюст присел рядом со мной и провел у меня перед лицом ладонью. Я попытался уследить за ней взглядом.

– Я даже своим псам не позволил бы сидеть в их собственной рвоте. – Он прищелкнул пальцами. – Рид, ты должен сосредоточиться. Месса начнется через четверть часа, и опаздывать мне нельзя. Все в королевстве ждут, что я стану оплакивать этого полоумного святошу. Я никак не могу их разочаровать.

Туман моих мыслей прожгла ненависть.

– Однако ты, как никто, понимаешь, как важно порой бывает притворство, верно? – Огюст вскинул золотистую бровь. – Ты ведь всех нас сумел обмануть. Даже его самого.

У меня снова скрутило желудок, но король успел отпрыгнуть вовремя, с отвращениям кривясь.

- Строго между нами, я рад, что ты его убил. Не счесть, сколько раз этот мерзкий лицемер читал мне нотации - подумать только, мне! - при том, что сам в свое время успел присунуть Моргане ле Блан.

- Да уж, мерзкий лицемер, - многозначительно повторила мадам Лабелль.

Шассер дернул ее за волосы и вдавил клинок глубже ей в шею. Мадам Лабелль замолчала.

Отгюст не обратил внимания на ее слова и оценивающе оглядел меня.

- Инъекция подействовала на тебя. Полагаю, это можно считать доказательством слов Филиппа. Ты и в самом деле ведьмак.

Чистым усилием воли я поднял голову. На секунду. На две.

- Хотел бы я посмотреть, как болиголов... подействует на вас... Ваше Величество.

- Ты их отравил? - неверяще спросил Бо.

Другой шассер держал его в углу. Олиана отчаянно затрясла головой, но Бо будто и не заметил.

- Ты ввел им болиголов?

- Чертов избалованный гаденыш. - Отгюст закатил глаза. - Сейчас у меня попросту не хватит терпения, чтобы слушать тебя, Борегар. И тебя тоже, Олиана, - добавил он, когда та попыталась возразить. - Если кто-то из вас заговорит снова, пусть пеняет на себя. - Мне же он сказал: - А теперь отвечай. Как это возможно? Как ты появился на свет, Рид Диггори?

Непрошенная усмешка расплылась у меня на лице, и в мыслях послышался голос Лу. Даже тогда, оказавшись в ловушке за кулисами театра с двумя смертельными врагами, она была совершенно бесстрашна. Или же просто глупа. Так или иначе, Лу и не подозревала, насколько тогда была права.

- Полагаю... - выдохнул я, - когда мужчина и... ведьма... сильно-сильно любят друг друга...

Я ожидал его удара. И когда удар последовал, я врезался головой в спинку стула и замер. Смех сорвался с моих губ, а Отгюст посмотрел на меня, как на насекомое, на таракана, которого хотел раздавить сапогом. Возможно, так и было. Я расхохотался вновь от мысли о том, как все это иронично. Сколько раз я сам дурманил ведьму? Сколько раз у меня на лице было в точности такое же выражение?

Отгюст крепко схватил меня за подбородок.

- Говори, где она, и обещаю - ты умрешь быстро.

Моя усмешка медленно растаяла. Я промолчал.

Он еще более вцепился пальцами мне в лицо, возможно, даже до синяков.

- Ты любишь крыс, Рид Диггори? Создания, безусловно, уродливые, однако не могу не признать, что духовно я ощущаю с ними некое родство.

- Неудивительно.

Отгуст снова улыбнулся. Холодно.

- Крысы умны. Находчивы. Ценят свою жизнь. Возможно, тебе стоит поучиться у них.

Я снова промолчал, и он улыбнулся шире.

- Любопытный факт: если поймать крысу в ловушку на животе человека - накрыть ее, скажем, горшком, а потом нагреть этот горшок... знаешь, что делает крыса?

Я снова промолчал, и Отгуст потряс мою голову как бы в знак ответа.

- Она вгрызается человеку в живот, Рид Диггори. Царапает, рвет кожу, плоть и кость, лишь бы спастись от жара. Она убивает человека, чтобы выжить самой.

Наконец Отгуст выпустил меня, встал и вытащил из кармана носовой платок. Затем брезгливо вытер мою рвоту с пальцев.

- Настоятельно советую тебе ответить на мой вопрос, если только ты не желаешь оказаться на месте этого человека.

Мы уставились друг на друга. Лицо Отгуста снова размылось в тумане.

- Я ничего тебе не скажу, - ответил я просто.

Слова эхом прокатились по безмолвной комнате.

- Хм-м. - Он взял со стола что-то маленькое. Черное. Чугунное. - Ясно.

Это был горшок.

Стоило бы испугаться. Возможно, от страха меня уберег болиголов. Или же тошнота и страшная головная боль. Отгуст хотел, чтобы я его боялся. Я видел это в его глазах, в улыбке. Он хотел, чтобы я дрожал и молил его о пощаде. Этот человек наслаждался властью. И ведь когда-то я служил ему. Был его охотником. Жаждал его королевской благосклонности. Даже после, узнав, как Отгуст связан с моим зачатием, с моими страданиями, в глубине души я все равно хотел узнать его ближе. Мечтал о том его образе, что создал сам по рассказам матери. По доброй воле надел ее розовые очки. Но этот человек оказался совсем другим.

Он был настоящим.

И отвратительным.

И сейчас, глядя на него, я чувствовал лишь разочарование.

Огюст медленно поставил горшок на решетку над огнем.

- Я спрошу тебя в последний раз - где сейчас Луиза ле Блан?

- Отец... - взмолился Бо, но по мановению руки короля шассер ударил его по голове. Тот ошеломленно обмяк, и Олиана закричала. Она бросилась к сыну, но Огюст схватил ее за талию и отшвырнул к столу. Рыдая, она рухнула на пол.

- Я сказал, молчать! - прорычал Огюст.

Мадам Лабелль изумленно посмотрела на него.

- Кто ты? - неверяще спросила она. - Человек, которого я любила, никогда бы не обошелся так со своей семьей. Это ведь твоя жена. Твои сыновья...

- Они мне не сыновья. - Багровея, Огюст схватился за подлокотники кресла мадам Лабелль. Наклонился ближе к ее лицу, сверкая глазами. - И у меня будут еще сыновья, Элен. Я готов наплодить еще сотню сыновей в пику этой гнусной белобрысой суке. Мое наследие будет жить. Ты меня поняла? Даже если мне придется перетрахать всех до единой женщин на этой земле, мне наплевать - я не отступлю. - Он поднес ладонь к лицу мадам Лабелль, но не коснулся ее. Только сжал пальцы с ненавистью. И с тоской. - Такая красивая... И такая лживая тварь. Что же мне с тобой делать?

- Прошу, остановись. Это ведь я. Я, Элен...

- Думаешь, я любил тебя, Элен? Думаешь, ты была особенной?

- Я знаю это. - В глазах мадам Лабелль сверкала яростная решимость. - Я не могла признаться тебе, что ведьма, - и за это я прошу прощения, - но ты знал меня, Огюст. Знал меня душой и сердцем, и я знала тебя. Наши чувства были искренними. И наше дитя родилось от любви, а не от похоти или... долга. Прошу, оставь слепую ненависть и вспомни. Я все та же, что и прежде. Узри меня, mon amour, узри своего сына. Ему нужна наша помощь.

На этот раз Огюст все же коснулся мадам Лабелль. Он смял пальцами ее губы, притянул их почти что вплотную к своим.

- Пожалуй, я буду пытаться и тебя, - прошептал он. - Посмотрю, кто из вас сломается первым.

Мадам Лабелль ответила ему суровым, непокорным взглядом, и я ощутил прилив гордости.

И любви.

- Почему болиголов не действует на тебя, mon amour? - Огюст выпустил ее губы и погладил по щеке. Казалось, кроме них двоих в комнате больше никого нет. - Почему он тебя не дурманит?

Мадам Лабелль вздернула нос.

- С первого же дня нашей встречи я сама вводила себе болиголов каждый день.

- Ах, ясно. - Он впился пальцами ей в кожу. - Вот тебе и искренние чувства.

Дверь кабинета распахнулась, и в комнату вошел мужчина в ливрее.

- Ваше Величество, я задерживал священников как мог, но они настаивают на том, чтобы начать мессу незамедлительно.

Еще секунду Огюст смотрел на мою мать. Затем, вздохнув, отпустил ее и поправил одеяние. Пригладил волосы.

- Увы, похоже, с беседой придется повременить до окончания торжеств. - Он с выученной ловкостью нацепил черные перчатки, а вместе с ними - и маску. Личность другого человека. - Когда все будет кончено, я пошлю за вами - если только она сама к тому времени не прибудет сюда.

- Мы ведь уже сказали. - Я сомкнул глаза, борясь с головокружением и тошнотой, но от темноты стало только хуже, и пришлось открыть их снова. - Моргана уже в городе.

- Я говорю не о Моргане, а о ее дочери.

Зловещая улыбка Огюста блеснула, бросив на мое сердце тень. Тень страха. Только теперь я наконец ощутил его.

- Если ты любишь ее так сильно, как утверждаешь, она придет за тобой. А я... - Проходя мимо, он похлопал меня по щеке. - А я буду ждать.

Если подобное вообще было возможно, в подземельях оказалось еще холоднее, чем на улицах. В углу нашей темницы, где вода стекала по камню в лужицу на земляном полу, выросли сосульки. Я привалился к железной решетке, чувствуя, как ослабело мое тело. Руки мадам Лабелль были все так же связаны, но она потерла рукавом о лед, чтобы смочить ткань, и присела рядом со мной, пытаясь утереть мне лицо.

- Поскольку тебя обильно стошнило и вешишь ты немало... - проговорила она, тщетно пытаясь меня утешить, - действие инъекции должно скоро пройти. К тому времени как Луиза явится нас спасти, ты будешь чувствовать себя прекрасно. Остается лишь надеяться, что она догадается о произошедшем прежде, чем нас съедят крысы.

- Она не придет, - глухо ответил я. - Мы с ней поссорились. Я сказал, что она похожа на мать.

Бо отломил сосульку и швырнул ее в стену.

- Ну прекрасно. Просто замечательно. Молодец, братец, ничего не скажешь. Поскорей бы полюбоваться на твою селезенку, когда крыса до нее догрызется. - Он обернулся к мадам Лабелль. - А вы не можете... ну не знаю.. как-нибудь вытащить нас отсюда колдовством? Вы, конечно, связаны, но ведь достаточно лишь шевельнуть пальцем, верно?

- Наши оковы смазаны неким веществом, которое снижает чувствительность. Я не могу даже пошевелить руками.

- А локтем можно? Или пальцем ноги?

- Можно, конечно, но выйдет неуклюже, непредсказуемо. Вероятно, если я попытаюсь, то сделаю только хуже.

- Как это?

- Чтобы управлять узорами, требуется определенная сноровка, Ваше Высочество. Представь, каково завязывать узел локтями или ногами, и, возможно, поймешь, насколько это сложно. С помощью рук - пальцев - мы можем обозначить наши намерения куда яснее. - Мадам Лабелль раскраснелась, но продолжала вытирать мне щеки. - К тому же от тебя определенно ускользнул тот факт, что в конце коридора стоят на страже четверо охотников.

Бо сердито обошел темницу, как ошетилившийся кот.

- И что?

- Материны титьки, - вздохнула мадам Лабелль и утерла лоб предплечьем. - И то, Борегар, что, несмотря на все свои недавние многочисленные колдовские подвиги, даже я вынуждена сдаться и признать свою неспособность сбежать из тюрьмы, одолеть четырех шассеров и сбежать из города, используя один лишь чертов локоть.

- Ну и что нам тогда делать? - Бо всплеснул руками. - Сидеть тут и ждать, пока отец скормит нас своим крысам? Обратиться к нему - отличная затея, кстати, - прорычал он. - «Когда-то он меня любил». Ага, держи карман шире.

- Бо, - сказал я, увидев, как вздрогнула мадам Лабелль. - Заткнись.

- Вас, Ваше Высочество, Огюст крысам скармливать не станет, - проговорила она. - Несмотря на все его угрозы, вряд ли он действительно желает тебе зла. Ты - его единственный наследник. По закону передать королевство Виолетте или Виктории он не может.

Бо отвернулся к коридору и сердито скрестил руки на груди.

- Ну уж простите, что больше вашему чутью я не доверяю.

Я уставился на него и вдруг осознал истину. Розовые очки. Бо тоже пришлось их снять. Несмотря на все их разногласия, он все равно ждал и хотел от отца большего. И все его мечты прилюдно разбились в тронном зале.

Бо по-настоящему утратил отца. А я лишился всего лишь образа, мною же и придуманного.

- Стойте-ка.

Бо резко схватился за решетку и всмотрелся во что-то в конце коридора. Я обернулся и приник к прутьям, услышав из-за двери испуганные крики. Острая и неожиданная надежда вспыхнула в груди. Неужели... Неужели Лу все-таки пришла на помощь?

Бо усмехнулся.

- Знакомый голос. Вот ведь маленькие засранки.

Послышались удаляющиеся шаги, и крики стихли. Дверь коридора скрипнула и открылась.

В комнату заглянуло плутоватое личико. Виолетта. Не знаю, как я смог отличить ее от сестры, но все же мне это удалось. По наитию. Усмехаясь, Виолетта побежала по коридору к нам, держа в руках ключи стражников.

- Привет, таеае. Соскучился?

- Виолетта. - Бо прижался лицом к решетке. - Как ты сюда попала? Почему ты не на мессе?

Она закатила глаза.

- Будто папа выпустил бы нас из замка, когда Моргана на свободе.

- И на том спасибо. Так, надо спешить. - Бо протянул руку. - Охотники могут вернуться в любую секунду. Давай сюда ключи.

Виолетта подбоченилась.

- Не вернуться они в любую секунду. Я им сказала, что Виктория случайно напоролась на свой меч, и эти дураки сейчас бегут наверх ей помогать. - Она фыркнула. - Они и впрямь решили, что Виктория способна случайно кого-нибудь проткнуть.

- Да, - не сдавался Бо. - Но когда они найдут Викторию и увидят, что она не истекает кровью, то поймут, что ты их обманула. И сразу вернуться...

- Не поймут. Крови там прилично.

- Что?

- Мы залезли в кладовую лекаря и украли там баранью кровь. Виктория много на ковер разлила, но у нее еще осталось несколько флаконов. Охотникам долго придется искать ее по следу. Уж несколько минут так точно.

- Ты дала Виктории кровь? - Бо изумленно уставился на нее. - Просто... поиграть?

Виолетта пожала плечами.

- Ну а что тут поделаешь. Итак... - Она потрясла у него перед носом ключами. - Ты хочешь на свободу или нет?

Бо потянулся за ними, но Виолетта отдернула руку.

- Нет уж, не так быстро. Сначала ты должен перед нами извиниться.

- Да. - Послышался еще один голос, и рядом возникла Виктория. Ее глаза сверкали в полутьме, а руки были перемазаны в крови. Она коснулась лезвием меча кончика носа Бо. - Извинись за то, что бросил нас, таеае, и мы тебя выпустим. - Она сморщила нос, посмотрев на меня и мадам Лабелль. - Только тебя. Не их. Папа говорит, они заслужили костер.

Бо снова потянулся за ключами. Безуспешно.

- Сделайте одолжение, девочки, зажимайте уши всякий раз, как отец открывает рот. А не то у вас мозги от его голоса протухнут.

- А по-моему, это жутко романтично. - Виолетта оглядела меня. Ее лицо зловеще походило на лицо Отгюста. Только у него взгляд был холодным, расчетливым, а у нее - застенчиво-любопытным. - Metua vahine говорит, он всем пожертвовал, чтобы спасти любимую. Она тебя недолюбливает, - добавила Виолетта, обращаясь ко мне, - и твою тамаа тоже, но, мне кажется, она тебя уважает.

- Совсем не романтично это, а очень глупо. - Виктория пнула решетку рядом со мной, а потом обернулась к Бо. - Как ты мог выбрать этого шлюхина сына, а не нас?

- Не смей произносить это слово, - строго сказал Бо. - Никогда больше не смей.

Виктория втянула голову в плечи - сердито, но стыдливо.

- Ты нас бросил, таеае. Не сказал, куда пойдешь. А ведь мы могли бы пойти с тобой. Плечом к плечу сражаться с ведьмами.

Бо коснулся ее лица и приподнял пальцем за подбородок.

- Не все ведьмы плохие, tuahine, tou. Я нашел хороших. И намерен им помочь.

- Но папа сказал, что лишит тебя наследства! - вмешалась Виолетта.

- Тогда, выходит, быть тебе королевой.

Она вытаращила глаза.

- Простите, что не попрощался с вами, - ласково сказал Бо. - Но мне не жаль, что я ушел. У меня есть возможность совершить нечто очень важное.

Вместе все мы – люди, ведьмы, оборотни, может, даже русалки – можем изменить целый мир.

– Русалки! – ахнула Виолетта.

– Да замолкни ты уже, Виолетта. – Виктория выхватила у нее ключи и бросила их Бо. – Давай. – Она коротко ему кивнула. – Ломай мир. Меняй его к лучшему. А потом, когда все кончится и ты соберешь его обратно по кусочкам, я хочу стать охотником.

– Ой, и я тоже! – взвизгнула Виолетта. – Только я хочу носить платье.

Бо поспешно стал возиться с замком.

– Простите, девочки, но охотники останутся среди тех кусочков, которым в новом мире места не найдется.

– Нет, – покачала головой Виктория. – Не таким охотником, как сейчас. Мы хотим стать такими охотниками, какими они должны быть – настоящими рыцарями, которые побеждают силы зла. Истинного зла. – Она махнула на меня, на рвоту, которая покрывала мою одежду. – Уж не знаю, что он такое, но на зло он не похож.

Я не удержался от улыбки.

К моему изумлению, она улыбнулась в ответ. Едва заметно, с сомнением, но все же. При виде этого я едва устоял на ногах от избытка чувств. Бо наконец открыл дверь, и Виолетта обхватила меня за пояс, чтобы поддержать и вывести в коридор.

– От тебя воняет, тааеае. От настоящих рыцарей не воняет. Как же ты спасешь свою красавицу, если она такого запаха вынести не сможет?

Тоже сдерживая улыбку, мадам Лабелль поддержала меня с другой стороны.

– Может, его красавицу и не нужно спасать.

– Может, это она сама его спасет! – встряла Виктория.

– Может, они спасут друг друга! – рявкнула Виолетта в ответ.

– Может, и спасем, – пробормотал я, чувствуя на душе удивительную легкость. Как же давно со мной такого не бывало. Может, мы и сумеем. Вместе. Внезапно и, возможно, впервые я наконец увидел все в ясном свете: из нас двоих сломлена была не только Лу. Я и сам закрывал глаза, пытаюсь спрятаться от чудовищ – моих собственных чудовищ, – и надеялся, что они меня не увидят. Надеялся, что если закопать их глубоко-глубоко, они исчезнут.

Но они никуда не исчезли. И я решил, что пряток с меня довольно.

Я шагал все быстрее, не обращая внимания на головную боль. Нужно было найти Лу. Найти ее, поговорить с ней...

И тут началось.

Дверь с ужасающим грохотом распахнулась, и четверо шассеров ворвались в коридор. Мадам Лабелль воскликнула «БЕГИТЕ!» в тот самый миг, когда Виктория рассекла ее пути. И грянул хаос. По мановению руки мадам Лабелль камни с потолка обрушились шассерам на головы. Один, размером с мой кулак, упал на голову противнику, и тот рухнул как подкошенный. Остальные испуганно – и яростно – закричали и кинулись на нее. Двое схватили мадам Лабелль, а третий прыгнул к нам. С боевым кличем Виктория наступила ему на ноги. Шассер отпрянул, отдернув от нее лезвие балисарды, и Виолетта ударила его в нос.

– Выбирайтесь отсюда!

Виктория толкнула шассера, и он, и без того уже утратив равновесие, упал на пол. Бо разрезал свои веревки ее мечом.

– Пока не поздно!

Я пытался добраться до мадам Лабелль.

– Нельзя ее бросать...

– ИДИТЕ! – Мадам Лабелль, все еще сражаясь с шассерами, взмахом руки снесла дверь с петель. – ЖИВО!

Бо не оставил мне выбора. Он схватил меня и поволок мое ослабшее беспомощное тело по коридору. Сверху послышались еще шаги, но мы резко свернули налево, в другой коридор, и скрылись в полузаметном выступе в стене.

– Скорей. – Бо тащил меня все быстрее. – Месса уже началась, но те шассеры, что остались в башне, скоро будут здесь. И туннели они обыщут. Скорей, скорей!

– Но моя мать, наши сестры...

– наших сестер никто не тронет. Он точно не посмеет...

И все равно я сопротивлялся.

– А мадам Лабелль?

Бо без колебаний затолкнул меня в очередной туннель.

– Она сможет за себя постоять.

– НЕТ!..

– Рид. – Бо развернул меня к себе и вцепился мне в плечи, когда я отчаянно забился, пытаюсь освободиться. Взгляд его был лихорадочен, почти безумен. – Мадам Лабелль сделала свой выбор, ясно? Она решила спасти тебя. Если сейчас ты вернешься, то ничем не сможешь, а только пойдешь ей наперекор. – Он затряс меня сильнее. – Сегодня ты должен выжить, Рид,

чтобы сражаться завтра. Мы вернем ее. Вернем, даже если мне придется своими руками сжечь этот замок дотла. Ты мне веришь?

Я ощутил, как киваю, ощутил, как Бо тащит меня дальше.

Крики мадам Лабелль разносились эхом далеко позади.

Змея сбрасывает кожу

Лу

Я обняла свои ноги, опустила подбородок на колени и посмотрела в вечернее небо. Тучи затянули его, заслонив солнце и обещая скорый дождь. Глаза у меня до сих пор жгло, но смыкать их я не спешила. Коко и Ансель ждали меня в комнате, внизу. Я сидела на крыше и слышала, как они что-то бормочут.

По крайней мере, этот кошмарный день принес хоть какую-то пользу.

По крайней мере, они снова разговаривают друг с другом – пусть даже обо мне.

– Чем мы можем ей помочь? – тревожно спросил Ансель.

– Ничем. – Голос Коко охрип от слез – а может быть, от дыма.

Мед исцелил ее ожоги, но спасти прилавок он бы никак не смог. Клод пообещал заплатить трактирщику за ущерб.

– Во всяком случае, теперь она знает. И будет осторожнее.

– А что Рид?

– Он вернется к ней. Как и всегда.

Я никого из них не заслужила.

Будто пытаюсь меня подбодрить, ветер погладил мое лицо, играя волосами. Или же это был вовсе не ветер. А нечто другое. Некто другой. Вдруг слегка смутившись, я подняла глаза к огромным необъятным небесам и прошептала:

– Мне нужна твоя помощь.

Ветер застыл у меня в волосах.

Приободрившись, я села и расправила плечи, свесив с карниза ноги.

– Не должно отцам бросать своих детей. Мой хоть и был человеком дерьмовым – пни его там от меня, если вдруг его к тебе занесло, – но даже он по-своему пытался меня защитить. Но вот ты.. мог бы постараться и получше. Ты ведь всем нам отец, разве нет? Или, быть может, ты – всем нам мать, а моя собственная мать была права. – Я понуро покачала головой. – И ты в самом деле желаешь мне смерти.

Внизу с испуганным криком с окна вспорхнула птица. Я мгновенно напряглась, заглянула за край и стала искать, что могло ее потревожить. Но там ничего не было. Только тишина и покой. Недавний снег еще лежал на краю крыши, а теперь небо, похоже, никак не могло решить, обрушить ли на мир дождь или новую метель. Снежинки бесцельно витали в воздухе. На сырой узкой улочке внизу собрались несколько скорбящих, но большинство должны были явиться позже, после окончания заупокойной мессы.

Через несколько минут голоса Коко и Анселя стихли. Возможно, они ушли в комнату Коко обсуждать свои собственные заботы. Я понадеялась, что это так. Вместе или врозь, оба они заслуживали счастья.

– Рид говорит, я.. потеряна, – выдохнула я. Эти слова прозвучали едва слышно, но я не смогла бы их сдержать, даже если бы захотела. Они будто таились прямо у меня под кожей, терпеливо выжидая именно этой минуты. Выжидая, пока в моей душе откроется окошко для последней отчаянной надежды. Для.. молитвы. – Говорит, что я меняюсь.. что я уже другая. Может, он и прав. Может, я просто не хочу этого замечать.. или же не могу. Но кавардак я устроила страшный, это точно. Оборотни нас бросили, и если меня не убьет мать, они сделают это сами. Хуже того, Ля-Буазен постоянно.. наблюдает за мной. Будто чего-то ждет. Николина вздумала, что мы с ней лучшие подружки, а я.. Я не знаю, что делать. У меня нет ответов. По идее, за них у нас отвечаешь ты.

Я хмыкнула и отвернулась, вдруг ощутив острый приступ гнева. Слова полились быстрее, не ручьем, но рекой.

– Я, между прочим, читала твою книжку. Там сказано, что ты соткал всех нас во чревах наших матерей. Если так, не повезло мне, правда ведь? Я и в самом деле лишь орудие в ее руках. Она хочет использовать меня, чтобы уничтожить мир. Верит, что мое предназначение – умереть на алтаре, а ты.. ты отдал меня ей. Теперь я уже не невинна, но ведь была когда-то. Я была ребенком. Младенцем. И ты подарил меня женщине, которая готова меня убить, которая никогда меня не любила.. – Я замолкла и закрыла глаза ладонями, тяжело дыша. – И сейчас я изо всех сил держусь, пытаюсь не сломаться, но.. уже поздно. Я сломлена. И не знаю, как все исправить, как вернуть прежнюю себя, прежнего Рида, вернуть все, что было между нами. А он.. он меня ненавидит.. – И снова я захлебнулась словами. Абсурдный, неуместный смех подступил к горлу.

– Я даже не знаю, есть ли ты на свете, – прошептала я, смеясь, плача и чувствуя себя до крайности глупо. Руки у меня дрожали. – Наверное, болтаю сейчас сама с собой, как сумасшедшая. Может, я и впрямь сошла с ума. Но.. если ты правда где-то есть, если ты сейчас меня слышишь, прошу тебя, пожалуйста..

Я опустила голову и закрыла глаза.

- Не бросай меня.

Так я и сидела, понутив голову, еще несколько долгих минут. Так долго, что слезы замерзли на щеках, пальцы перестали дрожать, а окошко в душе медленно и тихо закрылось. Ждала ли я чего-нибудь? Я и сама этого не знала. Так или иначе, ответом мне послужило только молчание.

Я утратила счет времени, погружившись в мысли, и только посвистывание Клода Деверо привело меня в чувство. Когда Клод вышел на крышу, я едва не рассмеялась. Едва. Никогда не встречала человека, которого так влекло бы к душевным терзаниям. Стоило хоть немного углубиться в самокопание, он тут же возникал поблизости, как оголодавший человек при виде лавки выпечки и сладостей.

- Я совершенно случайно подслушал... - сказал Клод беззаботно, садясь на карниз рядом со мной, - твою прелюбопытную беседу с небесами.

Я закатила глаза.

- Все не случайно.

- Ты права. Я до ужаса люблю подслушивать и извиняться за это не буду. - Едва заметно улыбнувшись, он толкнул меня в плечо. - Я решил, что тебе стоит знать: Рид вернулся. Он цел, но не сказать, что невредим.

Я не сразу осознала суть его слов.

«Цел, но не сказать, что невредим».

Я вскочила и чуть не рухнула с крыши, поскользнувшись, - так спешила к лестнице. Клод поймал меня за руку, мягко покачав головой, и у меня упало сердце.

- Позволь ему собраться с духом, chérie. Он пережил немало.

- Что случилось? - спросила я резко, вырвав руку.

- Я не спрашивал. Он расскажет нам сам, когда будет готов.

- О. - Лишь одно это слово лучше сотни других выразило всю боль моей души.

Теперь я была одной из «наш» - посторонних людей, которых более не касались самые сокровенные мысли и тайны Рида. Я сама оттолкнула его, испугавшись - почти обезумев от страха - того, что он сделает это первым. Рид, конечно же, не стал меня отталкивать, но сделанного не воротить. И во всем была виновата я, я одна. Я медленно опустилась обратно на карниз.

- Понимаю.

Клод вскинул бровь.

- Правда?

- Нет, - горько сказала я. - Но вы это и так знали.

Мы помолчали еще с минуту. Я наблюдала за скорбцами - в основном это были бедняги в черном рванье, - которые продолжали собираться на улице. Колокольня пробила половину четверть часа назад. Вскоре заупокойная месса завершится и по улицам двинется погребальная процессия, чтобы простолудины могли проститься с Архиепископом. Его тело пронесут по этой самой улице к кладбищу, в Церковный склеп, что находился в усыпальницах. От мадам Лабелль я все еще была не в восторге, но место она выбрала дальновидно.

Если кто во всем королевстве и любил Архиепископа, - это Рид. Именно он должен был готовить его тело к погребению сегодня утром. Рид должен был произносить над ним речи. Рид сейчас должен был нести бдение рядом с ним.

А он вместо всего этого вынужден скрываться в грязном трактире.

Рид не застанет отпевание и погребение Архиепископа, не сможет проститься с ним навсегда. Я отмахнулась от этой мысли, снова ощутив, как подступают слезы. В последние дни я будто только тем и занималась, что плакала.

По крайней мере, здесь Риду удастся хоть краем глаза увидеть его напоследок.

Если только Моргана не убьет нас раньше.

Я не столько увидела, сколько ощутила, что Клод внимательно смотрит на меня. Казалось, им овладела нерешительность. Сжалившись над ним, я обернулась и хотела попросить его перестать терзаться, убедить его, что со мной все хорошо. Но, похоже, увидев что-то в моих глазах, Клод наконец решился. И, тяжело вздохнув, снял цилиндр.

- Знаю, тебе сейчас беспокойно. Я долго не мог определиться, когда уместнее всего будет сказать тебе об этом.. Но, быть может, сняв этот груз со своей души, я помогу тем же и тебе. - Он печально поднял взгляд к небу. - Я знал твою мать, и ты на нее совсем не похожа.

Я уставилась на Клода. Ожидала я чего угодно, но не этого.

- Что?

- Ты, конечно же, унаследовала все лучшее, что в ней есть. Жажду жизни. Ум. Обаяние. Но ты - не она, Луиза.

- Откуда вы ее знаете?

- Уже не знаю. Не теперь. - Задумчивость в его глазах сменилась тенью печали. - Давным-давно, кажется, тысячу лет назад - я любил ее страстно как никогда. И полагал, что и она меня любила.

- С ума сойти. - Я прижала ладонь ко лбу и закрыла глаза. Что ж, вот и причина странного и тревожного внимания, которое Клод ко мне проявлял. Да еще эти белые волосы... - Слушайте, Клод, если вы собрались мне сказать, что сочувствуете ей, все еще ее любите или втайне все это время были с ней в стоворе, можно с этим подождать немного? У меня выдался дерьмовейший день, и вряд ли я сейчас вынесу еще и предательство.

Клод хохотнул, но этим не слишком меня приободрил.

- Девочка моя, неужели ты полагаешь, что я признался бы в подобном, будь я в стоворе с Морганой? Нет, нет, нет. Я знал Моргану прежде, чем она... изменилась.

- О. - И снова это злосчастное слово. Оно травило мне душу, полное невысказанной боли и непризнанных истин. - Без обид, но я бы не сказала, что вы во вкусе моей матери.

Клод снова рассмеялся, на этот раз громче и искренней.

- Внешность бывает обманлива, дитя.

Я смерила его выразительным взглядом и повторила прежний свой вопрос. Сейчас узнать ответ на него казалось куда важнее.

- Что вы за создание, Клод?

Он не медлил ни секунды. Взгляд его карих глаз - теплый, обеспокоенный - пронизывал меня насквозь.

- А ты, Луиза?

Я уставилась на свои руки. В жизни меня много как нелестно называли. Большую часть всего этого повторять не хотелось, но одно слово до сих пор не давало мне покоя. Оно пробралось мне под кожу, разлагало мою плоть.

Он назвал меня лгуньей. Сказал, что я...

- Змея, - повторила я, отрывисто дыша. - Полагаю, я... змея. Лгунья. Обманщица. Обреченная до конца своих дней ползать по земле, глотая пыль.

- А. - К моему удивлению, лицо Клода не исказилось отвращением. Он просто кивнул и понимающе улыбнулся. - Да, я склонен с этим согласиться.

Я униженно сникла.

- Ну спасибо.

- Луиза. - Одним пальцем Клод поднял меня за подбородок и заставил посмотреть на него. Теперь в его глазах, еще недавно таких теплых, сверкала уверенность и решимость. - Той, кто ты сейчас, ты не была раньше и не будешь вечно. Ты - змея. Так сбрось же кожу, если более она тебе не подходит. Превратись в нечто иное. Нечто лучшее.

Он постучал меня по носу, а затем встал и протянул мне руку.

– И кровавые ведьмы, и оборотни останутся с нами до конца похорон. Козетта от твоего имени обратилась к ведьмам с очень пламенной речью, а оборотни, поскольку Рид вернулся, все еще желают вернуть кровавый долг. Однако букета роз и от тех, и от других я бы в ближайшем будущем ждать не стал и на твоём месте до конца жизни воздержался бы от визитов в Ле-Вантр.

Я приняла его руку и поднялась на ноги.

– Рид.

– Ах да. Что касается Рида, боюсь, я не обмолвился об одной небольшой, наималейшей подробности нынешних обстоятельств.

– Что? О чем вы?..

Клод поцеловал меня в лоб. Этот жест мог бы рассердить меня излишней интимностью, но он вышел скорее.. утешительным. Так мог бы поцеловать меня отец, если бы.. если бы все сложилось иначе.

– Рид звал тебя. Следует сказать, весьма настойчиво, но Козетта убедила его сначала принять ванну. В конце концов, он ведь был с головы до ног в рвоте.

– В рвоте? – Я моргала все быстрее и понимала все меньше. – Но..

Дверь, ведущая к лестнице, распахнулась, и на пороге возник Рид.

– Лу. – При виде меня его лицо исказилось мукой. В два шага Рид пересек крышу и стиснул меня в объятиях. Я зарылась лицом ему в пальто, чувствуя, как ткань мокнет от слез, и сжала его еще крепче. Рид дрожал. – Лу, они ее забрали. Забрали мою мать, и она не вернется.

Похороны

Рид

Первые капли дождя возвестили о начале погребального шествия. Они обжигали мне руку – ледяные, острые, как крохотные ножи. Лу распахнула окно нашей комнаты, и мы наблюдали, как толпа внизу все растет. Море слез и черного цвета. Очень немногие открыли зонты, хотя дождь шел все сильнее и быстрее.

Констебли с мрачными лицами и в униформе столь же мрачных цветов выстроились вдоль улицы с оружием наготове. Шассеры в черном стояли среди них. Некоторых я узнал, некоторых нет.

Где-то там, внизу, Белые дамы и лу-гару ожидали, не появится ли Моргана. Тулуза и Тьерри с ними не было. По моей вине. Из-за моего упрямства и гордыни. Деверо, однако, настоятельно вызвался нам помочь. И так же настоятельно посоветовал нам с Лу не показываться на улицах. Он сказал, что наше отсутствие может удержать ее от необдуманных действий, но я знал, что дело в другом. Деверо позволил нам – мне – лицезреть шествие в одиночестве. И... оплакать утрату.

– Кроме того, – добавил он как ни в чем не бывало, – нельзя, чтобы король или шассеры заметили вас в толпе. Воцарится хаос, а для нашей любезной Госпожи хаос – родная стихия.

В соседней комнате в трубах бурлила вода. Я предположил, что Коко принимает ванну. Деверо разогнал их с Бо и Анселем по комнатам, заявив, что их лица тоже слишком известны в народе. После всего, что мы пережили, было странно прятаться, пока другие рискуют собой. Мы такого не планировали.

Но я не нашел в себе сил возразить.

Ансель, вероятно, тоже наблюдал за шествием из окна. Я надеялся на это. Да, он не был шассером, но мог бы однажды им стать. Мог бы однажды полюбить Архиепископа. А если бы даже он не любил его... то определенно уважал бы. И боялся.

Я задумался, любил ли в самом деле нашего патриарха хоть кто-нибудь из пришедших на похороны.

У него не было ни братьев, ни сестер, ни родителей. Ни жены. По крайней мере, перед лицом закона. В библейском же смысле одна женщина обманом заманила его в постель и зачала ребенка, которому суждено было его погубить...

Нет. Я отбросил мысль прежде, чем та успела созреть. Да, Моргана была виновна, но и сам Архиепископ тоже. Она его ни к чему не принуждала. Он сам выбрал это. Совершенным человеком он зваться не мог.

Будто прочтя мои мысли, Лу сжала мне руку.

– Больно порой вспоминать умерших такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими мы хотели их видеть.

Я стиснул ее ладонь в ответ, но промолчал. Я знал, что Лу очень хочет поскорее помыться и переодеться, но идти в ванную она не спешила. Свежая одежда, которую принес Лу Деверо, так и лежала на постели. Нетронутая. Лу же стояла рядом со мной и смотрела на улицу. Слушала дождь и тихое пение сан-сесильских хористов. Ждала, пока шествие пройдет Восточную сторону и двинется к кладбищу. Я не мог и представить, что у Лу на душе. Она тоже оплакивала его? Тоже переживала утрату отца?

«Похороны будут?»

«Да».

«Но... он ведь был моим отцом».

Я вспомнил удивление, которое видел во взгляде Лу тогда, в Яме. Сомнения, чувство вины. Да, она определенно что-то чувствовала. Может быть, не совсем скорбь, но, возможно... сожаление.

«Он вступил в связь с ведьмой. С самой Госпожой Ведьм».

Я не мог винить Лу. Не мог ненавидеть ее за произошедшее. Я тоже сделал выбор, как и Архиепископ. Да, Лу лгала, она обманывала меня, но когда я последовал за нею в Шато, то сам выбрал свою судьбу и сделал это осознанно. Я выбрал эту жизнь. И эту любовь. И сейчас, когда наши с ней переплетенные пальцы дрожали, когда наши сердца бились рядом, я знал, что мой выбор все еще со мной. Я вновь выбирал это.

Я выбирал ее.

«Быть не может, что после такого король станет проводить торжественные обряды в его честь».

Прежде, вероятно, я согласился бы с ней. Прежде я полагал, что человек, оскверненный колдовством, не заслуживает почестей. Только осуждения – только ненависти.

Но теперь... Я устал ненавидеть Архиепископа. И самого себя. Ненависть способна разрушить личность. Даже теперь она висела у меня на шее тяжким грузом. Душила меня. Я знал, что не смогу долго нести это бремя. И не хотел.

Возможно... возможно, Лу была права. Возможно, отчасти я презирал ее колдовство. Ее и свое собственное. И эта частица моей души все еще оставалась связана с человеком внизу. После всего, что я видел, презирать магию было легко. Я не мог отрицать, что на Лу она влияет дурно. И все же... раз за разом Лу доказывала мне, что она – не сущее зло. Несмотря на все перемены, несмотря на боль между нами, она все равно не покидала меня – держала за руку, утешала, – пока я оплакивал отца, узнать которого она никогда уже не сможет. Отца, которого я у нее забрал.

Колдовство было лишь частью Лу, одной из многих.

И частью меня тоже.

И я знал, что мы найдем свой путь вместе.

Голоса снаружи зашумели громче, и на улицу повернула процессия священнослужителей. Они шли медленно, царственно и скандировали Прощальную Песнь. Их церковные облачения мокли под дождем. Позади них шассеры окружили королевскую карету. Огюст и Олиана нарядились в траурные одежды. В их лицах сквозила скорбь.

Притворство, сплошное притворство.

«Строго между нами – я рад, что ты его убил».

На улице показались еще несколько карет – в них ехали знатные дворяне. В конце появилась карета Трамбле. Что ж, по крайней мере горечь на лице Пьера казалась неподдельной. Селию рядом с ним я не разглядел, но знал, что ее слезы тоже были бы искренними. Архиепископ пылинки с нее сдувал.

– Рид, – прошептала Лу, глядя на последнюю карету. – Это он.

Гроб Архиепископа был изготовлен из золота, сверкавшего ярче королевской короны, и украшен изображениями ангелов, черепов и скрещенных костей. На нем блестела табличка с именем патриарха и годами его службы. Гроб оказался закрыт. Разумеется. У меня сжалось сердце. В конце Архиепископа было уже не узнать. Мне не хотелось представлять, каким он стал, не хотелось вспоминать...

Моя рука скользит, и Моргана шипит – по ее горлу течет кровь. Темнокожая ведьма подступает ближе.

– Отпусти ее, или он умрет.

– Манон, – с мольбой обращается к ней Лу. – Не надо, пожалуйста...

– Тихо, Лу. – Глаза Манон светятся маниакальным безумием, и увещевать ее явно бесполезно. Архиепископ кричит и кричит. Вены под его кожей чернеют, как и ногти, и язык. Я в ужасе смотрю на него.

Нет. Я потряс головой, отпустил руку Лу и отшатнулся от окна. Когда-то Архиепископ казался мне бессмертным. Могущественным, несокрушимым. Воплощением самого Господа.

– Я знаю, как это больно, – прошептала Лу. – Но ты должен его оплакать, Рид, иначе никогда не сможешь его отпустить. Ты должен прочувствовать утрату.

От ее слов на ум явилось другое непрошеное воспоминание.

Кровь течет у меня из носа. Отец Фома говорит, что я гадкий мальчишка, потому что вздумал драться с уличными беспризорниками. Они ненавидят меня за то, что я живу при Церкви, что у меня есть теплая еда и мягкая постель. Отец Фома говорит, что меня нашли среди мусора. Говорит, я должен был бы оказаться среди них, вырасти в бедности и жестокости. Но все вышло иначе, и благодаря горячей еде я стал высок, а благодаря мягкой постели – силен.

И я преподавал им урок за то, что они ударили меня в спину.

– Вернись!

Отец Фома гонится за мной по собору с розгой. Но он уже стар, и я, смеясь, с легкостью убегаю. Он останавливается перевести дух.

- Дрянной мальчишка, попомни мои слова, я все доложу Архиепископу!

- Доложишь мне что?

Услышав этот голос, я спотыкаюсь и падаю. А когда поднимаю взгляд, то вижу перед собой Архиепископа. Прежде я видел его только издали - обычно он стоит за кафедрой, а я у скамьи. Священники заставляют меня умываться и лупят по мягкому месту, чтобы я не мог сидеть во время мессы.

Но я все равно сижу.

Отец Фома выпрямляется, тяжело дыша.

- Этот мальчишка сегодня утром чуть не искалечил ребенка на Восточной стороне, Ваше Высокопреосвященство.

- Он первый начал! - Я утираю кровь с носа, сверля их сердитым взглядом. Розги я не боюсь. Вообще ничего не боюсь. - Он с друзьями меня подкараулил и напал!

Архиепископ поднимает бровь, услышав мои дерзкие слова.

- И ты свершил над ними правосудие?

- Они это заслужили.

- Верно.

Он обходит меня по кругу, будто оценивая. Я зол, но мне все же не по себе. Я слышал о его солдатах. Его охотниках. Возможно, я стал слишком высок. Слишком силен.

- Пусть, как вода, течет суд, и правда - как сильный поток.

Я, моргая, смотрю на него.

- Что?

- Как твое имя, юнец?

- Рид Диггори.

Архиепископ повторяет мое имя. Пробует на вкус.

- Впереди у тебя очень светлое будущее, Рид Диггори. - Он коротко кивает отцу Фоме. - Когда закончите с мальчиком, приведите его ко мне в кабинет. Начнем его обучение незамедлительно.

Жан-Люк шагнул рядом с гробом. Рядом с Архиепископом. Там, где следовало идти мне. Даже издали, даже в дождь я видел, как покраснели его глаза. Горячие слезы покатались и по моим щекам. Я яростно их утер. Было время, когда мы с ним утешили бы друг друга. Оплакали бы утрату вместе. Но не теперь.

- Еще раз, Рид.

Голос Архиепископа заглушает шум тренировочной площадки. Я подбираю меч и оборачиваюсь к другу. Жан-Люк ободрительно кивает.

- Ты сможешь, - шепчет он, снова поднимая меч. Но я не могу. Рука у меня дрожит, пальцы болят, из пореза на плече струится кровь.

Жан-Люк куда лучше меня.

В глубине души я гадаю, зачем мы здесь. Новопосвященные вокруг старше нас, они - мужчины, а мы еще только мальчишки. Четырнадцатилетние юнцы и мечтать не могут о том, чтобы стать шассерами.

«Но с каждым днем ты становишься все сильнее, - вспоминаю я слова Архиепископа. - Используй свой гнев. Обостри его, отточь, преврати в оружие».

Гнев. О да. Мы с Жаном-Люком очень злы.

Только этим утром в столовой нас подкараулил Жюльен. Капитан Оран ушел вместе с остальными, и мы остались одни.

- Мне плевать, будь ты хоть сто раз любимчик Архиепископа, - сказал Жюльен, прижимая клинок к моему горлу. Он на несколько лет старше нас с Жаном-Люком, но макушкой едва достает мне до подбородка. - Когда шассер Делькур уйдет в отставку, его пост займу я. Отбросу никогда не получить балисарды.

«Отброс». Так меня прозвали здесь, узнав, где меня нашли.

Жан-Люк ударил Жюльена в живот, и мы кинулись бежать.

И вот я решительно направляю клинок на Жана-Люка. Я не отброс. Я достоин внимания Архиепископа. Достоин его любви. Достоин стать шассером. Я им всем еще покажу.

Маленькие руки коснулись моего плеча и потянули на кровать. Я, даже не задумываясь, сел. Губы у меня дрожали. Я яростно боролся с отчаянием, которое грозило поглотить меня. С безнадежностью. Его больше нет. Архиепископа больше нет, он никогда не вернется.

Я убил его.

Толпа одобрительно кричит – так громко, что я почти не слышу, как рычит от боли Жан-Люк. Я не останавливаюсь. Не колеблюсь. Униформа мне мала, к горлу подкатывает тошнота, но я бью быстро и четко – и выбиваю меч из руки Жана-Люка. Обезоруживаю его.

– Сдавайся, – говорю я и наступаю сапогом ему на грудь. От возбуждения у меня кружится голова и туманятся мысли.

Я победил.

Жан-Люк скалится, держась за раненую ногу.

– Сдаюсь.

Капитан Оран встает между нами и поднимает мою руку.

– Вот и наш победитель!

Толпа безумствует, и громче всех мне аплодирует Селия.

Кажется, я ее люблю.

– Мои поздравления, – говорит Архиепископ, выходя на арену, и крепко меня обнимает. – Я очень тобой горжусь, сын мой.

Сын.

В его взгляде светится такая гордость, что у меня начинают слезиться глаза. Сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Я больше не отброс. Я сын Архиепископа – шассер Диггори, – и мое место здесь. Я обнимаю Архиепископа в ответ так крепко, что он охает, смеясь.

– Спасибо, Отец.

Позади нас Жан-Люк сплевывает кровь.

– Я убил своего отца, – прошептал я.

Лу погладила меня по спине.

– Я знаю.

Ее губы касаются моих, и меня захлестывает тепло. Поначалу она целует меня медленно, робко, будто боится. Но ей вовсе незачем бояться меня.

– Селия, – выдыхаю я, изумленно глядя на нее.

Она улыбается, и весь мир замирает от ее красоты.

– Я люблю тебя, Рид.

Я снова чувствую прикосновение ее губ и забываю о скамье в исповедальне, забываю о пустом храме, который окружает нас, забываю обо всем, кроме Селии. Селии, которая стоит передо мной. Селии, которая вплетает пальцы мне в волосы. Селии...

Дверь распаивается, и мы резко отстраняемся друг от друга.

- Что здесь происходит? - потрясенно восклицает Архиепископ.

Пискнув от ужаса, Селия прикрывает рот, ныряет ему под руку и убегает прочь. Архиепископ неверяще смотрит ей вслед. Наконец он оборачивается ко мне. Оглядывает мои растрепанные волосы, разрумяненные щеки, опухшие губы.

Вздыхнув, Архиепископ протягивает мне руку и помогает встать.

- Пойдем, Рид. Похоже, нам многое следует обсудить.

Только он один во всем мире заботился обо мне как отец. Слезы бежали все быстрее, заливая мне рубашку и руки. Омерзительные, навеки запятнанные убийством руки. Лу ласково обняла меня.

Трава на поляне покрыта кровью лу-гару. Как и лепестки диких цветов, и берег реки, и моя балисарда. Как и мои руки. Я пытаюсь незаметно вытереть их о штаны, но Архиепископ все равно видит. И осторожно подходит ко мне. Братья расступаются перед ним, низко кланяясь.

- Не стоит понапрасну скорбеть о них, сын мой.

Я смотрю на труп, который лежит у моих ног. Тело, еще недавно волчье, после смерти вновь обратилось в подобие человека. Темные глаза оборотня невидяще смотрят в летнее небо.

- Он не старше меня.

- Оно, - поправляет меня Архиепископ мягко. - Оно было не старше тебя. Существо, нечистое отродье, но не человек, как мы с тобой.

На следующее утро он кладет мне в ладонь медаль. Крови на моих руках больше не видно, но она все равно есть.

- Ты доблестно послужил королевству, - говорит он. - Капитан Диггори.

- Мне очень жаль, Рид.

Плечи у меня дрожали, но Лу обнимала меня все так же крепко. По ее щекам тоже текли слезы. Я крепко прижал ее к себе, едва дыша - каждый вдох

обжигал, причинял боль, – и уткнулся лицом ей в шею. Наконец я позволил скорби взять верх. Поглотить меня. И она накрыла меня волной слез и рыданий, боли и горечи, стыда и сожаления. Я захлебнулся, не в силах сдержать эту волну. Я мог лишь цепляться за Лу – за своего друга, свое пристанище, свой дом.

– Мне очень жаль.

Я не колеблюсь. Не размышляю. Лишь быстро выхватываю второй кинжал из ножен и бросаюсь вперед, мимо Морганы. Она вскидывает руки, с ее пальцев срывается огонь – но пламени я не чувствую. Золотой свет окутывает мою кожу, защищая меня. Но мысли разбегаются. Откуда бы ни взялись силы в моем теле, разум они покинули. Я спотыкаюсь, но золотая нить ведет меня за собой. Следуя за ней, я перемахиваю через алтарь.

Архиепископ широко распахивает глаза, осознавая, что я собираюсь сделать. Он издает тихий, умоляющий стон, но поделать ничего не может – я прыгаю на него.

А затем вонзаю свой нож ему в сердце.

Все еще изумленный и растерянный, Архиепископ обмякает и падает мне в руки.

– Я тоже сделал для тебя все, Лу.

И с этими словами, глядя, как его гроб исчезает из виду, чувствуя, как в толпе растворяется последняя память о нем, я отпустил Архиепископа с миром.

Нечто новое

Лу

Не знаю, как долго мы с Ридом просидели в той постели в объятиях друг друга. Я столько времени провела неподвижно и так замерзла, что теперь у меня все болело, но отпустить его я не смела. Я была ему нужна. Риду нужен был человек, который будет его любить. Утешать. Читить и оберегать. Я бы посмеялась над тем, как иронично все сложилось, не будь это так печально.

Много ли людей на свете по-настоящему любили Рида? Маленького мальчика, забытого среди мусора и превратившегося в мужчину в униформе? Двое? Трое? Я знала, что люблю его. И Ансель тоже. Мадам Лабелль была Риду матерью, и Жану-Люку он тоже когда-то был дорог. Но наша к нему любовь, если задуматься, была очень недолгой. Ансель полюбил его лишь недавно. Мадам Лабелль его бросила. Жан-Люк – возненавидел. А я... при первой же возможности от него отказалась. Нет, каким бы ни был Архиепископ ненавистником и лицемером, именно он любил Рида больше и дольше всех. И я всегда буду благодарна ему за это – за то, что он стал Риду тем отцом, каким не стал для меня.

Но теперь он был мертв.

Солнце скрылось за окном, и плечи Рида наконец перестали дрожать. Рывания его постепенно стихли, но он обнимал меня все так же крепко.

– Он бы меня возненавидел, – сказал Рид наконец, и я ощутила на своем плече свежие слезы. – Если бы он узнал, то возненавидел бы меня.

Я погладила его по спине.

– Он бы просто не смог возненавидеть тебя, Рид. Он тебя обожал.

На миг повисла тишина.

– Он ненавидел самого себя.

– Да, – мрачно согласилась я. – Думаю, так и было.

– Я не такой, как он, Лу. – Рид чуть отстранился и посмотрел на меня, все так же обнимая за пояс. Его лицо покраснелось, глаза опухли. На ресницах блестели слезы. Но там, за пеленой скорби, таилась надежда, такая яркая и острая, что я могла бы о нее порезаться. – Я не питаю ненависти к себе. И к тебе тоже.

Я осторожно ему улыбнулась, но промолчала.

Рид отпустил меня, коснулся ладонью моей щеки и робко провел пальцем по моим губам.

– Ты все равно мне не веришь.

Я хотела возразить, но так и не смогла вымолвить ни слова – Рид протянул руку к окну. Ближе к вечеру похолодало, и капли дождя превратились в снежинки. Легкий ветерок задувал их в комнату. Рид шевельнул пальцами, и снежинки превратились в светлячков.

Я восхищенно ахнула, когда они подплыли ближе и опустились мне на волосы.

– Как ты?..

– Ты ведь сама говорила. – Блеск светлячков отражался в глазах Рида. – Магия сама по себе – не добро и не зло. Она лишь повинуется тем, кто вызывает к ней. Когда вся жизнь – вечный выбор между битвой и бегством,

когда каждое мгновение сулит либо жизнь, либо смерть, оружием становится все. И неважно, у кого оно в руках. Оружие ранит людей. Я это видел. Я сам это испытал.

Рид коснулся грязных цветочных обоев на стенах, и цветы на них вдруг взметнулись вверх и вырвались наружу, оживая на глазах. Рид сорвал один из них и заправил мне за ухо. В воздухе разлился аромат зимнего жасмина.

- Но жизнь - это нечто большее, чем просто мгновения. Мы - нечто большее.

Он опустил руки, и цветы вновь расплылись на обоях, а светлячки потускнели, вновь обратившись в снежинки. Но холода я не ощутила. Я смотрела на Рида, с восхищением запоминая каждую его черту. Я в нем ошибалась. Ошибалась во всем. Ох, как же сильно я ошибалась.

Губы у меня задрожали, с головой выдавая все мои чувства.

- Прости, Рид. Я... И правда уже не владею собой. Сегодня я... подожгла Коко. Может быть, ты прав, и мне вовсе не стоит использовать колдовство.

- Я уже говорил с Коко. Она рассказала мне, что случилось. А еще сказала, что обескровит меня, если я стану тебя осуждать. - Рид смахнул снег с моих волос и тяжело сглотнул. - Но я и без того не стал бы. Лу... мы оба совершали ошибки. Ты - ведьма. Мне не стоило злиться на тебя за то, что ты используешь колдовство. Просто... не позволяй ему увлечь тебя туда, куда я за тобой последовать не смогу. - Рид выглянул в окно. Я проследила за его взглядом и увидела, на что он смотрит.

На кладбище.

Он покачал головой.

- Куда ты пойдешь, туда и я пойду, помнишь? Теперь ты - всё, что у меня есть. Я не могу потерять и тебя.

Я забралась к нему на колени.

- Кто я, Рид? Скажи это снова.

- Ты ведьма.

- А ты?

Он ответил без колебаний, и на сердце у меня потеплело.

- Ведьмак.

- Боюсь, это верно лишь отчасти.

Рид растерялся, и я улыбнулась еще шире - теперь уже искренне, - наклонилась ближе и потерлась носом о его нос. Он закрыл глаза.

- Позволь, я тебе расскажу. - Я поцеловала его в нос. - Ты охотник.

Рид слегка отпрянул, но я не выпустила его и поцеловала в щеку.

- Ты сын. - И в другую щеку. - Ты брат. - Затем в лоб. - И муж. - Веки и подбородок. - Ты смелый, сильный и хороший человек. - И, наконец, в губы. - Но что важнее всего, ты любим.

По щеке Рида скатилась еще одна слезинка. Я поцеловала и ее.

- А еще ты ханжа и вспыльчивый упрямец.

Рид распахнул глаза и нахмурился. Я снова поцеловала его в губы. Мягко и медленно.

- И это не говоря уже о том, как ты любишь похандрить и какое у тебя дерьмовое чувство юмора.

Он хотел возразить, но я перебила:

- Но, несмотря на все это, Рид, ты не одинок. И никогда не будешь одинок.

Долгое мгновение он смотрел на меня.

А потом поцеловал в ответ.

- Прости и ты меня, - выдохнул Рид, поглаживая меня по лицу и опуская на кровать. Ласково. Так ласково и бережно. Но, касаясь моей шеи и груди, его руки горели огнем. Горели и дрожали. - Прости меня, пожалуйста...

Я поймала его за руки прежде, чем он добрался до моего ремня.

- Рид. Рид, мы не обязаны делать это сейчас. Если еще слишком рано...

- Прошу. - Рид посмотрел на меня, и от желания в его глазах у меня перехватило дыхание. Я никогда прежде не видела такой красоты. - Я не могу... Я всегда не слишком хорошо умел говорить о чувствах. Просто... пожалуйста. Позволь мне тебя коснуться. Позволь мне тебе показать.

Я тяжело сглотнула и выпустила его руки.

Медленно, так медленно, что мне захотелось кричать, Рид снял с моих плеч бархатный пиджак, выправил мою рубашку и поднял ее, обнажая мой живот. Ребра. Грудь. Я подняла руки, позволяя ему снять рубашку, но он осторожно закатал подол, накрыл им мое лицо и оставил так. Ослепив меня. Свяжав мне руки рукавами.

Я протестующе заерзала, но Рид провел рукой по моему бедру, и я застыла. Он едва ощутимо коснулся губами моей шеи.

- Ты мне доверяешь?

Ответ сорвался с губ сам собой:

- Всегда.

- Тогда докажи.

Я резко перестала сопротивляться. Все мое тело пробрала дрожь, когда я вспомнила.

«Слушайся меня».

- Прими меня, Лу, - повторил он мои собственные слова, слегка целуя мне шею, покусывая мочку уха.

Рид прижимал меня к постели своим телом - очень осторожно, опираясь на локти. Но мне бы хотелось, чтобы он опустился ниже, хотелось ощутить его - всего, полностью.

- Прими нас.

«Позволь мне показать тебе, как ты можешь быть силен. - Мои злые слова как будто бы пронеслись эхом между нами. - Позволь показать, насколько ты слаб сейчас».

- Тебе вовсе не нужно бояться.

Прикосновения Рида, его губы стали еще нежнее, если подобное было возможно. Он провел пальцем меж моих грудей, порождая новую приятную дрожь. Колени у меня задрожали.

- Позволь мне показать тебе, как ты для меня важна. Позволь показать, насколько ты любима. - Губы как тень следовали за ладонью, и каждый поцелуй был трепетным и благоговейным, каждый служил клятвой. - Я всегда буду ценить тебя, всегда буду желать тебя - до конца своих дней, и буду любить тебя даже после.

- Рид...

- Ты хочешь поцеловать меня?

Его палец застыл на моей талии, и я кивнула, едва дыша. И угадала, что он скажет дальше, прежде, чем он произнес эти слова. Я упивалась ими.

- Так покажи мне.

Одним легким движением Рид стянул с меня рубашку.

Мгновение спустя я уже была на нем. Смеясь, Рид опустился на кровать, и я запечатлела его смех в поцелуе. Он рассмеялся вновь, ощутив мой запал, и сжал меня крепче, а затем приподнялся на локтях и помог мне высвободить его рубашку из штанов. Я стянула ее с него и бросила на пол, а затем толкнула Рида на спину и оседлала, усевшись ему на пояс.

- Я тебе когда-нибудь говорила, - прошептала я ему на ухо, наклонившись близко-близко, - как ты красив, когда улыбаешься?

И Рид улыбнулся - той самой улыбкой, от которой у него на щеке показывалась ямочка, а мое сердце вспыхивало огнем.

- Расскажи.

- Порой, когда я на тебя смотрю, то просто не могу дышать. - Я потянулась к его ремню. - Не могу думать. Вообще ничего не могу, пока ты не посмотришь на меня в ответ. А когда ты улыбаешься мне вот так... - Я коснулась костяшками пальцев его ямочки. - Твоя улыбка - словно тайна, известная только нам двоим. Кажется, я просто не способна любить тебя больше, чем в такие минуты.

Рид недоверчиво усмехнулся, услышав это, но посерьезнел, увидев мой взгляд. Постепенно осознав, насколько правдивы мои слова. А они были правдивы как ничто иное. Все улыбки Рида - такие редкие, такие искренние - казались мне настоящим подарком. Он и не подозревал, как они были мне дороги, как мне хотелось собрать их все, спрятать в кармашек и доставать всякий раз, когда ему бывало грустно. А ведь Риду бывало грустно так часто.

Когда все это закончится, я больше никогда не позволю ему грустить.

Рид провел кончиками пальцев по моим ребрам и помедлил, коснувшись талии.

- Я хочу знать все твои тайны.

- Мои тайны отвратительны, Рид.

- Не для меня. - Он тяжело сглотнул, когда моя рука нырнула ему под ремень. И еще ниже. - Тогда, в Модранит, я говорил всерьез. Я никогда не встречал такого человека, как ты. Благодаря тебе я чувствую себя живым и просто... - Он охнул, ощутив мое прикосновение. - Хочу все делить с тобой.

Я коснулась его губ пальцами свободной руки.

- Так и будет.

Затем я выпустила Рида, но лишь чтобы стянуть с него штаны - с бедер, с голеней, с лодыжек, - целуя каждый дюйм обнаженной бледной кожи. Он содрогался от моих прикосновений, но все же лежал почти неподвижно... до тех пор, пока я не взяла в рот его член. От этого Рид непроизвольно дернул бедрами и попытался сесть.

- Лу...

Я положила ладонь ему на грудь и слегка отстранилась.

- Ты хочешь, чтобы я остановилась?

Он застонал, откинулся на спину и зажмурился.

- Нет.

- Тогда открой глаза. Не прячься от меня.

Риду, похоже, было трудно дышать, но он повиновался. Все его тело медленно напряглось – все, до последнего мускула. А затем – расслабилось. И снова. На коже Рида выступил пот. И снова. Он тяжело сглотнул и приоткрыл рот. И снова, и снова, и снова. Рид вцепился в простыню, запрокинул голову, прерывисто дыша, почти теряя власть над собой...

Вдруг резко сев, Рид дернул меня за штаны, и я поспешила подчиниться, позволив ему стянуть их с меня. Штаны зацепились за мои сапоги, и Рид тихо и нетерпеливо зарычал, а у меня свело низ живота от предвкушения. Я быстро стряхнула сапоги, не обращая внимания на записки, которые выпали на пол. Я вообще ни на что вокруг не обращала внимания, кроме него. Мы вновь упали на постель, тесно сплетаясь друг с другом, и я вцепилась в Рида, наслаждаясь его движениями, наслаждаясь тем, как его бедра уместились меж моих ног, а руки – уперлись в изголовье кровати. Наслаждаясь теплом его кожи, теплом его взгляда.

Он больше не прятался от меня.

В глазах Рида бушевали неприкрытые чувства, и я упивалась ими, целуя его влажное лицо снова и снова в ритм между вздохами, между стонами. Желание. Восторг. Восхищение. Рид стал двигаться быстрее, решительнее, преследуя каждое чувство, и я попевала за ним, все глубже впиваясь ногтями ему в спину. Мне очень хотелось закрыть глаза и насладиться ощущениями, но я не могла отвести глаз от Рида. А он – от меня. Мы оказались в ловушке взглядов, не в силах остановиться, и нарастали, нарастали, пока не разбились вдребезги, наконец обнажившись друг перед другом полностью.

Мы обнажили не только свои тела.

Но и души.

В это мгновение мы распались... И вновь сошлись воедино – в нечто новое.

Часть 111

Qui vivra verra.

Поживем – увидим.

– французская пословица

Последняя записка

Лу

Тем вечером я спустилась по лестнице, впервые за много недель чувствуя себя легко и беззаботно. И, возможно, немного глупо. За несколько минут до того Коко постучалась к нам и рассказала, что во время шествия Моргану нигде не видели. Ни разу. Запаха колдовства тоже нигде не было. Похоже, после всего пережитого, после лагерей крови и холодных болот, Ле-Дана и Ле-Вантра, мы пришли сюда зря. Не то чтобы, конечно, я очень расстроилась тому, что Моргана не учинила в городе хаос. Напротив, именно благодаря ее бездействию мой вечер удался на славу. Записки Морганы прожигали мне сапог насквозь, но я не обращала на них внимания и щипала Рида за пятую точку, пока мы спускались в зал.

Я знала, что Рид до сих пор скорбит – как и должен, как и будет скорбеть до конца своих дней, – но он снисходительно и слегка сердито улыбнулся мне, а потом обнял за шею и поцеловал в висок.

– Вы, мадемуазель, как всегда ненасытны.

– Попрошу, для вас я мадам Диггори.

Свободной рукой он потянулся в карман.

– Кстати об этом, мне кажется, нам стоит...

– Наконец-то!

Клод, сидевший за столиком у лестницы, захлопал в ладоши при виде нас. Как бы тускло ни освещали комнату свечи, раздражения в лицах Ля-Буазен и Елеза было сложно не разглядеть. Оба они сидели со своими сородичами в разных углах маленькой комнаты, подальше друг от друга. Коко, Ансель, Тулуз и Тьерри служили своего рода посредниками между ними – равно как и Зенна с Серафиной. Они нарядились в блестящие костюмы, которые на фоне простой дорожной одежды всех остальных смотрелись странно.

– Наши голубки прилетели. Как же это чудесно и замечательно...

– Где Бо? – спросила я, снова оглядывая комнату.

– Вышел на минуту. – Коко помрачнела. – Сказал, ему нужно подышать свежим воздухом.

Я нахмурилась, но Рид покачал головой и пробормотал:

– Я потом объясню.

– Вы нам солгали. – Ля-Буазен говорила негромко, но в глазах ее сверкал гнев. Похоже, за Коко она меня до сих пор не простила. – Вы сказали, что Моргана нападет сегодня. Я привела сюда свой народ ради возмездия, но

получили мы лишь... – Она покосилась на Блеза. – Лишь неуважение и разочарование.

Я поспешила ее поправить:

– Мы вам не лгали. Мы лишь полагали, что Моргана нападет сегодня...

– Неуважение проявили и к нам. – Блез встал, а следом за ним – и Лиана с Террансом. – Наш долг не исполнен, но мы уходим. Больше ничего мы сделать не можем.

Все выжидательно посмотрели на нас, а мы с Ридом многозначительно переглянулись.

«Что теперь делать?» – увидела я в его глазах вопрос.

«Да если б я знала», – ответила я, не говоря ни слова.

Но обратиться к ним с мольбами мы не успели – первой заговорила Коко. Спасибо ей за это.

– Да, мы явно поняли значение записок неверно, но это не значит, что шанс упущен. Манон в городе, а значит, и Моргана скорее всего тоже. Возможно, Лу и Рида не стоило прятать и будет лучше использовать их как приманку...

– Нет, нет. – Деверо покачал головой. Сегодня он с ног до головы нарядился в непривычный для себя черный цвет. Даже ногти и глаза покрасил черным. Губы его, однако, были ярко-красными. – С Морганой играть в кошки-мышки не стоит. Мышью она быть попросту не способна. Есть в ее природе нечто неотъемлемо кошачье...

Коко сощурилась.

– И что вы предлагаете?

– Я предлагаю... – Клод вынул из кармана плаща белую маску и надел ее, – всем передохнуть немного и посетить наше сегодняшнее представление. Да, Жозефина, даже вам. Крупица веселья на la Mascarade des Crânes может чудесным образом избавить вас от морщин на переносице.

Я застыла и уставилась на него.

Маска у Клода была в виде черепа.

Клод все что-то болтал про Госпожу Фортуну и очень радовался, когда Ля-Ваузен огрызнулась в ответ, но Рид заметил, что во мне что-то переменилось.

– В чем дело? – спросил он.

Похолодевшими пальцами я потянулась в сапог, и улыбка Рида дрогнула.

– Что ты?..

Не говоря ни слова, я протянула ему листки бумаги, которые после купания поспешно спрятала обратно. Нахмурившись, Рид их взял. Я наблюдала, как он читает.

Прелестная куколка, хрупкий фарфор

И локоны ночи черней,

Слезами зелеными плачет одна

В гробу взаперти много дней.

Прелестная куколка, хрупкий фарфор,

Томится в темнице своей,

В зеркальной могиле бедняжка лежит

И в маске из белых костей.

- Не понимаю. - Рид удивленно посмотрел на меня, а Клод наконец замолк.

Он подошел к Риду и прочел строки.

- Мы до сих пор не знаем, что все это значит...

- Маска из белых костей, - прошептала я. - La Mascarade des Crânes. Это точно не совпадение.

- Что не совпадение? - Рид взял мое лицо в ладони. Бумага упала на грязный пол. - Это же просто бессмыслица, Лу. Мы прибыли на похороны Архиепископа, и Морганы там...

- Боже. - Клод наклонился поднять записки и потрясенно взгляделся в написанное. - Кошка, воистину.

Рид обернулся к нему, но в дверь «Левиафана» вдруг постучали. Я нахмурилась и отправилась открывать, но Рид поймал меня за локоть и остановил. Оправив пальто, вместо меня дверь открыл Клод. На пороге стояла маленькая незнакомая мне девочка.

- Это вам, мадемуазель, - сказала она, сунула мне в ладонь третий листок и убежала прочь. Я с опаской развернула его, чувствуя, как внутри зреет ужас.

Прелестная куколка, хрупкий фарфор,

Сердечко я вырежу ей

И съем его в полночь, когда выйдет срок, -

Спасти ее прежде успей.

С любовью,

Мамап

Дрожащими пальцами я протянула записку Риду. Он быстро прочел ее, бледнея, и бросился следом за девочкой. Блез, рыча, кинулся за ним.

- Боже, - повторил Клод, беря у меня записку. Он покачал головой, читая ее, затем перечитал снова и снова. - Боже, боже, боже. Кто же эта бедняжка? Эта... фарфоровая куколка?

Я в ужасе уставилась на него.

Да. Мы трактовали смысл записок неверно.

Клод явно не понял, почему я не говорю ни слова, и утешительно похлопал меня по плечу.

- Не тревожься, моя милая. Мы раскроем эту тайну. Похоже, главные подсказки о ее личности кроются в первой записке...

- Что происходит? - Коко подошла к нам, а с ней и Ансель. Она взяла у Клода записку, прочла текст, отдала ее Лиане, а та - Террансу. Ля-Буазен стояла позади них и с непроницаемым лицом наблюдала за происходящим. Николина, как всегда, улыбалась.

- Возможно, фарфор - это описание ее кожи? - размышлял Клод, поглаживая бороду. - Кукольные черты? Волосы черные, здесь все ясно, но...

- Зеленые слезы? - фыркнул Терранс. - Такого не бывает.

- Это образное выражение, - сказала Исме, закатив глаза. - Зеленый цвет - символ зависти и ревности.

О нет.

Я взяла у Исме записку, перечитывая строки и лихорадочно размышляя - надеюсь, молясь, что ошиблась. Но нет. Все было очевидно. Фарфоровая кожа. Черные волосы. Слезы ревности. Плачет одна... Даже чертов гроб вписывался в догадку. Ну как же мы не поняли? Что мы за дураки такие?

Но последняя строка... О съеденном сердце...

Чувствуя приступ тошноты, я оглянулась на Ля-Буазен и Николину, но тут рядом со мной вновь возник раскрасневшийся и запыхавшийся Рид, и я сбилась с мысли.

– Она исчезла. Просто... испарилась.

– Ну разумеется, – горько пробормотала Коко. – Моргана не позволила бы ей остаться поиграть.

– Кого похитили? – спросил Блез хрипло и настойчиво. – Кто эта девушка?

У дверей послышалась возня, и в комнату, держа Бо за воротник, ворвался Жан-Люк. Безумным взглядом он посмотрел на меня и Рида и решительно двинулся к нам.

– Рид! Где она? Где?

«Когда она узнала, что он натворил, то чуть не умерла. Она уже несколько недель – недель! – не выходит на люди, и все лишь из-за каких-то неуместных чувств к нему».

Ощувив, как немеют губы, я смяла записку в кулаке и глубоко вздохнула, готовясь к боли, которая ждала впереди. Я знала, что увижу ее в глазах Рида, теперь таких уязвимых и непривычно беззащитных. Мне захотелось себя пнуть. Я ведь сама уговорила его перестать скрывать свои чувства, дать им волю. И вот теперь он так и поступит. Только сейчас мне не хотелось это видеть.

А моя мать прекрасно знала, как лучше всего нас обыграть.

Но я все равно обернулась к нему.

– Селия, Рид. Она похитила Селию.

Видение Коко

Лу

Я до самой смерти не забуду взгляд Рида.

Неверие.

Ужас.

Гнев.

И в этот миг я ясно и отчетливо поняла, что спасу Селию любой ценой.

Я бродила туда-сюда у окна, Рид стоял у дверей, и все в нашей разношерстной команде переводили взгляды с него на меня. Не обращая ни малейшего внимания на стулья, Клод уселся на пол возле прилавка и скрестил ноги, будто бы вознамерился остаться здесь надолго. Вот только времени сидеть без дела у нас не было. Отсчет уже пошел. «...Сердечко я вырежу ей и съем его в полночь, когда выйдет срок, – спасти ее прежде успею».

Рид смотрел на свои руки – потрясенный и неподвижный.

– Она пытается вас выманить, – настаивал Бо. – Не поддавайтесь.

– Она убьет Селию, – прорычал Жан-Люк.

Он все еще сжимал в пальцах записки, которые я ему отдала. Когда мсье Трамбле наконец сознался, что все эти недели Селия не провела в добровольном уединении, а была похищена, Жан-Люк обыскал всю Восточную сторону, чтобы найти нас после похорон. Очень повезло, что Бо решил выйти на улицу, иначе Жан-Люк, быть может, никогда бы нас не нашел. Это была бы трагедия.

– Нужно ее спасти!

– Тебе слова не давали, охотник. – Глаза Ля-Буазен недобро сверкнули. – Не стоит заблуждаться – я могу вырезать тебе язык, и твой священный нож тебя не спасет.

– Каков на вкус он: горек, солон, сладок? – Николина подалась вперед и облизнулась. – Живьем с него лицо содрать бы надо!

Блез хрипло зарычал, соглашаясь с ней.

Убедить хозяина трактира сдать комнаты ведьмам и оборотням Клоду удалось легко. Убедить ведьм крови и оборотней не рвать на куски шассера явно было сложнее. Жан-Люк, похоже, не сознавал, в какой находился опасности, особенно учитывая, что его «священный нож» до сих пор лежал в ножнах на ремне Рида. К чести Рида, старого друга он не выдал. Если ведьмы заподозрят, что Жан-Люк беззащитен, они нападут без колебаний.

Терранс, однако, все знал. Он с предвкушением скалился, глядя то на Рида, то на Жана-Люка.

– И где она? – Коко вернулась к своим соплеменницам и встала между Ля-Буазен и Николиной. – Ты можешь понять, где она, по загадкам Моргань?

Жан-Люк указал на смятую бумагу.

– Она... В туннелях. На этом Маскараде Черепов.

– Капитан, туннели весьма обширны.

Клод вертел в пальцах карту Таро. Увидев мой взгляд, он протянул ее мне. Но это оказалась вовсе не карта – она была алая, а не черная, и на ней был изображен злобно ухмыляющийся череп. Ртом и зубами ему служила золотая надпись *Nous Tombons Tous*, а сверху аккуратным почерком было выведено «Клод Деверо и „Труппа Фортуны“». Это было приглашение. С недобрый предчувствием я вернула его Клоду.

– Они охватывают весь город, – продолжил он. – Не зная пути, мы будем искать очень долго и к полуночи никак не управимся.

– Она указала нам путь, – заметила Зенна. – «В гробу взаперти много дней» и «в зеркальной могиле» – все очевиднее некуда. Она в усыпальницах.

Усыпальницы. Вот черт.

– Нам она ничего не указывала, – строго сказал Клод.

Зенна сверкнула глазами, и его тон смягчился.

– Увы, сегодняшнее представление придется отменить, *mes chers*. Нынче в подземном мире таится угроза. Боюсь, вам следует вернуться в свои комнаты, где Моргана вас не найдет. Тулуз и Тьерри отправятся с вами.

Зенна гневно посмотрела на него.

– Я этой ведьмы не боюсь.

Клод помрачнел.

– А стоило бы. – Он добавил, обращаясь к Серафине: – Возможно, ты могла бы... поразмыслить над происходящим.

Она стиснула крестик на груди, изумленно глядя на Клода.

И снова я обернулась к Риду, но он стоял неподвижно. Как каменная статуя. Я вздохнула.

– Чтобы обыскать усыпальницы, все равно нужно не меньше нескольких часов. Кто-нибудь знает, сколько времени?

Деверо выудил карманные часы – нелепую золоченую безделушку.

– Почти девять часов вечера.

– Три часа. – Я кивнула самой себе, пытаясь говорить бодрее. – Мы успеем найти ее за три часа.

– Возможно, я сумею выиграть для вас еще пару, – предложил Клод. – Если разыщу Моргану прежде, чем мы найдем эту Селию. Нам с Госпожой Ведьм многое нужно обсудить. – Он поднялся на ноги, вдруг снова приняв расслабленный и беспечный вид, словно мы говорили о погоде, а не о похищении и убийстве. – Час уже поздний, мсье Диггори. Очевидно, что без вашего благословения никто никуда не пойдет. Необходимо принять решение. Мы отмахнемся от угрозы Госпожи Ведьм или же отправимся на Маскарад

Черепов, чтобы спасти вашу прекрасную даму? Так или иначе, не обойдется без опасности для тех, кого вы любите.

«Прекрасную даму». Я не удержалась и поморщилась. «Тех, кого вы любите».

Рид быстро посмотрел на меня – он это заметил. Как и Жан-Люк. Он подступил ближе к Риду, не в силах или не желая скрыть отчаяние.

– Рид. – Жан-Люк настойчиво похлопал его по груди. – Рид, мы ведь говорим о Селии. Ты же не бросишь ее на растерзание этой сумасшедшей, верно?

Если Рида и удивил внезапный интерес Жана-Люка к Селии, виду он не подал. Возможно, он и сам все знал. Возможно, знал всегда. Рид не сводил взгляда с меня.

– Верно.

– Слава богу. – Жан-Люк позволил себе с облегчением выдохнуть, а затем кивнул. – Нельзя терять ни минуты. Пойдем...

Рид обошел его и подошел ко мне. Я заставила себя посмотреть ему в глаза, угадав, что он скажет дальше.

– Лу, мне... мне кажется, тебе с нами идти не стоит. Это ловушка.

– Ясное дело, ловушка. Ловушка с самого начала.

Наконец голос подала Ля-Ваузен.

– Я могу предоставить Луизе защиту, охотник.

Николина по-девчоночьи захихикала. Похоже, она подпрыгнула бы на месте, если бы могла.

– Капля ее крови позволит мне предсказать будущее. – С непроницаемым лицом Ля-Ваузен протянула мне руку. – Если Луиза осмелится поделиться ею.

Оборотни неуютно зашевелились, переминаясь с ноги на ногу. Они оставались в человеческом обличье, но когти у них на руках уже заострились. Я предположила, что таков их природный инстинкт.

– Нет. – Коко ударила тетку по руке – подумать только, ударила! – и преградила ей путь. – Если кто и станет пить кровь Лу, то только я.

Ля-Ваузен скривилась.

– Мои умения по части ясновидения значительно превосходят твои.

– Мне плевать.

Коко расправила плечи и посмотрела мне в глаза, безмолвно прося разрешения. Если бы я отказала, просить снова она бы не стала. И не позволила бы остальным. Она бы приняла мое решение, и мы нашли бы другой путь.

- Или я, или никто.

Почему-то волнуясь, я дала ей руку. Коко я не боялась. Я знала - она не станет использовать мою кровь в своих целях, не попытается мною управлять. Нет, я боялась того, что она могла увидеть. Коко поднесла мой палец ко рту, и кровавые ведьмы - даже оборотни - как будто подступили еще ближе. В ожидании. Рид схватил меня за запястье.

- Не знаю точно, что сейчас будет, но ты вовсе не обязана делать это, - проговорил он с тревогой.

Я мрачно ему улыбнулась.

- Лучше знать заранее, верно?

- Преждевременное знание редко ведет к добру, - предостерег меня Клод.

- Просто сделай это, - сказала я.

Не говоря больше ни слова, Коко прикусила подушечку моего пальца и слизнула одну-единственную каплю крови. Я не отглянулась на остальных и только наблюдала, как Коко закрывает глаза, чтобы сосредоточиться. Спустя несколько напряженных секунд я прошептала:

- Коко?

Она распахнула глаза и закатила их. Я не раз видела прежде, как Коко смотрит в будущее, но все равно при виде того, как ее белые слепые глаза всматриваются в мое лицо, меня пробрал озноб. Что ж, я хотя бы была готова к этому зрелищу. Кто-то громко ахнул, кто-то чертыхнулся, кого-то стошнило, а Ансель бросился вперед. Он беспомощно замахал руками вокруг Коко, будто не зная, стоит ли ее касаться.

- Что происходит? Что не так?

- Заткнись, и она сама нам скажет, - проговорил Бо, неотрывно глядя на Коко.

- Лу... - Рид шагнул ближе и взял меня за руку. - В чем дело?

- Все хорошо.

Я посмотрела на оборотней. Стоя посреди грязной таверны и наблюдая, как ведьма предсказывает будущее, они наверняка размышляли, как дошли до такой жизни. Лицо Жана-Люка исказилось отвращением.

- Просто дайте ей минутку.

Коко коснулась моей щеки, и все дружно выдохнули.

- Я вижу смерть, - проговорила она странным, низким голосом.

Мгновение мы все смотрели на нее.

- Я вижу смерть, - повторила Коко, наклонив голову. - Но не твою.

Рид с облегчением выдохнул. Это привлекло внимание Коко. Она перевела зловещий взгляд с меня на Рида. Я ощутила, как внутри у меня все сжимается. Это был еще не конец, а конец ничего хорошего не сулил, и Рид, похоже, не понимал...

- К полуночи мужчина, близкий твоему сердцу, умрет.

Моя ладонь выскользнула из руки Рида.

- Что? - в ужасе прошептал Ансель.

- Кто? - Бо протолкнулся мимо нас и схватил Коко за плечи. - Что за мужчина?

- Я не вижу его лица.

- Чтоб тебя, Коко...

- Отпусти ее. - Губы у меня онемели, но я все равно произнесла это. Я вспомнила, как сама Коко объясняла мне свое ясновидение давным-давно. Еще до кражи кольца. До Рида. До всех дальнейших событий. - Она видит лишь то, что показывает ей моя кровь.

Бо понуро отступил, а затем повернулся к Риду.

- Мы не знаем наверняка, что предсказание о тебе. Это может быть и Ансель, и Деверо, и... тот парень, Бас. А может, сердце имеется в виду в символическом смысле, - добавил он быстро, кивая. - Сердце Лу - это ты. Может... может, речь о том, кто близок тебе, например, о Жане-Люке, или нашем отце, или...

- Или о тебе, - тихо сказал Рид.

Бо обернулся ко мне.

- У тебя есть еще бывшие, кто...

- Бо. - Я покачала головой, и он замолк и уставился на свои сапоги.

Я тяжело сглотнула. Горло у меня сжалось от невысказанных чувств, но только глупцы плачут о том, что еще не свершилось - о том, что не свершится никогда. Тихий внутренний голосок предостерег, что смеяться судьбе в лицо не стоит, поэтому я просто показала ей средний палец. Поскольку знала - я этого не допущу. Не позволю.

- Ты видишь еще что-нибудь, Козетта? - послышался холодный отстраненный голос Ля-Буазен, и мы обернулись к ней. Она бесстрастно смотрела на Коко. - Найди опору в своем видении. Коснись его, попробуй на вкус, любым способом стремись сосредоточиться.

Но рука Коко безвольно упала. Ее веки опустились.

- Ты потеряешь любимого человека.

Воцарилась мертвая тишина. Коко постепенно приходила в чувство.

Бо удрученно сник, но Рид мягко развернул меня к себе.

- Лу, с тобой все хорошо?

«Ты потеряешь любимого человека».

Что ж, полагаю, теперь все яснее некуда.

- Ну разумеется. Как же иначе? - Увидев его встревоженный взгляд, я сказала: - Брось, я тебя терять не собираюсь. Будущее из видений Коко можно изменить, оно зависит лишь от пути, которым идет человек. Понимаешь?

- Я...

Рид покосился на Коко. Ее глаза стали прежними, взгляд прояснился. Ансель помог ей устоять на ногах.

- Нет, не понимаю.

- Все довольно просто. Если я поступлю так, как мы задумали, ты умрешь, но если пойду по иному пути, ты будешь жить. А значит, это ты не пойдешь со мной.

Рид неверяще посмотрел на меня, а Деверо качнул головой.

- Не уверен, что это логично, моя милая. Рид может погибнуть в этой таверне с той же легкостью, что и в туннелях.

- Да, но Моргана там, - возразил Бо, и мы с ним понимающе переглянулись.
- Здесь, по крайней мере, у него есть шанс.

Я уставилась на дверь, ведущую в кладовку, не в силах смотреть никому в глаза.

Блез покачал головой.

- Без Рида мы не справимся. В этой битве нам нужны люди. Нужна сила.

- Вы ведь ему жизнью обязаны, - сказал Бо с непривычным для него пылом. - Как же вы исполните долг, если он умрет?

- Она сказала, что умрет кто-то. - Лиана скрестила руки на груди и непримиримо посмотрела на меня. - Ты сам говорил, нам неоткуда знать, что это именно Рид.

Бо всплеснул руками.

- Да, вот только после этого Коко еще сказала, цитирую: «Ты потеряешь любимого человека». Ну и как еще нам это понимать? Моргана ведь предупредила Лу, что вырежет Риду сердце. Откуда нам знать, что именно это не случится сегодня?

Коко стиснула зубы и резко выдохнула через нос.

- Ниоткуда. Мы не знаем, что случится в туннелях. Но зато я знаю, что в моих видениях все редко так, как кажется. Перед ограблением Трамбле у меня тоже было видение, и я думала, оно означает что-то злое, но в итоге кольцо Анжелики спасло Лу..

У Жан-Люка был такой вид, будто его вот-вот хватит удар.

- Мне плевать на ваши кольца и видения. Селия сейчас там, взаперти в склепе, а мы теряем драгоценное время.

- Молчать... - прошипела Ля-Буазен.

- Он прав, - коротко сказал Рид. - Я пойду туда. Чем больше людей возьмутся за поиски Селии, тем быстрее мы ее найдем. - Он мельком посмотрел на меня с искренним раскаянием, но по голосу было ясно, что возражений Рид не примет. Снова не в силах пошевелиться, я ощутила, как бешено забилося в груди сердце, но кивнула.

Бо смиренно обмяк в кресле и горько выругался.

- Усыпальницы почти так же велики, как туннели, а еще, чтоб вы знали, там до черта страшно.

Рид кивнул.

- Мы разделимся на группы, чтобы успеть обойти больше.

Что-то в Риде неуловимо переменялось - в нем снова проснулся капитан. Жан-Люк даже зубами не стал скрежетать.

- Жозефина, подели своих ведьм на группы по трое. Можете обыскать северные и восточные усыпальницы. Блез, ты с детьми ступай в южные. Деверо с трупой пусть идут на Маскарад Черепов.

Ансель робко шагнул вперед.

- А как же я? Куда мне идти?

- Ансель, ты должен остаться здесь. Посетители Маскарада не подозревают, какая опасность им грозит. Если кто-то войдет в «Левиафан» в поисках входа в туннели, предупреди их не идти.

Предлог был неубедительный, и Ансель все понял и поник. Клод уже позаботился о том, чтобы в «Левиафане» сегодня больше посетителей не было. Рид вздохнул, но тем не менее продолжил.

- Мы с Коко пойдем в западные склепы..

Голос Рида смазался и стал едва различим – я заметила, как Николина за его спиной смотрит на меня. Затем она многозначительно перевела взгляд на дверь кладовки, в кои-то веки не улыбаясь. Я уставилась на Николину. Быть не может, что она мне помогает. Быть не может, что ей не все равно...

«Вкусим мы вскоре звуки, что таит его язык, – попробуем и стон, и вздох, и рык...»

Мою грудь прошила острая боль.

Возможно, Николина тоже не желает Риду смерти.

Я не стала задумываться о том, по каким гнусным причинам она хотела, чтобы он жил. Николина невесомо подплыла к Риду, и я слегка отодвинулась, позволяя ей встать рядом с ним. Она воспользовалась этим в полной мере и повисла у него на груди.

– Вы желаете умереть, мсье Диггори?

Рид встревоженно посмотрел на меня, но я только пожала плечами и старательно изобразила недоумение.

– Сегодня смерть не в черное одета, – пропела Николина сладко, – а в платье белого, как лик мертвецкий, цвета...

Я медленно попятилась.

Коко нахмурилась.

– Отвяжись от него, Николина...

– Красавица, прелестней всех невест, и плоть, и боль людскую жадно ест.

– Просто не обращайтесь на нее внимания. – Бо закатил глаза. – Я так и делаю.

Я нащупала дверь кладовой в тот самый миг, когда Рид попытался оттолкнуть Николину. Ему это не удалось – она, похоже, состояла не столько из плоти, сколько из пара. Словно туман, тело Николины окутало его руки.

– Ей дела нет до стонов жениха – судьба ему пойти на потроха...

Я повернула ручку. Рид беспомощно сопротивлялся, а Николина уже тянулась к его губам.

Ощувив приступ тошноты, я помедлила, но Ля-Вуазен встала перед дверью, заслонив меня собой. Глядя в сторону, она лишь едва заметным кивком дала понять, что видит меня.

В последний раз взглянув на Рида – на его широкие плечи, медные кудри, – я выскользнула за дверь. Иного пути не было. Сколько ни гадай, видение Коко все сказало ясно – я потеряю любимого человека. Я позволила этим

словам пронизать меня, придать мне решимости, и оглядела кладовку в поисках входа в туннель.

Ветхие полки, янтарные бутылки и дубовые бочки покрывал толстый слой пыли. Я осторожно переступила через осколки битого стекла, приликая подошвами к полу. Один-единственный фонарь освещал комнату зловещим мерцающим светом.

Но... вот и он.

Я выкатила из самого темного угла бочонок с виски, и под ним обнаружился люк. Я распахнула его, но петли даже не заскрипели. Значит, были хорошо смазаны. Этот вход использовали часто. Под люком обнаружилась узкая лестница, которая исчезала в кромешной тьме. Я с опаской посмотрела вниз. Не хватало только стенаний и скрежета зубов.

Я достала из сапога нож, спустилась на лестницу, закрыла люк и просунула лезвие под ручку. Пробы ради толкнула люк, но он не поддался.

Отлично.

Рид не сможет последовать за мной. По крайней мере, без труда. Без колдовства.

«Когда вся жизнь – вечный выбор между битвой и бегством, когда каждое мгновение сулит либо жизнь, либо смерть, оружием становится все. И неважно, у кого оно в руках. Оружие ранит людей».

Оружие ранит людей.

Если мы все это переживем, оружием я больше быть не желаю.

Но до тех пор... Я посмотрела на люк, чувствуя, как сомнения рвут мне душу.

«Ты – ведьма. Мне не стоило злиться на тебя за то, что ты используешь колдовство. Просто... не позволяй ему увлечь тебя туда, куда я за тобой последовать не смогу».

Однако на сей раз я должна была сделать в точности это. Простой нож Рида не удержит. Несмотря на видение Коко, он сделает все возможное, чтобы последовать за мной и защитить от Морганы. И от меня самой. Если мне и предстояло решающее мгновение между жизнью и смертью, то настало оно именно теперь. И решение было за мной.

Я вытащила кинжал из-под ручки и снова сунула в сапог. Затем вскинула дрожащие руки.

– Лишь еще один раз, – пообещала я Риду, делая глубокий вдох. – Еще лишь раз.

Я услышала крики, грохот двери кладовой, развернулась и стала спускаться вниз – напрямик в ад.

Nous tombons tous

Рид

- Лу! ЛУ! - я колотился в люк, кричал ее имя, но Лу не отзывалась. Ответом мне служила лишь тишина. Тишина и страх - острый, пробирающий до костей страх, который сдавил мне горло и застил глаза. Я снова заколотил в люк, стал яростно дергать ручку. - Не надо, Лу! Впусти нас! ВПУСТИ!

Деверо, Бо, Коко и Ансель собрались вокруг. Остальные стояли в дверях и наблюдали.

- Если ты намерен и дальше продолжать сие бесплодное занятие - препятствовать тебе я не стану. - Деверо мягко коснулся моей руки. - Однако тем не менее подмечу, что эта дверь заперта посредством колдовства, и предложу воспользоваться другим входом. Ближайший из них находится на кладбище, вероятно, в четверти часа ходьбы отсюда.

Жан-Люк протолкнулся мимо Николины, а она погладила его по спине бледной рукой. Он отскочил.

- На Восточной стороне полно шассеров, а остальные из них сейчас там, в туннелях. Если нас увидят, я не смогу вас защитить. И не стану.

- Какая трогательная преданность! - рявкнула Лиана.

- Я никому из вас не предан, только Селии...

- Жан-Люк. - Бо сжал его плечо. - Здесь буквально все хотят тебя или убить, или сожрать. Лучше замолчи, пока с селезенкой не распрощался.

Жан-Люк сердито затих. Я обернулся к Коко.

- Открой дверь, пожалуйста.

Несколько напряженных секунд она смотрела на меня. И наконец ответила:

- Нет. Ты можешь погибнуть. Знаю, тебе это неважно, но это важно для Лу. И для меня, как ни странно, тоже. Она пытается тебя защитить, и мешать ей в этом я не стану. А даже если бы хотела, дверь открыть бы не смогла. На это способна только ведьма, которая наложила чары.

Я зарычал похлеще оборотней.

- Сам все сделаю.

Но когда я попытался найти узор, ни один не явился на зов. Ни единой золотой нити. Ни единого голоса в голове. В ярости и отчаянии я обернулся к Тулузу и выхватил карту Таро у него из кармана рубашки. Затем бросил карту ему в грудь, и наконец-то золото вспыхнуло перед глазами.

«Чтобы познать неведомое, ты должен забыть известное», – прошептали голоса.

Вздор какой-то. Снова загадки. Меня все это не волновало. Выбрав узор наудачу, я наблюдал, как он рассыпается в пыль.

– Обратная «Сила»! – рявкнул я, и Тулуз с улыбкой посмотрел на карту. – Она означает сильный гнев. Страх. Неуверенность в собственных умениях, утрату веры в себя. В некоторых случаях...

– Утрату самой личности человека. – Тулуз хмыкнул и повернул карту ко мне. На ней были изображены перевернутые женщина и лев. Несмотря на все происходящее, я ощутил прилив торжества. Тулуз улыбнулся шире.

– Наконец-то. Я уже начал волноваться.

Я кивнул на дверь.

– Можешь помочь?

Он помрачнел.

– Только Лу может открыть эту дверь. Прости.

Твою мать.

– Так, значит, на кладбище? – Деверо хлопнул в ладоши. – Чудесно! Поспешим же? Время продолжает ускользать от нас.

Я кивнул, глубоко дыша, и заставил себя успокоиться. Клод был прав. С каждой минутой промедления Селия страдала все дольше, а Лу уходила все дальше. Есть ли для этих двух бед одно решение? Я ломал голову, стремясь размышлять быстро и рационально.

Лу найдет Селию. В этом я не сомневался. У нее была фора, необходимые знания, мотив к действию. Нет, ни в небесах, ни в преисподней не найдется силы, которая сумеет ей помешать. Даже Моргане это не удастся. Селию искать нужды нет. Если я найду Лу, то найду их обеих.

Ведь целью была именно она.

И даже если я и ощутил укол сомнений, вспомнив о видении Коко, то внимания на него не обратил и двинулся вперед. Ансель попытался пойти к дверям вместе с остальными, но я преградил ему путь и покачал головой.

– Я же велел тебе стеречь туннель.

Он нахмурился.

- Но вход заперт. Там никто не сможет пройти.

- Просто оставайся здесь, - отрезал я, даже не пытаюсь смягчить тон. Слишком многое стояло на кону. В Модранит Ансель больше мешал, чем помогал, а сейчас мы вступили в союз с врагами, и в туннелях любой из них мог восстать против нас. Ансель был самой легкой добычей. Я попытался снова: - Слушай, Зенна с Серафиной тоже останутся здесь. Присмотри за ними. Береги их.

Ансель сторбился и уставился в пол. Щеки и уши у него порозовели. Было заметно, что он хочет поспорить, но у меня не было на это времени. Не было времени с ним церемониться. Не сказав больше ни слова, я развернулся и вышел.

Нет на свете ничего безмолвнее и недвижимее кладбища в ночи. То, на которое мы пришли, считалось в городе самым древним. Церковь давно перестала хоронить на нем простых горожан, предпочтя другое - оно было больше, новее и находилось за Сан-Сесилем. Здесь же теперь покоились лишь самые влиятельные и богатые дворяне, но даже они лежали не в земле, а под землей, в усыпальницах предков.

- Вход здесь. - Деверо кивнул на статую ангела, лицо которого уже наполовину заросло мхом. Ветер обтрепал изваянию нос и перья, но все же ангел был очень красив. Рядом были выгравированы слова: «Nous Tombons Tous». Я не знал, что это значит. К счастью, знал Деверо.

- «Падение ждет нас всех», - тихо проговорил он.

Я распахнул дверь, и мне навстречу хлынула волна затхлого воздуха. Единственный факел освещал узкую земляную лестницу.

Бо подошел ближе и с неприкрытой опаской посмотрел в тьму.

- План все тот же? Разделимся?

Деверо вниз смотреть не стал, а вместо этого поднял взгляд в ночное небо. Сегодня оно было безлунным.

- Мне не кажется, что это разумно.

- Так мы успеем больше обойти, - возразил Жан-Люк.

Я спустился на одну ступень, предчувствуя недоброе.

- Нет, пойдем вместе. Блез, Лиана и Терранс могут привести нас к Лу. Они знают ее запах. А Селия будет с ней.

- Больно уж ты надеешься на эту ведьму.

Жан-Люк протолкнулся мимо меня, взял со стены факел и поднял его выше, освещая путь. Мне пришлось пригнуться - так низок был потолок.

- Почему ты так уверен, что она ее найдет?

- Потому что найдет.

Бо и Коко позади меня шли рядом. Для этого им пришлось порядком потесниться.

- Будем надеяться, что шассеры не найдут Лу прежде, - пробормотала она.

Остальные двинулись следом, и только их шаги нарушали безмолвие, царившее вокруг. Множество шагов.

Жан-Люк. Коко и Бо. Деверо, Тулуз и Тьерри. Ля-Буазен и ее кровавые ведьмы. Блез и его дети. Все были готовы к бою. Все были сильны. Все желали уничтожить Моргану.

В моей груди промелькнула тень надежды. Может быть, этого окажется достаточно.

Туннель тянулся бесконечно. Хоть мне и было тесно, я не взмок, как Жан-Люк, руки у меня не дрожали, дыхание не сбивалось так, как у него. Но сбавлять шаг он не желал и шел все быстрее и быстрее, пока мы не дошли до первой развилки. Тогда он помедлил.

- Куда теперь?

- К усыпальницам ведет восточный туннель, - прошептал Бо.

- Почему ты шепчешь? - Коко, несмотря на свой вопрос, тоже говорила шепотом. - И где он, этот туннель?

- На востоке.

- Слева или справа, дурень?

- Козетта, - насмешливо проговорил Бо. - Как же так, неужто ты не можешь определить, где...

Внезапный порыв ветра загасил факел, и мы оказались в кромешной темноте. Послышался тревожный ропот. Я быстро потянулся к стене, вот только нащупать ее не смог. Стены просто не было.

- Что за чертовщина тут творится? - выпалил Бо, но Лиана перебила его, яростно выругавшись.

- Я обо что-то порезалась! Кто-то...

Раздался крик Николины.

- Николина! - воскликнула, почти что взвизгнула Ля-Буазен.

У меня и самого сдавило горло. Я нащупал перед собой шерсть - это оказалось пальто Жана-Люка. В ответ он крепко схватил меня за локоть.

- Николина, где ты?

- Всех прошу сохранять спокойствие, - велел Деверо. - Здесь таится странное колдовство, подобные уловки вполне...

Факел вспыхнул вновь.

На полу туннеля виднелись пятна крови. Свет огня выхватил из тьмы несколько испуганных лиц. Их было мало. Слишком мало. Очень, очень мало.

- Где Николина? - Ля-Буазен вцепилась Блезу в пальто и, оскалившись, толкнула его к стене. Я никогда не видел, чтобы она выказывала такие бурные чувства. Такой страх. - Где?!

Блез, щелкнув зубами, оттолкнул ее и кинулся вперед, зовя Лиану и Терранса. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что и они исчезли тоже - равно как и большинство кровавых ведьм. Я оглядел оставшихся и облегченно выдохнул, увидев Бо и Коко. Они кивнули мне, вцепившись друг в друга.

Я с изумлением осознал, что Жан-Люк все еще держит меня за руку. В тот же миг он ее выпустил.

Деверо был мрачен.

- Тьерри тоже исчез.

- Клянусь, я видел... - начал Тулуз, но факел снова погас. Стих и его голос. Резко, внезапно.

Деверо позвал Тулуза, но тот не ответил. Рык Блеза разносился по узкому туннелю, все нарастая, пугая нас все больше, и вдруг что-то... зарычало в ответ. Ля-Буазен закричала, но я не слышал почти ничего - так громко ревела кровь у меня в ушах, так громко я звал Бо и Коко...

И тут Ля-Буазен и Деверо тоже замолкли.

Заставив себя сосредоточиться, я призвал узоры. Повинуясь инстинкту, пролистал их, легкими касаниями отбрасывая прочь. Мне нужен был огонь. Но не как оружие. Как свет. Гнев, ненависть, злые слова - все это могло бы мне помочь. Я без колебаний отбросил их, ища одну-единственную искру силы.

Нечто простое. Нечто... телесное?

Вот.

Я потерял ладони - лишь раз, и этого хватило. На меня дохнуло жаром, и в моих руках вспыхнул огонь. На пальце я увидел мозоль, как если бы только что потерял настоящий хворост, а не просто кожу. На воздухе пламя разгорелось ярче.

Лишь Бо, Коко, Блез и Жан-Люк остались в туннеле со мной.

Жан-Люк смотрел на огонь с непроницаемым лицом. Ему еще не доводилось видеть моего колдовства.

- Они исчезли. - Бо выпустил Коко, побледнев. - Просто взяли и исчезли. - Он оглядел туннель и встревоженно посмотрел на кровь у наших ног. - Что нам теперь делать?

Жан-Люк зажег факел моим огнем, повернулся к восточному туннелю и ответил за меня:

- Идти дальше.

Потерянный рай

Лу

Факелы освещали земляные ходы, отбрасывая тени на лица прохожих. К счастью, очень немногие забрели сюда, и даже они целенаправленно куда-то шли - судя по маскам, на Маскарад Черепов. Все сворачивали налево, а я решила пойти направо. Сначала пол - каменный, гладкий, скользкий после множества ног - стал уходить вниз постепенно, а затем резко нырнул еще глубже. Я споткнулась, и в этот миг из мрака возник мужчина. Он врезался в меня и схватил за плечи. Я самым постыдным образом взвизгнула.

- Где же твоя маска, красавица? - пробормотал он и так дохнул перегаром, что чуть не обжег мне нос. У самого мужчины маска была - она скрывала верхнюю часть его лица. Длинный черный клюв. Ворона. Посреди его лба красовался третий глаз. Это просто не могло быть совпадением.

И я готова была поклясться, что этот глаз моргнул.

Раскрасневшись от стыда и напрягшись от тревоги, я хмуро оттолкнула мужчину.

- А на мне уже есть маска. Разве не видно?

Мне очень захотелось взмахнуть рукой, удлинить ногти в острые лезвия и пронзить ими фарфор на его щеке. Колдовство, которое разделило нас с Ридом физически, также оградило меня от него духовно - лишь на время, пока я не сниму узор, - но я все равно слышала его голос. Если не сердцем, то разумом. Мне незачем было вредить этому человеку. И себе самой - тоже. Поэтому я только натянуто и зловеще ухмыльнулась и прошептала:

– Она шита из кожи моих врагов. Может, и ты своей кожей не прочь поделиться?

Мужчина вскрикнул и попятился.

Я тяжело выдохнула и продолжила путь.

Туннели переплетались между собой, образуя каменный лабиринт. Я еще несколько минут блуждала по ним, слушая, как безумно колотится в груди сердце. С каждым шагом оно билось громче. Я шла все быстрее, чувствуя, как по коже бегут мурашки. Кто-то наблюдал за мной. Я явственно ощущала это.

– Ну давай, выходи, покажись, – прошептала я, надеясь приободриться.

Но в этот самый миг в туннеле вдруг поднялся странный ветер. Он задул все факелы, и я оказалась в темноте. Знакомый смех послышался отовсюду сразу. Чертыхаясь, я потянулась за ножом и попыталась нащупать стену, хоть какую-то опору в этой коварной тьме...

Стоило мне коснуться камня, как факелы вспыхнули вновь.

За поворотом, исчезая, блеснули белые волосы.

Я бросилась за ними со всех ног, не желая снова оставаться одной в темноте, но было поздно. Я бежала все дальше и дальше, а когда выскочила в длинный зал, уставленный гробами, резко остановилась, перевела дух и с облегчением посмотрела на ближайший из них.

– Отец Лионель Клемент, – прочитала я уже едва различимое имя, высеченное в камне. На выступе над ним лежал пожелтевший череп. Я прочла следующее имя. – «Отец Жак Фонтен». – Священнослужители.

Я двинулась вперед, иногда останавливаясь, чтобы прислушаться.

– Селия? – позвала я тихо, но мой голос неестественно громко разнесся эхом по гробнице. В туннелях тишина стояла совершенно мертвая, а здесь она была как будто бы живая – дышала мне в шею и шептала на ухо, призывая бежать, бежать, бежать прочь. С каждой минутой я волновалась все сильнее, а залы становились все больше. Я не знала, что искать, не знала даже, с чего начать. Селия могла оказаться в любом из этих гробов, без сознания или того хуже, и я бы не смогла ее найти. И все же... мне не давала покоя мысль о том, что Моргана хотела, чтобы я нашла Селию. Если бы у меня не было ни единого шанса на победу, матери было бы скучно со мной играть. И случайную могилу она бы не выбрала. Моргана всегда продумывала свои игры наперед, каждый ее ход разил болезненно и наверняка. Ее записки привели меня сюда, каждая фраза служила подсказкой, которая влекла меня все дальше.

Одна ли она в своем тесном гробу?

Есть кто-то еще рядом с ней.

В зеркальной могиле бедняжка лежит

И в маске из белых костей.

Все вело меня именно сюда, в усыпальницы. Только слово «зеркальной» меня смущало.

Я совсем заплутала в собственных мыслях, пытаюсь понять, что именно упустила, и едва заметила в следующей комнате золоченый гроб на возвышении, освещенный сотней свечей. Крылатые ангелы и рогатые демоны украшали его крышку, сцепившись в вечных объятиях, а по бокам вились в зловещем и прекрасном узоре розы и черепа. Это был настоящий шедевр. Произведение искусства.

Я невольно подступила ближе и провела пальцами по свирепому лицу ангела. По лепесткам розы. По буквам имени.

Его Высокопреосвященство Флорин Кардинал Клемент,

Архиепископ Бельтеррский.

«Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Флорин Клемент. Когда-то я смеялась над этим именем, не подозревая, что это и мое имя тоже. В другом мире я могла бы стать Луизой Клемент, дочерью Флорина и Морганы. Быть может, они души бы друг в друге не чаяли, и наш дом на Восточной стороне был бы полон булочек в карамели, эвкалиптовых кустарников в горшках... И детей. У них было бы много-много детей. Целый дом маленьких братьев и сестер с веснушками и бирюзовыми глазами. Так похожих на меня. Я бы учила их лазить по деревьям и заплетать волосы, фальшиво распевать песни у родительской спальни на заре. Мы могли бы быть счастливы. Могли бы быть семьей.

И это... это был бы рай.

Печально вздохнув, я опустила руку и двинулась прочь.

Что толку воображать такую жизнь? Мое вино давно было испито, и веяло от него не домашним очагом, друзьями или семьей. Нет, мое вино пахло смертью. Тайнами. Гнилью.

– Ты там с ним, Селия? – горько спросила я, скорее просто желая отвлечься от всех этих мыслей. – Пожалуй, Моргана могла бы так... – Я ахнула и изумленно обернулась. – Зеркальная могила, – прошептала я. Целый дом маленьких братьев и сестер с веснушками и бирюзовыми глазами. Так похожих на меня.

Черт возьми.

Я поняла, где она.

Необходимое зло

Рид

Исчезновение остальных беспрестанно напоминало о себе, будто незримо присутствуя рядом как нечто живое. Оно петлей опутало нас, и с каждым едва слышным звуком узел затягивался все туже. Бо пнул камешек, и Жан-Люк напрягся. Коко слишком резко вздохнула, и Блез зарычал. Он уже наполовину обратился, чтобы лучше чують Лу – и сразиться с неведомыми врагами, которые таились в туннелях. Глаза его зловеще сверкали в полутьме.

– Дело не только в Селии и Лу, – яростно выпалила Коко некоторое время назад, когда Блез попытался уйти на поиски своих пропавших детей.

Как ни странно, он не смог учуять их след. Не сумел понять, куда делись все остальные. Они просто... исчезли.

– Дело в Моргане. Это явно ее когтистых рук дело. Где бы она ни была сейчас, Лиана и Терранс окажутся там же. Поверь.

Никто не стал говорить вслух о том, что это означало. Все и так знали.

Даже миг во власти Морганы – это уже слишком много. Слишком поздно.

– А у нее правда руки когтистые? – пробурчал Бо пару минут спустя.

Коко вскинула брови.

– Ты же был в Шато на Модранит. Ты сам видел ее руки.

– И они были не когтистые.

– А жаль. Эта тварь банальна до крайности, ей бы еще горб да бородавку на нос – и будет в самый раз.

Даже Жан-Люк не удержался от улыбки. Его балисарда камнем давила мне на грудь. Наконец я понял, что больше не вынесу этого, вытащил ее из ножен и протянул ему.

– Вот. Возьми.

Улыбка Жана-Люка растаяла, и он споткнулся на ровном месте.

- Почему... почему ты мне ее возвращаешь?

Я сжал его пальцы на рукояти.

- Она твоя. Моей больше нет.

Я пожал плечами, но, как ни странно, не вымученно, а... легко. Будто поступил правильно и освободился от тяжелого бремени.

- Может, это и к лучшему. Я ведь больше не охотник.

Жан-Люк уставился на меня. И наконец плотина прорвалась.

- Ты ведьмак. Ты убил Архиепископа... колдовством. - Его голос был исполнен укоризны. Боли от предательства. Но в глазах Жана-Люка я увидел крупницу надежды. Ему хотелось, чтобы я все опроверг. Хотелось обвинить кого-нибудь другого - кого угодно - в том, что произошло с нашим патриархом. И в этой крупнице надежды я узнал своего старого друга. Он все еще был там, внутри. И хотел поверить мне, несмотря ни на что. Эта мысль могла бы согреть мне сердце, но увы.

Потому что надеялся он зря.

- Да.

Я увидел, как надежда в глазах Жана-Люка угасла. Он отпрянул. Блез с любопытством посмотрел на меня, но я не обратил на него внимания.

- Я не стану ничего отрицать и объясняться тоже не стану. Да, я ведьмак и я убил нашего патриарха. Архиепископ не заслужил этого, но также он не был тем человеком, которым мы его считали.

Жан-Люк заметно сник и провел рукой по лицу.

- Мать Божья. - Он снова поднял взгляд и посмотрел мне в глаза если не сочувственно, то хотя бы смиренно. - Ты всю жизнь знал, что ведьмак?

- Нет.

- Ты заколдовал Архиепископа, чтобы получить должность?

- Нет, конечно.

- А сейчас ты... иначе себя ощущаешь? - Жан-Люк сглотнул, но взгляда упорно не отводил. Увидев это, я вспомнил мальчишку, который когда-то дружил со мной, заботился обо мне, всегда помогал мне встать, если я упаду. Который ударил Жюльена за то, что тот назвал меня отбросом. Все это было прежде, чем алчность очерстила нашу дружбу. Прежде, чем пришла зависть.

- Я уже не тот, что раньше, Жан. - Эти слова прозвучали так правдиво и так бесповоротно. - Но и ты тоже. Мы никогда уже не будем прежними. Но здесь и сейчас я не прошу твоей дружбы. Моргана близко, и независимо от того, что произошло между нами, вместе мы можем покончить с ней.

- Но ведь ты думал, что она нападет на похоронах, и ошибся.

Правда лилась и лилась из меня рекой. С каждым словом на душе становилось все легче.

- Я думал все что угодно, лишь бы пойти на похороны Архиепископа.

Тогда я этого не понимал. Возможно, просто не был способен. И пусть я ошибся, но теперь не жалел об этом. Не мог. Жан-Люк стал возражать, но я продолжил прежде, чем успел бы передумать. Заставил себя посмотреть ему прямо в глаза.

- Жан, я... Я не знал о Селии.

Он застыл.

- Если бы я знал о твоих чувствах, то...

То что бы я сделал? Отверг бы ее любовь? Отверг бы любовь Архиепископа? Не стал бы сражаться с Жаном-Люком в турнире и давать присягу? Отказался бы от всего, о чем мечтал, просто потому что и он мечтал о том же?

- Мне очень жаль, - сказал я просто.

И не солгал. Я сожалел о том, что жизнь раздала нам одни и те же карты. О том, что Жану-Люку пришлось вынести немало боли и я сам непреднамеренно причинил эту боль ему. Я не мог вернуть былое, но мог признать, что оно было. Мог распахнуть дверь между нами. Но заставить Жана-Люка переступить порог - не мог.

Прошла напряженная минута, и в конце концов он опустил голову. Но я понял, что означает этот кивок. Это был первый шаг.

Мы молча двинулись дальше. Только через полчаса Блез сумел учуять Лу.

- Она близко. - Он нахмурился и направился к следующему туннелю. - Но рядом и другие. Я слышу их дыхание, сердцебиение... - Он резко отпрянул и обернулся к нам. - Бежим.

За угол повернули шассеры.

Они мгновенно узнали меня и бросились на нас с балисардами наголо. Первым мчался Филипп. Но когда Жан-Люк прыгнул вперед, преградил им путь и заслонил меня собой, они остановились.

- Что происходит? - прорычал Филипп, не опуская клинка. Он заметил балисарду Жана-Люка. - Где ты?..

- Рид вернул ее мне.

Шассеры, что стояли позади Филиппа, заметно встревожились. Им не понравились эти слова. Я ведь был ведьмаком. Убийцей. Растерянность и тревога промелькнули в их лицах при виде того, как Жан меня защитил.

– Почему вы здесь, капитан? – Филипп кивнул на меня. – Он ведь наш враг. Как и все они.

– Необходимое зло. – Бросив на меня неуверенный взгляд, Жан-Люк расправил плечи. – У нас новый приказ. Моргана здесь. Нужно найти ее и убить.

Зеркальная могила

Лу

Среди усыпальниц я нашла семейный склеп рода Трамбле.

Никогда прежде я так не надеялась, что ошиблась, – и никогда прежде мне не было так тошно. Как и в других гробницах, вдоль полок стояли черепа. Я никогда не понимала этого обычая. Ведьмы своих мертвецов не обезглавливали. Интересно, умершему отрезали голову до или после разложения? Или... или во время бальзамирования? И кто вообще этим занимался? Явно не родственники. У меня внутри все скрутило от мысли о том, какво распиливать кости любимого человека, и я решила, что на самом деле не так уж мне интересно все это знать.

Я шла все дальше, и ноги наливались свинцом все тяжелей. Наконец – наконец-то – я обнаружила ее имя, выгравированное на красивом гробу из розового дерева.

ФИЛИППА АЛЛУЭТТА ТРАМБЛЕ

Возлюбленная дочь и сестра

– Селия? Ты здесь?

Ответа не было.

Что ж, по крайней мере, череп Филиппы пока не выставили на всеобщее обозрение.

Я поднапряглась и потянула крышку гроба, но та не поддавалась. Спустя несколько минут тщетных усилий я выдохнула:

– Не знаю, слышишь ли ты меня, и очень надеюсь, что тебя там нет, – в таком случае приношу твоей сестре свои глубочайшие извинения, – но у меня ничего не выходит. Эта чертова крышка слишком тяжелая. Придется снимать ее колдовством.

Камешек проскочил по земле у меня за спиной, и я резко обернулась, вскинув руки.

- Ансель? - я тут же опустила их и разинула рот. - Что ты здесь делаешь? Как ты меня нашел?

Он изумленно смотрел на черепа.

- Когда остальные ушли, я снова подергал люк. У меня была одна догадка. - Ансель робко улыбнулся мне. - Я знал, что после истории с Коко ты будешь колдовать осторожнее, использовать лишь те узоры, которые сможешь спокойно поддерживать, и запечатать люк только для Рида... мне показалось, это проще, чем закрыть его от всех или навсегда. И я был прав. Люк открылся, и я пошел по первому туннелю. Он привел меня прямо сюда.

- Быть не может. - Я недоверчиво уставилась на него. - Тот туннель ведет в тупик. Ты, наверное, в темноте перепутал. А где остальные?

- Пошли через вход на кладбище.

- Через вход на кладбище. - Я инстинктивно отпустила узор, который опутывал мое сердце, и вся моя любовь к Риду, все отчаяние и страх захлестнули меня волной, сбивая с толку. Волна была так сильна, что я едва устояла на ногах. - Вот черт. Рид?..

Ансель беспомощно пожал плечами.

- Не знаю. Он велел мне остаться, но я... не смог. Я должен был хоть как-то тебе помочь. Не злись, пожалуйста.

- Не злись? Да я вовсе не... - Внезапная, страшная мысль тискающими сдавила мне горло. Но нет. Чуть, все это полная чушь. Я потрясла головой, посмеиваясь над тем, как абсурдна и бредова была эта мысль. Анселю - и самой себе - я сказала: - Нет, нет, нет. Я не злюсь.

«Нет, нет, нет», - вторил мой внутренний голос снова и снова, вцепившись в заветное слово, как в талисман.

Я широко улыбнулась, взяла Анселя под руку и подтащила к себе.

- Волноваться совершенно не о чем. Но мне все же кажется, что Рид, учитывая обстоятельства, мог быть прав. Лучше тебе вернуться в таверну и подождать...

Ансель отпрянул и обиженно сверкнул глазами.

- Уже почти полночь, а Селию ты так и нешла. Я могу помочь.

- Вообще-то, возможно,шла...

- Но где она? - Он оглянулся на черепа и гробы, тревожно хмурясь. - Она жива?

- Полагаю, что да, но мне сложновато...

- Я могу помочь чем угодно.

- Нет, думаю, тебе стоит...

- В чем дело? - Ансель повысил тон. - Думаешь, я не справлюсь?

- Ты же знаешь, я не об этом...

- Тогда что не так? Я ведь правда могу помочь. И очень хочу.

- Знаю, но...

- Я вовсе не ребенок, Лу, и мне до смерти надоело, что все со мной обращаются как с ребенком! Мне уже почти семнадцать! На год больше, чем было тебе, когда ты целое королевство спасла...

- Когда я сбежала, - отрезала я, теряя терпение. - Ансель, я просто сбежала и сейчас прошу тебя о том же...

- Почему? - выпалил Ансель, всплеснув руками. Щеки у него порозовели, глаза заблестели. - Ты мне однажды сказала, что я вовсе не никчемный, но я до сих пор не верю в это. Сражаться я не умею, колдовать тоже. Позволь мне доказать, что я вообще хоть что-то могу...

Я громко выругалась.

- Да сколько раз можно повторять, Ансель? Тебе совершенно ничего не нужно мне доказывать!

- Тогда позволь мне доказать это самому себе. - Голос Анселя надорвался. Он сморщился, опустил взгляд и уставился на свои руки. - Пожалуйста.

При виде этого у меня заболело сердце. Ансель и правда считал себя никчемным. Не просто считал - он искренне верил в это до глубины души, а я... ничего не могла поделать. Только не сейчас, когда на кону стояла его жизнь. Возможно, для целого мира он значил не так уж много, но для меня... Для меня он был совершенно бесценен. И если есть хоть малый риск...

«Мужчина, близкий твоему сердцу, умрет».

Я возненавидела себя за то, что собиралась сделать.

- Ты прав, Ансель, - проговорила я. Холодно, жестко. Потому что знала - если сказать правду, он заартачится. Не пожелает уйти. Нужно было ранить его так больно, чтобы он просто не захотел, не сумел остаться. Я кивнула и скрестила руки на груди. - Ты хочешь услышать правду? Ладно. Все верно. Ты ломаешь все, к чему прикасаешься. Ты не в состоянии даже ходить нормально, не спотыкаясь на ровном месте, что уж там мечом махать. Как ты можешь спасти женщину, если даже просто поговорить с ней не способен, не покраснев до ушей? Серьезно, ты настолько беспомощен, что на тебя просто жалко смотреть.

С каждым словом Ансель все больше съеживался. В глазах его заблестели слезы, но я еще не закончила.

- Ты твердишь, что не ребенок, Ансель, но это так и есть. Ты и есть ребенок. Маленький мальчик, который нарядился в костюмчик с чужого плеча и пытается играть во взрослую жизнь. Мы взяли тебя с собой смею ради, но время для игр прошло. Сейчас девушке грозит беда - равно как и мне, - и мы не можем позволить тебе все испортить. Извини.

Побледнев как мел, Ансель молчал.

- А теперь, - проговорила я, заставляя себя продолжать, заставляя себя дышать, - ты развернешься и отправишься назад в туннель. Вернешься в таверну и будешь прятаться у себя комнате, пока беда не минует. Тебе всё ясно?

Ансель уставился на меня, сжав губы, чтобы они не дрожали.

- Нет.

- Не всё ясно?

- Нет. - Он чуть расправил плечи и утер слезу со щеки. - Я никуда не уйду.

- Что-что?

- Я сказал, что никуда...

Я сощурилась.

- Я прекрасно слышала, что ты сказал. Я даю тебе шанс передумать.

- А что ты мне сделаешь? - Ансель презрительно рассмеялся, но смех его вышел таким горьким и фальшивым, что ранил меня до глубины души. - Заморозишь мне сердце? Раздобишь кости? Заставишь забыть, что мы с тобой знакомы?

Я погладила розовое дерево, размышляя. Подобное колдовство причинит боль нам обоим, но, по крайней мере, он останется жив.

- Если заставишь - да.

Некоторое время мы смотрели друг на друга - такого яростного взгляда я у Анселя никогда не видела, - пока где-то рядом не послышался глухой стук. Мы обернулись к гробу Филиппы, и я стыдливо закрыла глаза. Я совсем забыла про Селию.

- Там кто-то... - Ансель в ужасе втянул воздух. - Там Селия? Живая?

- Да, - прошептала я, тут же забыв злость. Коко сама сказала - в ее видениях редко все так, как кажется. Возможно, и на этот раз все сложится иначе. Будущее переменчиво. Может быть, если бы я отослала Анселя прочь,

он бы погиб в туннелях. А если он останется рядом, я смогу... как-нибудь его защитить. – Держись рядом, Ансель.

Вместе мы сумели стащить гроб Филиппы на пол. Открыть его оказалось сложнее. Потребовалось колдовство. Но я отлично умела ломать замки, и к счастью для меня, я как раз только что разрушила дружбу. Обмен получился достойный.

Вот и еще один раунд в игре Морганы.

Крышка открылась легко.

Когда мы увидели Селию, которая лежала без чувств в останках собственной сестры, Анселя мгновенно вырвало. Я и сама прижала кулак ко рту, чтобы сдержать тошноту. Труп Филиппы еще не полностью разложился, и ее стнившая плоть стекала по коже Селии. А запах...

Меня стошнило на череп Моники Присциллы Трамбле.

– Она никогда не оправится от подобного, – проговорила я, утирая рот рукавом. – Даже... даже для Морганы это слишком.

Услышав мой голос, Селия резко села, и ее глаза распахнулись. При виде меня по ее щекам покатились слезы.

– Селия, – выдохнула я и упала на колени рядом с ней. – Мне так жаль...

– Ты нашла меня.

Я как могла стерла с ее лица и волос слизь.

– Конечно.

– Я н-не д-думала, что ты п-придешь. Я здесь уже много н-недель. – Селия сильно дрожала, но из гроба не вставала. Я укрыла ее плечи своим плащом. – Она... иногда меня навещала. Д-дразнила меня. Г-говорила, что я т-тут умру. Что Рид меня п-позабыл.

– Тише, тише. Теперь тебе ничто не грозит. Это Рид меня к тебе прислал. Мы тебя отсюда вытащим, и...

– Я не могу уйти. – Селия разрыдалась еще горше, когда мы с Анселем попробовали поднять ее, но ничего не вышло. Мы попытались снова, но тщетно. – Я н-не могу п-пошевелиться. Смогу, только чтобы отвести т-тебя... К ней. Она меня з-заколдовала. – И вот тогда-то я наконец учуяла запах колдовства, едва ощутимый среди мертвецкого зловония. – А если не отведу, останусь з-здесь... С Филиппой... – Селия жалобно заскулила, и я прижала ее к себе, отчаянно желая, чтобы рядом оказался Рид. Он знал бы, как поступить. Знал бы, как ее утешить...

Нет. Я резко отбросила прочь эту мысль.

Нечего Риду здесь делать. Я не сумела прогнать Ансея, но все еще могла не позволить Риду нас найти и последовать за нами к Моргане. Я верила, что он останется цел, если я удержу его подальше от нее. И все еще молилась, что видение Коко было ошибочным, и эту ночь переживут все.

- А хотя бы встать ты можешь? - спросила я.

- В-ряд ли.

- Попробуешь? Мы с Анселем поможем.

Селия отпрянула, будто только сейчас осознала, что я к ней прикоснулась.

- Н-нет. Ты.. т-ты забрала у меня Рида. Она сказала.. ты его заколдовала.

Я попыталась взять себя в руки. Виновата здесь была не Селия, а Моргане. Наверняка она все это время только тем и занималась, что врала Селии с три короба. И как только та придет в себя, убедить ее уйти со мной будет уже невозможно. Я ведь была для нее врагом. Ведьмой, которая приворожила Рида.

- Селия, мы ведь не можем навсегда остаться здесь и вот так сидеть на полу. В конце концов придется что-то делать.

- Где Рид? - Дыхание Селии снова дрогнуло, и она лихорадочно огляделась.

- Где? Я хочу к Риду!

- Я могу тебя к нему отвести, - терпеливо сказала я, жестом велю Анселю сесть рядом. Селия снова начала подвывать, качаясь вперед-назад и пряча в ладонях лицо. - Но для этого ты должна встать из гроба.

Как я и рассчитывала, Селия затихла, увидев сквозь пальцы Ансея.

- Ты, - прошептала она, вцепившись в край гроба. - Я.. видела тебя в Башне. Ты новобранец.

Слава богу, Анселю хватило ума солгать.

- Да, - сказал он быстро и взял ее за руку. - Верно. И ты должна мне довериться. Я никому не позволю тебя тронуть, Селия, особенно ведьме.

Она подалась ближе.

- Ты не понимаешь. Я ч-чувствую ее колдовство. Оно меня тянет, прямо вот здесь. - Селия постучала себя по груди - судорожно, нервно. Под ногтями у нее запеклась кровь, будто она пыталась процарапать деревянную крышку насквозь. - Если я встану, выбора не будет. Она ж-ждет нас.

- Ты можешь снять чары? - спросил меня Ансель.

- Так нельзя. Не знаю, как Риду подобное удалось в Модранит, но наверняка это потребовало необычайной сосредоточенности, возможно мощного прилива чувств, и Моргане тогда отвлеклась, а сейчас я не могу.. - Из туннеля

донеслись тихие голоса. Я не смогла разобрать, кто и что говорил, но никто не должен был найти нас здесь. Особенно Рид.

– Вставай! – рявкнула я Селии. – Вставай и веди нас к Моргане, пока все совсем не покатило к чертям. – Она уставилась на меня, изумившись этой вспышке гнева, а я стала яростно дергать ее за руку. Но все без толку. Селия должна была встать сама, по доброй воле. Так она и поступила, когда я вцепилась ей в лицо и прошипела: – Если не встанешь, Рид умрет.

La Mascarade des Cranes

Лу

Уже не владея своим телом, Селия шла по туннелям, точно марионетка, и все время поворачивала налево – она вела нас на Маскарад Черепов. Я так спешила, что дважды чуть не наступила ей на пятки. Рид в любую секунду мог показаться из-за угла. С Морганой нужно было успеть разобраться раньше.

Мой собственный разум восстал против меня, с каждым шагом все настойчивей напоминая о новых сложностях, решить которые старыми методами уже не выходило. Как всегда, Моргана оказалась на шаг впереди. Я собрала союзников на битву и все равно тайком сбежала от них, чтобы сразиться с матерью в одиночку. Убедила столько влиятельных фигур стать на доску, ожидая, что Моргана нанесет удар, но она поступила иначе. Удар последовал, но оказался не таким, какого я ждала. Я смотрела на хрупкую спину Селии, на ее перепачканное траурное платье. Я оказалась в ловушке, как крыса в водосточной трубе, и помочь мне не мог никто, кроме Ансея и Селии. И даже если бы я не пообещала уберечь их обоих от битвы, все равно шансов выжить у меня бы не было.

Катастрофа как она есть.

Мы шли все дальше, а туннель становился все шире, и все больше факелов освещали путь. Еще примерно минуту спустя впереди послышались голоса – много голосов, веселых и громких. Незнакомых. Кто-то хором пел песню под бодрую мандолину, сладкозвучную арфу и даже под резкие ноты ребка. Мы свернули за угол, и перед нами оказались первые раскрашенные лотки. Здесь торговцы в масках шептались с непристойно одетыми девушками, обещая им лакомства повкуснее сладостей и пирогов, и продавали посетителям всевозможные товары вроде разлитых в склянки снов или пыльцы фей. Среди толпы разгуливали барды. Акробат выгибал конечности под совершенно невозможными углами и купался в аплодисментах. Куда ни глянь, все танцевали, смеялись, кричали, разливали на пол вино. Деньги тоже лились рекой.

Когда чумазая девочка-воровка полезла мне в карман, я схватила ее за запястье и цокнула языком.

– Мне кажется, вон там тебе повезет больше, – шепнула я, указав на пьяную парочку, что сидела возле лотка с печеньем «хворост» с сахарной пудрой. Девочка благодарно кивнула и украдкой двинулась к ним.

Но задерживаться и любоваться всем этим времени у нас не было – Селия шагала вперед, лавируя меж людей, как зачарованная змея. Мы едва поспевали за ней.

Она не обращала никакого внимания на бесконечные боковые туннели и упорно шла по главному пути. За нами, восторженно перешептываясь, двинулись и другие посетители. Лица их скрывали вычурные наряды и маски – это были львы и львицы с густыми гривами и алмазными когтями, рогатые драконы с чешуей, которая сверкала металлом в свете факелов, павлины с бирюзовыми, сизыми и золотыми перьями и сверкающими масками в виде изящных клювов.

Даже гости победнее не пожалели денег, нарядились в лучшие костюмы и разрисовали себе лица. Мужчина, что стоял ко мне ближе всего, походил на дьявола – у него было красное лицо и черные рога.

На наши неприкрытые лица все смотрели с любопытством, но ничего не говорили. С каждым шагом я волновалась все больше. Моргана явно была где-то неподалеку. Я уже почти чувствовала ее дыхание у себя на шее, почти слышала, как она зовет меня по имени.

Будто ощутив это, Ансель сжал мою ладонь.

– Я рядом, Лу.

Онемевшими пальцами я стиснула его руку в ответ. Быть может, я все-таки не разрушила нашу дружбу безвозвратно. Эта мысль придала мне немного сил, и я прошептала:

– Мне страшно, Ансель.

– Мне тоже.

Слишком скоро туннель закончился своего рода обширной пещерой – будто горный проход завел нас лишь глубже в недра скалы, а не вверх, к свету. Грубо вытесанные каменные скамьи стояли вдоль стен, как ряды зубов, а крутые ступени вели вниз, вниз, вниз к земляной пасти.

А там, прямо в центре сцены, стояла моя мать.

В черном бархатном одеянии она выглядела великолепно. Несмотря на холод, руки Морганы были обнажены, а лунные волосы свободной волной разметались по спине. На голове ее сверкала вычурная золотая диадема, но подлинной короной Моргане служили мертвецы – они кружились над нею, мирно закрыв глаза и сложив руки на груди. Я не видела их лиц, но смогла разглядеть вспоротые горла. И содрогнулась от осознания, которое на меня снизошло. От ужаса. Как можно незаметнее я затолкнула Анселя и Селию себе за спину.

Моргана распротерла руки и с широкой улыбкой воскликнула:

- Добро пожаловать, дорогая! Как же я рада, что ты смогла сюда прийти!

Сотни людей в масках безмолвно и неестественно неподвижно сидели вокруг нас на скамьях. Запах колдовства витал в воздухе, такой острый и густой, что у меня заслезились глаза. Я сразу поняла, что сдвинуться с места все эти люди просто не могут. Глаза тех, кто вошел в пещеру одновременно с нами, остекленели, и они тоже, не говоря ни слова, быстро направились к своим местам. Меня вдруг охватила паника, и я стала выискивать среди зрителей Рида, Коко и Бо, но их нигде не было. Я выдохнула с облегчением, хоть и знала, что радоваться мне придется недолго.

- Здравствуй, маман.

Заметив, что я уже готова защищаться, она улыбнулась еще шире.

- Ты выглядишь чудесно. Признаюсь откровенно, я посмеялась, когда ты испортила себе волосы - это очень частая ошибка, дорогая, - но ты наверняка согласишься, что новый цвет тебе идет. Подойди ближе, чтобы я смогла получше его рассмотреть.

Я встала как вкопанная.

- Я пришла. Теперь отпусти Селию.

- Зачем же? Так она пропустит все веселье. - Моргана шагнула вперед, и шлейф ее мантии соскользнул с еще одного тела, лежавшего у нее ног. Сердце у меня камнем упало вниз. Даже издали я узнала хрупкую фигурку с каштаново-золотистыми кудрями.

- Габриэль, - прошептала я в ужасе.

Ансель застыл рядом со мной.

- Она?..

- Мертва? - любезно договорила за него Моргана и толкнула Габи ногой в лицо. Та только застонала в ответ. - Пока нет, но умрет уже скоро. И в этом ей, конечно же, поможет моя дочь. - Она двинулась дальше по сцене, мимоходом наступив Габриэль на руку. - Где же твой охотник, Луиза? Я так надеялась, что он придет с тобой. Мне с ним немало хотелось бы обсудить. Подумать только, колдун! Мужского пола! Ты и представить себе не можешь, как я удивилась тому фокусу, что он показал в Модранит. Обменять жизнь Архиепископа на твою? Гениально.

Я расправила плечи.

- В записке было сказано, что ты ее отпустишь.

- Отнюдь. В записке было сказано, что я съем ее сердце, если ты не спасешь ее к полуночи, а полночь... - Она облизнулась. - Уже настала. Но, возможно, ты еще можешь отвлечь меня на некоторое время.

- Но я ведь ее спасла...

- Нет, Луиза. - Улыбка Морганы помрачнела. - Не спасла. И так, - продолжила она как ни в чем не бывало, - расскажи-ка мне: есть ли на свете еще подобные твоему охотнику? Возможно, с моей стороны было неразумно отсылать прочь наших сыновей. Выследить их оказалось почти невозможно, а те, кого все же удалось... до смерти меня боятся. Судя по всему, не все юноши наследуют наш дар. - Она ласково посмотрела на трупы, что парили вокруг. - Однако без награды я не останусь. Мои труды принесли иные плоды.

- Мы больше никого не нашли, - ответила я, но Моргана знала, что это ложь. Она усмехнулась.

- Иди сюда, милая. - Она поманила пальцем Селию. Та стояла ко мне так близко, что я чувствовала, как она трясется. - Ах, какая же прелестная маленькая куколка. Иди ко мне и позволь разбить тебя вдребезги.

- Прошу, - прошептала Селия и вцепилась мне в руку, когда ее ноги сами собой двинулись вперед. - Прошу, помоги!

Я схватила ее ладонь.

- Оставь ее, Моргана. С нее довольно пыток.

Моргана задумчиво посмотрела на нас.

- Возможно, ты права. Просто убить ее будет слишком скучно, верно? - Она хлопнула в ладоши и расхохоталась. - Ах, как же ты восхитительно жестока. Признаюсь, я приятно удивлена. Теперь, когда прелестная кожа этой куколочки осквернена плотью ее мертвой сестры, разумеется, мы должны обречь ее на жизнь! Пусть живет и всегда помнит об этом. Пытка, как ты выразилась, и впрямь выйдет превосходная.

К моему горлу подкатила желчь, и я выпустила Селию. Но ее ноги зашагали дальше, и она всхлипнула.

- Что ты делаешь? - прорычала я, бросаясь вниз по лестнице за ней.

- Прошу, Луиза, - пропела Моргана. - Подойди ближе. Следуй за куколкой. - И добавила, обращаясь к Анселю: - Судя по тому, как ты вьешься рядом с ней, полагаю, ты своего рода питомец. Быть может, птица. Оставайся на месте, а не то твои перья пойдут мне на шляпку.

Ансель потянулся за ножом, но я замахала ему, шипя:

- Стой здесь. Не дай ей повода снова тебя заметить.

Ансель растерянно заморгал. Видимо, два и два он до сих пор не сложил.

- Я жду, - промурлыкала Моргана. Голос ее так и сочился медом.

Ведьмы стояли вдоль лестницы и наблюдали, как мы с Селией спускаемся вниз. Их было больше, чем я ждала. Больше, чем я знала. Манон стояла почти в самом низу, но на меня смотреть упорно не желала. Равнодушие разгладило ее острые черты, превратив лицо в суровую маску. Но когда я проходила мимо, маска треснула – Манон тяжело сглотнула и покосилась на один из трупов.

Это был красивый златовласый мужчина, которого мы видели недавно. Жиль.

Рядом с ним плыли по воздуху две девушки с одинаково-светлой кожей и такими же остекленевшими синими глазами. Темноволосая девушка постарше парила с другой стороны, а довершал круг малыш не старше трех лет. Всего тел было пять. Пять идеальных мертвецов.

– Пусть выражения их лиц тебя не обманут, – пробормотала Моргана.

Вблизи я увидела на ее груди уродливый шрам от клинка Жана-Люка.

– Их смерть не была мирной и приятной. Но ты ведь и так это знаешь, верно? Ты видела, что стало с прелестным Этьеном. – Она скривила губы в очередной улыбке. – Ах, слышала бы ты, как он кричал, Луиза. Это было прекрасно. Просто восхитительно. И все – из-за тебя.

Она шевельнула пальцами, и тела, все так же кругом, опустились ниже и окружили меня, оказавшись на уровне глаз. Пальцы их ног касались земли, а головы.. Я сглотнула.

Их головы явно оставались в сохранности благодаря колдовству.

Чувствуя, как все мое тело немеет, я закрыла глаза малышу – его голова безвольно качнулась от моего прикосновения. Затем темноволосой девушке, близнецам и, наконец, красивому незнакомцу. Где-то в стороне шевельнулась Манон.

– Ты больна, маман, – сказала я. – И больна уже очень давно.

– Тебе ли не знать, дорогая. Ты не можешь и представить, как приятно мне было наблюдать за тобой в последние недели. Никогда прежде я так не гордилась. Наконец-то моя дочь осознала, как следует поступать. Да, конечно же, она выбрала не ту сторону, но жертвы ее тем не менее похвальны. Она все же стала тем орудием, каким должна была стать.

Услышав это, я снова ощутила, как к горлу подступает тошнота, и взмолилась – только бы она не шпионила за нами все это время, только бы не слышала слова Рида в нашей комнате в «Левиафане». В нашей спальне. Ее присутствие отравило бы эти мгновения.

Прошу, только не эти мгновения.

Холодным острым пальцем Моргана подняла меня за подбородок. Но глаза ее были еще холодней. Еще острей.

– Ты думала, что сможешь их спасти?

Я молча смотрела на мать. Она впиалась мне в подбородок еще глубже.

– В Модранит ты унизила меня. На глазах всех наших сестер. Пред ликом самой Богини. После твоего побега я осознала, как была слепа. Как упорно шла по одному пути, забыв о прочих. И я отправила твоих сестер на поиски потомства Огюста.

Она ударила Жилия по лицу, рассекла ему кожу, и застоявшаяся кровь потекла из раны. Прямо Габи на волосы. Та снова застонала.

– И я нашла их. Не всех, но скоро найду и остальных. Видишь ли, Луиза, чтобы отомстить, твое жалкое горло мне не нужно. Я исполню свою волю, с тобой или без тебя. Однако не стоит заблуждаться... – добавила Моргана, снова схватив меня за подбородок. – Ты все равно умрешь. Но если сбежишь снова, я не стану тебя преследовать. Больше не стану. Никогда. Вместо этого я с наслаждением расчленю братьев и сестер твоего охотника и отошлю их тебе по частям. Разолью их крики по склянкам и отравлю ими твои сны. Каждый раз, закрыв глаза, ты будешь видеть их предсмертные муки. А потом, когда умрет последний ребенок, я приду за твоим охотником, вырежу из его разума все тайны и распотрошу его у тебя на глазах. Лишь тогда я убью тебя, дочь моя. Лишь когда ты сама взмолишься о смерти.

Я уставилась на нее. На свою мать. Она была безумна, всецело и полностью. Моргана всегда была страстной, не вполне уравновешенной, но теперь... все изменилось. Ради мести она отдала слишком много. «Все те частицы души, которые ты отдаешь... они мне нужны, – так говорил Рид. – Мне нужна ты – целая и невредимая». Я всмотрелась Моргане в лицо, ища женщину, которая меня вырастила, которая танцевала со мной на берегу, учила меня ценить себя, – но не нашла ничего. Ничего больше не осталось.

«Думаешь, ты сможешь убить собственную мать?»

«Она не оставила мне выбора».

Тогда это был не ответ. Но теперь – да.

– И что же? – Моргана выпустила меня. Глаза ее сверкали гневом. – Тебе совсем нечего мне ответить?

Мои руки потяжелели, налились свинцом, но я все равно подняла их.

– Думаю... если ты намерена расчленить всех детей короля одного за другим... времени, чтобы тебя остановить, у меня будет предостаточно.

Она оскалилась, а я усмехнулась, изображая браваду. Эта усмешка стоила немало – а заодно помогла отвлечь Моргану, и она не заметила, как я шагнула к Габриэль.

– А я тебя остановлю, тамап, будь уверена. Особенно если ты при каждой встрече будешь докладывать мне все свои планы. Ты очень любишь слышать свой собственный голос, да? Самовлюбленной ты мне никогда не казалась. Сумасшедшей – да, одержимой – безусловно, порой даже тщеславной, но самовлюбленной...

Моргана рывком подняла Габи на ноги, и я мысленно чертыхнулась. Она взмахнула рукой, и на ладони у нее расцвел огненный шар.

– Я хотела предложить тебе выбрать между Селией и Габриэль, дорогая, – просто так, забавы ради, – но мое терпение ты истощила быстро. Теперь я убью их обеих. Знаю, ты предпочитаешь лед, но лично я равнодушна к огню. Довольно поэтично, не находишь?

Селия захныкала у меня за спиной.

Вот черт.

От прикосновения Морганы Габи распахнула глаза – и изумленно посмотрела на нас.

– Лу! – Голос Габи дрогнул, и она забилась в руках Морганы. – Лу, она сумасшедшая! И она, и...

Договорить она не успела и закричала, когда Моргана ударила ее по лицу огнем. Она била снова и снова, по горлу, груди и рукам, а Габриэль кричала и кричала, но Моргана не отпускала ее. Я лихорадочно искала узор, который мог помочь, но использовать его не успела – лезвие просвистело в воздухе и вонзилось Моргане в руку.

Она яростно взвыла, бросила Габи и кинулась к...

У меня перехватило дыхание.

Она кинулась к Анселю.

Который снова последовал за мной.

Сощурившись, Моргана оглядела его – на этот раз внимательно. Кровь забрызгала подол ее одеяния. Одна капля. Две. Три.

– Я тебя помню.

Улыбка исказила лицо Морганы, преобразив его в нечто мрачное и безобразное. Габи отползла в сторону и исчезла в туннеле. Моргана не стала ее задерживать.

– Ты был в Шато на Модранит. Ах, какая очаровательная пташка. Наконец ты обрел крылья.

Ансель стиснул зубы, вцепился в свои ножи, встал ровнее, готовясь всем телом вложиться в удар. В моей душе разом вспыхнули гордость и ужас. Он спас Габи. И пролил кровь Морганы.

Теперь он помечен.

Я шагнула к Анселю, встала рядом с ним, и узоры мгновенно возникли передо мной. Я решительно вскинула руки, но он указал на нож у меня в сапоге. Я быстро его выхватила.

- Урок первый, - выдохнул он. - Ищи слабости своего противника и используй их против него.

- Что ты там шепчешь? - прошипела Моргана, готовя новый огненный шар.

Она неспроста выбрала огонь, вот только укротить его выходит не всегда. Пламя - это страсть. Бурные чувства. Это означало, что в бою Моргана будет действовать стремительно, не размышляя наперед, и эта недалёковидность могла ее погубить. Мы должны были действовать быстро и осторожно.

- Я знала, что ты выберешь огонь, - фыркнула я, беспечно перебрасывая клинок из руки в руку. - Ты становишься предсказуема, тапан. Видно, стареешь. Вон, уже и морщины появляются.

Она запустила первый шар, и Ансель быстро пригнулся.

- Повезло, что у тебя волосы белые от природы. Седину не видно.

С возмущенным криком Моргана метнула новый шар. На этот раз ее опередила я - поймала огонь на клинок и бросила обратно в нее.

- Урок второй, - сказала я, смеясь, когда ее мантия вспыхнула. - Понятия «жюльничества» не существует. Используй любое оружие, которое у тебя есть.

- Думаешь, ты хитра? - Моргана сбросила мантию, тяжело дыша. Та слегка дымилась. - Вот только сражаться тебя учила я, Луиза. Я.

Мы уже едва видели ее за серой пеленой дыма. Злобно сверкая глазами, Моргана зажгла третий шар.

- Урок третий: бой продолжается, пока один из вас не умрет.

Моргана бросила шар, и он вырос, удлинился, превратился в меч - в целую колонну. На этот раз мы с Анселем увернуться не успели. Пламя обожгло нам кожу, сшибло с ног, и моя мать ринулась вперед.

Я едва не взывала от боли, но тем не менее предвидела следующий ход Морганы. Я перекатилась через Ансея, схватив его нож, и полоснула лезвием у нее прямо перед носом. Моргана отпрянула, но лишь верхней частью тела, лицом и грудью. Остановиться она уже не могла и устремила прямо навстречу моему ножу, который я вонзила ей в живот. Моргана ахнула. Пламя резко погасло, трупы вокруг попадали на пол. Освободившись от чар, зрители испуганно заохали. Я вскинула клинок Ансея, намереваясь довершить начатое. Время будто замедлилось, и я видела каждое движение Морганы, каждое ее чувство. Наблюдала, как она озадаченно хмурит лоб, изумленно распаивает глаза, испуганно приоткрывает рот.

Испуг.

Никогда прежде я не видела на лице своей матери испуга.

И именно он заставил меня помедлить.

Сверху загрохотали шаги, и тишину прорезал крик Рида.

Нет.

С нечеловеческой скоростью Моргана вцепилась мне в руку и вывернула запястье. Мир резко обрел четкость, и я с воплем выронила нож.

- Ты пыталась меня убить, - прошептала она. - Меня. Свою собственную мать.

От безумного хриплого смеха Моргана едва могла дышать, но все равно смеялась и смеялась... даже когда появились шассеры. Рид и Жан-Люк бежали в главе, а позади, полностью обратившись в волка, - Блез.

- И что бы вышло, сумеешь ты это сделать, дочь моя? Вот зачем ты сюда пришла? Надеялась стать королевой?

Она резко дернула, и я услышала, как хрустнула кость. Боль пронзила мою руку, поглотив все вокруг, и я закричала.

- Королева поступает как должно, Луиза. Ты была близка к цели, но отступила. Стоит ли мне показать тебе путь? Показать, чего тебе недостает?

Моргана отпустила мою руку, и я отшатнулась, сквозь слезы глядя, как Рид бежит к нам. Он опередил остальных и выхватил клинки. Я не могла, просто не успевала его остановить.

- Рид, НЕТ!..

Моргана метнула четвертый, последний огненный шар, и он ударил Рида прямо в грудь.

Водвос

Рид

Меня окутали клубы густого дыма. Он проник мне в нос, в рот, в глаза. Я не видел Лу, но слышал, как она кричит на мать. Та только смеялась. Смеялась, смеялась и смеялась. Я пытался пробиться сквозь чад, добраться до Лу, сказать, что я цел...

– Рид! – закричал Ансель. Вскоре и Жан-Люк тоже стал звать меня, перекрикивая толпу. Зрители вокруг разбежались прочь, ведьмы визжали, всюду грохотал топот ног.

Но куда же делся огонь?

Я похлопал себя по груди, ожидая ощутить жар, но его не было. Вместо него...

Рядом, лукаво улыбаясь, стоял Клод Деверо. В руках он держал огненный шар, который уже съезжился, дымясь. А в глазах Клода... Я быстро заморгал. Лишь на миг мне показалось, что в его глазах промелькнуло нечто древнее и дикое. Нечто зеленое. Я изумленно отступил на шаг. Едва ощутимый земляной запах, который я чувствовал в повозках «Трупы Фортуны», вернулся и стал насыщенней в сто крат. В воздухе разлился запах соснового сока, лишайника, свежей почвы и сена.

– Вы ведь... говорили, что вы не ведьмак.

– Так и есть, мой милый мальчик.

– Мы не смогли вас найти. Там, в туннелях...

– Мои утята потерялись? – С натянутой улыбкой Клод поправил мне пальто. – Не тревожься. Я их разыщу, будь уверен.

За пеленой дыма все еще слышался крик Лу. Он звенел у меня в ушах, заглушая все мысли.

– Любезнейшая Зенна знала, что ходить за нами не стоит, но все же не смогла воспротивиться тяге к насилию – она очень кровожадна. Я нашел Зенну в туннелях, когда искал остальных. Бедняжке Серафине ничего не оставалось, кроме как пойти следом за ней, и оставить их без защиты я никак не мог. Я очень надеялся вернуться прежде, чем положение здесь усугубится – как известно, предупредить недуг лучше, чем лечить его... но увы. – Он оглянулся туда, где все еще хохотала Моргана. – Ее болезнь может погубить всех нас. Прошу меня простить.

Взмахом руки Клод рассеял дым.

Мы увидели Моргану и Лу. Они обходили друг друга по кругу, вскинув руки. Ансель стоял позади, прикрыв собой Селию, а Жан-Люк и Коко плечом к плечу сражались с троицей ведьм. Наверху Бо подгонял перепуганных посетителей к выходу. Тело одной из ведьм с разорванным горлом уже остывало у ног Блеза, но другая загнала его в угол, безумно выгибая руки.

Двое шассеров добрались до нее раньше, чем она успела нанести удар.

И Лу, и Моргана застыли, увидев, как из дыма выходит Деверо. Следом вышел и я.

– Ты, – прорычала Моргана и отшатнулась – подумать только, отшатнулась! – на шаг.

Деверо вздохнул.

- Да, дорогая. Я.

С этими словами Клод Деверо начал преобразаться. Стал раздаваться вширь, ввысь, даже выше меня. Разрывая начищенные ботинки, из-под штанов его показались раздвоенные копыта. На голове среди уложенных кудрей выросли олени рога. Вокруг них обвился венец из дубовых ветвей. Зрачки Клода резко сузились до щелок, а глаза заблестели в темноте, будто кошачьи. Несколько секунд он молча смотрел на нас сверху вниз.

Я отрывисто втянул воздух.

- Чтоб меня.

Лу неверяще, растерянно посмотрела на него. Я осторожно шагнул к ней.

- Вы.. вы Водвос!

Клод подмигнул ей и любезно приподнял шляпу. Та исчезла, расцветя сиренью, и Деверо красивым жестом вручил букет Лу.

- Очень приятно с тобой познакомиться, дитя. - Голос его стал низким, древним, будто исходил из самой земли. - Низайше прошу простить меня за то, что не раскрыл свою личность прежде, но такие уж нынче непростые времена.

- Но вы же ненастоящий. Вы просто чертова сказка.

- Равно как и ты, Луиза. - Деверо сощурил желтые глаза. - Равно как и ты.

- Зря ты явился сюда, Анри, - процедила Моргана. Рук она так и не опустила. - Я прикончу их всех уже лишь затем, чтобы насолить тебе.

Деверо холодно улыбнулся, обнажив острые клыки.

- Будь осторожнее, дорогая. Я вовсе не пес, послушный велениям господина.

Моргана скривилась, и голос его стал жестче, яростней.

- Я - сама Природа. Я - все, что населяет землю, все сотворенное и несотворенное. Жизнь всех мирских существ, дыхание всего людского рода - в моих руках. Горы раболепствуют передо мной. Дикае звери чтят и боготворят меня. Я - пастырь, и я - стадо.

Моргана отступила еще на шаг.

- Ты.. ты знаешь Древние законы. Вмешиваться тебе нельзя.

- Напрямую - нельзя. - Клод выпрямился в полный рост, возвысившись над ней и всеми нами и сверкая кошачьими глазами. - Однако моя сестра.. недовольна твоими недавними свершениями, Моргана. Крайне недовольна.

- Ваша сестра, - эхом отозвалась Лу.

Моргана побледнела.

- Все, что я совершила, я совершила ради нее. Вскоре ее дети будут свободны..

- А твое дитя умрет.

Клод нахмурился и коснулся ее щеки. Моргана не отпрянула. Напротив - прильнула к его ладони. Мне хотелось отвернуться. Но я не мог. В глазах этого странного создания блеснула искренняя печаль, и он утер слезу со щеки Морганы.

- Что с тобой стало, любовь моя? Что за зло отравило твой дух?

Услышав это, Моргана все же отшатнулась. Слеза на ее щеке с шипением испарилась.

- Ты оставил меня.

Эти слова как будто бы что-то сломили в Моргане, и она бросилась на Деверо. Лу быстро вскинула руки. Опоздав лишь на секунду, я кинулся следом, но выронил один из ножей и чертыхнулся, глядя, как он скользит по полу мимо Морганы. Она его не заметила - все размахивала руками, пытаясь атаковать Клода. Но он только шевельнул запястьем и вздохнул. Нас окутал острый аромат кедрового дерева.

- Ты ведь знаешь, дорогая, что на меня твое колдовство не подействует, - раздраженно сказал Клод.

Еще взмах - и Моргана взмыла вверх и повисла в воздухе, будто на дереве. Ее ладони сами собой сложились вместе. Все вокруг затихло и обернулись посмотреть на это.

- Я - сама земля. Ты черпаешь магию от меня.

Она яростно закричала, извиваясь, но Клод не слушал.

- Однако ты права, - продолжил он. - Мне не стоило тебя оставлять. Более подобной ошибки я не совершу. - Он прошелся вдоль ряда трупов, с каждым шагом становясь все выше. Я повнимательнее взглянул на мертвецов и ощутил, как подступает тошнота. В одном лице я узнал свои собственные губы, в другом - нос. Подбородок. Глаза.

Деверо заметил малыша, и голос его помрачнел.

- Слишком долго я сидел сложа руки и наблюдал, как ты топишь других и идешь ко дну сама. Довольно. Я не позволю тебе осуществить задуманное, ma chanson[24]. - Клод посмотрел на Лу, и страшная ярость в его глазах смягчилась. - Она ведь могла быть нашей дочерью.

- Но она не наша, - выплюнула Моргана хрипло. - Она от него. И принадлежит не мне и не тебе, а им. - Она указала на меня, Ансея, Коко и

Жана-Люка, Бо и Блеза. – Она никогда не была моей. Она выбрала свою сторону. И я любой ценой заставлю ее страдать, как страдали ее сестры.

Несколько ведьм прокрались к главному туннелю. Блез, истекая слюной, преградил им путь, но он был один. Ведьмы кинулись прочь, проскочив мимо него, и шассеры погнались за ними, оставив нас одних. Ансель попятился к туннелю поменьше, чтобы постеречь его, и Селия осталась возле трупов одна. Дрожа, она обернулась ко мне – живая, до смерти перепуганная, – и я поманил ее к себе. Едва заметным жестом. Лицо Селии сморщилось, и она кинулась к нам. Лу ее поймала, и я обнял их обеих.

Мы все выберемся отсюда живыми. Все до одного. И плевать, что там было в видении Коко.

Секунду Деверо печально смотрел на нас, а затем снова обернулся к Моргане. И покачал головой.

– Как же ты глупа, любовь моя. Она – твоя дочь. Разумеется, она могла быть твоей. – Он взмахнул рукой, и Моргана опустилась на землю, наконец расцепив руки. – Твоя игра окончена. Моей сестре очень понравилась Луиза.

Я обнял Лу крепче, и она, дрожа от облегчения, уронила голову мне на плечо. К моему удивлению, Селия погладила ее по волосам. Лишь раз. Это был такой простой жест, утешительный, полный надежды. И такой неожиданный, что от изумления, смутения и облегчения у меня подогнулись колени. Мы правда сможем все это пережить. Все вместе. За нас вступились Деверо и его сестра – бог и богиня, – и Моргана больше ничего не могла поделать. Она была очень сильна, но все же оставалась человеком. И в этой войне победить не смогла бы.

Тяжело дыша и разминая запястья, Моргана с неприкрытой враждебностью посмотрела на Деверо.

– Тогда из нас двоих глупа именно твоя сестра.

Клод сощурился и жестом велел Блезу и Анселю отойти от входов в туннели.

– Ты испытываешь мое терпение, дорогая. Уходи сейчас, пока мое решение в силе. Исправь все, что можно исправить. Более не пытайся навредить Луизе, иначе познаешь гнев моей сестры – и мой собственный. Это последнее предупреждение.

Моргана медленно попятилась к туннелю. Она быстро посмотрела вверх, наблюдая, как последние ведьмы исчезают из виду, а следом за ними – и последние шассеры. Деверо позволил им уйти. На людях Моргана не отступила бы никогда. Но теперь в зрительном зале почти никого не осталось. Кроме нас – и Манон. Она смотрела в мертвое лицо Жилия, и взгляд ее был точно так же безжизнен. Лу, кажется, хотела к ней подойти, но я прижал ее к себе. Еще рано.

– Последнее предупреждение, – выдохнула Моргана. – Гнев богини...

Она подняла руки, и все напряглись, но Моргана лишь хлопнула в ладоши, аплодируя нам. И еще, и еще раз. Каждый хлопок разносился эхом по пустому залу. На ее лице расплылась поистине страшная усмешка.

- Что ж, умница, Луиза. Похоже, в нашей игре у тебя есть сильные фигуры, но не забывай, что они есть и у меня. Ты обыграла меня... на этот раз.

Лу отступила от меня и Селии, тяжело сглотнув.

- Для меня это никогда не было игрой, мама. Я правда тебя любила.

- Ах, дорогая. Разве я не говорила тебе, что любовь - это слабость?

Моргана отступала все дальше, и глаза ее блестели все безумнее. Она уже подобралась близко к туннелю. Близко к свободе. Ансель стоял неподалеку, тревожно наблюдая за происходящим. Та же тревога не давала покоя и мне. Я оглянулся на Деверо, молясь, что он передумает, схватит ее, но он не двигался с места. Клод верил, что она уйдет с миром, повинувшись велению богини. Я - не верил.

- Но игра еще не окончена. Просто правила изменились. Не более того. Здесь использовать колдовство я не могу. И не могу тронуть тебя, однако...

Слишком поздно я осознал, что она вознамерилась сделать. Все мы поняли это слишком поздно.

Хохотнув, Моргана подхватила с земли мой нож и вонзила его Анселю в основание черепа.

Конец света

Лу

Конец света настал, и ознаменовал его не крик...

А лишь вздох. Один-единственный, изумленный, сдавленный вздох.

И затем...

Все стихло.

Нечто темное и древнее

Лу

Я могла лишь беспомощно смотреть, как Ансель падает на землю.

Сначала он упал на колени, распахнув невидящие глаза, а затем – вперед. Рядом не оказалось никого, кто смог бы поймать Ансея и не позволить ему рухнуть лицом в землю с тошнотворным глухим звуком. Больше он не шевелился.

Тишина зазвенела у меня в ушах, в разуме, в душе при виде крови, которая уже окружила Ансея алым ореолом. Мои ноги не желали повиноваться. Глаза – не желали моргать. В мире не осталось ничего, кроме Ансея, который лежал на земле, раскинув руки, будто... просто спал.

«К полуночи мужчина, близкий твоему сердцу, умрет».

Тишину прорезал крик.

Мой крик.

Мир резко обрел четкость, и я обнаружила, что все что-то кричат, куда-то бегут, поскользываясь в крови Ансея...

Коко вспорола себе руку ножом Рида и забрызгала Ансею лицо своей кровью. Его перевернули, положили Риду на колени, открыли ему рот. Голова Ансея безвольно откинулась. Кожа уже утратила краски. Сколько бы они ни трясли его, сколько бы ни рыдали, Ансель не приходил в себя.

– Помогите ему!

Коко вскочила и вцепилась Клоду в пальто. По щекам ее, обжигая все на своем пути и вспыхивая огнем у нас под ногами, струились слезы. Струились и струились. Коко уже не могла дышать – она больше не трясла Клода, а просто сжимала его за плечи. Причитала. Тонула.

– Прошу, прошу, прошу, верните его...

Клод мягко высвободился из ее хватки и покачал головой.

– Прости. Я не могу вмешиваться. Его... больше нет.

Больше нет.

Ансея больше нет.

Нет, нет, нет. Это слово, безысходное и бесповоротное, закружилось вокруг меня, пронзило меня насквозь. Ансея больше нет.

Коко рухнула на землю, рыдая все горше. Языки пламени оббивали ее, будто цветочные лепестки. Я наслаждалась их жаром. Наслаждалась болью. Пусть это место сторит дотла за ту утрату, что оно породило. Я надеялась, что ведьмы еще рядом. Надеялась, что краснолицый дьявол с приятелями еще не сбежал. Касаясь одного мерцающего узора за другим, я раздувала пламя все ярче и жарче. Все они умрут с Анселем. Все до одного.

Из глубин туннеля послышался смех.

Яростно взревев, я кинулась туда. Жан-Люк однажды сказал, что моя душа стгнила, но он ошибался. Магия не гниет. Она идет трещинами, как расколотое зеркало. С каждым новым заклятием трещины в стекле становятся все глубже. Малейшее касание может разбить его вдребезги. Тогда я не стала поправлять Жана-Люка. Не желала признавать, что именно это происходило со мной, пусть даже знали об этом все. Но теперь...

- Ты любила его, Луиза? - послышался голос Морганы во тьме. - Ты видела, как свет гаснет в этих прелестных карих глазах?

...Но теперь я наконец разбилась.

Моя кожа засветилась - лучи брызнули во все стороны, осветив туннель полностью. Стены затряслись, потолок затрещал, камни дождем посыпались на пол - мой гнев рушил все вокруг. Я не отступала и продолжала слепо выкручивать узоры. Я хотела обрушить туннель Моргане на голову. Обрушить небеса, уничтожить весь мир, лишь бы наказать ее за то, что она натворила. За то, что натворила я. Моргана застыла посреди туннеля - изумленная и восхищенная.

- Ты великолепна, - выдохнула она. - Наконец-то. Наконец-то мы повеселимся как следует.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, изучая чужие жизни, которые были в моих руках. Рида. Коко. Клода. Бо. Селии. Жана-Люка. Манон. Я взвешивала каждую, ища ту, что станет достойной платой за жизнь Морганы. Она должна была умереть. Любой ценой.

«Даже если для этого придется умереть другому?» - прошептал голос.

Значит, придется.

Но выбрать нить я не успела - кто-то меня схватил.

Рид был весь в крови, и я ощутила ее вкус, когда он прижал меня к стене и задрал мне руки над головой.

- Прекрати, Лу. Не надо.

- Отпусти! - Крича и рыдая в голос, я забилась изо всех сил, пытаюсь вырваться из рук Рида. Выплюнула кровь Ансея. - Это я виновата! Я его убила! Я такого ему наговорила... что он никчемный... бесполезный...

У входа в туннель Клод, Бо и Жан-Люк пытались удержать Коко. Видимо, она последовала за мной. Судя по гневу на ее лице, моей матери она уготовила ту же участь. За ее спиной бушевало пламя.

Я обернулась к Моргане, но та уже исчезла.

– Отпусти ее, – взмолился Рид. Лицо его было в слезах и саже. – У тебя еще будет возможность ее остановить. Сейчас нужно уходить, а не то мы пропадем под обвалом.

Я обмякла в его руках. Рид тяжело выдохнул и прижал меня к груди.

– Ты меня не оставишь. Ясно? – Он взял мое лицо в ладони, развернул к себе и крепко поцеловал. Голос его был яростным, а глаза – еще яростней. Он впился в меня взглядом – злым, горьким, испуганным. – И не останешься одна. Если ты уйдешь в глубины своего разума – своего колдовства, – я пойду следом, Лу. – Он слегка потряс меня, и в его глазах заблестели слезы. – Я пойду за тобой во тьму и верну тебя назад. Ты меня слышишь? Куда пойдешь ты, туда и я.

Я отглянулась на зрительный зал. Пламя разгорелось так жарко, что тело Анселя было уже не забрать. Он сгорит здесь. Эта грязная убогая дыра станет ему костром. Я закрыла глаза, ожидая боли, но не ощутила ничего. Бездна пустоты разверзлась у меня внутри. Что бы ни говорил Рид... на этот раз вернуть меня он не сможет.

Нечто темное и древнее выползло на свет из этой бездны.

Вековое колдовство

Лу

День близился к вечеру. Лучи солнца проникали в комнату через пыльное окно и освещали теплые доски и толстые ковры столовой «Левиафана». Ля-Буазен с Николиной сидели за столом напротив и смотрели на меня. Казалось, в такой заурядной комнате им совсем не место. Эти создания с жуткими глазами и испещренной шрамами кожей словно сошли со страниц страшной сказки.

И скоро эта страшная сказка станет явью. Я лично позабочусь об этом.

Владелец таверны заверил меня, что здесь нас никто не потревожит.

– Где вы были?

- Заблудились в туннелях.

Ля-Вуазен бесстрастно посмотрела мне в глаза. Остальных мы так и не нашли. Блез с Клодом неустанно искали их, но Лиана, Терранс, Тулуз и Тьерри бесследно пропали. Полагаю, Моргана убила их. Меня это не заботило.

- Когда мы добрались до Маскарада Черепов, Козетта уже устроила там пожар. Я велела своим сестрам бежать.

- Родится озеро огня из слез горячих моря... - Николина качалась вперед-назад на стуле, не сводя с меня серебристых глаз. - И наши недруги в кострах своих утонут вскоре.

- Моя племянница сказала, что ты передумала. - Ля-Вуазен оглянулась на дверь, за которой ждали остальные. Все, кроме одного. - Она утверждает, что ты желаешь пойти боем на Шато ле Блан.

Я встретила взгляд Николины.

- Я не хочу идти на Шато боем. Я хочу сжечь его дотла.

Ля-Вуазен вскинула брови.

- Ты определенно должна понимать, что это идет наперекор моим планам. Если Шато не будет, мой народ вновь останется без крова.

- Постройте себе новый дом. На пепле моих сестер.

В глазах Ля-Вуазен что-то странно блеснуло. Улыбка коснулась ее губ.

- Если мы согласимся на это... если сожжем твою мать и сестер в их родовом поместье... это решит далеко не все. Действия Морганы стали неразумны и непредсказуемы, это верно, но на нас по-прежнему ведется охота. Королевская семья не успокоится, пока не перебьет нас всех до единой. Элен Лабелль до сих пор в плену.

- Значит, убьем и их тоже. - Даже я сама услышала, как пуст и холоден мой голос. - Убьем их всех.

Они с Николиной переглянулись, и Ля-Вуазен улыбнулась шире. Кивнув, будто я прошла некую негласную проверку, она достала из-под плаща гримуар и положила на стол.

- Как... жестоко.

Николина облизнулась.

- Они желают смерти, - просто ответила я. - Смерть они и получают.

Ля-Вуазен опустила руку на гримуар.

- Я ценю твое рвение, Луиза, но сказать куда легче, чем претворить замысел в жизнь. Сила короля - в шассерах, а сила шассеров - в балисардах. Моргана знает все. У нее на доске есть... свои сильные фигуры.

«Похоже, в нашей игре у тебя есть сильные фигуры, но не забывай, что они есть и у меня». Я нахмурилась. Странно, что Ля-Вуазен выразилась именно так.

- Ты никогда не задумывалась, как именно Моргана нашла тебя в Цезарине?

Ля-Вуазен встала, а следом за ней и Николина. Я тоже поднялась, ощущая смутное беспокойство. Дверь позади них все еще была закрыта. Заперта.

- Как она сумела подбросить записку в мой лагерь? Как узнала, что ты путешествуешь с «Труппой Фортуны»? Как проследила за тобой до этой самой таверны?

- У нее везде есть шпионы, - прошептала я.

- Верно. - Ля-Вуазен кивнула, обходя стол.

Я заставила себя остаться на месте. Убегать я не желала. Не желала дрожать от страха.

- Так и есть.

Она почти вплотную подошла ко мне и остановилась, глядя на меня сверху вниз.

- Я предостерегала Коко не водить дружбу с тобой. Она знала, что ты мне не по нраву. И всегда тщательно оберегала тебя от меня - даже словом не упоминала о том, где ты. - Склонив голову, Ля-Вуазен хищно оглядела меня. - Но когда Коко узнала, что ты вышла за шассера, она испугалась. Страх же, в свою очередь, лишил ее осмотрительности. Мы проследили за Коко до Цезарина и нашли тебя. Спустя целых два года поисков нам наконец это удалось.

Я тяжело сглотнула.

- «Нам»?

- Да, Луиза. Нам.

Я бросилась к двери, но Николина преградила мне путь. До тошноты знакомым движением она толкнула меня к стене и с нечеловеческой силой задрала мне руки над головой. Я ударила Николину лбом в нос, но она только наклонилась ближе и потянулась к моей шее. Ее кровь обожгла мне кожу, и я закричала:

- Рид! РИД! КОКО!

- Они тебя не услышат. - Ля-Вуазен уже листала гримуар. - Мы заколдовали дверь.

Я в ужасе смотрела, как нос Николины возвращается на место.

- Это все мышки, - прошептала она, злобно ухмыляясь. - Мышки, мышки, мышки. Они дарят нам молодость и силу.

- Да что ты вечно несешь? Ты что, мышей ешь?

- Ах, что за глупости.

Она захихикала и потерлась своим носом о мой, продолжая заливать мне лицо обжигающей кровью. Я извивалась, пытаюсь спастись от нее - и от боли, - но Николина держала крепко.

- Мы едим сердца.

- Господи. - От тошноты у меня перехватило дыхание. - Габи была права. Вы пожираете своих мертвецов.

- Только сердца, - ответила Ля-Буазен, не поднимая глаз от гримуара. - Сердце - средоточие силы кровавой ведьмы, и даже после ее смерти оно продолжает жить. Мертвым магия уже без надобности. Но нам она нужна. - Она достала из плаща связку трав, положила на стол рядом с книгой и стала перечислять названия: - Восковница для иллюзии, очанка для контроля и белладонна... - она оглядела высушенные листья, - для духовного переноса.

Духовный перенос.

«А что за книга была в палатке твоей тетки?»

«Ее гримуар».

«Ты не знаешь, что в нем?»

«Проклятия, одержимость, болезни и тому подобное. Только глупец решится перейти дорогу моей тетке».

Вот черт.

- Клык гадюки, - пропела Николина, все еще глядя на меня. - Глаз совы.

Ля-Буазен стала измельчать травы, клык и глаз в порошок.

- Зачем вы это делаете? - Я пнула Николину в живот, но она, смеясь, только подступила ко мне еще ближе. - Я ведь согласилась вам помочь. Мы хотим одного и того же, хотим...

- Тебя убить проще, чем Моргану. Мы должны были привести тебя на Маскарад Черепов, но можем подстроиться под новые обстоятельства. Вместо этого мы доставим тебя в Шато.

Я в ужасе смотрела, как Ля-Буазен вскрывает себе запястье и наливает свою кровь в кубок. Затем она добавила туда порошок, и над зловонной жидкостью за клубился черный дым.

– Тогда просто убейте меня, – выговорила я, задыхаясь. – Не... не надо делать это. Пожалуйста.

– По велению богини Моргана больше не может охотиться на тебя. Не может заставить тебя сделать хоть что-либо против воли. Ты должна прийти к ней сама. Должна пожертвовать собой добровольно. Я могла бы просто напоить тебя своей кровью, чтобы тобой управлять, но чистая неразбавленная кровь врага убивает человека. – Она указала на кровь Николины на моей истерзанной коже. – К счастью, есть и другой способ. И все благодаря тебе, Луиза. Правила векового колдовства нерушимы. Нечистый дух, подобный Николине, не может коснуться духа чистого. И тьма в твоём сердце... взывает к нам.

Николина постучала меня по носу.

– Миленькая мышка. Мы попробуем твоего охотника на вкус. Мы получим свой поцелуй.

Я оскалилась.

– Вот уж нет.

Она хохотнула, а Ля-Вуазен подошла к нам и поднесла кубок к её губам. Николина стала жадно пить зелье и ослабила хватку. Я вывернулась из её рук, снова кинулась к двери...

Ля-Вуазен поймала меня за поврежденное запястье. Я с криком отшатнулась, зовя на помощь Рида, Коко, кого угодно, – но она схватила меня за волосы и заставила запрокинуть голову. Мой рот распахнулся, и я лишилась чувств в тот же миг, когда черная жидкость коснулась моих губ.

Зло ищет опору

Рид

Деверо сидел за столом в «Левиафане», и лицо его было непривычно мрачным. Что ж, по крайней мере, теперь он снова стало человеческим. В обличье Водваса Клод казался несколько... устрашающим. Я покачал головой, глядя в свою пивную кружку. Она уже час назад как опустела. Новую мне принес Жан-Люк.

– Пей. Мне скоро уходить. Король приказал нам отправиться в усыпальницы в течение часа.

– Что ты ему скажешь? – спросил Деверо.

- Правду.

Жан-Люк плотнул из собственной кружки, а затем кивнул Бо, который обнимал Коко за соседним столом. Глаза у нее все еще были покрасневшими и опухшими, а в руке Коко вертела бокал вина, даже его не замечая. Бо уговаривал ее сделать хоть глоток.

- Он уже и без того преследует всех вас, - продолжил Жан-Люк. - Это ничего не изменит.

Деверо нахмурился.

- А твои подчиненные? Они никому не расскажут о твоей роли во всем произошедшем?

- А что у меня за роль? - Жан-Люк сощурился. - Я воспользовался бедственным положением, чтобы спасти дочь аристократа. - Он поставил кружку на стол, встал и оправил пальто. - Не стоит заблуждаться - мы с вами вовсе не союзники. Если к моему возвращению вы не успеете уйти, я вас всех арестую, и совесть меня по этому поводу не загрызет.

Деверо опустил взгляд, скрывая улыбку.

- Тогда почему бы тебе не арестовать нас прямо сейчас? Мы ведь здесь, и ты тоже.

Жан-Люк нахмурился, наклонился ближе и понизил голос.

- Не заставляй меня пожалеть об этом, старик. После всего, что я видел, я мог бы приказать тебя сжечь. Эта участь ждет всех ведьм, и тебя она тоже касается.

- После всего, что ты видел... - задумчиво проговорил Деверо, оглядывая свои ногти, - полагаю, у тебя немало вопросов.

Жан-Люк хотел возразить, но Деверо перебил его:

- У твоих подчиненных вопросов точно будет много. Ты готов ответить на них? Готов очернить всех нас, уподобив Моргане?

- Я...

- Луиза прошлой ночью рисковала собственной жизнью, чтобы спасти невинную девушку, и дорого за это поплатилась.

Они одновременно обернулись и посмотрели на Селию. Она сидела за столом рядом со мной и дрожала, белая как мел. С тех самых пор, как мы покинули Маскарад Черепов, Селия не промолвила ни слова. А когда я предложил ей вернуться домой - расплакалась. Больше предлагать я не стал. Но что с ней делать, не знал. С нами Селия остаться не могла. Ее родители наверняка с ума сходили от тревоги, а даже если нет... впереди нас ожидал опасный путь. Для такого человека, как Селия, там места не будет.

Под взглядами Деверо и Жана-Люка она покраснела и сложила руки на коленях. Ее траурное платье все еще было перепачкано в грязи. И в чем-то еще. В чем-то... зловонном и отвратительном.

Я все еще не знал, что случилось с ней в усыпальницах. Лу отказалась мне рассказывать, а Ансель...

Мой разум яростно отбросил эту мысль.

- Селию похитили именно из-за Луизы, - процедил Жан-Люк. - И больше я это обсуждать не могу. Я должен идти. Селия... - Он протянул ей руку, ощутимо смягчаясь. - Ты можешь встать? Я провожу тебя домой. Родители тебя ждут.

В глазах Селии снова заблестели слезы, но она утерла их. Расправив плечи, она взяла Жана-Люка за руку. Он уже хотел уйти, но вдруг помедлил и напоследок сжал мое плечо. Взгляд его был совершенно непроницаем.

- Я искренне надеюсь, что больше никогда тебя не увижу, Рид. Уезжай из королевства. Если нужно, возьми с собой Луизу и Коко. Возьми принца. Просто... - Тяжело вздохнув, Жан-Люк отвел глаза. - Береги себя.

Со странным, щемящим чувством я смотрел, как они уходят. Романтической любви к Селии я больше не питал, но все равно... странно было видеть, как они с Жаном-Люком держатся за руки. Странно и неудобно. И все же я искренне желал им счастья. Пусть будет счастлив хоть кто-то из нас.

- Как она? - спросил Деверо минуту спустя. Никто не стал уточнять, о ком речь. - Где она?

Я ответил не сразу и снова уставился в кружку. Щедро хлебнул пива, затем еще. Утер губы.

- В столовой с Ля-Буазен и Николиной. Они... что-то замышляют.

- С Ля-Буазен? И Николиной? - Деверо потрясенно перевел взгляд с меня на Коко. - Это не с теми ли, что бросили нас в туннелях? Что Лу может вместе с ними замышлять?

Коко не поднимала глаз от вина.

- Лу хочет пойти на Шато. Она только об этом и твердит с тех самых пор, как мы сбежали из туннелей. Говорит, что должна убить Моргану.

- Боже. - Деверо изумленно охнул. - Боже, боже, боже. Признаюсь, это... тревожно.

Коко стиснула бокал крепче и вскинула взгляд, исполненный невысказанных чувств.

- Почему? Мы все жаждем мести. И именно Лу поведет нас к ней.

Деверо помедлил, словно с осторожностью выбирал, что сказать.

- Подобные мысли способны призвать в жизнь человека нечто очень мрачное, Козетта. Очень, очень мрачное. Зло всегда ищет опору. И мы не должны позволять ему обрести ее.

Ножка бокала хрустнула в пальцах Коко, и на стол перед ней с шипением упала слеза.

- Она убила его. Задула, как свечу. Вы сами там были и все видели. А он... он...

Пытаясь взять себя в руки, Коко закрыла глаза. А когда открыла вновь, они были почти черны. Бо смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

- Он был лучшим из нас. Зло уже нашло опору, и очень крепкую - по вашей милости, Клод. Именно вы прошлой ночью отпустили это зло на волю. Позволили ему уйти. И теперь от последствий страдаем мы все.

Дверь столовой распахнулась, и в комнату вошла Лу. Встретившись со мной взглядом, она широко улыбнулась и направилась ко мне. Я нахмурился. Я не видел ее улыбки с тех пор, как...

Не говоря ни слова, Лу притянула меня к себе и страстно поцеловала.

Благодарности

Меня не раз предупреждали насчет вторых книг. Говорили, что второй роман, будь то отдельная история или сиквел, - это уже совсем другое дело, нежели дебютный. После доработки «Змея и голубки», которая далась мне нелегко, я думала, что уж с «Кровью и медом» справлюсь без особого труда. В жизни закадрового повествования нет, но если бы было, мой рассказчик бы посмеялся над этим - может, Джим бы посмотрел в камеру с каменным лицом и сказал: «Ох, как же она ошибалась». Уж не знаю почему, но над этой книгой я пролила немало крови, пота и слез. Из-за нее мне снились кошмары, из-за нее со мной впервые случилась паническая атака. У меня чуть нервный срыв не произошел в магазине в кофейном отделе. (А я ведь даже кофе не пью. Начала, только когда взялась переписывать эту книгу.) И тем не менее «Кровью и медом» я горжусь. Эта книга служит доказательством того, что мы способны справляться с трудностями, даже если порой приходится просить других о помощи - как я и поступала, когда ее писала. И поступала часто.

Ар-Джей, вряд ли я когда-нибудь тебе прощу ту отсылку к воздушному шару, но все-таки... ты смешил меня, когда хотелось плакать. Это настоящий дар. И именно поэтому я вышла за тебя замуж. Спасибо, что последние несколько месяцев был отцом-одиночкой, пока я писала, переписывала, редактировала и перередактировала. Я тебя люблю.

Бо, Джеймс и Роуз, надеюсь, вы однажды прочтете это и узнаете, что, пусть даже никто не обязан никого любить беззаветно, я люблю вас именно так. Даже когда вы спорите, даже когда кричите. Даже когда у меня вылет в семь утра, а вы рисуете в ванной моей любимой помадой.

Мама с папой, я не могу выразить словами, как вам благодарна. Пусть я и писатель, но не способна описать, как для меня ценно все, что вы сделали, и потому я не буду даже пытаться. Просто знайте, что вы для меня настоящие герои, и я вами восхищаюсь.

Ближе к концу «Крови и меда» есть отрывок, в котором Лу описывает рай детства в кругу семьи и смеха. Джейкоб, Брук, Джастин, Челси и Льюи – вы послужили вдохновением для этого рая. Я жила в нем раньше и живу сейчас.

Пэтти и Бет, время, которое вы провели с детьми, для меня бесценно. Вы дали мне немало времени и сил – и, возможно, еды, – чтобы написать эту книгу, и я очень это ценю. Правда.

Джордан, Спенсер, Меган, Аарон, Кортни, Остин, Адрианна, Челси, Джейк, Джиллиан, Райли, Джон и Аарон, писательство стало очень важной частью моей жизни, но вы никогда не ставили мне это в упрек. Вы спускали меня с небес на землю и вместе с тем помогали расти ввысь – и никогда меня не осуждали. Даже за черную помаду. Без вас я бы не справилась.

Джордан, если есть на свете человек, которого я должна поблагодарить за то, что он помог мне написать «Кровь и мед», – это ты. Ты столько времени вложила в меня и эту историю.. У меня прямо ком в горле при мысли об этом, правда. Спасибо, что слушала, как я рыдаю в кофейном отделе. Спасибо, что успокаивала меня после панической атаки, придумывала, как пошутит Бо, полюбила этих персонажей так же сильно, как я, присылала мне видео с Тиктока, чтобы развеселить, часами разговаривала со мной в Vоxer, когда у меня стопорился сюжет. И, что всего важнее, спасибо за то, что ты для меня – нечто куда большее, чем просто партнер по критике. Я очень ценю нашу дружбу.

Кэти и Кэролин, ваша многолетняя поддержка значит для меня больше, чем вы можете представить. Пристегните ремни, потому что я вас никуда не отпущу, так и знайте.

Изабель, спасибо, что приняла меня в своем доме и в своей жизни с распростертыми объятиями. Спасибо, что кормила меня вкуснейшей едой. Адалин, ты стала одновременно и ангелом, и дьяволом, которые сидят у меня на плечах и шепчут мне на ухо с обеих сторон. И лента в «Инстаграме» у тебя шикарная. Адрианна, меня каждый день вдохновляет твое рвение, рабочая этика и знания. Нет, правда, вот только совсем недавно ты меня вдохновила купить морковную палочку для глаз. Подобного так просто не бывает. Кристин, у тебя великолепные волосы. И кожа. И несокрушимая преданность любимым людям. Мне очень повезло, что ты у меня есть. Рейчел, ты подарила мне столько поддержки, что просто с ума сойти, – мне, человеку, которого ты даже никогда не видела и который просто появился однажды в групповой чат. На ближайшую твою писательскую встречу я тоже мечтаю поскорее заявиться.

Мой восхитительный агент Сара – без твоих знаний, руководства и доброты все это было бы невозможно. Эрика, твое видение этой истории все еще ясно и безошибочно. Спасибо, что держишь нас с Лу и Ридом в узде, особенно когда нас заносит куда-нибудь не туда. У тебя просто ангельское терпение. Луиза Карриган, Элисон Доналти, Джесси Ганг, Александра Ракацки, Гвен Мортон, Митч Торп, Майкл Д'Анджело, Эбони Ладелль, Тайлер Брайтфеллер, Джейн Ли и все остальные в HarperTeen – если бы до того, как я продала вам «Змея и голубку», меня спросили, как я себе представляю команду мечты, это были бы в точности вы. Бесконечное вам спасибо за время и силы, которые вы вложили в эту книжную серию.

* * *

notes

Примечания

1

С днем рождения, милый мой малыш! (фр.)

2

Птенчик мой (фр.).

3

Киска моя (фр.).

4

«Мимолетная жизнь». Любимая книга Рида, которую Лу читала в первой части.
– Примечание редактора.

5

Малыш (фр.).

6

Вздор (фр.).

7

Милочка (фр.).

8

Отвратительна (фр.).

9

Здравствуйте, тетя (фр.).

10

Прошу прощения (фр.).

11

«Маленький Иисус», французский синоним мужских гениталий (фр.).

12

Блуждающие огоньки (фр.)

13

Красотка (фр.).

14

Знать (фр.).

15

Тупик (фр.).

16

Отец (фр.).

17

Брат (фр.).

18

Привет вам (фр.).

19

Приветствую (таит.).

20

Мое дорогое дитя (таит.).

21

Мама (таит.).

22

Сестренки (таит.).

23

Мышка (фр.).

24

Песнь моя (фр.).